

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГБОУ ВО БАШКИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
УФИМСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ПО СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН
РОССИЙСКИЙ ФОНД ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

**ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ И ПРИКЛАДНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ В СФЕРЕ СУДЕБНО-
ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
И ДНК-РЕГИСТРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

*Материалы Всероссийской научно-практической конференции
с международным участием*

17-18 октября 2019 года

УФА-2019

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГБОУ ВО БАШКИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
УФИМСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ПО СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН
РОССИЙСКИЙ ФОНД ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

**ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ И ПРИКЛАДНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ В СФЕРЕ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
И ДНК-РЕГИСТРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

*Материалы Всероссийской научно-практической конференции
с международным участием*

17-18 октября 2019 года

Уфа 2019

УДК 343+340.6
ББК 67.53
А 43

Редакционная коллегия:

Аминев Ф.Г. – доктор юрид. наук, доцент (отв. редактор);
Галимханов А.Б. – канд. юрид. наук, доцент
Зайнуллин Р.И. – канд. юрид. наук, доцент
Файзуллина А.А. – канд. юрид. наук, доцент
Егорышева Е.А. – канд. юрид. наук, доцент

Фундаментальные и прикладные исследования в сфере судебно-экспертной деятельности и ДНК-регистрации населения Российской Федерации: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием 17-18 октября 2019 г. Уфа ИЦ БашГУ 2019. 320 с.

ISBN 978-5-87691-168-1

В сборнике освещены рассмотренные на конференции 17-18 октября 2019 г в городе Уфа фундаментальные и прикладные исследования в сфере судебно-экспертной деятельности, правовые, научно-методические и организационные аспекты ДНК-регистрации населения Российской Федерации с участием видных ученых и практических работников правоохранительных органов, судебно-экспертных учреждений России, Белоруссии, Казахстана, Узбекистана и других государств, судей, профессорско-преподавательского состава образовательных учреждений.

Материалы конференции предназначены для сотрудников правоохранительных органов, преподавателей, аспирантов, студентов и судебных экспертов.

Конференция проводилась и сборник издан при финансовой поддержке РФФИ, грант № 19-011-20137.

УДК 343-340.6
ББК 67.53
ISBN 978-5-87691-168-1

© БашГУ, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Аминев Ф.Г., Аминев А.Ф., Аминев А.Ф. О современных научно-технических средствах и методах противодействия преступности	8
Агафонов А.С. Получение криминалистически значимой информации из электронных блоков управления транспортных средств при исследовании маркировочных обозначений	14
Алсынбаева Э.М., Хусайнова Р.И. Особенности правового регулирования генетической диагностики в сфере репродуктологии в ведущих зарубежных странах	19
Ахтямова Е.В., Миннихметов И.Р. Репродуктивное законодательство в Российской Федерации: проблемы и перспективы развития	22
Балякина Е.Б. К вопросу об отнесении сведений о данных генома человека к персональным данным	27
Башкатов С.А. Валеева В.Р. Психическое состояние лжи и формирование синдрома эмоционального выгорания	29
Башкатов С.А., Гайнуллина С.М. Исторический и методологический анализ психологического феномена лжи	32
Башкатов С.А., Фрей А.И. Особенности мотивации субъекта лжи в зависимости от используемого способа введения в заблуждение объекта лжи	35
Бочарова О.С. Криминалистические требования к биометрическим технологиям как средствам защиты документов, удостоверяющих личность, и методам их контроля	39
Букаев Н.М., Волосова Н.Ю. Вопросы ограничения основополагающих прав и свобод человека при ДНК-регистрации	49
Варданян А.В. Интеграция методов ДНК-анализа в криминалистику в контексте современных тенденций эволюции научного знания	52
Вашенко Б.М. Использование ДНК анализа в расследовании дорожно-транспортных преступлений	57
Вехов В.Б. Опыт подготовки специалистов в области судебных компьютерно-технических исследований и экспертиз	59
Габдрашитова В.Р. Некоторые вопросы назначения судебных экспертиз при рассмотрении дела о преступлении несовершеннолетнего	62
Гайнельзянова В.Р. Некоторые аспекты назначения компьютерной технической экспертизы при расследовании преступлений экстремистской направленности	67
Галаяутдинова Л.Ю., Ахметова В.Л. Проблема доступности генетического тестирования. Биологическое неравенство и его социальные последствия.	70
Гарафутдинов Р.Р., Сахабутдинова А.Р., Чубукова О.В., Чемерис А.В. Новая система ДНК-идентификации человека на основе генетических идентификационных номеров	73

Гармаев Ю.П. Обвинительный уклон в правоприменительной практике и его влияние на криминалистические научные исследования	75
Грибунов О.П. Обязательная государственная геномная регистрация как элемент криминалистического предупреждения преступлений	81
Давыдов С.И. Об использовании специальных знаний в оперативно-розыскной деятельности	83
Демидов Д.В. О необходимости введения судебно-экспертной специальности «Строительно-технические исследования объектов дорожной и автотранспортной инфраструктуры» (судебная строительно-техническая дорожная экспертиза)	86
Дёмин К.Е. О проблемах получения доказательственной информации, содержащейся в электронных документах и электронных носителях данных	90
Долматова М.О. Проблемные аспекты назначения и производства судебных экспертиз по делам о хищении нефтепродуктов на объектах железнодорожного транспорта	94
Жбанков В.И., Козлов В.И., Табаков А.В. Актуальные проблемы технико-криминалистического обеспечения правоохранительной деятельности таможенных органов	99
Жданов С.П. Основные направления правоохранительной деятельности, осуществляемой с участием специалиста	106
Залескина А.Н. Роль финансово-аналитической экспертизы для расследования уголовных дел о мошенничестве, сопряженном с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности	111
Захаров Р.И. Экспертиза товарных знаков: проблема анализа звукового состава обозначений	113
Зинин А.М. Особенности назначения судебных портретных экспертиз по уголовным делам	116
Иванова Е.В. Ограничения в судебно-экспертной деятельности и судебно-экспертных исследованиях	118
Ильин Н.Н. Содержание организационного обеспечения транспортно-технических судебных экспертиз	123
Ишмухаметов Я.М. Судебная экспертиза: сущность и объекты для ее проведения	127
Карепанов Н.В. Некоторые вопросы развития методик экспертных исследований	129
Карпенко Ю.А. Биологические следы, как главные источники установления личности преступника при расследовании незаконного оборота наркотических средств	134
Киселевич И.В. Проблемы криминалистического учёта гражданско-го и служебного оружия	138

Козырева И.Е., Гайфуллина А.Р. Некоторые факты из истории открытия ДНК	141
Колотушкин С.М. Баллистическое кодирование стреляных гильз: новый взгляд на контроль оборота огнестрельного оружия в России.	144
Котова С.А., Забавская Т.В., Рыбакова В.И., Спивак Е.А., Цыбовский И.С. Разработка научно-методических основ для использования ДНК-маркеров X-хромосомы в судебно-экспертных исследованиях в Республике Беларусь	147
Котова С.А., Осалчук Т.В., Лукашкова О.Н., Верчук А.Н., Цыбовский И.С. Опыт формирования коллекции образцов диких животных для решения экспертных задач, связанных с незаконной охотой	150
Кузбагарова Е.В., Кузбагаров М.Н. Применение экспертных знаний в области строительства при расследовании мошенничества в сфере строительства	153
Кустов А.М. История возникновения и развития судебно-медицинских исследований и деятельности в России	158
Лапина И.А., Омелянюк Г.Г., Тагунова К.Д. Особенности обучения и подтверждения компетентности негосударственных судебных экспертов в Республике Беларусь и Российской Федерации	163
Латышов В.С. Сведущие лица как оплот состязательности и равноправия уголовного судопроизводства России	170
Майлис Н.П. Комплексный подход к обучению судебных экспертов	178
Майорова Е.И. Плюсы и минусы всеобщей геномной регистрации	183
Мамедов В. Роль судебно-медицинской службы в развитии системы здравоохранения	190
Масалимова А.А., Султанова Р.И., Ахметгалеева А.Ф. Международные принципы применения новых медицинских технологий в генетических исследованиях и генотерапии	191
Надоненко О.Н. ДНК-профиль, как элемент персональных биометрических данных	195
Несмиянова И.О. К вопросу о возможности моделирования следов шин в трасологической экспертизе	199
Овсянников И.В. Производство судебной экспертизы на стадии возбуждения уголовного дела в свете принципов уголовного судопроизводства	201
Омелянюк Г.Г., Усов А.И. Тенденции развития судебно-экспертной деятельности: вызовы времени и решения	205
Рагулин А.В. Профессиональное право адвоката-защитника на привлечение специалиста: некоторые современные проблемы регламентации и практической реализации	212

Резяпова Г.Ф. Правовые аспекты ДНК тестирования для установления биологического родства и усыновления	217
Самойлов А.Ю. Прикладные проблемы в назначении и производстве судебных экспертиз при расследовании преступлений, связанных с экстремистской деятельностью	220
Сафронова Е.В. Особенности использования специальных познаний в процессе расследования разбойных нападений, совершенных в отношении финансово-кредитных учреждений	222
Сейтенов К.К., По вопросу совершенствования законодательства о судебно-экспертной деятельности	225
Смирнов Д.В. Гражданско-правовые аспекты назначения молекулярно-генетической экспертизы при розыске безвестно пропавших граждан.	228
Соколова О.А. Комплексный подход к получению информации о человеке в уголовном судопроизводстве	233
Степаненко Д.А., Митрофанова А.А., Кузаков Д.В. Государственная геномная регистрация в Российской Федерации : этический аспект	237
Султанова Р.И., Ахметгалеева А.Ф., Ахметова В.Л., Миннихметов И.Р., Хусайнова Р.И. Этические и правовые аспекты применения современных молекулярно-генетических технологий в медицине	243
Суровая О.А. Правовой статус руководителя судебно-экспертной организации в Российской Федерации	249
Тарасов А.А. Теоретические проблемы судебной экспертизы в контексте разделения научных специальностей	255
Татьянина Л.Г. Использование специальных знаний в процессе доказывания наступивших последствий в виде заболевания психическим расстройством	259
Усачёв С.И. Проблемы использования специальных знаний при расследовании преступлений в сфере автострахования	263
Халиков А.Н. Проблемы ДНК-регистрации населения в свете оценки генетических экспертиз	267
Халиуллина А.Ф., Егорышева Е.А. Особенности назначения и производства судебных экспертиз, при расследовании насильственных действий сексуального характера, совершённых в отношении несовершеннолетних	269
Хисматуллин Р.С. Актуальные проблемы производства судебной экспертизы в судебном рассмотрении дел в отношении несовершеннолетних	272
Холодный Ю.И. О необходимости фундаментальных исследований в сфере судебной психофизиологической экспертизы с применением полиграфа	275

Хомутов С.В. О современных подходах к криминалистической оценке заключений эксперта	281
Хрусталёв В.Н. Как влияет «Процессуальная независимость» судебных экспертов и их ведомственная принадлежность на объективность даваемых ими заключений	283
Чемерис А.В., Аминев Ф.Г., Гарафутдинов Р.Р., Хуснутдинова Э.К., Анисимов В.А., Сагитов А.М., Луценко В.И. ДНК-криминалистика – прошлое, настоящее и будущее	296
Чеснокова Е.В. Применение стандартов при расследовании уголовных дел как реализация диалектического подхода в криминалистике и судебной экспертизе	303
Шмарёв А.И., Шмарёва Т.А. Участие прокурора в назначении судебной экспертизы в уголовном процессе	308
Эпштейн В.А., Калуцких Н.В. Гармонизация и унификация научно-методического обеспечения производства судебных экспертиз в государственных и негосударственных судебно-экспертных учреждениях	311
Юматов С.В. Некоторые аспекты составления субъективных портретов и их проверки по экспертно-криминалистическому учету	316

О СОВРЕМЕННЫХ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВАХ И МЕТОДАХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

Аминев Фарит Гизарович,
профессор кафедры криминалистики Института права
ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет»,
доктор юридических наук, доцент,

Аминев Азат Фаритович,
заместитель директора ГБУ «Дирекция по особо охраняемым природ-
ным территориям Республики Башкортостан»,

Аминев Азамат Фаритович,
эксперт Экспертно-криминалистического центра МВД
по Республике Башкортостан,
г. Уфа, Россия

Определяющим элементом понятия правового государства, на строительство которого держит курс Российская Федерация, являются положения, изложенные в статье 2 Конституции Российской Федерации: человек, его права и свободы являются высшей ценностью. И далее, в этой же статье 2 Конституции изложен общий способ достижения этого – государство должно признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина.

Для достижения этой цели государство решает комплекс задач в социальной, политической, экономической, нравственной и других сферах деятельности. При этом одним из основополагающих подходов в решении этих задач является соблюдение «линии справедливого общества и соответствующего к нему типа государства, т.е. подлинного правового государства» [1, С. 179].

В то же время, говоря о правах и свободах человека и гражданина, приведем фрагменты:

- ст. 22 Конституции РФ: «Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность ...»;
- ст. 23 Конституции РФ: «Каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, ... защиту своей чести и доброго имени»;
- ст. 45 Конституции РФ: «Государственная защита прав и свобод человека и гражданина Российской Федерации гарантируется».

Анализ вышеназванных положений приводит к выводу о том, что именно государство должно защитить свободу, личную неприкосновенность, обеспечить неприкосновенность жилища, право частной собственности и т.д. И изучение действительности, окружающей нас, приводит к мысли о том, что государство может и обязано обеспечить вышеназванные права человека и гражданина не только призывами к построению правового государства, к толерантному отношению ко всем окружающим нас индивидам и т.д., но и путем применения мер воздействия к тем, кто нарушает общепринятый порядок – совершает правонарушения, ущемляя при этом права граждан.

Данные статистики свидетельствуют о высоком уровне преступности в нашей стране. Так, из 1991532 зарегистрированных в 2018 году преступлений раскрыто только 1087983 [2]. Таким образом, неустановленными остались преступники по 903549 (или 45,3%) преступлениям. Не сумев защитить от преступных посятательств имущество, здоровье, а порой и жизни сотен тысяч россиян, – то, что гарантировано Конституцией Российской Федерации – государству приходится постоянно наращивать и совершенствовать усилия как по установлению лиц, совершивших преступления (нарушивших права граждан – потерпевших), с последующим воздаянием за содеянное, так и по предупреждению новых преступлений – недопущению их совершения.

Многочисленные проведенные нами исследования, анализ следственной и судебной практики свидетельствуют о большой роли научно-технических, в том числе криминалистических средств и методов (КСМ) в борьбе с преступностью. Одним из самых востребованных направлений использования выше-названных средств и методов является судебная экспертиза – наиболее объективный вид доказательства во всех видах судопроизводства (арбитражном, гражданском, уголовном, административном). При этом, предлагается определить судебную экспертизу, как исследование, проводимое лицом, обладающим специальными знаниями, для решения вопросов, поставленных органом или лицом с соответствующими процессуальными полномочиями в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретно-му делу, а также при проверке сообщения о преступлении [3, С. 145]. О критериях определения относимости, допустимости, достоверности и достаточности (в совокупности с иными доказательствами) для разрешения дела, о задачах, принципах, классификации судебных экспертиз и их значения в деле обеспечения прав и интересов граждан и государства в разных видах судопроизводства изложено во многих литературных источниках [4, 5, 6, 7 и др.]

Представляется необходимым и остро назревшим вопрос регламентации другой важнейшей составляющей успешной борьбы с преступностью – криминалистической регистрации – системы рекомендаций и технических средств и методов сбора, накопления, обработки и использования баз данных в целях раскрытия, расследования и предупреждения преступлений.

В настоящее время криминалистическая регистрация развивается в ходе осуществления идеи комплексного применения информационных, телекоммуникационных и геоинформационных технологий, технологий искусственного интеллекта и защиты информации в рамках создания единой информационно-телекоммуникационной системы (ЕИТКС) органов внутренних дел Российской Федерации.

В основном, учеты ведутся в информационных центрах, экспертно-криминалистических центрах, некоторых оперативных службах МВД России, они регламентированы ведомственными приказами. Так, виды учетов, порядок формирования, ведения и использования экспертно-криминалистических учетов в органах внутренних дел Российской Федерации определен приказом МВД России от 10.02.2006 № 70.

В связи с внедрением в криминалистическую регистрацию высокотехнологичных средств и методов оперативно сформировались и успешно выполняют задачи по установлению личности преступника следующие экспертно-криминалистические учеты: учет следов рук (при помощи АДИС «Папилон», г. Миасс); учет следов подошв обуви (с системой «Портланд», Томск); учет данных ДНК биологических объектов (на базе автоматизированных комплексов из Великобритании и США); учет пуль, гильз и патронов со следами нарезного огнестрельного оружия, изъятых с мест происшествий (на базе автоматизированной баллистической идентификационной системы «Арсенал» - Миасс, Россия); краниологический учет (учет черепов неопознанных трупов) с применением программного обеспечения краниофасциального сканирования.

Опишем наиболее перспективные современные базы данных:

1. С 2006 года в органах внутренних дел Российской Федерации ведется учет данных ДНК биологических объектов (генотипоскопический учет), предназначенный:

- для установления лиц, оставивших биологические следы на месте происшествия;
- для установления фактов принадлежности биологических следов, изъятых по нескольким преступлениям, одному и тому же неустановленному лицу,
- для установления личности неопознанных трупов.

Однако, в формировании и ведении полноценной базы геномной регистрации имеются проблемы:

- зависимость от импортного (в первую очередь, американского) оборудования и расходных материалов;
- низкий уровень цифровизации базы данных;
- проблемы правового и организационного обеспечения всеобщей ДНК-регистрации и т.д.

В настоящее время, по крайней мере, в 60 странах мира занимаются формированием собственных геномных баз данных, основанных на STR-полиморфизме ДНК [8, С. 85-140]. Первая в мире база геномной регистрации стала формироваться в 1995 году в Великобритании.

Самая многочисленная ДНК-информация заложена в Китайской Народной Республике (КНР) – 40 млн. образцов (ДНК-профилей), в США – свыше 17 млн. (причем начало формирования базы данных ДНК было заложено в 1990 году), в Великобритании – более 6 млн. образцов, в Таиланде – 145 тыс., в России – чуть более 540 тыс. образцов. И хотя методы ДНК-идентификации стран Европы, Азии, Северной Америки в последние годы сближаются, остаются нерешаемыми проблемы слияния баз данных.

В нашей стране – огромное количество наций и народностей (популяций), обладающих большим разнообразием полиморфизма ДНК [8]. Поэтому для ДНК-идентификации личности в разных популяциях и в разных регионах России применяются отличающиеся наборы с часто несовпадающими маркерными локусами. Другим недостатком такого подхода служит недетерминиро-

ванный уровень полиморфизма, присущий STR-локусам, что является серьезным препятствием для геномной регистрации всего населения. А поскольку одним из ключевых моментов для формирования, обработки и использования таких баз данных ДНК при геномной регистрации населения становится максимальная цифровизация хранимых данных (при условии безусловного обеспечения абсолютной индивидуализации каждого человека), то тип полиморфизма ДНК становится решающим и только однонуклеотидные замены (снипы - SNP – Single-Nucleotide Polymorphism) отвечают подобным требованиям.

Еще одним преимуществом нового предлагаемого подхода ведения геномной регистрации с применением снипов является возможность детекции более коротких участков ДНК, которые с большей вероятностью сохраняются в старых биологических образцах и не могут быть выявлены с помощью STR-и даже miniSTR-локусов.

Проводя аналогию, можно сказать: STR-локусы – это ведение поиска с помощью перфокарт, а снипы – это поиск с помощью компьютерной техники.

В Институте биохимии и генетики Уфимского Федерального исследовательского центра РАН разработан оригинальный способ оцифровки в бинарном формате сразу всей четверки нуклеотидов в каждом снипе, обладающий целым рядом важных преимуществ, в том числе для формирования баз данных [8]. Этот способ позволяет достичь максимального уровня цифровизации, так как объем введенной в базу данных информации при ДНК-идентификации личности с помощью снипов составит для одного человека не более одного килобайта (с помощью STR-локусов – более 200 килобайт). Кроме того, снипы позволяют получить информацию о внешних особенностях человека в виде пигментации кожи, волос, радужной оболочки глаз и т.д.

При этом может быть решена еще одна проблема, связанная с лицами, относительно которых индивидуальная информация имеет ограниченный характер (это – сотрудники силовых ведомств, государственных секретных служб и др.), путем помещения ДНК-информации о них в отдельный блок цифровых носителей (диск), к которому доступ должен быть определен Правительством РФ (аналогично дактилоскопической регистрации системой АДИС «Папилон»).

При геномной регистрации населения и создании соответствующих баз данных в криминалистических целях очень важно использовать нейтральную информацию о полиморфизме ДНК снипов конкретного человека для исключения в ней любых сведений личного характера, например о болезнях и даже о предрасположенности к таковым.

Причем этот метод позволяет отойти от дорогостоящих подходов, основанных на VNTR-локусах, предлагаемых фирмами США, и на STR-локусах, предлагаемых Великобританией. Осуществится уход от зависимости в иностранных технологиях и опережающее импортозамещение.

Важным подтверждением актуальности и значимости вопросов ДНК-регистрации населения, стало выделение в октябре 2018 года крупного гранта РФФИ-мк № 18-29-14076 по теме «Правовые и этические аспекты всеобщей

ДНК-паспортизации населения Российской Федерации для целей ДНК-идентификации личности» (руководитель проекта – профессор кафедры криминалистики ИП БашГУ, д.ю.н. Ф.Г. Аминев), в рамках которого ученым БашГУ и Института биохимии и генетики УФИЦ РАН проводятся исследования, результаты которых, по мнению экспертов РФФИ «помогут вывести российское государство в лидеры в сфере ДНК-паспортизации населения».

В результате научных исследований будет окончательно подобрана панель снипов, которая будет использована для всеобщей ДНК-регистрации населения России и ДНК-идентификации личности.

И, наконец, отметим: расчеты экономической эффективности свидетельствуют о том, что в случае всеобщей геномной регистрации страны один рубль будет экономить не менее 500 рублей, затрачиваемых на следственные и оперативно-розыскные мероприятия.

В целом, геномная регистрация всего населения позволит решать задачи не просто государственной, а надгосударственной важности, учитывая незнание границ международного терроризм, трансграничную организованную преступность, военные конфликты.

И возражая тем, кто считает, что геномная регистрация нарушает право человека на личную жизнь, можно представить следующие доводы: для идентификации личности функционирует множество форм государственной регистрации граждан: паспортная, кредитная, по месту жительства, о браке, рождении, смерти и так далее, против которых никто не возражает. Конечно же, при использовании базы данных ДНК населения должны быть хорошо проработаны технические, правовые политические и этические аспекты [9, с. 53]. Только в таком случае со стороны граждан не будет сопротивления, и всеобщая геномная регистрация, как веление времени, будет проведена также успешно, как в Исландии и Швеции.

И в защиту законодательного закрепления всеобщей геномной регистрации населения страны можно привести слова видного отечественного ученого-криминалиста генерал-майора милиции С. С. Панкратова: «Закон попирает только одно право – нарушать его» [10, С. 52].

2. Еще на одном важном развивающемся направлении криминалистической регистрации хочу заострить внимание.

Россия – одна из самых лесных стран мира. Общая площадь лесов Российской Федерации – 1182,6 млн. га, что составляет 22% всего мирового лесного покрова.

В последние годы наблюдается рост количества уголовных и административных правонарушений в сфере лесного хозяйства, могущие привести к обезлесиванию территории страны. Только в Иркутской области в 2016 году из 6016 выявленных нарушений лесного законодательства 3166 составили факты незаконной рубки лесных насаждений, за которые осуждено 945 лиц [11].

Полагаем, одной из возможностей повышения эффективности расследования преступлений, связанных с нарушением порядка лесопользования, явля-

ется создание системы дендрохронологического учета. Проведенные нами исследования и расчеты позволяют утверждать о возможности дендрохронологической «паспортизации» всех лесов России за 3 года.

Для постановки всей площади лесов России (8 085986 квадратных километров на дендрохронологический учет потребуется введение примерно 210-220 должностей специалистов-дендрохронологов.

В Республике Башкортостан уже на сегодняшний день имеются керны (образцы) с 10 лесных районов Зауралья. Считаю возможным проведение пилотных испытаний дендрохронологического учета на территории Республики с дальнейшим его внедрением, с учетом замечаний и предложений, на всей территории Российской Федерации.

В результате внедрения вышеописанного дендрохронологического учета в Российской Федерации будет реализована уникальная возможность – установление точного места происхождения (произрастания) незаконно срубленной древесины (вплоть до № выдела и конкретной делянки).

Вышеназванные современные научно-технические методы и средства, в том числе отечественные системы ДНК-паспортизации и всеобщей геномной регистрации населения Российской Федерации обладают неоспоримым преимуществом перед ранее применяемыми зарубежными аналогами и практическая реализация их возможностей позволят намного повысить эффективность борьбы с преступностью, а значит – обеспечить всеобъемлющее соблюдение прав и свобод граждан Российской Федерации и интересов государства.

Данная работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках выполнения научного проекта-гранта РФФИ-мк № 18-29-14076 (Башкирский государственный университет).

Список литературы:

1. Раянов Ф.М. Основные методологические проблемы в изучении государственно-правовых явлений постсоветского периода // Модернизация юридического образования: проблемы и перспективы: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 65-летию Института права Башкирского государственного университета и высшего юридического образования в Республике Башкортостан, 5-6 ноября 2014 г.: в 3 ч. /Баш.гос. ун-т. Уфа, 2014. Ч. 2. С. 177-181.
2. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2018 года. URL:<https://мвд.рф/reports/item/16053092> (дата обращения 18 июня 2019 г.)
3. Аминев Ф.Г. О современном понятийном аппарате судебной экспертологии // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2017. № 4. С. 143-149.
4. Аверьянова Т.В. Судебная экспертиза. Курс общей теории. М. : Норма, 2006. 480 с.
5. Аминев Ф.Г. Судебно-экспертная деятельность в Российской Федерации: современные проблемы и пути их решения: дисс. ... д-ра юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2016. 482 с.

6. Россинская Е.Р., Галяшина Е.И., Зинин А.М. Теория судебной экспертизы (судебная экспертология): учебник/ под ред. Е.Р. Россинской. 2-е изд. М.: Норма: ИНФРА-М, 2016. 384 с.

7. Майлис Н.П. Теория и практика судебной экспертизы в доказывании. Спецкурс : учеб. пособие. М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2015. 263 с.

8. Чемерис Д.А., Сагитов А.М., Аминев Ф.Г., Луценко В.И., Гарафутдинов Р.Р., Сахабутдинова А.Р., Васильев Р.Г., Алексеев Я.И., Сломинский П.А., Хуснутдинова Э.К., Чемерис А.В. Эволюция подходов к ДНК-идентификации личности // Биомика. 2018. Т. 10 (1). С. 85-140. DOI: 10.31301/2221-6197.bmc.2018-16.

9. Деаноска-Трендафилова Александра. Правовые основания для применения ДНК в системе уголовного правосудия // Союз криминалистов и кримиологов. 2018. № 1. С.49-56.

10. Панкратов С.С. «Экспертус» - значит «опытный» // Милиция. М.: МВД РФ, 1997. № 6. С. 52.

11. Справка по результатам изучения практики рассмотрения судами Иркутской области уголовных дел о преступлениях, предусмотренных статьями 260, 191.1 УК РФ // Сайт Иркутского областного суда: http://oblsud.irk.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=571 (дата обращения 15.03.2018).

ПОЛУЧЕНИЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИ ЗНАЧИМОЙ ИНФОРМАЦИИ ИЗ ЭЛЕКТРОННЫХ БЛОКОВ УПРАВЛЕНИЯ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ МАРКИРОВОЧНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

Агафонов Артем Сергеевич,
преподаватель Восточно-Сибирского института МВД России,
г. Иркутск, Россия

На сегодняшний день одним из перспективных направлений криминалистических исследований является изучение практических и научно-теоретических аспектов эффективной реализации специальных знаний в рамках уголовного судопроизводства. Мы солидарны с А.В. Варданяном, который указывает, что современное состояние преступности, а именно ее профессионализация, технизация, глобализация, коммерциализация обуславливают неисчерпаемый характер различных вопросов, связанных с использованием специальных знаний в уголовном судопроизводстве [1, с. 158]. Заключение эксперта как исторически сложившаяся форма использования специальных

знаний выступает одним из видов доказательств в любом судебном процессе. В современных условиях лавинообразно нарастающей интеграции специальных знаний практически ни одно судебное разбирательство не решается без экспертного исследования. В этой связи, вопросы постоянного совершенствования судебно-экспертного обеспечения криминалистической деятельности [2, с. 143], а также освоения современных научно-технических достижений [3, с. 89] являются актуализированными и несомненно требуют научного осмысления.

Нельзя не согласиться с А.Ю. Головиным в том, что «современный уровень развития компьютерных техники и технологий, электронных систем информационной коммуникации и поддержки принятия решений обуславливает постановку новых научно-криминалистических задач по обеспечению процесса раскрытия, расследования и предупреждения преступлений» [4, с. 3].

К одной из тенденций, обуславливающих совершенствование технико-криминалистического обеспечения в области транспортной безопасности, можно отнести разработку электронных блоков управления транспортных средств.

Современные транспортные средства могут включать в себя до 80 электронных блоков управления, а встроенное в них программное обеспечение выступает неким координационным, «мозговым центром» их эффективного функционирования.

Электронные блоки управления (ЭБУ) подразделяются на:

- ЭБУ двигателем (наиболее значимый вид);
- центральный блок управления;
- объединенный моторно-трансмиссионный блок управления;
- центральный модуль управления;
- блок управления тормозной системой;
- главный электронный модуль;
- центральный модуль синхронизации и т.д.

Переходя к электронным блокам управления транспортных средств (ТС) при расследовании преступлений, связанных с изменением маркировочных обозначений, отметим, что в последние годы особое внимание направлено на исследование идентификационных номеров ТС. На территории Российской Федерации большую остроту приобрела борьба с массовостью хищения, незаконного приобретения и (или) нелегальной продажей ТС. Такие преступные посяательства причиняют их владельцам значительный материальный ущерб и вызывают большой общественный резонанс [5, с. 21]. Впоследствии для того чтобы скрыть указанные преступные деяния и усложнить процесс опознания ТС, маркировочные обозначения уничтожаются или частично изменяются, а на место уничтоженных номеров наносится новая маркировка.

Следует обратить внимание, что в современных ТС, имеющих блоки электронного управления, информация об их идентификационных номерах дублируется не только с помощью прикрепления заводских (дублирующих) табличек и наклеек на различных, скрытых от первоначальной идентификации

агрегатах и узлах, но также данная информация заносится и в компьютер. В связи с чем возникает потребность в получении криминалистически значимой информации в сфере компьютерных технологий. Мы в полной мере соглашались с Е.Р. Россинской в том, что проблемы использования специальных знаний при судебном исследовании преступлений (правонарушений), сопряженных с использованием цифровых технологий, реализуемых через компьютерные средства и системы, необходимо рассматривать в правовом, организационном, методическом и дидактическом аспектах [66, с. 34].

Информация, находящаяся в памяти ЭБУ ТС, может быть визуализирована посредством использования диагностического оборудования: персональный компьютер с установленным на него специализированным программным обеспечением, различные диагностические сканеры, тестеры и адаптеры.

Хоть ЭБУ и не является номерной деталью, как, например, рама или шасси, а представляет собой просто деталь ТС (которая может выйти из строя и подлежит последующей замене), несовпадение VIN-кода, заложенного в памяти ЭБУ и VIN-кода на других деталях свидетельствует о том, что ТС может быть краденным и дает повод для назначения автотехнической экспертизы. Преступники, изменяя маркировочные обозначения на отдельных номерных деталях кузова ворованных автомобилей с целью последующей их реализации, забывают об электронной составляющей, иными словами – о блоке управления, в котором тоже присутствует VIN-код. Впрочем, существуют «продвинутые» автоугонщики, которые посредством необходимого оборудования меняют информацию о VIN-коде в ЭБУ. Проблема состоит в том, что при проведении автотехнической экспертизы эксперт, не имея необходимого оборудования, зачастую либо вовсе не смотрит информацию, записанную в ЭБУ, либо смотрит только ЭБУ, игнорируя информацию, записанную в других блоках, к примеру, в блоке иммобилайзера [7, с. 69-70].

В настоящее время в экспертной практике отсутствует минимально необходимый набор признаков, который с полной уверенностью дает основание утверждать о факте внесения изменений в систему ЭБУ ТС.

К основным признакам, свидетельствующим о ранее производившемся демонтаже и несанкционированном доступе относятся:

- наличие следов откручивания крепежных винтов, в том числе самонарезающих, гаек, а также следов отсоединения крепежных клипс, с помощью которых осуществляется крепление ЭБУ на кузове ТС;
- нарушение защитного покрытия печатной платы ЭБУ;
- наличие следов, образовавшихся при вскрытии полимерного или металлического корпуса ЭБУ;
- наличие следов заводской установки микросхем на печатной плате ЭБУ;
- несоответствие информации о годе выпуска ЭБУ и его составных элементов с годом выпуска ТС;
- сбои при диагностировании;

– несоответствие данных, полученных при диагностировании, с комплектацией ТС и т.д. [8, с. 239].

Вместе с тем, метод получения информации из электронно-диагностических систем ТС является вспомогательным и применяется наряду с традиционными. Однако следует согласиться М.В. Беляевым и М.А. Четверговым, что использование различного диагностического оборудования для исследования ЭБУ позволяет получить криминалистически значимую информацию. Данное диагностическое оборудование даже при «поверхностном» осмотре ТС позволяет установить несоответствие программного обеспечения отдельных модулей, а так же несоответствие маркировочных обозначений ЭБУ с маркировкой на кузове (двигателе, раме и т. д.) [9, с. 87].

Отдельно говоря о термине «криминалистически значимая информация» отметим, что, на наш взгляд, наиболее удачное определение данного понятия принадлежит Е.Н. Паршиной, которая пишет: «Криминалистически значимая информация – информация, имеющая значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, или способствующая получению таковой, также любая информация, имеющая значение для достижения целей уголовного судопроизводства» [10, с. 12]. Для современной практики борьбы с преступностью задача извлечения криминалистически значимой информации из вещной обстановки преступления по-прежнему относится к числу важнейших [11, с. 4].

Сегодня современные ТС представляют собой совокупность механических узлов и агрегатов, которые работают под управлением электронных компонентов. Учитывая текущие тенденции можно предположить, что в самом ближайшем будущем практически все выпускаемые ТС российского и зарубежного производства будут иметь системы электронной идентификации. Несомненно, стоит согласиться с Р.С. Белкиным, что «идентификация как процесс установления тождества индивидуально-определенного объекта является одним из средств установления истины в уголовном судопроизводстве» [12, с. 253].

Очевидно, что к совместным методологическим требованиям обращения с компьютерно-электронными данными относится, в первую очередь, необходимость соблюдения условий извлечения процессуально-корректной доказательственной информации из их памяти. Нельзя не согласиться с А.В. Варданяном, что современной преступности как неотъемлемой части нашего общества присущи такие тенденции, как усложнение способов совершения и сокрытия традиционных преступлений [13, с. 58]. И как верно отметил О.П. Грибунов, сегодня уже очевидно, что без современных технологий противодействие преступлениям, а также их раскрытие и расследование практически не возможно [14, с. 118].

Таким образом, специалисты (эксперты-автотехники) при проведении диагностики электронных данных ТС должны дифференцировать полученную криминалистически значимую информацию на доказательственную и ориентирующую, определяя характеристику носителя информации. Знание методов

изменения маркировочных обозначений в электронной составляющей современных ТС позволит правоохранительным органам вести более успешную борьбу направленную на их преступные посягательства.

Список литературы:

1. Варданыан А. В. Современные проблемы использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве // Юристъ - Правоведъ. 2019. № 2 (89). С. 158–163.
2. Аминев Ф. Г. О современном понятийном аппарате судебной экспертизы // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2017. № 4 (83). С. 143–149.
3. Грибунов О. П. Судебные экспертизы, назначаемые при расследовании преступлений против собственности, совершаемых на транспорте // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2016. № 1 (76). С. 89-97.
4. Головин А. Ю., Головина Е.В. К вопросу о разработке «автоматизированных методик расследования преступлений» // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. № 4-2. С. 3–8.
5. Грибунов О. П., Агафонов А.С. Некоторые вопросы назначения и производства судебной автотехнической экспертизы при расследовании преступлений, связанных с изменением маркировочных обозначений транспортных средств // Судебная экспертиза. 2019. № 1 (57). С. 18–30.
6. Россинская Е. Р. Проблемы использования специальных знаний в судебном исследовании компьютерных преступлений в условиях цифровизации // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 5 (57). С. 31–44.
7. Техничко-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений, связанных с подделкой или уничтожением идентификационного номера транспортного средства: монография / В. Ф. Гольчевский, Н. Ю. Жигалов. Иркутск: ФГКОУ ВО ВСИ МВД РФ, 2016. 122 с.
8. Молодых М. Е., Хорхордин Г.Е. Обучение экспертов возможностям получения и использования информации из электронных блоков управления транспортных средств при проведении экспертиз маркировочных обозначений// В сборнике: Теория и практика судебной экспертизы: международный опыт, проблемы, перспективы сборник научных трудов I Международного форума. 2017. С. 236–240.
9. Беляев М. В., Четвергов М.А. Электронный блок управления транспортного средства как источник криминалистически значимой информации // В сборнике: Современное развитие криминалистики и судебной экспертизы как реализация идей Р. С. Белкина. Материалы Международной научно-практической конференции «К 95-летию со дня рождения ученого, педагога, публициста». 2018. С. 84–88.

10. Паршина Е. Н. Проблемы информационного обеспечения и защиты информации в предварительном расследовании преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2004. 26 с.

11. Тактические особенности проведения следственного осмотра: учебное пособие / О.П. Грибунов, О.В. Трубкина, Е.И. Третьякова. – Иркутск: ФГКОУ ВО ВСИ МВД России, 2016. 92 с.

12. Белкин Р. С. Курс криминалистики: частные криминалистические теории. В 3 т. Т. 2. М.: Юристъ, 1997. 464 с.

13. Варданян А. В. Судебная экспертиза в структуре доказательств по уголовным делам: некоторые современные проблемы / А. В. Варданян // Философия права. – 2019. – № 2 (89). – С. 56–60.

14. Грибунов О. П. К вопросу о противодействии преступлениям, совершаемым на объектах транспорта // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2013. № 2-2. С. 117-120.

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ГЕНЕТИЧЕСКОЙ ДИАГНОСТИКИ В СФЕРЕ РЕПРОДУКТОЛОГИИ В ВЕДУЩИХ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Алсынбаева Эльвира Махаматовна,
доцент кафедры гражданского права Института права БашГУ,
кандидат юридических наук;
Хусаинова Рита Игоревна,
ведущий научный сотрудник лаборатории молекулярной
генетики человека Института биохимии и генетики УФИЦ РАН,
зам. директора по лабораторно-диагностической работе
ГБУЗ РМГЦ, г. Уфа, Россия

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ МК № 18-29-14083.

В Российской Федерации, в сфере современной репродуктологии довольно успешно применяются такие современные методы генетической диагностики как пренатальная диагностика (далее - ПНД) и преимплантационная генетическая диагностика (далее - ПГД). Основная цель применения данных методов – это выявление возможной генетической патологии у ребенка на стадии эмбрионального развития.

Следует согласиться с мнением исследователей, в том, что проведение упомянутых выше диагностик в России не отличается последовательным нормативным регулированием [1, с.10] .

Кроме того, можно обозначить и ряд проблем, возникающих в связи недостаточностью правового регулирования. В числе основных проблем: про-

блема должного финансирования государством применения вспомогательных репродуктивных технологий (далее по тексту - ВРТ), проблема доступности ЭКО, в связи большой очередностью по системе квотирования и отсутствие финансирования ПГД по линии обязательного медицинского страхования, проблема правомерного использования полученной в результате генетической диагностики генетической информации.

В этой связи важным, видится необходимость анализа опыта правового регулирования проведения генетических диагностик, на примере ведущих стран мира. Отметим, что государства, где различные аспекты применения к человеку современных медицинских технологий урегулированы достаточно детально, в том числе и геномная диагностика, могут служить примером и для развития Российской законодательной базы.

Анализ правового регулирования генетических диагностик в Великобритании показал следующее. Вопросом лицензирования и регулирования ПГД и ПНД в Великобритании занимается «Управление по фертильности человека и эмбриологии».

Великобритания на данный момент имеет самое большое количество законов и подзаконных актов, регулирующих применение ПГД и ПНД. Согласно им, категорически запрещена селекция пола эмбриона, в том числе используя методики сортировки сперматозоидов. Единственное исключение из этого правила – профилактика Х-сцепленных наследственных заболеваний. ПГД разрешена только для пациентов, имеющих семейную историю тяжелых наследственных заболеваний, однако список этих заболеваний так и не был определен, оставляя право выбора врачам и пациентам. В 2004 г. HFEA ввела ограничения на преимплантационное HLA-типирование. Согласно документу, ПГД для HLA-типирования не запрещается, однако в каждом конкретном случае родителям необходимо получить разрешение на проведение процедуры и только тогда, когда это необходимо для лечения старшего больного ребенка [2, с. 113].

Среди нормативных актов Франции, регулирующих проведение генодиагностики следует отметить, прежде всего, Гражданский Кодекс [3], Кодекс общественного здравоохранения [4], Кодекс научных исследований [5], Закон «О биоэтике» от 6 августа 2004 г. [6]. В Гражданском Кодексе Франции, содержатся основные принципы применения к человеку современных медицинских технологий. Законом «О биоэтике», было создано Агентство биомедицины, основные функции которого сводятся к контролю за проведением биомедицинских исследований, в том числе и проведением ПГД.

Проведение ПГД возможно только в целях выявления рисков связанных с генетическими отклонениями, определения средств предотвращения таких отклонений, а также лечения генетических заболеваний. Расходы с проведением ПГД, компенсируются родителям через систему обязательного медицинского страхования. В отличие от ПГД, проведение ПНД во Франции не предполагает указанных выше ограничительных оснований ее проведения. Основ-

ное ее ограничение связано применением ее только в отношении гетеросексуальных пар репродуктивного возраста, проживших в браке не менее двух лет.

Анализ правового регулирования генетической диагностики в Германии, показал, что согласно закону «О защите эмбрионов», принятому в 1990 г., использование человеческих эмбрионов для любых целей, кроме криоконсервирования категорически запрещено, следовательно, и ПГД с использованием blastomeres запрещено. Единственной разрешенной техникой проведения ПГД в Германии является анализ полярных телец. Селекция пола эмбрионов также категорически запрещена, кроме случаев, когда это необходимо для профилактики рождения ребенка с тяжелым X-сцепленным заболеванием [7, с. 103]. Выполнение диагностики без конкретных показаний, только для скрининга не допускается.

В США не существует федерального законодательства, регулирующего проведение ПГД или ПНД, однако существует запрет на федеральное финансирование любых исследований, приводящих к деструкции и гибели эмбрионов. Тем не менее, каждый штат вправе устанавливать собственные

ограничения на проведение ПГД и ПНД. На данный момент существуют лишь рекомендации, сделанные советником президента США по биоэтике и центром по генетическому и публичному законодательству в которых осуждается использование ПГД исключительно для селекции пола эмбриона [8, с. 94].

Таким образом, оценивая опыт правового регулирования генетических диагностик, можно констатировать, что в большинстве развитых стран практикуется недопустимость проведения ПГД для выбора пола ребенка без наличия медицинских показаний и отсутствие ограничений на проведение ПГД для выявления генетических заболеваний. Кроме того, законодательные ограничения, направленные на защиту эмбриона служат фактором, ограничивающим применение многих, весьма эффективных современных методик, что справедливо критикуется научным сообществом. Однако в последнее время, прослеживается и такая политика государств как увеличение расходов на проведение генетических диагностик на этапе развития эмбриона с целью минимизации возможных расходов на субсидирование семей имеющих детей с генетическими отклонениями.

Список литературы:

1. Комарова В. В., Алтынник Н. А., Бородин М. А., Суворова Е. И., Зенин С. С., Суворов Г. Н. Международно-правовое регулирование преимплантационной генетической диагностики (ПГД) и тенденции развития Российского законодательства в сфере вспомогательных репродуктивных технологий // Lex Russia. 2019. № 6 (151). С. 10 –
2. Чоговадзе А.Г. Особенности законодательного регулирования преимплантационной и пренатальной диагностики в различных странах // Клеточная трансплантология и тканевая инженерия Том VII, № 2, 2012. С.112 - 118.

3. Code civil [une ressource électronique] : Code, version consolidée au 10 août 2016 // Legifrance.gouv.fr. – 2017. – Le mode d'accès: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do?cidTexte=LEGITEXT000006070721>. – Date d'accès: 10.09.2019.

4. Code de la santé publique [une ressource électronique] : Code, version consolidée au 15 août 2016 // Legifrance.gouv.fr.–2017.–Lemoded'accès: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do?cidTexte=LEGITEXT000006072665>. – Date d'accès: 10.09.2019.

5. Code de la recherché [une ressource électronique] : Code, version consolidée au 22 janvier 2017 // Legifrance.gouv.fr. – 2017. – Le mode d'accès: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do?cidTexte=LEGITEXT000006071190>. – Date d'accès: 10.09.2019.

6. Loi n°2004-800 du 6 août 2004 relative a la bioethique [une ressource électronique]: Loi, version consolidée au 03 février 2017 // Legifrance.gouv.fr. – 2017. – Le mode d'accès: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000000441469>. – Date d'accès: 10.09.2019.

7. Комарова В. В., Алтынник Н. А., Бородина М. А., Суворова Е. И., Зенин С. С., Суворов Г. Н. Опыт правового регулирования процедуры преимплантационной генетической диагностики (ПГД) в Федеративной Республике Германия // Проблемы и мнения. 2019. № 2 (71). С. 102-109.

8. Романовский Г.Б. Правовое регулирование генетических исследований в России и за рубежом // Lex russica. 2016. № 7. С. 93 - 102.

РЕПРОДУКТИВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Ахтямова Евгения Викторовна

доцент кафедры гражданского права БашГУ,
кандидат юридических наук;

Миннихметов Илдар Рамилевич

директор ГБУЗ «Республиканский медико-генетический центр»;

Институт биохимии и генетики – обособленное
структурное подразделение Уфимского федерального
исследовательского центра Российской академии наук»; ФГБОУ ВО «Башкирский государственный медицинский университет МЗ»

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках гранта МК № 18-29-14083.

В современной отечественной медицине в настоящее время активно применяются вспомогательные репродуктивные технологии (далее – ВРТ), под которыми понимаются методы лечения бесплодия. Такие методы применяют-

ся на этапах зачатия и раннего развития эмбрионов и осуществляются вне материнского организма, включая использование при этом донорских или криоконсервированных половых клеток, тканей репродуктивных органов и эмбрионов, а также суррогатного материнства.

При этом особое значение в репродуктологии имеют такие современные методы генетической диагностики как пренатальная диагностика (далее - ПНД) и преимплантационная генетическая диагностика (далее - ПГД). Проведение таких видов диагностики дает возможность рождения, прежде всего, здорового ребенка парам, имеющим серьезные наследственные заболевания, поскольку именно наследственная и врожденная патология является одной из основных причин детской, а также взрослой инвалидности и смертности. [1, с. 4].

В этой связи представляет интерес анализ действующего в Российской Федерации, так называемого, репродуктивного законодательства, которое представлено рядом нормативно-правовых актов разного уровня.

По своей природе данное репродуктивное законодательство тесно связано с законодательством по охране прав и здоровья детей. Безусловно, его идеологической основой служит Конвенция ООН о правах ребенка (1989) [2]. Согласно ст. 27 Конвенции каждый ребенок имеет право на уровень жизни, обеспечивающий физическое, умственное, духовное, нравственное и социальное развитие. Интересы ребенка являются предметом заботы семьи (п. 1 ст. 18), конечно же, основное ее назначение заключено в создании условий необходимых для его развития.

Конституция РФ в п. 2 ст. 38, в продолжение положений обозначенной Конвенции, функцию заботы о детях возлагает на семью. В рамках положений данной статьи, воспитание и образование детей признается и правом и в том числе обязанностью родителей [3]. Данные конституционные положения подтверждены Семейным кодексом РФ, закрепившим право ребенка на жизнь в семье (ст. 54) и утвердившим его воспитание и образование в качестве прав и обязанностей родителей (ст. 63) [4].

В развитие одного из основных постулатов, закрепленного в Конституции РФ - права каждого на охрану здоровья и медицинскую помощь, в репродуктивном законодательстве действует Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее – Закон № 323-ФЗ), как базовый нормативно-образующий документ [5].

В нормах Закона № 323-ФЗ детально не регламентировано оказание медицинской помощи, связанной с применением геномной терапии или клеточных технологий. Тем не менее, Закон относит все обозначенные выше методы к видам специализированной, в том числе высокотехнологичной, медицинской помощи. Согласно ст. 37 Закона № 323-ФЗ оказание медицинских услуг должно осуществляться в соответствии с утвержденными порядками и стандартами.

В рамках положений ст. 51 Закона № 323-ФЗ за гражданином закреплено право на проведение бесплатных консультаций по медицинским показани-

ям, на медико-генетические и другие консультации и обследования в медицинских организациях государственной системы здравоохранения, в целях предупреждения возможных наследственных и врожденных заболеваний у потомства.

Понятие вспомогательных репродуктивных технологий (далее по тексту - ВРТ) определено в ст. 55 Закона № 323-ФЗ, а также регламентирован порядок разработки и утверждения условий их применения. Заметим, что финансовая база ВРТ регулируется Федеральным законом РФ от 29 ноября 2010 г. № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» [6], где согласно положениям п. 6 ст. 51 финансирование высокотехнологичной медицинской помощи осуществляется за счет средств обязательного медицинского страхования (ОМС).

Федеральный закон от 5 июля 1996 г. № 86-ФЗ «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности» (далее - Закон № 86-ФЗ) [7] вводит и раскрывает понятия «генодиагностика», т.е. совокупность методов по выявлению изменений в структуре генома, а также «генотерапия», или группа генно-инженерных (биотехнологических) и медицинских методов, направленных на внесение изменений в генетический аппарат соматических клеток человека в целях лечения заболеваний.

Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 180-ФЗ «О биомедицинских клеточных продуктах», регулирующий, в том числе, вопросы применения таких продуктов для профилактики, диагностики и лечения заболеваний или состояний пациента, сохранения беременности и медицинской реабилитации пациента, также затрагивает в правовом регулировании и отношения, возникающие в связи с донорством биологического материала в целях производства биомедицинских клеточных продуктов [8]. Но, на наш взгляд, он не вносит ясности в понимание того, как применение биомедицинского клеточного продукта соотносится с понятиями «генотерапия» и «генодиагностика», порождая тем самым правовую неопределенность в используемой терминологии.

Приказ Министерства здравоохранения РФ от 28 декабря 2000 г. № 457 «О совершенствовании пренатальной диагностики в профилактике наследственных и врожденных заболеваний у детей» определяет условия применения такой диагностики и способы ее проведения [9].

Условия применения ВРТ определены Приказом Министерства здравоохранения РФ от 30 августа 2012 г. № 107н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» [10]. Согласно Приказу медицинская помощь с использованием ВРТ, предоставляется женщинам и мужчинам независимо от их семейного положения. Приказом определены этапы оказания медицинской помощи с использованием ВРТ, требования к отбору на лечение и порядок криоконсервации половых клеток, тканей репродуктивных органов и эмбрионов и использования донорских материалов.

В рамках развития новой модели современной медицины в Российской Федерации следует выделить Приказ Минздрава России от 24 апреля 2018 г.

№ 186 «Об утверждении Концепции предиктивной, превентивной и персонализированной медицины» [11]. Данная Концепция направлена на развитие и внедрение высокотехнологичных методов профилактики, диагностики, лечения и реабилитации, основанных на клеточных, тканевых и генно-инженерных технологиях, а также проведение фундаментальных и прикладных научных исследований в области молекулярной и клеточной биологии, молекулярной и популяционной генетики. Проведение ранних исследований генома человека с целью предупреждения возможного заболевания являются одним из основных методов реализации данной Концепции. Однако, никаких контрольных дат разработки и внедрения методов в Концепции не представлено, что ставит ее реализацию под сомнение.

Анализ действующего репродуктивного законодательства в Российской Федерации, показал, в том числе и наличие некоторых правовых проблем, указывающих на правовые пробелы в регулировании.

Во-первых, проблема коммерциализация медицинской деятельности по использованию ВРТ вследствие сильной зависимости от финансовых возможностей пациентов, вследствие чего проведение манипуляций с репродуктивным материалом для удовлетворения пожеланий пациента, в том числе и по выбору пола будущего ребенка. Такие действия, безусловно, могут нарушить существующий генетический баланс.

Во-вторых, проблема доступности ПГД и ЭКО. В России практически во всех клиниках существуют большие очереди на получение квот на бесплатное проведение ЭКО по линии обязательного медицинского страхования, по этой причине данная услуга становится недоступной.

Кроме того, проведение ПГД не входит в программу ОМС, что повышает риск рождения ребенка с тем же набором генетических отклонений, что и у родителей. По нашему мнению, проведение ПГД должно проводиться в каждом случае ЭКО с целью минимизации такого риска.

В-третьих, список скринируемых наследственных заболеваний в Российской Федерации, в рамках ПГД и ПНД, по мнению специалистов-медиков, на сегодняшний день крайне мал, не соответствует международным стандартам и требует расширения.

В-четвертых, актуальна проблема правомерного использования полученной в результате генетической диагностики генетической информации. Необходимым предварительным условием любого вмешательства в геном человека, является информированное добровольное согласие гражданина. Данное условие оказывается трудно выполнимым в случаях, когда речь идет о ПГД и ПНД, причем согласие от родителей, родственников или доверенных лиц не может считаться в полной мере правомочным, поскольку в действующем законодательстве России окончательно не определен ни моральный, ни правовой статус человеческого эмбриона.

Таким образом, анализ выявленных проблем в репродуктивном законодательстве, указывает на необходимость его совершенствования, путем принятия комплексного федерального закона, детально регулирующего применение

генетической диагностики (во всех ее возможных разновидностях). Также выявлена необходимость финансовых вложений со стороны государства, которые, будут компенсированы за счет сокращения расходов на симптоматическое лечение и пожизненное содержание инвалидов.

Список литературы:

1. Баранов А.А., Альбицкий В.Ю., Иванова А.А., Терлецкая Р.Н., Косова С.А. Тенденции заболеваемости и состояние здоровья детского населения Российской Федерации // Российский педиатрический журнал. - 2012.- № 6.- С. 4 - 9.
2. Конвенция о правах ребенка. Одобрена Генеральной Ассамблеей ООН от 20 нояб.1989 г. Конвенция ратифицирована Постановлением ВС СССР от 13 июня 1990 г. № 1559-І. Вступила в силу для СССР 15 сентяб.1990 г. // Сборник международных договоров СССР. 1993, выпуск XLVI.
3. Конституция Российской Федерации принята всенародным голосованием 12 дек.1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 дек. 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 дек. 2008 г. № 7-ФКЗ, от 05 фев. 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 31, ст. 4398.
4. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 1, ст. 16.
5. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Российская газета. 2011. 23 ноября.
6. Федеральным законом РФ от 29 ноября 2010 г. № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» // Российская газета. 2010. 3 декабря.
7. Федеральный закон от 5 июля 1996 г. № 86-ФЗ «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности» // Российская газета. 12 июля.
8. Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 180-ФЗ «О биомедицинских клеточных продуктах» // Российская газета. 2016. 28 июня.
9. Приказ Министерства здравоохранения РФ от 28 декабря 2000 г. № 457 «О совершенствовании пренатальной диагностики в профилактике наследственных и врожденных заболеваний у детей» // Бюллетень Минюста РФ. 2001. № 3.
10. Приказом Министерства здравоохранения РФ от 30 августа 2012 г. № 107н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» // Российская газета. 2013. 11 апреля.
11. Приказ Минздрава России от 24 апреля 2018 г. № 186 «Об утверждении Концепции предиктивной, превентивной и персонализированной ме-

дицины» [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

К ВОПРОСУ ОБ ОТНЕСЕНИИ СВЕДЕНИЙ О ДАННЫХ ГЕНОМА ЧЕЛОВЕКА К ПЕРСОНАЛЬНЫМ ДАННЫМ

Балякина Елена Борисовна, старший преподаватель
кафедры гражданского права Института права ФГБОУ ВО
«Башкирский государственный университет», г.Уфа, Россия

Испокон веков человечество стремится улучшить уровень жизни и здоровья нации. Свидетельством этому выступают немало исторических фактов таких как наличие свах, которые обладали сведениями о состоянии рода жениха или невесты, в частности о наличии каких-либо наследственных заболеваний, которые могли выявиться у детей брачующихся. Во времена Римской республики новорожденных детей проверяли на предмет уродства. Не прошедший отбор ребенок даже в случае сохранения ему жизни гражданином Рима быть не мог[4, С.188]. Не безызвестна история нацистской Германии, интересы которой связаны с созданием сверхчеловека.

Современное общество озабочено наследственностью отдельных заболеваний. В целях борьбы с казалось бы забытыми заболеваниями разработан институт вакцинации, который является болезненным и отрицается некоторыми родителями. Но возникает вопрос о возможности доставки вакцины в труднодоступные районы. В виду наличия таких сложностей, ценой которых является жизнь не одного человека, обществом проводятся исследования, нацеленные на улучшение и укрепления здоровья человека, в том числе и до его рождения.

Исследование генома человека направлено было на изменение персонального кода человека с целью уменьшения количества таких заболеваний как синдром Дауна, Альцгеймера и т.п. Социальный аспект безусловно является положительным и призван на поддержку общества, поскольку к примеру долгожданный ребенок рождается в семье с такими заболеваниями, которые не позволяют данной ячейке общества продолжать род и развиваться в дальнейшем. Данная ячейка является не производящей, а потребляющей экономические ресурсы.

Под термином «ген» обозначают неделимую в функциональном отношении единицу генетической информации[3].

В соответствии с п.1 ст.3 ФЗ «О персональных данных» под персональными данными понимается любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных)[6]. Принятие ФЗ «О персональных данных» породило нема-

ло вопросов по поводу его реализации, какие сведения следует отнести к персональным данным, как осуществляется сбор, обработка этих данных, механизм защиты прав лица, чьи данные обрабатываются, либо были собраны и обработаны без его согласия. В российском законодательстве используется французская модель определения персональных данных, которая не ограничивается каким либо перечнем, а, напротив, указывает на неопределенную совокупность данных, которые позволяют в любой форме, прямо или косвенно, установить личность физического лица, в отношении которого эти данные собраны, независимо от того, физическим или юридическим лицом эти данные были обработаны (ст.4 Закон Франции № 78-17 от 6 января 1978 г. «Об обработке данных, файлов данных и индивидуальных свободах»[2]).

В этой связи, отталкиваясь от буквального толкования нормы о персональных данных и определения термина «ген», мы можем утверждать, что геном человека является его персональными данными.

Одним из первых и крупных исследований генома человека считается проект «Геном человека», формально завершившийся в 2004 году[1].

Важность исследования персональных данных в части генома человека обусловлена также тем обстоятельством, что в Российской Федерации и в других странах формируются базы данных биометрической информации. Так, в частности, Постановлением Правительства Российской Федерации от 30 июня 2018 года № 772 «Об определении состава сведений, размещаемых в единой информационной системе персональных данных, обеспечивающей обработку, включая сбор и хранение, биометрических персональных данных, их проверку и передачу информации о степени их соответствия предоставленным биометрическим персональным данным гражданина Российской Федерации, включая вид биометрических персональных данных, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» установлено, что к биометрическим персональным данным человека, подлежащим включению в единую информационную систему персональных данных человека, относятся данные изображения лица человека, полученные с помощью фото-видео устройств, и данные голоса человека, полученные с помощью звукозаписывающих устройств[5]. Следует отметить, что указанные сведения собираются и хранятся в целях их проверки на предмет соответствия биометрическим персональным данным гражданина РФ. Однако механизм защиты собранных биометрических данных, полагаем, является проблемой любого государства.

Таким образом, представляется целесообразным п.1 статьи 2 ФЗ «О персональных данных» дополнить уточнением, включив в норму такие сведения как сведения о геноме, а также биометрические сведения.

Список литературы:

1. Jef D. Boeke*, George Church*, Andrew Hessel*, Nancy J. Kelley*, Adam Arkin, Yizhi Cai, Rob Carlson, Aravinda Chakravarti, Virginia W. Cornish, Liam Holt, Farren J. Isaacs, Todd Kuiken, Marc Lajoie, Tracy Lessor, Jeantine

Lunshof, Matthew T. Maurano, Leslie A. Mitchell, Jasper Rine, Susan Rosser, Neville E. Sanjana, Pamela A. Silver, David Valle, Harris Wang, Jeffrey C. Way, Luhan Yang The Genome Project-Write // *Science* 08 Jul 2016:/. Vol. 353, Issue 6295, pp. 126-127/ DOI: 10.1126/science.aaf6850 [Электронный ресурс] <https://science.sciencemag.org/content/353/6295/126>).

2. Loi n° 78-17 du 6 janvier 1978 relative à l'informatique, aux fichiers et aux libertés [Электронный ресурс] [https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte= LEGITEXT 000006068624](https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=LEGITEXT000006068624) .

3. Андреев В. П. Ген: структурно-функциональная организация единиц генетической информации // Журнал ГрГМУ. 2007. №4 (20). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gen-strukturno-funktsionalnaya-organizatsiya-edinit-geneticheskoy-informatsii>

4. Зайков А.В. Римское частное право. М.: Юрайт, 2017. С.188.

5. Постановление Правительства Российской Федерации от 30 июня 2018 года № 772 «Об определении состава сведений, размещаемых в единой информационной системе персональных данных, обеспечивающей обработку, включая сбор и хранение, биометрических персональных данных, их проверку и передачу информации о степени их соответствия предоставленным биометрическим персональным данным гражданина Российской Федерации, включая вид биометрических персональных данных, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2018. № 28, ст. 4234.

6. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (1 ч.), ст. 3451.

ПСИХИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ЛЖИ И ФОРМИРОВАНИЕ СИНДРОМА ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ

Башкатов Сергей Александрович,
профессор кафедры генетики и фундаментальной медицины,
декан биологического факультета ФГБОУ ВО «Башкирский
государственный университет», доктор биологических наук,
кандидат психологических наук, профессор;
Валеева Валерия Рипатовна,
медицинский психолог ГБУЗ РБ «Республиканская клиническая
психиатрическая больница», г. Уфа, Россия

На сегодняшний день категория лжи является объектом исследования многих отраслей науки. Так, в Философском энциклопедическом словаре ложь трактуется как заявление, подразумевающее обман, когда участник разговора не предоставляет или искажает информацию о предмете общения. В новой

философской энциклопедии ложь представляется как неправда, противная истине. При этом отмечается, что в классической логике термины “ложь” и “истина” имеют равные права, так как отрицание лжи является истинной и, наоборот, отрицание истины выступает как ложь. В библейской энциклопедии Брокгауза перечислены различные мотивы лжи такие, как бессилие, тщеславие, хвастовство, себялюбие. Отмечается, что ложь может выражаться в различных формах: обман, мошенничество, клятвопреступление, лжесвидетельство и т. д. В Большой психологической энциклопедии ложь характеризуется как явление общения, в котором сознательно искажаются существующие отношения между существующими объектами. Подчеркивается, что как правило ложь обусловлена желанием получить преференции перед другими участниками диалогического взаимодействия. Также подчеркивается, что в отличие от социально-психологической сферы, где ложь всегда является средством достижения некоторой цели, в сфере клинической психологии ложь выступает как цель демонстративных психопатов, реализующих потребность в переживании удовлетворения от самого процесса лжи.

Рассматривая предметную направленность изучения психологией феномена лжи, нужно подчеркнуть, что усилия многих зарубежных авторов

(П. Экман, У. Фримен, А. Мехрабиан, О. Фрай, Т.Р. Левин и др.) были нацелены на описание поведенческих особенностей субъекта лжи и ее объективную регистрацию с помощью системы полиграфии. Проблема кроскультурных аспектов восприятия лжи представлена в работах К.Ф. Бонда и Б.М. ДеПауло.

Современные зарубежные исследования лжи имеют следующую проблематику: понимание лжи как социальной игры в трудах Е. Feess, K. Khalmetski, F. Kerzenmacher, D. Sliwka; разработка подходов к конструированию психометрических шкал для измерения лжи (G. Feldman, M. Kosinski, H. Lian, D. Stillwell); изучение специфики использования лжи для профилактики отрицательных оценок, проведенное F. Tausch, C. Gravert, U. Gneezy, S. Saccardo.

В российской психологии проблематике лжи посвящены труды Г.Ч. Гузинова, Б.И. Дубровского, В.В. Знакова и многих др. М.Ю. Коноваленко, А.Ю. Молчанов, С.И. Оглоблин, А.Н. Тарасов и Ю.И. Холодный разрабатывали способы повышения эффективности детекции лжи. Т.П. Волосюк и Ю.А. Разинов исследовали явление лжи как процесс обмана в межличностном взаимодействии. Современные отечественные авторы (В.С. Абрамян, М.М. Бахтин, А.С. Васильченко, А.В. Лене, Н.Н. Панченко, А.А. Шумейко, В.И. Шаховский), опираясь на труды Х. Вайнриха, разрабатывают семиотику и лингвистику лжи. Специфику лжи, используемой детьми и подростками, исследовали А.В. Бабаджанова-Павлова, О.В. Барсукова, Е.А. Душина, А.В. Комарова, И.А. Церковная. И.П. Шкурова разработала методики определения различных видов лжи. И.В. Шауров описал негативное влияние систематического использования лжи на здоровье человека.

Термин «burnout» (выгорание) был впервые использован в 1974 году Х.Дж. Фрейденбергом, американским психиатром, для характеристики пси-

хического состояния практически здоровых респондентов, работающих в сфере медицины. В отечественной психологии явление выгорания получило название «синдром эмоционального выгорания» (СЭВ) и привлек повышенное внимание исследователей с конца XX века. К. Маслач выделяет в эмоциональном выгорании три составляющие: истощение, редукцию личных достижений, деперсонализацию. Он считает их следствием профессионального стресса в производственных отношениях, приводящих к личностной деформации.

В.В. Бойко характеризует «выгорание» как выработанный личностью механизм психологической защиты в форме полного или частичного исключения эмоций в ответ на избранные психотравмирующие воздействия, приобретенный стереотип эмоционального, чаще всего профессионального поведения. Он также описывает различные симптомы «выгорания»: эмоциональный дефицит, деперсонализации или личностная отстраненность, психосоматические и психовегетативные нарушения.

В.В. Бойко считает эмоциональное выгорание разновидностью механизмов психологической защиты, уменьшающих интенсивность эмоционального ответа на психотравмирующие факторы. Он приводит описание трех фаз эмоционального выгорания (напряжения, резистентности, истощения) и двенадцати симптомов выгорания: 1) Переживание психотравмирующих обстоятельств; 2) Неудовлетворенность собой; 3) Загнанность в клетку; 4) Тревога и депрессия; 5) Неадекватное избирательное эмоциональное реагирование; 6) Эмоционально-нравственная дезориентация; 7) Расширение сферы экономии эмоций; 8) Редукция профессиональных обязанностей; 9) Эмоциональный дефицит; Эмоциональная отстраненность; Личностная отстраненность (деперсонализация); 12) Психосоматические и психовегетативные нарушения.

На Европейской конференции ВОЗ (2005г.) было подчеркнуто, что обусловленный работой стресс представляет собой существенную проблему для одной третьей части работников стран Европейского Союза. В Международной классификации болезней МКБ-10 синдром эмоционального выгорания трактуется как стресс, обусловленный проблемами поддержания нормальной жизни. В следующей классификации МКБ-11 эмоциональное выгорание описывается как синдром, формирующийся в результате хронического стресса на рабочем месте, который не был успешно преодолен. СЭВ характеризуется тремя признаками: 1) ощущение мотивационного или физического истощения; 2) нарастающее психическое дистанцирование от профессиональных обязанностей или чувство негативизма к профессиональным обязанностям; 3) снижение работоспособности.

Проведенный нами анализ научной литературы показывает, что функциональные и статистические зависимости между психическими состояниями лжи и эмоционального выгорания практически не исследованы. В литературе встречаются только косвенные свидетельства существования таких взаимосвязей. По нашему мнению, ложь может выступать в качестве средства, искажающего психическую реальность не только объекта лжи, но и ее субъекта. Применение лжи с большой вероятностью может привести к формированию

психологической ситуации, названной З. Фрейдом состоянием бессознательного использования психологической защиты, выражающейся в изменении отношения человека к фактору, вызывающему тревогу. Вполне понятно, что, если такая ситуация складывается в сфере производственного общения, то со временем формируется вышеописанный синдром эмоционального выгорания. Все изложенное свидетельствует в пользу целесообразности проведения исследований отношений между двумя психическими феноменами – лжи и эмоционального выгорания.

ИСТОРИЧЕСКИЙ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ФЕНОМЕНА ЛЖИ

Башкатов Сергей Александрович,
профессор кафедры генетики и фундаментальной медицины,
декан биологического факультета ФГБОУ ВО «Башкирский
государственный университет», доктор биологических наук,
кандидат психологических наук, профессор;
Гайнуллина Светлана Маратовна,
инженер ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет»,
г. Уфа, Россия

«Огромна роль лжи в человеческой жизни.

Мир захлебывается ото лжи. Лгут не только лживые по природе, но и люди правдивые. Лгут не только сознательно, но и бессознательно». (Н.А. Бердяев)

Перед человеческим обществом на протяжении всей его эволюции возникала задача распознавания ложной информации и совершенствования методики ее детекции. Соккрытие информации, не только вербальной, но и содержащейся в эмоциях, чувствах, мотивах, присутствует во всех сферах человеческой деятельности как личностной, так и социальной, что обуславливает повышенный интерес к изучению этого психического явления. Следует особо подчеркнуть, что ложь как объективный научный феномен представляет повышенный интерес для представителей юридических, психологических и педагогических профессий [10, с. 430].

Проблема распознавания лжи и обмана впервые стала обсуждаться в конце XIX века применительно к вопросу правдивости свидетельских показаний и специфики психологических факторов, которые могут влиять на свидетельские показания, искажая их [4, с. 240]. Если в России этой проблемой стали интересоваться относительно недавно, то в Западной психологии эта тема остается актуальной с первой половины XX века. В настоящее время пробле-

матика выявления лжи вышла за пределы отдельных научных областей и по праву может считаться междисциплинарной, поскольку волнует не только юристов и психологов, но и философов, социологов, маркетологов, специалистов служб охраны, таможенной службы и многих других. В частности, А.А. Чугуй [16] характеризует обман как частный случай мошенничества.

Широкое использование термина «ложь» неизбежно меняет его содержание, делает его размытым. Как следствие, слово «ложь» зачастую используют в качестве синонима близких к нему явлений, таких как обман, заблуждение [6, с. 212]. Под ложью понимают сознательно искаженную информацию. Обман представляет собой полуправду, подводящую воспринимающего ее человека к некорректным выводам из достоверных фактов. Неправдой часто называют утверждения, базирующиеся на заблуждениях субъекта или недостаточном знании предмета обсуждения [4, с. 241].

В обыденном человеческом сознании ложь как правило осуждается и выступает социально неодобряемым поведением [1]. В словарях русского языка [5; 12] ложь чаще всего определяется как «неправда, обман, искажение истины». Понятие «ложь» имеет достаточно много определений, поэтому трудно найти одинаковые понимания категории лжи у различных ученых. Так, в философском энциклопедическом словаре [9] под ложью понимается искаженное отражение действительности, не соответствующее объективной природе вещей. В кратком религиозно-философском словаре [9] ложь определяется как «намеренно недобросовестное искажение истины, далекое от честного выражения сомнения, в отличие от заблуждения и ошибки обозначает сознательное и потому нравственно предосудительное противоречие истине».

В большом словаре по психологии [3] ложь является «феноменом общения, состоящим в намеренном искажении действительного положения вещей, выражающимся в содержании речевых сообщений, немедленная проверка которых затруднительна или невозможна». В этой связи ложь представляет собой осознанный продукт речевой деятельности, вводящий в заблуждение своих слушателей.

О.В. Скрыпник и О.А. Рудакова [10, с. 431] замечают, что ложь – это утверждение, заранее не совпадающее с истиной и высказанное осознано. Е.П. Ильин [7] обращает особое внимание на определение В.В. Знакова, в понимании которого ложь нацелена на манипулирование человеком путем использования высказываний, не соответствующих истинным фактам. При этом субъект лжи сам не верит в истинность приводимой аргументации. Автор утверждает, что неправда – это утверждение, не соответствующее действительности, не имеющее намерения ввести партнера в заблуждение.

По мнению известного американского психолога Пола Экмана [11], ложь – это действие, которым один человек вводит в заблуждение другого, делая это умышленно без предварительного уведомления о своих целях и без отчетливо выраженной со стороны жертвы просьбы не раскрывать правды. Французский психолог Жорж Дюпра [4, с. 242] определяет ложь, как акт внушения, при помощи которого стараются умышленно поселить в уме другого

какое-либо положительное или отрицательное верование, которое сам внушающий считает противным истине.

Из сказанного следует, что под феноменом лжи в основном подразумевается осознанное, заранее несоответствующее истине высказывание, преследующее своей целью введение в заблуждение объекта лжи. В этой связи возникает закономерный методологический вопрос о том, какие общепсихологические теории могут быть использованы для выяснения психологических механизмов этого психического явления.

По нашему мнению, теориями-кандидатами, описывающими психический процесс лжи и объясняющими его причинно-следственные отношения, могут выступать теория интегральной индивидуальности В.С. Мерлина [8], согласно которой ложь можно рассматривать как индивидуальный стиль деятельности; теория установки Д.Н. Узнадзе [13], по которой ложь может выступать в качестве стереотипа целесообразного поведения; транзакционный анализ Э. Берна [1], с позиций которого ложь можно трактовать как особенность поведения человека, пребывающего в детском эго-состоянии; концепция механизмов психологической защиты З. Фрейда [15], согласно которой ложь является неизбежным следствием таких защитных механизмов как рационализация (объяснение недопустимого поведения допустимыми причинами), регрессия (возврат к детским формам поведения), вытеснение – активное, мотивированное устранение информации из сознания.

Список литературы :

1. Берн Э. Транзакционный анализ в психотерапии. М.: Эксмо, 2008. 256 с.
2. Библиотека «Полка букиниста»: значимые книги зарубежных и отечественных авторов // Определения понятия «ложь». 2006-2019гг. Электронный ресурс [Режим доступа]: URL: <http://polbu.ru/> (Дата обращения 09.09.2019г.).
3. Большой словарь по психологии онлайн: www.psychologist.ru /Электронный ресурс – [Режим доступа]: URLhttps://www.psychologist.ru/dictionary_of_terms/index?id=1024 (Дата обращения 11.09.2019г.).
4. Вержурובה А.Н., Цветкова О.А. Вербальные и невербальные признаки лжи // Омские социально-гуманитарные чтения-2017: Материалы XМеждународной научно-практической конференции. - Омск: ОГТУ, 2017. – С. 240-245.
5. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. 2008-2019 гг. / Электронный ресурс – [Режим доступа]: URL: <https://www.slovardalja.net/word.php?wordid=20765> (Дата обращения 10.09.2019г.).
6. Зубкова, Е.С. Отношение ко лжи в русской и американской культурах // Актуальные проблемы языкознания. СПб.: СПбГУ «ЛЭТИ», 2018. Т.7. С. 212-218.

7. Ильин, Е.П. Психология общения и межличностных отношений / Е.П. Ильин. - Электронный ресурс – [Режим доступа]: URL: <https://e-libra.ru/read/367633-psihologiya-obscheniya-i-mezhlichnostnyh-otnosheniy.html> (Дата обращения 10.09.2019г.).

8. Мерлин, В.С. Психология индивидуальности: Избранные психологические труды / В.С. Мерлин. М.: Изд-во МПСИ, 2009. 544с.

9. Официальный сайт электронных энциклопедий, словарей, справочников. Вокабула. 2013-2019гг. / Электронный ресурс – [Режим доступа]: URL: <http://www.вокабула.рф> (Дата обращения 11.09.2019г.).

10. Скрыпник О.В., Рудакова О.А. Феномен «лжи» и особенности его понимания // Проблемы современного педагогического образования. Сер. Педагогика и психология. Ялта: РИО ГПА, 2016. Вып. 52. Ч.1. С. 430-438.

11. Спирица, Е.В. Психология лжи и обмана. Как разоблачить лжеца. СПб.: Питер. 2015. - Электронный ресурс – [Режим доступа]: URL: <https://psy.wikireading.ru/3725> (Дата обращения 10.09.2019г.).

12. Толковый словарь русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова. 2019г. / Электронный ресурс – [Режим доступа]: URL: <https://gufo.me/dict/ushakov> (Дата обращения 09.09.2019г.).

13. Узнадзе Д.Н. Общая психология. М.: Смысл, 2004. – 413 с.

14. Филипова Т.С., Нестеров А.Ю. Жизнь без лжи // XIII Королевские чтения: Международная молодежная научная конференция. Тезисы докладов. Самара: СГАУ, 2015. Т.2. С. 342.

15. Фрейд З. О психоанализе // Я и Оно. – М.: Эксмо, 2016. – С. 303-354.

16. Чугуй А.А. Особенности представлений о лживом поведении в романтических отношениях // Электронный научно-практический журнал «Гуманитарные научные исследования». - Электронный ресурс – [Режим доступа]: URL: <http://human.snauka.ru/2013/07/3509> (Дата обращения 11.09.2019г.).

ОСОБЕННОСТИ МОТИВАЦИИ СУБЪЕКТА ЛЖИ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ИСПОЛЬЗУЕМОГО СПОСОБА ВВЕДЕНИЯ В ЗАБЛУЖДЕНИЕ ОБЪЕКТА ЛЖИ

Башкатов Сергей Александрович,
профессор кафедры генетики и фундаментальной медицины,
декан биологического факультета ФГБОУ ВО «Башкирский
государственный университет», доктор биологических наук,
кандидат психологических наук, профессор;

Фрей Алина Игоревна,
магистр психологии, директор ООО «Сперо», г. Уфа, Россия

Ложь, обман, неправда – наука и быт оперируют множеством слов, придавая важное и вместе с тем противоречивое значение явлению введения в заблуждение. Парадоксальность феномена лжи проявляется с точки зрения

нравственности. Сознательное, намеренное введение в заблуждение имплицитно воспринимается в негативном ключе. Однако философия, наука и житейская психология часто сходятся во мнении об обыденности и даже необходимости лжи на всех уровнях социального взаимодействия [15].

В XX веке существенно возрос интерес к вопросам истинности, правдивости и, как следствие, лживости [18]. На сегодняшний день психологическая литература насчитывает большое количество работ, посвященных изучению процесса, содержания, мотивации и обнаружения лжи в человеческом общении. Заслуживает внимания мнение ряда авторов, что для выявления лжи не обязателен учет фактической неправдивости высказывания [20] и успешности самой попытки исказить информацию [16]: наиболее значимыми факторами выступают намеренное введение в заблуждение, осознанность самого акта субъектом лжи, а также вера в истинность получаемой информации объекта лжи.

Анализ феномена введения в заблуждение присутствует в работах многих отечественных специалистов: В.В. Знакова, А.Р. Лурия, А.Н. Тарасова, В.В. Зеньковского, С.И. Симоненко, А.Р. Ратинова, В.А. Образцова, И.И. Аминова, А.М. Столяренко, Р.Р. Гарифуллина, И.К. Мельник и др. Общепризнано, что в повседневной жизни люди склонны не проводить различий между словами «ложь», «обман», «неправда» и т.д. Сам факт введения в заблуждение, несмотря на его распространенность и даже обыденность, свойственность для каждого человека, ассоциируется с негативным, социально порицаемым действием, нарушающим нормы морали и нравственности [4]. По всей видимости, дифференциация правды и истины во многих случаях имела имплицитный интуитивный компонент, что привело к появлению в научной литературе большого количества определений этих понятий.

Например, в Толковом словаре С.И. Ожегова ложь трактуется как намеренное искажение истины, неправда, обман [12]. Л. Витгенштейн рассматривает ложь с позиций лингвофилософии в качестве «языковой игры», необходимой для оказания воздействия на других людей [22].

В.В. Знаков пишет, что «ложь – это сознательное искажение известной субъекту истины, которая представляет осознанный продукт речевой деятельности субъекта, имеющий своей целью ввести в заблуждение собеседника» [6]. Обман автором понимается как некая полуправда, когда человек сообщает только часть истинной информации, утаивая значимые моменты.

А.А. Козулева считает актуальным высказывание известного отечественного философа и психолога В.В. Зеньковского, охарактеризовавшего ложь в качестве неверного высказывания, направленного на введение в заблуждение другого человека [8]. Ж. Дюпра определяет ложь как психосоциальный акт внушения, при помощи которого лжец стремится умышленно посеять в уме другого какое-либо верование, которое сам считает несоответствующим истине [5]. По мнению Е.П. Ильина, ложь, обман и неправда отражают содержательную объективную сторону коммуникации, а не ее субъективный контекст [7]. В своей книге «Психология лжи» американский психолог

П. Экман рассматривает ложь в качестве поведения одного человека, вводящего в заблуждение другого человека, без предварительного уведомления о его целях, а также без просьбы объекта лжи не раскрывать правду [19].

Таким образом, в наиболее общем виде ложь понимается как отсутствие правды или истины, что обуславливает целесообразность анализа этих научных категорий в рамках компонентной структуры лжи, предложенной Б.Ф. Ломовым [11], в которой одним из наиболее важных компонентов выступает мотивационный [17].

Понятие мотива является одним из центральных в отечественной теории деятельности, согласно которой он определяется как опредмеченная потребность [9]. К.К. Платонов справедливо заметил, что мотивация представляет собой совокупность мотивов личности, а мотивационный компонент лжи представляет собой комплекс мотивов, внутренних и внешних, осознаваемых и не осознаваемых причин, способствующих реализации действий по намеренному введению в заблуждение для удовлетворения актуальной потребности [13]. В классической работе «Ложь в праве» О. Липманн и Л. Адам замечают, что истина дана объективно и нуждается только в обнаружении, а ложь не существует изначально и формируется под влиянием личностных мотивов в ответ на воспринимаемую социальную ситуацию взаимодействия [10].

Многие авторы, среди которых В.В. Знаков, В. Штерн, Ж. Дюпра, Ю.И. Холодный, И.О. Вагин и др., отмечают роль получения выгоды как одного из ведущих мотивов лжи, что обуславливает важность его понимания и анализа [14; 2]. Д. Ариели утверждает, что, несмотря на существование мотива ко лжи, сдерживающим либо поощряющим фактором является групповая толерантность ко лжи, при этом конфликт нравственности и решается соотношением получаемой выгоды и риска наказания [1].

На сегодняшний день остается открытым и заслуживает изучения вопрос о выборе способа введения в заблуждение в зависимости от особенностей личностной мотивации. Под способом понимается используемый вид введения в заблуждение, наиболее разработанной типологией которого выступает классификация, предложенная М. МакКорнаком в рамках теории манипулирования информацией [3]. В ее основе лежит положение о том, что любое взаимодействие, предусматривающее намеренное введение в заблуждение, происходит с нарушением четырех основных принципов: качества, количества, манеры и уместности информации [21]. Так, нарушение принципа качества заключается в позиционировании ложной информации как истинной; нарушение принципа количества предполагает предоставление неполной информации; нарушение принципа манеры выражается в демонстрации неясной и двусмысленной информации; нарушение принципа уместности проявляется в предоставлении информации, не имеющей прямого отношения к предмету обсуждения.

Таким образом, осознанное введение субъектом в заблуждение другого человека (объекта) имплицитно воспринимается в обществе как нарушение норм морали. Вместе с тем, ложь в той или иной степени неразрывно связана с

функционированием общества, и это диктует необходимость исследования психологических механизмов этого явления с позиций общей психологии, психологии личности, истории психологии.

Список литературы :

1. Ариели Д. Вся правда о неправде. Почему и как мы обманываем. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. 288 с.
2. Вагин И.О. Психология выживания в современной России / И.О. Вагин. М.: Астрель, 2004. 352 с.
3. Вихман А.А. Лживость в структуре интегральной индивидуальности: автореф. дисс. канд. психол. наук. Пермь, 2011. 27 с.
4. Грачев В.Г., Мельник И.К. Манипулирование личностью: организация, способы и технологии информационно-психологического воздействия. М.: Ин-т философии РАН, 1999. 235 с.
5. Дюпра Ж. Ложь. Пер. с франц. Феокритова П.С. Саратов: Новь, 1905. 97 с.
6. Знаков В.В. Неправда, ложь и обман как проблемы психологии понимания / В.В. Знаков // Вопросы психологии. 1993. - №2. С. 9-16.
7. Ильин Е.П. Психология общения и межличностных отношений. СПб: Питер, 2009. 576 с.
8. Козулева А.А. Подходы к пониманию лжи и ее проявления на психофизическом, психологическом и социально-психологическом уровнях функционирования психики // Сибирский юридический вестник. 2009. №3. С.67-73.
9. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Смысл, Академия, 2005. 352 с.
10. Липманн О., Адам Л. Ложь в праве. Предисл. и пер. Брусиловский А.Е. Харьков: Юридич.изд-во Украины, 1929. 48 с.
11. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984. 226 с.
12. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М.: Оникс, 2010. 736 с.
13. Платонов К.К. Структура и развитие личности. М.: Наука, 1986. 254 с.
14. Симоненко С.И. Психологические основания оценки ложных и правдивых сообщений: автореф. дисс. канд. психол. наук. М., 1998. 26 с.
15. Степин В.С. Новая философская энциклопедия: В 4 тт. М.: Мысль, 2001. 560 с.
16. Фрай О. Ложь: три способа выявления. СПб: Прайм-Еврознак, 2006. 286 с.
17. Церковная И.А. Многомерно-функциональное исследование лживости как индивидуально-психологической особенности личности: автореф. дисс. канд. психол. н. Екатеринбург, 2005. 24 с.

18. Чахоян А.С. Понятие лжи: дифференциальная диагностика // Теоретическая и экспериментальная психология. 2015. №2. С. 74-80.
19. Экман П. Психология лжи. СПб: Питер, 2018. 384 с.
20. Mahon J. The Truth about Kant on Lie / J. Mahon // British Journal for the History of Philosophy. 2006. №14 (4). P. 653-685.
21. Masip J., Garrido E., Herrero C. Defining deception // Anales de psicologia. 2004. №20. P.150-174.
22. Wittgenstein L. Aufzeichnungen für Vorlesungen über «privates Erlebnis» und «Sinnesdaten». Vortrag über Ethik und andere kleine Schriften. Frankfurt am Main, 1995. S. 47-100.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ К БИОМЕТРИЧЕСКИМ ТЕХНОЛОГИЯМ КАК СРЕДСТВАМ ЗАЩИТЫ ДОКУМЕНТОВ, УДОСТОВЕРЯЮЩИХ ЛИЧНОСТЬ, И МЕТОДАМ ИХ КОНТРОЛЯ

Бочарова Ольга Станиславовна,
ведущий специалист-эксперт ЗАО «НПП Регула», доцент
кафедры правовых дисциплин филиала РГСУ в г. Минске,
кандидат юридических наук, член-корреспондент МНО МАИТ,
г. Минск, Республика Беларусь

Биометрическая технология – это отрасль науки и производства, представляющая методы и технические средства получения и использования биометрических характеристик человека в целях его идентификации (верификации, аутентификации или распознавания) [1, с. 230]. Биометрические технологии активно применяются во многих связанных с обеспечением безопасности областях, в статье же рассмотрим применение биометрических технологий для идентификации личности при проверке документов.

К документам, удостоверяющим личность, (далее – ID документ) относятся национальные паспорта, национальные ID-карты, биометрические виды на жительство, удостоверение беженца, национальное удостоверение личности моряка и проездной документ. В ряде стран ID документом является водительское удостоверение.

Главные функции биометрической системы состоят в идентификации и верификации/аутентификации личности предъявителя ID документа. Для целей и задач криминалистики наиболее важной функцией является идентификация личности, при этом учитывается различие между терминами «идентификация», «аутентификация» и «верификация». Идентификация

(биометрическая) – процедура, базирующаяся на технологии распознавания образов, и предназначенная для однозначного определения личности человека на основе его биометрических характеристик при сравнении их с заданными эталонами [1, с. 231]. Аутентификация – подтверждение идентичности представленного образца одноименному эталону, хранящемуся в памяти системы распознавания; аутентификация реализуется на основе проверки утверждения о том, что представленный образец есть именно тот, за кого он себя выдает [1, с. 229]. Верификация – дополнительная проверка результата распознавания с целью установления истинности этого результата; верификация реализуется аналогично аутентификации [1, с. 230].

Идентификация в биометрической системе проходит четыре стадии:

- запись – физический или поведенческий образец запоминается системой;
- выделение – уникальная информация выносится из образца и составляется биометрический образец;
- сравнение – сохраненный образец сравнивается с представленным;
- совпадение/несовпадение – при совпадении биометрических образцов система выносит положительное решение либо отрицательное решение в случае несовпадения.

Биометрические образцы являются физическими и поведенческими характеристиками субъекта. Биометрическая характеристика человека (БХЧ) – это измеряемая физическая характеристика или персональная поведенческая черта [1, с. 13]. К физическим БХЧ относятся характеристики лица, отпечатки пальцев, геометрия руки, рисунок вен, изображения радужной оболочки и сетчатки глаза, видео- и термоизображение лица, а в последнее время – изображения ушной раковины, отпечатки губ, запах тела, структура ДНК. Поведенческие БХЧ: манера работы на клавиатуре компьютера (клавиатурный почерк), динамика выполнения подписи и рукописного текста, голос, походка и др. Область знаний, представляющая методы измерения физических характеристик и формулирования персональных поведенческих черт человека и их использования для идентификации или аутентификации человека называется биометрикой.

Являясь частью общей системы защиты от подделки ID документа, биометрические технологии должны, с криминалистической точки зрения, отвечать следующим требованиям.

Во-первых, общим требованиям, предъявляемым к биометрическим технологиям, независимо от области их использования. К их числу относятся: обеспечение низкой погрешности идентификации личности (статистические ошибки первого и второго рода при принятия решений); обладание высокой чувствительностью; предоставление удобства и простоты использования; обеспечение высокой пропускной скорости; обладание надежностью и т.д.

Во-вторых, используемые в ID документах биометрические технологии должны отвечать требованиям, предъявляемым к средствам защиты документа от подделки. К числу таких требований следует отнести:

-воспроизводимость защитной системы в полном объеме. Речь идет о воссоздании идентичных свойств одного и того же объекта в различные промежутки времени с использованием тех же биометрических технологий; об идентичности воспроизводимых в устройствах образов одного и того же объекта; об идентичности свойств материалов, использованных для изготовления партии, серии устройств; об отображении в устройствах уникальных свойств использованного при производстве оборудования или особенностей технологии и степень устойчивости этих признаков;

-невозможность обмана системы за счет ложного или искаженного ввода информации о свойствах (например, ввод не отпечатка пальца, а его изображения);

-устойчивость во времени при воздействии на ID документ обычных эксплуатационных факторов и при несанкционированных вмешательствах.

Криминалистическая практика свидетельствует, что нередко объекты, подлежащие исследованию, претерпевают те или иные изменения из-за разнохарактерных воздействий. При этом независимо от состояния такого объекта представляется необходимым решить вопрос о его подлинности и происхождении. На основании это представляется важным решение вопроса о том, как изменяются свойства устройства при воздействии на него; пригодно ли устройство после тех или иных воздействий (и каких) для целей криминалистической идентификации (чаще всего это решение вопроса о том, изготовлен ли объект на оборудовании и с использованием материалов той или иной компании), возможно ли установление подлинности ID документа в случае его частичного повреждения:

-нераскрываемость (невоспроизводимость) элемента иными средствами (применительно к биометрическим технологиям важным являются ответы на следующие вопросы: так ли уникально оборудование, с использованием которого изготавливаются объекты; уникальна ли технология, которая используется; имеются ли ограничения на продажу, приобретение и перемещение используемого оборудования и технологий со стороны спецслужб государств, где оно производится, а также со стороны производителя; возможно ли декодирование информации и изменение ее; степень воспроизведения в «подделках» свойств объектов, контролируемых до уровня подлинника);

-несохраняемость элементом (средством) некоторых своих свойств в случае воздействия на ID документ с целью его частичной подделки (данное свойство очень важно с точки зрения решения криминалистической задачи обнаружения и фиксации следов воздействия на ID документ, а также о невозможности переноса объекта с одного ID документа на другой);

-независимость защитных элементов друг от друга (в противном случае раскрытие одного элемента защиты вызовет раскрытие и всей системы);

-контролируемость элемента защиты (возможность установления подлинности).

Прежде всего, следует определить, в зависимости от решения указанных выше задач, перечень тех признаков подлинности, которые устойчиво отображаются в объекте при его эксплуатации, применительно к следующим уровням контроля: производителя; судебно-экспертных учреждений, специальных служб, контролирующих оборот документов; лиц, осуществляющих указанный оборот; лиц, участвующих в обороте. При этом, как показывает практика, наиболее сложным является обеспечение последних двух уровней. Сбой на этих уровнях ведет к неконтролируемому обороту ID документа. Как правило, максимальная эффективность противодействия подделкам обеспечивается при условии оснащения служб третьего уровня приборами оперативного контроля.

В-третьих, используемые в ID документах биометрические технологии должны быть специально разработаны или адаптированы для используемых при изготовлении ID документов, удостоверяющих личность, технологий их печати.

Наконец, информация о личности владельца биометрического ID документа должна иметь тот же формат (или приводиться к нему), что и информация в соответствующих национальных и межгосударственных базах данных о преступниках или иной категории лиц. Вместе с тем следует особо оговориться, что если задача тестирования, сертификации и стандартизации биометрических систем с позиций их производителей в достаточной степени разрешена, то вопрос о признании корректности этих процедур, а также способов извлечения признаков и их обработки с позиций судебной практики для многих биометрических систем остается открытым.

Современные ID документы являются машиносчитываемыми и с каждым годом обновляются, становясь все более защищенными. Машиносчитываемыми в ID документах являются машиносчитываемая зона (MRZ) и бесконтактная интегральная схема (RFID-чип). MRZ расположена в нижней части страницы с персональными данными и определяется ICAODoc 9303 Part 3 [2]: две строки символов выполняются чернилами IRB900 Ink (поглощение в ближней части ИК диапазона) [3]. Данный вариант считывания называется оптическим – используется специальный шрифт OCR-B из стандарта ISO 1073-2 [4].

В 2001 году Техническая консультативная группа по машиносчитываемым проездным документам (МСПД) пришла к выводу о возможности использования для удостоверения личности БХЧ, сохраняемых в электронном виде. В качестве основной биометрической характеристики было выбрано и рекомендовано лицо, а в качестве технологии хранения данных бесконтактная карты радиочастотной идентификации (RFID-чип). Данные дактилоскопических отпечатков пальцев или радужной оболочки глаза являются факультативными. При этом необходимо отметить, что использование в паспортах отпечатков пальцев достаточно давняя традиция, касающаяся в основном стран Средней Азии (Пакистан, Афганистан) и Ближнего Востока. Правда, в них использовались наиболее примитивные

технологии нанесения откатанного в саже оттиска одного, реже двух пальцев на кусочке белой бумаги, которая в последующем приклеивалась в специально выделенной зоне паспорта и покрывалась ламинирующей пленкой. Кроме того, в RFID-чип вносится информация о владельце документа из MRZ и элемент защиты данных с помощью шифровальной технологии PKI [5,7]. В 2003 году на заседании TAG/MRTD в Новом Орлеане была принята резолюция о биометрических документах и государства-члены ООН подписали Нью-Орлеанское соглашение, согласно которому основным условием идентификации личности была признана биометрическая информация. Электронный паспорт – машиносчитываемый ID документ, в который имплантирован RFID-чип. Термин «электронный паспорт» (или e-passport) обозначает паспорт, обеспечивающий биометрическую идентификацию, а его считывание называется электронным. В литературе в качестве синонима термина «электронный паспорт» часто используется термин «биометрический паспорт». Введение e-passports вызвано необходимостью совершенствования процесса идентификации личности, повышению эффективности борьбы с терроризмом и нелегальной миграцией посредством биометрической защиты ID документов от подделки, возможностью автоматизированного считывания данных с RFID-чипа.

ICAO, устанавливающая стандарты в области биометрических паспортов, выбрала лицо как основу биометрики и разработало требования к её качеству. Согласно рекомендациям ICAO 190 государств-членов этой организации взяли на себя обязательства дополнительно включать в свои паспорта, визы и другие МСПД биометрические характеристики: отпечатки пальцев и/или изображение радужной оболочки глаза. ICAO допускает также включение в чип других биометрических характеристик и иной информации, необходимой для проверки аутентичности владельца документа.

Ведущие страны мира разделили программу выпуска e-passports на два этапа. На первом этапе в паспорт имплантируется RFID-чип с информацией страницы данных: двухмерное цифровое фотоизображение лица, в соответствие со стандартом ISO/IEC 19794-5 [6], и персональные данные из MRZ (первое поколение e-passports). На втором этапе в паспорт имплантируется RFID-чип, содержащий отпечатки пальцев и/или изображение радужной оболочки глаза (второе поколение e-passports). В обоих случаях на обложку паспорта наносится один и тот же логотип микросхемы [9, с. 11]

Первые e-passports были введены в Малайзии в 1998 году. С апреля 2010 года ряд государств начал выдавать только биометрические паспорта, содержащие в RFID-чипе двухмерное цифровое фотографическое изображение лица, подпись, отпечатки пальцев и/или изображение радужной оболочки глаза. Сегодня около 60 стран выдают своим гражданам e-passports.

Оснащение ID документа RFID-чипом поставило производителей паспортов перед проблемой: бумага не предназначена для помещения в неё RFID-чипа и его защиты. Необходимы новые материалы и механизмы включения RFID-чипа в паспорт. Существует два решения для помещения

RFID-чипа в ID документ. Первое решение: в паспорте есть поликарбонатная страница с персональными данными и вмонтированным RFID-чипом. На RFID-чип (антенна, микросхема и подложка) наносится слой поликарбоната, а поверх – ламинирующее покрытие. Через это покрытие лазерной гравировкой записываются персональные данные. Второе решение: внедрение RFID-чипа в обложку паспорта (передний или задний форзацы) или в специально отведенные для этого более плотные страницы [8]. При этом внешний вид и буклет традиционного паспорта сохраняется. В качестве примера: поликарбонатная страница с RFID-чипом используется в паспортах России, Австрии, Германии, Дании, Финляндии, Швеции, Норвегии, Новой Зеландии, Сингапура; RFID-чип внедрен в центральную страницу паспорта Австралии; в США, Великобритании, Бельгии, Голландии, Таиланде RFID-чип помещен в задний форзац документа, а Исландия использует вкладыш в обычный паспорт.

Появление биометрических паспортов связано с увеличением числа поддельных ID документов, а также с необходимостью точной идентификации личности владельца документа [10]. Основной проблемой при установлении личности предъявителя ID документа и проверки подлинности последнего является отсутствие необходимых для этого специальных знаний и экспертных приборов. Специальные знания относительно структуры ID документов, их средств защиты и экспертных методик контроля подлинности можно получить пройдя специальную подготовку. Однако возникают ситуации, когда установить подлинность ID документа и личность его предъявителя необходимо «здесь и сейчас». В таком случае незаменимы специальные приборы, использование которых не потребует специальных знаний и не предполагает прохождение специальной подготовки [11].

В современном мире пересечение границ государств невозможно без ID документа, который подвергается проверкам, регламентированным в национальных нормативных правовых актах, сотрудниками подразделений пограничного контроля или миграционных служб.

В соответствии с определенным алгоритмом действий визуально (проверка 1-го уровня) и с использованием технических средств (проверка 2 уровня) устанавливается: соответствие ID документов образцу; факт легальной выдачи ID документа; срок его действия и правильность заполнения; наличие либо отсутствие в ID документе частичных подделок; проводится перекрестное сопоставление видимых данных, данных MRZ и RFID-чипа с применением специальных считывающих устройств. Проводится идентификация личности, проверяется не состоит ли предъявитель на учете лиц, которым въезд в страну не разрешен, не проходит ли по учетам объявленных недействительными или утерянных документов. По окончании данных процедур, если лицо подлежит пропуску через границу, в ID документе проставляются соответствующие отметки. Данный алгоритм позволяет в полной мере решать задачи по обеспечению национальной безопасности путем проверки ID документов и идентификации личности.

Однако установление действительности ID документа определяется человеческим фактором, поскольку именно человек контролирует состояние ID документа и принимает решение о пропуске через границу.

Аналогичным образом, но только без использования приборов, происходит идентификация личности во всех иных случаях, когда возникает необходимость предъявления ID документа – в суде, у нотариуса, адвокатом, представителем таможни, банка, администратором отеля и др. В общем случае исследование ID документов включает установление с помощью различных приборов наличия/отсутствия совокупности технологически сложных для воспроизведения элементов и средств защиты, характерных для подлинного ID документа, и принятие решения о подлинности проверяемого документа [12].

Существующие элементы и средства защиты призваны обеспечить защиту ID документов от подделки и возможность их контроля и при экспресс-исследовании, и на уровне судебно-экспертного исследования. В настоящее время в основном разрабатываются «публичные» защитные элементы визуального контроля, большинство которых являются машиночитаемыми. Современные ID документы требуют наличия явных (и ярких) «публичных» признаков для оперативного контроля подлинности документа без специального исследования. Производители защищенных ID документов ищут решения по разработке сбалансированного комплекса «публичных» и экспертных защитных признаков с учетом международного стандарта ICAODoc 9303 [13]. Кроме того, любой ID документ должен приниматься во всем мире, быть совмещен со считывающей аппаратурой, которой оснащены терминалы в разных странах.

Особое внимание при проверке ID документа уделяется странице с персональными данными владельца. Защита этой страницы паспорта или стороны ID-карты – одна из насущных проблем, и, как правило, именно на ней делается акцент защитных технологий. Сегодня паспорта большинства стран содержат поликарбонатную страницу с персональными данными, хотя и страница, покрытая ламинатом (нередко это голографический ламинат), не теряет своих позиций. В попытках опередить методы подделки постоянно совершенствуются методы защиты ID документов, однако сам документ все больше становится лишь носителем информации – идентификация личности проводится путем сравнения внешних данных с данными в документе.

Технологии экспресс-контроля ID документов – это технологии, которые помогают оперативно установить подлинность ID документов. Они не заменяют экспертов – они лишь обеспечивают более высокий уровень проверки и быстроту ее проведения. Существуют различные технологии экспресс-контроля ID документов, но все они состоят из следующих частей:

-устройство для сканирования ID документа: к ним относятся специализированные считыватели паспортов и ID-карт, смартфоны, веб-камеры и планшетные сканеры, которые могут считывать скопированные документы. При этом специализированные считыватели позволяют получать изображения страниц ID документа в видимом (отраженном, проходящем,

скользящем) свете (400-650 нм), в УФ (365 нм) и ИК (870 нм отраженный и проходящий) свете различных длин волн, в белом коаксиальном свете (400-650 нм), проверять OVD, OVI и скрытые изображения, считывать все виды биометрических документов. Для оптического распознавания используется схема с белым и ИК освещением, которая дает высококонтрастное изображение с низким уровнем помех от фонового изображения и элементов защиты, в ней автоматически устраняются блики от ламинирующих покрытий и голограмм, устанавливается интенсивность УФ-света и компенсируется воздействие внешнего освещения [15].

-программное обеспечение и библиотека образцов ID документов: программа по специальному алгоритму проверяет средства защиты, имеющиеся в документе, и сравнивает изображение документа с образцом, хранящимся в библиотеке. Проводится автоматическая проверка подлинности бланка документа и его заполнения по анализу текстовой, графической и скрытой (IPI) информации в различных спектральных диапазонах. Алгоритмы используются для объединения результатов проверок и оценки их, чтобы установить подлинность ID документа. Считыватель автоматически находит и распознает MRZ, оптически распознает символы OCR визуальной зоны и проверяет ее подлинность по соответствию правилам заполнения MRZ и расчету контрольных сумм.

Отдельные считыватели позволяют проводить дополнительные проверки по базам данных, стоп-листам, по факультативным биометрическим данным; осуществляют перекрестное сравнение информации из RFID-чипа, MRZ, бар-кодов и видимых данных, установление мест внесения изменений, поддельных, просроченных и несуществующих документов. В обработку графических полей документа включается анализ штрих-кодов и биометрических данных: фотоизображения владельца документа, подписи, отпечатков пальцев и др. [15] Считыватели на смартфонах имеют возможности удаленной проверки – передавать изображения исследуемого документа из пункта пропуска в лабораторию судебному эксперту для получения консультаций по спорным моментам.

Считыватели обеспечивают более эффективную проверку ID документов, чем традиционные визуальные и приборные проверки: требуется меньше времени на проверку, нет необходимости проведения специальной подготовки специалистов. Принцип действия таких приборов основан на автоматическом считывании и распознавании закодированных данных и сопоставлением их с открытой информацией в ID документе.

В процессе анализа и сравнения текстовой информации происходит перекрестное сравнение считываемых данных из MRZ и визуальной зоны ID документа. При наличии RFID-чипа, штрих-кода или контактного ID-чипа также производится их перекрестное сравнение. Помимо прочего осуществляется проверка любых дат на действительность, проверка достоверности имен и фамилий по спискам стоп-слов и нулевых номеров документов. Особенностью операции анализа и сравнения текстовой

информации являются полное или частичное сравнение полей документа, объединение данных, полученных из нескольких страниц документа, поддержка вычисляемых полей (возраст и др.), транслитерация в латинские символы в соответствии со стандартом ICAODoc 9303 [2] для сравнения с MRZ. Считывание и распознавание всех форматов MRZ происходит в соответствии со стандартом ICAODoc 9303 и ISO 18013 [17].

В процессе экспресс-контроля любого ID документа производится проверка цвета люминесценции бланка, области MRZ и области фотоизображения для установления наличия или отсутствия факта воздействия на вносимые персональные данные, проверка контраста печати MRZ (IR B 900) для установления легального ее заполнения.

Несмотря на то, что в случае обнаружения подделки при автоматизированном чтении RFID-чипа устанавливается расхождение между данными визуальной зоны и данными в чипе, ICAO на своих конференциях устанавливает рекомендуемые дополнительные средства защиты биометрических ID документов.

В настоящее время дискуссионным является вопрос о чипе, как основном способе защиты ID документа, или же как одном из методов ускорения проверки документов. Большинство экспертов склоняется к мысли, что RFID-чип в современном ID документе является одним из элементов его защиты и применяется в комплексе с другими элементами и средствами защиты (защитными признаками), что RFID-чип не является сам по себе документом, а лишь дополняет информацию в паспорте или ID-карте.

Список литературы :

1. Кухарев, Г. А. Биометрические системы : методы и средства идентификации личности человека / Г. А. Кухарев. – СПб. : Политехника, 2001. – 240 с
2. Doc 9303, Machine Readable Travel Documents Part 3 – Specifications Common to all MRTDs. ICAO 2015
3. ISO 1831:1980, Printing specifications for optical character recognition
4. ISO 1073-2:1976, Alphanumeric character sets for optical recognition – Part 2: Character set OCR-B – Shapes and dimensions of the printed image
5. Волеводз А.Г. Стандарты безопасности удостоверяющих личность документов с биометрическими данными в РФ и ЕС / А.Г. Волеводз // Вестник МГИМО-Университета. – 2015. – № 1. – С. 193-208.
6. ISO/IEC 19794-5:2011 Information technology — Biometric data interchange formats — Part 5: Face image data (IDT)
7. Doc 9303, Machine Readable Travel Documents Part 9 – Deployment of Biometric Identification and Electronic Storage of Data in MRTDs. ICAO 2015
8. Андреев, А. Электронный паспорт. Основные константы // Электроника: Наука, Технология, Бизнес. – 2006. – № 8. – С. 82–89.
9. Использование биометрических характеристик человека для защиты персональных данных электронных паспортов: учебное пособие / О. С.

Бочарова и др. ; НПЦ Гос. ком. судеб. экспертиз Респ. Беларусь. – Минск : право и экономика, 2017. – 42 с.

10. Бочарова О. С. Биометрическая идентификация личности: вопросы теории и практики / О. С. Бочарова // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов : Международная научно-практическая конференция (Минск, 24 января 2018 г.) : Тезисы докладов. – Минск, Академия МВД, 2018. – С. 222-223

11. Бочарова О. С. Считыватели документов «Регула» для проверки подлинности документов, удостоверяющих личность, в адвокатской и нотариальной деятельности / О. С. Бочарова, И. П. Шумский // «Информационные технологии и право (Правовая информатизация – 2018)». Материалы VI международной научно-практической конференции (г. Минск, 17 мая 2018 г.)

12. Бочарова О. С. Приборное обеспечение проведения экспертизы защищенных документов // Криминалистическое сопровождение расследования преступлений: проблемы и пути их решения: сб. науч. тр. – Москва: Проспект, 2016. С. 43-50

13. Doc 9303, Machine Readable Travel Documents Part 2 – Specifications for the Security of the Design, Manufacture and Issuance of MRTDss. ICAO 2015

14. Шумский И. П. Оборудование для проверки подлинности документов // Технологии безопасности: Производственно-практический ж-л №1 (10), 2010. – Минск: ООО «Аэркомбел», 2010. С. 31-32

15. Бочарова О. С. Новые возможности автоматического считывания и приборной проверки подлинности документов, удостоверяющих личность // «Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях». Материалы VI Международной научно-практической конференции «Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях», посвященная памяти заслуженного юриста РФ, доктора юридических наук, профессора Ю. К. Орлова, (г. Москва, 19-20 января 2017 г.). М.: Проспект, 2017. С. 63–66

16. Бочарова О. С., Новые разработки компании Регула для экспертных исследований и неразрушающего контроля подлинности / О. С. Бочарова, И. П. Шумский // «Евразийское партнерство судебных экспертов: вызовы, проблемы, пути решения и перспективы развития» Материалы Международной научно-практической конференции, (г. Минск, 19-20 апреля 2018 г.). Минск: Право и экономика, 2018. С. 78-83

17. ISO/IEC 18013-2:2008 Information technology. Personal identification ISO-compliant driving licence Part 2: Machine-readable technologies

ВОПРОСЫ ОГРАНИЧЕНИЯ ОСНОВОПОЛАГАЮЩИХ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА ПРИ ДНК-РЕГИСТРАЦИИ

Букаев Николай Михайлович

профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики
Оренбургского института (филиала) ФГБОУ ВО
Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кута-
фина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор

Волосова Нонна Юрьевна

заведующая кафедрой уголовного права Оренбургского
государственного университета, доктор юридических наук,
доцент, г. Оренбург, Россия

3 декабря 2008 г. в Российской Федерации был принят Федеральный закон № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации». В соответствии со ст. 2 данного закона целью государственной геномной регистрации является идентификация личности человека по его геномному коду. Принятие данного закона разделило как исследователей, так и общество в целом на два лагеря, основу мнения которых составляют аргументы «за» и «против» такой регистрации.

Аргументы «за» геномную регистрацию рядом исследователей основаны на необходимости расширения использования новых знаний в расследовании преступлений, в том числе «повышения эффективности и совершенствования такого приоритетного направления как экспертно-криминалистические учеты. Данный вид учета позволяет установить конкретное лицо путем сопоставления профиля ДНК, содержащейся в объектах биологического происхождения (волосы, слюна, кровь и т.д.), изъятых на месте происшествия, с базой данных лиц» [1]. Среди доводов также указывается, что в большинстве зарубежных стран геномная регистрация предусмотрена и успешно используется для расследования уголовных дел, базы данных достаточно обширны и постоянно пополняются. Во многих странах обсуждается вопрос о введении геномной паспортизации всего населения, в ряде стран такая паспортизация уже введена.

Среди положительных моментов геномной регистрации отмечается возможность, предоставленная Федеральным законом № 242-ФЗ, разыскать пропавших без вести граждан, установить личность неопознанного трупа, установить родственные отношения разыскиваемых (устанавливаемых) лиц. Это только небольшой положительный эффект от формирования ДНК-учета.

Ряд исследователей являются противниками геномной регистрации. Главным их аргументом является существенное нарушение общепризнанных прав и свобод человека при ее производстве, опасность утечки информации и возможность ее последующего несанкционированного использования.

Отвечая на высказанные опасения, следует отметить, что в соответствии со ст. 3 Федерального закона № 242-ФЗ государственная геномная регистра-

ция проводится с соблюдением общепризнанных прав и свобод человека и гражданина в соответствии с принципами законности, гуманизма, конфиденциальности, сочетания добровольности и обязательности. Такая регистрация не должна представлять опасность для жизни и здоровья человека, унижать его честь и достоинство.

Геном человека является достаточно информативным, он содержит фенотипическую информацию. Однако, как отмечается рядом зарубежных и отечественных исследователей, важны в исследовании и использовании только маркеры или локусы, аллели которых не связаны с какой-либо фенотипической информацией [2]. Они имеют только идентификационную ценность, не предоставляя никакой медицинской информации [2]. Любые правила, касающиеся использования анализа ДНК, должны учитывать важность использования этого типа генетических маркеров. В Федеральном законе № 242-ФЗ установлено, что геномная информация является персональными данными, включающими кодированную информацию об определенных фрагментах дезоксирибонуклеиновой кислоты физического лица или неопознанного трупа, не характеризующими их физиологические особенности.

Озабоченность вызывает возможность злоупотребления при использовании полученных данных и возможность доступа к ним лиц неуполномоченных. Право на конфиденциальность относится к основным правам человека, определять границы которой вправе только само лицо. Защита конфиденциальной информации в разрезе рассматриваемой темы, обеспечивается, прежде всего, ст. 23 Конституции РФ, а также положениями Федерального закона № 242-ФЗ.

Среди прав, которые по мнению некоторых исследователей, могут быть нарушены при подготовке таких баз данных, является право на личную свободу. Ими отмечается, что это право нарушается принудительным анализом, когда субъект может выступать и выступает против проведения теста. Принуждение к такому анализу подразумевает игнорирование желания лица и отсутствие его согласия на его проведение, что может быть рассмотрено как нарушение его права на свободу. В этой ситуации возникает конфликт между интересами государства и общества и личными интересами определенного лица.

Эта проблема свойственна многим государствам, которые используют ДНК-регистрацию. В большинстве государств предпочтение отдается государственным и общественным интересам. В частности, это прослеживается в законодательстве тех стран, где предусмотрена ДНК-регистрация всего населения. Например, в Исландии в базах содержатся генотипы всего населения страны. В других государствах регистрации подлежат только лица, совершившие определенные правонарушения. В частности, такая система учета существует во всех штатах США, причем достаточно продолжительное время. Еще в конце 1980-х годов федеральным правительством был решен вопрос о системе национальных, штатных и местных баз данных ДНК, а также порядке хранения и обмена профилями ДНК. Эта система называется Объединенной

системой индекса ДНК (CODIS). Ее преимуществом является возможность сравнить доказательства, полученные на месте преступления, с базой данных всех профилей ДНК, полученных от осужденных преступников; связать доказательства ДНК, полученные из разных мест преступления, что может позволить и позволяет идентифицировать серийных преступников.

В решениях Верховного Суда Индии, которые затрагивают вопросы ДНК-тестов, указывается, что личная свобода, гарантированная Конституциями штатов, не является абсолютной, и может быть ограничена. В деле Говинд Сингх против штата Мадхья-Прадеш Верховный суд постановил, что основное право должно подлежать ограничению на основании необходимости защиты общественного интереса. В другом случае Харк Сингх против штата Уттер Прадеш, Верховный суд постановил, что право на неприкосновенность частной жизни гарантированное Конституцией, может быть ограничено [3].

Изученное зарубежное законодательство и правоприменительная практика позволяют прийти к следующему выводу, что в процессе расследования преступлений предпочтение отдается защите государственных и общественных интересов при получении и использовании ДНК-регистрации. При этом в государствах создаются максимально возможные условия для соблюдения основных прав и свобод человека при таком использовании.

Как показал проведенный анализ зарубежного законодательства и правоприменительной практики, основной целью усилий государств является выработка общих подходов, позволяющих, с одной стороны, защитить права человека, с другой стороны, – наиболее эффективно использовать достижения современной науки в расследовании преступлений и выявлении лиц их совершивших.

Думается, что говорить о существенном нарушении основополагающих прав и свобод человека, не обеспечении конфиденциальности при проведении ДНК-учета было бы не верно, но расширить правовые гарантии защиты таких прав и свобод полагаем необходимо.

Список литературы:

1. Данилкин И.А., Белевцов И.Ю., Захаров И.П. ДНК - технологии в судебно-экспертной деятельности: проблемы и перспективы развития // Вестник экономической безопасности. 2015. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dnk-tehnologii-v-sudebno-ekspertnoy-deyatelnosti-problemy-i-perspektivy-razvitiya> (дата обращения: 14.08.2019)
2. Guillén M, Lareu MV, Pestoni C, et al Ethical-legal problems of DNA databases in criminal investigation // Journal of Medical Ethics 2000;26:266-271. URL: <https://jme.bmj.com/content/26/4/266>
3. Dr. Nirpat Patel, Vidhwansh K Gautaman, ShyamSundar Jangir, Dr. Harisingh Gour, Sagar, The Role of DNA in Criminal Investigation – Admissibility in Indian Legal System and Future Perspectives // International Journal of Humanities and Social Science July 2013; Volume 2; Issue 7: 15-21: URL: www.ijhssi.org

ИНТЕГРАЦИЯ МЕТОДОВ ДНК-АНАЛИЗА В КРИМИНАЛИСТИКУ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ТЕНДЕНЦИЙ ЭВОЛЮЦИИ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

Варданыян Акон Вараздатович
начальник кафедры криминалистики и ОРД
Ростовского юридического института МВД России,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
г. Ростов-на-Дону, Россия

Интегративная природа криминалистики как науки, зародившейся во второй половине 19 в. в ответ на вызовы быстро адаптировавшейся к реалиям индустриального общества преступности, актуализирует непреходящий характер ассимиляции в нее средств, приемов и методов из самых разных отраслей знания, эволюционирующего по мере закономерного прогресса человеческой мысли. Будучи призванной обеспечить следственные и судебные органы научно-обоснованными и эффективными средствами и приемами раскрытия, расследования, предотвращения преступлений, криминалистика развивается синхронно с социумом, с позиций деятельностного подхода рассматривая закономерности противоправной деятельности и предлагая, на основе их всестороннего познания, адекватные криминалистические рекомендации. В криминалистической литературе хорошо известна продолжавшаяся на протяжении десятилетий оживленная полемика относительно принадлежности криминалистики к юридическому и/или естественно-техническому знанию, обусловленная спецификой возлагаемых на криминалистику задач, теоретико-методологической основы, источников, методов. Несмотря на то, что в соответствии с действующей номенклатурой научных специальностей, криминалистика отнесена к юридическим наукам, в силу действия универсальных законов развития научного знания (прежде всего его интеграции и дифференциации), она не может не испытывать на себе влияние иных наук, причем не только естественно-технических, но и гуманитарных (например, при определении этических стандартов взаимодействия следователя с иными участниками судопроизводства, проведении лингвистических исследований и т.д.).

Ассимиляция в криминалистику достижений иных наук с последующей их адаптацией применительно к нуждам следственно-судебной практики детерминирована совокупностью общих и специальных методов криминалистики. Среди последних принято различать собственно-криминалистические методы и специальные методы других наук. В контексте рассматриваемых проблем актуальность приобретает, прежде всего, интеграция достижений в криминалистику таких естественно-технических наук, как медицина, биология и их прикладных направлений: генетика, молекулярная биология. Эволюционируя в соответствии с собственными предметами и методами в рамках поставленных перед ними задач, нередко они являют своим результатом научную

продукцию, реализация которой в рамках криминалистики не только служит повышению эффективности борьбы с преступностью, но и порой выводит эту борьбу на качественно иной уровень, открывая перед следственно-судебными органами новые возможности.

Так, изначально генетика формировалась как наука о закономерностях наследственности (получивших в научной литературе наименование «законы Менделя», - исследователя, стоявшего у истоков генетики) и изменчивости организмов. Дальнейшие исследования в этой сфере позволили выявить роль генов как элементарных носителей генетической информации, разработать хромосомную теорию наследственности, осуществить расшифровку структуры ДНК. Современный уровень развития генетики позволяет идентифицировать каждого человека в результате исследований индивидуальных особенностей его ДНК, включая возможность определения идентичности двух представленных на исследование биологических объектов как принадлежащих одному лицу (либо, напротив, исключения происхождения данных объектов от определенного лица) [1, с. 85 – 140].

Колоссальная теоретическая и практическая ценность достижений в области генетики способствовала их выходу за пределы данной отрасли и принятию на вооружение, прежде всего, криминалистикой. В итоге социальная отдача от интеграции данных достижений в науку криминалистику и в практическую деятельность следственно-судебных органов существенно превзошла те ожидания, которые возлагались на генетику в период ее становления. Так, доказательственная база по уголовным делам о различных категориях преступлений: насильственных посягательствах на личность (убийствах, причинении тяжкого вреда здоровью, изнасилованиях и т.д.), совершении взрыва, поджога, иных общеопасных действий на почве экстремистских или террористических побуждений, все чаще содержит в качестве неопровержимых изобличающих доказательств результаты анализа ДНК преступника. Кроме того, именно результаты ДНК-анализа в ряде случаев позволяют установить личность жертв посягательств, если иные методы вследствие сильного повреждения трупов оказываются бессильными.

Вместе с тем, во многих случаях в результате судебных экспертиз по представленным биоматериалам по различным причинам так и не удается выделить ДНК и установить генетический профиль его носителей. На недостижении необходимого результата в ряде случаев сказываются такие факторы, как деградация (разрушение) молекул, недостаточное количество ядерной ДНК, произошедшее смешение ДНК-содержащего биоматериала от нескольких лиц и т.п. Также имеются нарекания к процессу выявления, фиксации, изъятия с соблюдением необходимых правил к объектам, представляемым на экспертное исследование, обеспечивающим несомненность источника происхождения данного биоматериала. Однако значительно сдерживает идентификационные возможности генетических исследований изначально ограниченный объем базы данных геномной информации.

В соответствии с Федеральным законом РФ от 03.12.2008 № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» осуществление государственной геномной регистрации предусмотрено как в добровольном, так и в обязательном порядке. Добровольная государственная геномная регистрация возможна в отношении гражданина Российской Федерации, лица без гражданства, иностранного гражданина, проживающего или временно пребывающего на территории Российской Федерации, на основании заявления заинтересованного лица и платно. Обязательной государственной геномной регистрации, осуществляемой за счет средств федерального бюджета, может подвергаться ограниченный круг лиц: - осужденных и отбывающих наказания в исправительных учреждениях за тяжкие или особо тяжкие преступления, либо любые посягательства на половую свободу и половую неприкосновенность личности; - неустановленных лиц, если принадлежащий им биоматериал изъят в результате осуществления следственных действий (преимущественно, осмотра места происшествия). Также процедура обязательной государственной геномной регистрации распространяется в отношении неопознанных трупов. В ряде случаев обращение к базе данных геномной информации дает положительный результат. Например, в ходе проведения осмотра места происшествия был изъят следы вещества бурого на марлевый тампон. Согласно заключению эксперта, на данном объекте обнаружена ДНК мужчины и определен его генетический профиль, который совпадает с генетическим профилем Г., поставленного на учет в ФБДГИ, как лица, осужденного и отбывающего наказание в виде лишения свободы за ранее совершенное деяние [2].

Вместе с тем, далеко не всегда к преступлениям оказываются причастны ранее судимые лица. Также, несмотря на выявление в ходе осмотра места происшествия соответствующего биоматериала, с высокой вероятностью принадлежащего виновному, скрывшемуся с места преступления, не всегда конкретизирован круг возможных подозреваемых, что позволило бы изъять необходимые для сравнительного исследования биологические объекты у их родственников по крови. Аналогичные трудности возникают в отношении установлении личности обнаруженных трупов, в отношении которых нет информации относительно родственных связей (неопознанных трупов). В этих случаях возможности генетических исследований ограничиваются установлением сведений довольно общего характера относительно региона происхождения лиц – носителей представленных биологических материалов, соответственно – при наличии в базе такой информации.

В этой связи нам импонирует идея о всеобщей геномной регистрации на территории Российской Федерации – граждан РФ, иностранных граждан и лиц без гражданства, постоянно проживающих либо временно пребывающих на территории нашей страны [3, с. 16 – 22]. Помимо разрешения идентификационных задач, раскрытия колоссального количества неочевидных преступлений, возможности всеобщей геномной регистрации населения позволили бы дать ответы на вопросы диагностического характера, значимые для всестороннего установления обстоятельств, подлежащих доказыванию в ходе расследо-

вания по уголовному делу (антропологические признаки, определенные заболевания и предрасположенность к ним, родственные связи и т.д.). Разумеется, идея всеобщей геномной регистрации имеет не только сторонников, но и противников, выражающих опасения правового, этического, технического характера, а также касающиеся последствий допущения следственных или экспертных ошибок при обнаружении, изъятии и исследовании биоматериала. Выражается также озабоченность касательно несанкционированного доступа к базам данных и уничтожения (повреждения) этих объектов, а равно разглашения информации, характеризующей присущие определенному лицу индивидуальные признаки, относящиеся в том числе к охраняемой законом тайне (врачебной и т.п.). Безусловно, многие из приведенных доводов заслуживают внимания, хотя бы с точки зрения гарантированного обеспечения защиты прав и законных интересов личности, включая право на уважение чести и достоинства человека, личную неприкосновенность, тайну частной жизни и т.д. В данном направлении требуется проведение определенной работы нормотворческого характера, исключающего доступ к персональной информации вне случаев, прямо предусмотренных законом, и ее неконтролируемое разглашение. Вместе с тем, несмотря на отдельные моменты, действительно требующие более детальной проработки, само по себе введение всеобщей геномной регистрации населения актуализировало бы новый качественный уровень борьбы с преступностью, причем в плане раскрытия не только текущих деяний, но и оставшихся нераскрытыми преступлений прошлых лет.

Принятие законодательства о всеобщей геномной регистрации и его реализация в следственно-судебной деятельности взаимосвязаны с потребностью в дальнейшей эволюции подходов к ДНК-идентификации человека, структурировании и систематизации геномной информации в соответствующих базах данных, совершенствованию порядка ее использования в свете гарантий защиты прав и законных интересов личности. Однако не менее существенным вкладом представляются современные достижения в сфере генетики и для развития в данном направлении как теоретико-методологических, так и прикладных аспектов криминалистики, ибо, как известно, по мере накопления нового знания нередко возникает потребность в эволюции существующей парадигмы. На стыке научных положений в области криминалистики и генетики возникло такое специфическое направление исследований, как криминалистическая генетика (ДНК-криминалистика). Исследователями неоднозначно определяется место данной развивающейся сферы знания – на уровне частной криминалистической теории [4, с. 88 – 93], а также отрасли криминалистической техники [5, с. 88; 6, с. 134].

Как известно, всестороннее, полное и объективное установление обстоятельств преступного деяния, доказывание виновности в его совершении конкретного лица немислимо без реализации положений теории криминалистической идентификации [7, с. 12 – 19], «красной нитью» проходящей сквозь все базовые и прикладные положения криминалистической науки. Не является исключением и формирующаяся система знаний, исследующая возможности

применения результатов ДНК-анализа в раскрытии и расследовании преступлений. Однако рассмотрение криминалистической генетики (ДНК-криминалистики) в рамках криминалистической техники сужает ее потенциал. Криминалистическая генетика (ДНК-криминалистика) являет своим предметом закономерности формирования генетических свойств человека и их отражения в совокупности идентификационных признаков, а также основанные на познании данных закономерностей средства и методы выявления и изъятия носителей соответствующей генетической информации, методики осуществления их исследований с целью определения (исключения) идентичности (генетического родства) личности в процессе всестороннего установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу. Поэтому хотя ДНК-исследования предполагают работу со специфическими объектами биологического происхождения, в широком смысле являющихся следами, их роль не менее важна в рамках не только криминалистической техники, но и всех остальных разделов криминалистики. Так, рассмотрение возможностей ДНК-анализа на уровне частных криминалистических методик расследования отдельных видов преступлений (например, экстремистской и террористической направленности) существенно повышает теоретическую и практическую ценность данных методико-криминалистических рекомендаций.

Таким образом, фундаментальный характер ДНК-исследований, их всесторонняя разработанность в рамках естественнонаучного знания, органичное соответствие концептуальным положениям криминалистики и неисчерпаемый потенциал в практике расследования преступлений, обуславливает целесообразность рассмотрения криминалистической генетики на более глубинном уровне, а именно с позиций частной криминалистической теории.

Список литературы :

1. Аминев Ф.Г. Эволюция подходов к ДНК-идентификации личности / Д.А. Чемерис, А.М. Сагитов, Ф.Г. Аминев, В.И. Луценко, Р.Р. Гарафутдинов, А.Р. Сахабутдинова, Р.Г. Васильев, Я.И. Алексеев, П.А. Сломинский, Э.К. Хуснутдинова, А.В. Чемерис // Биомика. 2018. Т. 10. № 1. С. 85-140
2. Уголовное дело № 1-186/2018. Самарский районный суд г. Самары.
3. Аминев Ф.Г. Геномная регистрация всего населения и этические вопросы формирования и использования соответствующих баз данных // Актуальные проблемы судебно-экспертной деятельности в уголовном, гражданском, арбитражном процессе и по делам об административных правонарушениях. Материалы VII Международной научно-практич. конф. Уфа, 2018. С. 16 – 22;
4. Перепечина И.О. Генетическая идентификация как частная криминалистическая теория и новая отрасль криминалистической техники// Современная криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы: Материалы Междунар. научно-практич. конф., посв 90-летию со дня рождения Заслуженного деятеля науки РФ, Заслуженного юриста РСФСР, доктора

юридических наук, профессора Николая Павловича Яблокова. – М.: МАКС Пресс, 2015. С. 88 – 93.

5. Колдин В. Я. Судебная идентификация. М.: ЛексЭст, 2002. С. 88;

6. Яблоков Н.П., Головин А.Ю. Криминалистика: природа и система. – М.: Юрист, 2005. С. 134

7. Эксархопуло А.А., Макаренко, И.А. К вопросу о сущности криминалистической идентификации // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2019. № 2. С. 12-19

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДНК-АНАЛИЗА В РАССЛЕДОВАНИИ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Вашенко Борис Михайлович,
адъюнкт Восточно-Сибирского института МВД России,
г. Иркутск, Россия

В настоящее время, учитывая уровень развития общественных отношений, научно-техническое обеспечение деятельности правоохранительных органов и органов государственной власти и уровень преступности вопросы совершенствования деятельности следователя и специалиста при проведении осмотров мест происшествия являются более чем актуальными [1, с. 188]. Именно поэтому ежегодно на самом высшем уровне поднимается вопрос о совершенствовании работы по раскрытию и расследованию преступлений, как одного из приоритетного направления реформирования правоохранительной системы. Одним из ключевых направлений совершенствования деятельности является регистрационная, а именно криминалистическая регистрация. Являясь обеспечивающей по отношению ко всей деятельности по раскрытию и расследованию преступлений, а также комплексной, по мнению С.А. Ялышева, должна принять на себя дополнительную функцию - функцию криминалистического информационного сопровождения и поддержки принятия обоснованных криминалистических решений в процессе раскрытия и расследования преступлений [2, с. 27]. Безусловно, одним из перспективных направлений является ДНК-регистрация. Поэтому при раскрытии и расследовании преступлений особое внимание следует уделять изъятию следов для ДНК-анализа. В этой части следует согласиться с О.П. Грибуновым отметившим, что «в настоящее время правоприменительная практика к судебно-экспертной деятельности выдвигает качественно новые требования [3, с. 89]. Не исключением является расследование дорожно-транспортных преступлений.

Анализ состояния обеспечения безопасности дорожного движения в России Федерации и в частности, дорожно-транспортных преступлений, позволят заключить, что не смотря на снижения количества зарегистрированных преступлений за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации

транспортных средств на 4,1% в 2018 году, а именно – 20144 преступлений [4], ситуация остаётся крайне напряжённой. В ДТП ежегодно погибает десятки тысяч человек, поэтому качественное расследование данных преступлений и своевременное привлечение к уголовной ответственности виновных лиц оказывает влияние на предупреждение ДТП.

При совершении дорожно-транспортных преступлений участились случаи, когда водитель транспортного средства, после совершения ДТП, в целях избежания уголовной ответственности, меняет свое месторасположение в автомобиле и помещает за руль тело пострадавшего пассажира. Таким образом, осуществляется противодействие расследованию преступлений, о котором неоднократно было отмечено ранее в литературе [5, 6]. Безусловно, такие действия совершаются при отсутствии свидетелей и очевидцев, поэтому единственным доказательством обратного будут являться возможности использования специальных знаний, а именно результаты экспертиз. Одним из перспективных направлений считаем исследования потожировых следов с помощью ДНК-анализа.

Поэтому, как уже ранее было отмечено, при осмотре места происшествия необходимо особо уделять внимание получению данных следов [7].

В качестве объектов непосредственного осмотра с целью обнаружения следов рук и потожировых следов в автомобиле предлагаются следующие места.

На месте водителя подлежат обследованию кресло, руль автотранспортного средства, рычаг переключения коробки передач, панель приборов, место крепления ремня безопасности, зеркало заднего вида, ключи зажигания или кнопка зажигания, ручной тормоз, подголовник, с целью обнаружения фрагментов волос и крови, стекло и ручки двери водителя как с наружи, так и внутри. Порой отпечатки пальцев и потожировые следы снаружи на ручке двери водителя принадлежат выжившему, а следы рук погибшего водителя отсутствуют.

На месте пассажира обследованию подлежат кресло, стекло и ручки двери снаружи и внутри, место крепления ремня безопасности, панель перед пассажиром, бардачок, лобовое стекло, подголовник.

Вокруг автотранспортного средства необходимо обследовать след обуви, в том числе следы волочения, где также могут быть фрагмент крови пострадавшего.

Вполне очевидно, что универсальных рекомендаций по тактике проведения осмотра места происшествия при ДТП подготовить крайне сложно. Конкретные места осмотра в целях обнаружении следов пригодных для ДНК-анализа определяются в зависимости от конкретной следственной ситуации, обусловленной поведением всех участников ДТП.

Подводя определенные итоги, следует отметить, что активная работа по обнаружению и изъятию следов биологического происхождения при осмотре мест дорожно-транспортного преступления будет способствовать эффективному получению доказательственной базы по расследуемым уголовным де-

лам, в том числе не допускать фактов фальсификации со стороны участников ДТП.

Список литературы:

1. Грибунов О.П. Всеобщая дактилоскопическая регистрация граждан как элемент реализации криминалистического предупреждения преступлений // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 402. С. 188-191.
2. Ялышев С.А. Криминалистическая регистрация: Проблемы, тенденции, перспективы: Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук. - СПб., 1999.
3. Грибунов О.П. Судебные экспертизы, назначаемые при расследовании преступлений против собственности, совершаемых на транспорте // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2016. № 1 (76). С. 89-97.
4. Статистика. Официальный сайт МВД России. Состояние преступности в России за 2018 гг. // <http://mvd.ru/presscenter/statistics/reports/item/209743/>
5. Грибунов О.П. К вопросу о противодействии преступлениям, совершаемым на объектах транспорта // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2013. № 2-2. С. 117-120.
6. Головин А.Ю., Грибунов О.П., Бибииков А.А. Криминалистические методы преодоления противодействия расследованию транспортных преступлений: монография. Иркутск, 2015.
7. Грибунов О.П., Трубкина О.В., Третьякова Е.И. Тактические особенности проведения следственного осмотра. Учебное пособие / Иркутск, 2016.

ОПЫТ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ В ОБЛАСТИ СУДЕБНЫХ КОМПЬЮТЕРНО-ТЕХНИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ЭКСПЕРТИЗ

Вехов Виталий Борисович,
профессор кафедры юриспруденции, интеллектуальной
собственности и судебной экспертизы Московского
государственного технического университета имени Н.Э. Баумана
(национального исследовательского университета),
доктор юридических наук, профессор, академик РАЕ,
Заслуженный деятель науки и образования РАЕ,
г. Москва, Россия

Анализ новелл действующего отечественного законодательства, научной юридической литературы, материалов следственной и судебной практики свидетельствует о том, что электронные следы – электронные носители и со-

держась в их памяти компьютерная информация стали все чаще использоваться в качестве доказательств в уголовном, административном, гражданском и арбитражном процессах. Например, в связи с массовым использованием в уголовном судопроизводстве материальных носителей рассматриваемой категории и содержащейся в их памяти информации УПК России был дополнен нормами, регламентирующими порядок работы с ними[1; 2]. Причем, производство отдельных процессуальных действий закон запрещает производить без участия специалистов в названной отрасли знаний[3, с. 49-50]. Относительно последней, отметим следующее.

В конце XX – начале XXI века стало очевидно, что компетенции инженеров, осуществляющих свою профессиональную деятельность в сфере программного обеспечения, связи, телекоммуникаций, автоматизированных систем управления и защиты информации, уже не могут в полной мере удовлетворить все возрастающие потребности практики правоохранительных органов и судов по обеспечению качественного обнаружения, фиксации, предварительного и судебно-экспертного исследования, хранения и использования электронных следов и доказательств. Одновременно с этим учеными на повестку дня был поднят вопрос о целесообразности разработки криминалистического учения о компьютерной информации и средствах ее обработки, условно названной «электронная криминалистика»[4; 5], а также теории судебной компьютерно-технической экспертизы, которые находятся в объективной науковедческой связи[6; 7].

Начиная с 2008 года, в рамках федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по специальности 40.05.03 Судебная экспертиза (уровень специалитета) подготовку таких специалистов по очной форме обучения осуществляет единственный в России вуз – Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет). Партнерами реализации учебной программы являются Следственный комитет Российской Федерации, Российский федеральный центр судебных экспертиз при Министерстве юстиции Российской Федерации, Федеральное государственное бюджетное учреждение «Центр экспертизы и координации информации» Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации[8]. С одной стороны, в соответствии с заключенными договорами эти организации обеспечивают ежегодный целевой набор студентов, прохождение ими практик в период обучения, последующее трудоустройство выпускников, с другой – руководители и высококвалифицированные сотрудники, имеющие соответствующие ученые степени и звания в рассматриваемой отрасли научных знаний, их профильных структурных подразделений участвуют в проведении учебных занятий и государственной итоговой аттестации.

Акцентируем внимание на том, что получаемое студентами образование относится как к области юридических знаний (соответствует научной специальности 12.00.12 – криминалистика, судебно-экспертная деятельность, оперативно-розыскная деятельность), так и инженерно-технических (инфор-

мационные технологии). В связи с чем, с учетом специализации изучаемые учебные дисциплины условно подразделяются на:

1) общеобразовательные – история, логика, физическая культура и спорт, иностранный язык, философия, русский язык в деловой документации, основы управления и др.;

2) общие юридические – теория государства и права; международное, конституционное, гражданское, административное, уголовное и трудовое право; право интеллектуальной собственности; гражданский и уголовный процесс; правоохранительные органы; профессиональная этика и служебный этикет и др.;

3) общие технические – основы технических знаний, математика, информатика, основы алгоритмизации и программирования, электротехника, схемотехника телекоммуникационных устройств, базы данных, операционные системы, периферийные устройства, Интернет-технологии; электронные платежные средства и системы;

4) профессиональные юридические – криминалистика; теория судебной экспертизы; судебная фотография и видеозапись; естественнонаучные методы судебно-экспертных исследований; технико-криминалистическая экспертиза документов; трасология и трасологическая экспертиза; судебная экспертиза веществ, материалов и изделий; участие специалиста в процессуальных действиях;

5) профессиональные специализированные – судебные инженерно-технические экспертизы, судебная компьютерно-техническая экспертиза, компьютерные технологии в экспертной деятельности, методы и средства экспертного исследования компьютерных средств и мобильных устройств.

Для закрепления и совершенствования полученных теоретических знаний, приобретения опыта проведения судебных компьютерно-технических исследований и экспертиз электронных следов, помимо лабораторных работ, начиная со второго курса, учебным планом предусмотрены ознакомительная, профессиональная, научно-исследовательская и преддипломная практики в специализированных экспертно-криминалистических подразделениях правоохранительных органов, научно-исследовательских организаций и учреждений, осуществляющих свою деятельность в области электронной криминалистики и судебных экспертиз. По итогам их прохождения оформляются соответствующие комплекты отчетной документации и осуществляется устная защита полученных результатов.

Обучение специалистов рассматриваемого вида заканчивается сдачей комплексного экзамена по дисциплинам криминалистика, теория судебной экспертизы, судебная компьютерно-техническая экспертиза, а также подготовкой и защитой выпускной квалификационной работы, которая является продолжением научно-исследовательской работы, выполняемой студентами на 4 курсе. Их тематика предусматривает теоретико-прикладные изыскания в области создания новых и совершенствования существующих методических рекомендаций, приемов и технических средств для обнаружения, фиксации, изъ-

тия, предварительного и судебно-экспертного исследования, оценки электронных следов и доказательств.

Вместе с тем, следует признать тот факт, что количество ежегодно выпускаемых названным вузом специалистов рассматриваемого вида не может в полном объеме удовлетворить возрастающие потребности современной правоприменительной практики.

Список литературы:

1. Основы теории электронных доказательств: монография / под ред. д-ра юрид. наук С.В. Зуева. М., 2019. 400 с.
2. Развитие информационных технологий в уголовном судопроизводстве: монография / под ред. д-ра юрид. наук С.В. Зуева. М., 2018. 248 с.
3. Вехов В.Б. Электронные доказательства: проблемы теории и практики // Правопорядок: история, теория, практика. 2016. № 4. С. 46-50.
4. Вехов В.Б. Криминалистическое учение о компьютерной информации и средствах ее обработки: дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2008. 561 с.
5. Вехов В.Б. «Электронная криминалистика»: понятие и система // Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики: сб. трудов участников Международной научно-практической конференции (г. Ростов-на-Дону, 25 мая 2017 г.). РнД, 2017. С. 40-46.
6. Усов А.И. Концептуальные основы судебной компьютерно-технической экспертизы: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2002. 402 с.
7. Россинская Е.Р. К вопросу о частной теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. Ч. II. Юридические науки. Тула. 2016. № 3. С. 109-117.
8. Кафедра «Юриспруденция, интеллектуальная собственность и судебная экспертиза»: официальный сайт в информационно-телекоммуникационной сети Интернет. URL: ipf.bmstu.ru.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ НАЗНАЧЕНИЯ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ ПРИ РАССМОТРЕНИИ ДЕЛА О ПРЕСТУПЛЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО

Габдрашитова Венера Рауиловна
старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса
Института права БашГУ, г. Уфа, Россия

В современных условиях усиления состязательности в уголовном судопроизводстве возросло значение судебно-экспертной деятельности в формировании объективной доказательственной базы [1, с. 66].

Согласно УПК РФ, при производстве предварительного расследования и судебного разбирательства по уголовному делу о преступлении, совершенном несовершеннолетним, наряду с доказыванием обстоятельств, предусмотренных ст.73 УПК РФ, установлению подлежат обстоятельства, указанные в ст.421 УПК РФ: 1) возраст несовершеннолетнего, число, месяц и год рождения;2) условия жизни и воспитания несовершеннолетнего, уровень психического развития и иные особенности его личности;3) влияние на несовершеннолетнего старших по возрасту лиц (ч.1).

Возраст несовершеннолетнего (число, месяц и год его рождения) должен быть подтвержден документами: свидетельством о рождении, паспортом или установлен экспертами. Согласно постановлению Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» от 1 февраля 2011 г. лицо считается достигшим возраста, с которого наступает уголовная ответственность, не в день рождения, а по его истечении, т.е. с нуля часов следующих суток. При установлении возраста несовершеннолетнего днем его рождения считается последний день того года, который определен экспертами, а при установлении возраста, исчисляемого числом лет, суду следует исходить из предлагаемого экспертами минимального возраста такого лица [8].

Согласно п.5 ст.196 УПК РФ, основанием для обязательного назначения и производства судебной экспертизы в целях установления возраста подозреваемого, обвиняемого и потерпевшего, когда это имеет значение для уголовного дела, является либо отсутствие документа, либо наличие документа, вызывающего сомнение в достоверности содержащихся в нем сведений. Поэтому, если у суда возникли сомнения в достоверности содержащихся сведений о возрасте несовершеннолетнего в его документе, то необходимо проведение судебно-медицинской экспертизы для установления возраста.

Однако несовершеннолетние, имеющие один и тот же паспортный возраст, могут существенно отличаться друг от друга по уровню психического развития [14]. Установление уровня психического развития несовершеннолетнего необходимо согласно п.2 ч.1. ст.421 УПК РФ. В юридической литературе констатируется, что у многих подростков наблюдается отставание уровня психического развития от паспортного возраста [6, с. 15]. И.А. Макаренко пишет, что для точного установления возраста несовершеннолетнего обвиняемого необходимо определение возраста не только хронологического, но и психологического, что особенно актуально на современном этапе развития общества в условиях, с одной стороны, акселерации подростков, с другой – бродяжничества и отставания в развитии [3, с. 68].

Судебно-медицинской экспертизой возраст подростков устанавливается с точностью до одного - двух лет [11, с. 233]. Как верно отмечает И.А. Макаренко, «даже если не учитывать психологическое развитие подростка, а ориентироваться на его хронологический возраст, установление возраста несовершеннолетнего с точностью до одного-двух лет, на наш взгляд, недопустимо, когда речь идет о

14-, 15-летнем обвиняемом. В связи с этим встает острая необходимость проведения не судебно-медицинской экспертизы установления возраста, а комплексной медико-психологической экспертизы определения уровня психического развития несовершеннолетнего обвиняемого» [3, с. 69].

Мы также считаем целесообразным при необходимости установления экспертным путем возраста подростка-подсудимого назначать комплексную судебную медико-психологическую экспертизу [2, с. 8, 34], поскольку только психолог, обладающий необходимыми специальными знаниями способен установить уровень психического развития подростка и соотнести его с биологическим возрастом. Указанное особенно важно, поскольку суду необходимо установить, был ли способен несовершеннолетний осознавать фактический характер и общественную опасность своих деяний, чтобы решить вопрос о его вменяемости, или освобождении его от уголовной ответственности в порядке ч.3 ст.20 УК РФ.

Согласно ч.2 ст.421 УПК РФ, при наличии данных, свидетельствующих об отставании в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, устанавливается также, мог ли несовершеннолетний в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими. Установление указанных вопросов имеет огромное значение, поскольку согласно ч.3 ст.20 УК РФ, если несовершеннолетний вследствие отставания в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, во время совершения общественно опасного деяния не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, он не подлежит уголовной ответственности.

Описываемое состояние, как отмечает Е.В. Марковичева, получило в литературе дискуссионное название «возрастная невменяемость» [7, с. 105]. Понятие возрастной невменяемости предполагает: 1) недостаточный для своего возраста уровень психического развития подростка, необходимый для осознания им в полной мере своих противоправных действий (бездействия) и их вредных последствий; 2) недостаточную способность сознательно руководить этими действиями для достижения поставленной преступной цели. В отличие от невменяемости, которая обусловлена психическим заболеванием, возрастная невменяемость зависит от особенностей социально-психического развития человека в подростковом возрасте и с взрослением проходит [10, с. 13].

Как отмечает Е.И. Цымбал, для установления факта отставания несовершеннолетнего в психическом развитии и оценки его влияния на поведение несовершеннолетнего в криминальной ситуации необходимы специальные познания в психиатрии и психологии, которыми обладают только эксперты [14]. «Экспертное решение о том, в полной или ограниченной мере несовершеннолетний мог осознавать значение своих действий и руководить ими, должно опираться на определенные комплексные психолого-психиатрические критерии оценок» [12, с. 402]. Из сказанного следует вывод, что для установления возрастной невменяемости несовершеннолетнего необходимо назначение ком-

плексной судебной психолого-психиатрической экспертизы [4, с. 136; 5, с. 41; 13, с. 40]. К такому выводу приходят и правоприменители [9, с. 481]. Необходимо также отметить, что решение указанного вопроса посредством обязательного назначения комплексной психолого-психиатрической экспертизы закреплено в УПК Республики Казахстан: «для решения вопроса о наличии у несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого психического заболевания или аномалии развития и его способности полностью или частично отдавать отчет в своих действиях и руководить ими в конкретной ситуации назначение комплексной психолого-психиатрической экспертизы обязательно» (ч.2 ст.489).

На это же указывается в постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» от 1 февраля 2011 г., согласно которому при наличии данных, свидетельствующих об отставании в психическом развитии несовершеннолетнего, в силу ст.ст.195 и 196, ч.2 ст.421 УПК РФ следует назначать комплексную психолого-психиатрическую экспертизу в целях решения вопроса о его психическом состоянии и способности правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела. При этом перед экспертами должен быть поставлен вопрос о влиянии психического состояния несовершеннолетнего на его интеллектуальное развитие с учетом возраста (п.14) [8].

Поэтому считаем необходимым дополнение ч.2 ст.421 УПК РФ нормой следующего содержания: «Для установления отставания несовершеннолетнего в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, и его способности в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими назначается комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза». Считаем также необходимым дополнить ст.196 УПК РФ п.6 следующего содержания: «отставание несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, и его способность в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими».

Список литературы:

1. Аминев Ф.Г., Аминев А.Ф. О некоторых подходах к повышению качества судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации // Международные и национальные тенденции и перспективы развития судебной экспертизы: сборник докладов международной научной конференции, г. Нижний Новгород, 16-17 мая 2019 г. Н. Новгород: Издательство Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, 2019. С. 65-72.
2. Дьяконова О.Г. Процессуальные проблемы назначения и производства психиатрических и психологических экспертиз по уголовным делам в отношении живых лиц. Дис. ... канд. юрид. наук. Оренбург, 2008. 218 с.

3. Макаренко И.А. Личность несовершеннолетнего обвиняемого как объект криминалистического исследования. М.: Издательство «Юрлитинформ», 2006. 352 с.
4. Макаренко И.А. Экспертиза как средство получения информации о личности несовершеннолетнего обвиняемого // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Право». 2006. Вып. 8. Т. 1. С. 134-138.
5. Марковичева Е.В. Некоторые проблемы доказывания по уголовным делам в отношении несовершеннолетних в российском уголовном процессе // Российский судья. 2008. № 1. С. 40-41.
6. Марковичева Е.В. Некоторые проблемы доказывания по уголовным делам в отношении несовершеннолетних, не подлежащих уголовной ответственности // Российский следователь. 2008. № 11. С. 15-16.
7. Марковичева Е.В. Проблемы установления возрастной невменяемости при производстве по уголовному делу в отношении несовершеннолетнего // Уголовное право. 2008. №4. С. 105-108.
8. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 1 от 1 февраля 2011 г. «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // Рос. газета. 2011. 11 февраля.
9. Прокурорско-следственная практика применения УПК РФ: Комментарий / Коротков А.П., Тимофеев А.В. М.: Издательство «Экзамен», 2005. 608 с.
10. Просвирнин В.Г. Особенности предмета доказывания по уголовным делам несовершеннолетних. Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2001. 24 с.
11. Судебная медицина: Учебник для вузов / Под общ. ред. В.В. Томилина. М.: Изд-во НОРМА, 2000. 376 с.
12. Судебная психиатрия: Учебник / Под ред. проф. А.С. Дмитриева, Т.В. Клименко. М.: Юрист, 1998. 408 с.
13. Тетюев С.В. Производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних. Учеб. пособие / Под ред. А.В. Кудрявцевой. М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2007. 192 с.
14. Цымбал Е.И. Экспертная оценка отставания в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством. Методические рекомендации. Часть I // Независимый психиатрический журнал. 2003. №4 // <http://www.npar.ru/journal/2003/4/evaluation.htm> (дата обращения 10.09.2019 г.)

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ НАЗНАЧЕНИЯ КОМПЬЮТЕРНОЙ ТЕХНИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Гайнельзянова Венера Равиловна,
старший преподаватель кафедры криминалистики
Уфимского юридического института МВД России,
кандидат юридических наук, г. Уфа, Россия

В настоящее время в обществе складывается такая ситуация, где все виды деятельности граждан и государства в целом охватывается компьютерными технологиями. С помощью компьютерной техники люди не только совершают правомерные действия, в частности зарабатывают, развиваются, но и активно злоупотребляют возможностями данных компьютерных технологий. Кроме того, увеличивается количество пользователей глобальной Сети, в то же время быстрыми темпами растет и количество преступлений, совершенных с использованием телекоммуникационных технологий.

Отметим, что большое количество преступлений совершается в сети Интернет из корыстных побуждений – кражи, мошенничества различных категорий и другие преступления. Также, с помощью компьютерных технологий осуществляются и призывы для вступления в ряды экстремистов, то есть в дальнейшем совершение террористических действий, в том числе деяний, направленных на дестабилизацию обстановки в государстве, на общественную безопасность и т.д.

При совершении действий экстремистского характера Интернет может применяться для распространений информации экстремистского характера, обеспечения деятельности экстремистских организация, в частности завлечение лиц в данную деятельность, проведение инструктажей среди участников преступных экстремистских формирований и др.

Чаще всего с помощью компьютерных технологий размещаются материалы, публичные призывы к действиям экстремистского характера. Публичность в данном случае является важным признаком, так как направлен на большую аудиторию, в частности распространение данного негативного явления направлено на распространение среди молодежи.

Отметим основные способы совершения преступлений экстремистской направленности с использованием сети Интернет:

1. Экстремистами осуществляется сбор необходимых сведений о лицах посредством сети Интернет;
2. Организуется сбор денежных средств для финансирования и поддержания преступной деятельности экстремистов;
3. Посредством глобальной сети и телекоммуникационных технологий создаются сайты, страницы, в которых содержатся сведения о лицах, поддерживающих идеологию экстремизма;
4. Путем психологического воздействия у экстремистов есть возмож-

ность обратиться с призывами экстремистского характера к большому количеству людей;

5. Привлечение лиц, для осуществления своих целей, заведомо не проинформированных о преступных действиях, например, специалистов в сфере компьютерных технологий.

Данная категория преступлений экстремистской направленности может осуществляться по всему миру из любой точки, тем самым и затрудняется его выявление и расследование в целом, так как не имеет территориальных границ. Так как субъекты преступления работают через несколько компьютеров и используют видоизмененные IP-адреса, местонахождение данных лиц обнаружить невозможно. Также существенно усложняется работа по документированию преступления по указанной категории преступлений и то, что создаются сайты-«однодневки», в которых меняются форматы и адреса.

При расследовании преступлений, связанных с экстремистской деятельностью может возникнуть необходимость в назначении и производстве самых разнообразных судебных экспертиз [1,19]. Мы не будем останавливаться на вопросах назначения и производства судебных экспертиз, которые относятся к категории традиционных и проводятся в существующих экспертных учреждениях. К ним в первую очередь относятся: дактилоскопические, трасологические, баллистические, почерковедческие, технико-криминалистические исследования документов и т. д. Указанные экспертизы достаточно подробно рассмотрены в юридической литературе[2,с.210]. и существенной специфики для рассматриваемой категории преступлений не имеют.

Рассматривая указанную категорию преступлений с использованием телекоммуникационных технологий существует необходимость назначения судебной компьютерной технической экспертизы. Результаты данной судебной экспертизы будут способствовать получению весомых доказательств по уголовному делу.

Вопросы, разрешаемые судебной компьютерной технической экспертизой разнообразны, например:

- является ли представленное на исследование техническое устройство средством электронно-вычислительной техники? Если да, то укажите тип, вид, назначение, техническое состояние и тактико-технические характеристики;
- какая информация содержится на машинных носителях, представленных на исследование;
- возможна ли раскодировка информации, записанной в сложных форматах? Если да, то каково ее содержание;
- какая компьютерная информация и в какой форме (файл, программа, документ) была стерта, скопирована, изменена (модифицирована), уничтожена;
- каковы индивидуальные признаки компьютерной информации, представленной на исследование: название, размер, дата и время создания, изменения (модификации)?

- когда и в какое время был создан файл (документ), представленный на исследование;
- возможно ли получение скрытой информации, касающейся проходящих по делу лиц (предметов, документов, событий), если да, то представьте ее в виде распечатки на бумажном носителе;
- изготовлены ли представленные документы с использованием печатающих средств компьютерной техники;
- какого типа (вида, класса) печатающее устройство (принтер) использовалось при изготовлении представленных на исследование документов;
- изготовлены ли представленные документы на одном или на разных печатающих устройствах (принтерах);
- подготовлены ли предъявленные на исследование документы на представленных на исследование печатающих устройствах (принтерах);
- какого рода программное обеспечение могло использоваться при подготовке и распечатке представленных на исследование документов;
- с помощью каких программно-аппаратных средств вычислительной техники был подготовлен документ (машинный носитель), представленный на исследование;
- каким паролем (кодом) осуществляется доступ к ЭВМ (системе ЭВМ, компьютерной сети, программе, файлу, периферийному устройству и т. п.), представленной на исследование;
- возможно ли сопряжение (соединение) представленного на исследование технического устройства с ЭВМ, системой ЭВМ или компьютерной сетью? Укажите тактико-технические характеристики аппаратуры.

Этот список вопросов не является исчерпывающим и может быть расширен исходя из обстоятельств конкретного уголовного дела. В затруднительных случаях при постановке вопросов следует консультироваться у самого эксперта.

Таким образом, хотелось бы отметить, что в целях борьбы с преступлениями, связанными с экстремистской деятельностью, необходим высокий уровень организации и деятельности правоохранительных органов, повсеместное внедрение в следственную практику научных методик расследования. Среди процессуальных действий досудебного производства по уголовным делам указанной категории наиболее специфичными являются следственные осмотры, допросы и некоторые судебные экспертизы.

Вместе с тем следует отметить, что имеется настоятельная необходимость дальнейшего совершенствования теоретической и практической базы раскрытия и расследования преступлений экстремистской направленности на основе глубокого анализа следственной и судебной практики, использования современных достижений юридической науки и передового зарубежного опыта.

Список литературы:

1. Алпеева М. А. Отдельные вопросы назначения экспертизы экстремистских материалов, задержанных при пересечении таможенной границы // Таможенное дело. 2013. № 2. С. 19–22.
2. Аверьянова Т. В. Судебная экспертиза: Курс общей теории, 2006; Назначение и производство судебных экспертиз в расследовании преступлений: учебное пособие / под ред. д.ю.н. Ф. Б. Мухаметшина. Уфа: Уфимский ЮИ МВД России, 2007; Аминев Ф. Г. и др. Назначение экспертиз и производство судебных экспертиз в расследовании преступлений: учебное пособие / под ред. Ф. Г. Аминева. Уфа: Уфимский ЮИ МВД России, 2008; Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. М., 2008 и др.

ПРОБЛЕМА ДОСТУПНОСТИ ГЕНЕТИЧЕСКОГО ТЕСТИРОВАНИЯ. БИОЛОГИЧЕСКОЕ НЕРАВЕНСТВО И ЕГО СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Галаяутдинова Лилия Юрьевна
старший преподаватель кафедры гражданского права
Института права БашГУ
Ахметова Вита Леоновна
зав. лабораторией молекулярно-генетической диагностики
ГБУЗ РМГЦ, г. Уфа, Россия

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ МК № 18-29-14083.

За последние несколько десятилетий ученые добились впечатляющих успехов в области здравоохранения с помощью применения биотехнологий. Однако, современные биотехнологии наряду с очевидной пользой для развития медицины объективно затрагивают фундаментальные права человека и порождают ряд проблем, которые государства в отдельности и международное сообщество в целом пытаются решить с конца прошлого столетия.

Эти проблемы как этического, так и правового характера довольно часто связаны с соблюдением медицинской конфиденциальности и защитой персональных данных, защитой эмбрионов и соблюдением репродуктивных прав при применении вспомогательных репродуктивных технологий (далее – ВРТ).

В этой связи особую актуальность приобретают такие проблемы как проблема генетического тестирования и проблема биологического неравенства.

Проблема генетического тестирования с точки зрения соблюдения прав человека является многоаспектной.

Во-первых, это касается вопроса о генетической дискриминации при приеме на работу, в случае страхования жизни и здоровья и во многих других ситуациях, предсказать которые подчас не представляется возможным.

Во-вторых, возникает вопрос о том, насколько полезной окажется информация, полученная в результате тестирования, а также для чего она будет использоваться в дальнейшем?

В-третьих, возникают вопросы и этического характера. Насколько этичной представляется преимплантационная генетическая диагностика эмбрионов *in vitro* (ЭКО) и следует ли проводить генетическое тестирование в случае вероятности заболевания, лечение по которому в современной медицине отсутствует?

Эти вопросы в настоящее время не урегулированы законодателем в должной мере и не находят решения и с точки зрения биоэтики [1, с. 97].

Особое значение имеет и проблема биологического неравенства при применении ВРТ, которое, казалось бы, наоборот призвано его сгладить и дает возможность реализовать репродуктивное право бездетным парам.

С одной стороны нельзя отрицать тот факт, что развитие биотехнологий и вспомогательных репродуктивных технологий раскрывают новые возможности для развития человеческого потенциала и преодоления неравенства возможностей, обусловленного биологическим возрастом человека [2, с. 30].

Но, с другой стороны, риск биологического неравенства связан с внедрением таких технологий, как преимплантационная генетическая диагностика (далее - ПГД) и пренатальная генетическая диагностика (далее - ПНД). Проведение таких диагностик, дает возможность еще до пересадки эмбриона или на ранних сроках беременности диагностировать возможности генетических отклонений у будущего ребенка, а соответственно, создает условия генетического отбора более сильных эмбрионов, а также выбора пола будущего ребенка и его отдельных характеристик [3, с. 93].

Подобное вмешательство в биологические и генетические процессы может привести к новым формам дифференциации, в основе которых лежат биологические различия, которые со временем трансформируются в различия социальные. В связи с чем, при поведении таких диагностик очевиден риск стирания границы между терапевтической интервенцией и стремлением к улучшению человеческой природы.

Таким образом, нельзя отрицать тот факт, что медицинские технологии оказываются способными влиять на генотип и качественный состав будущих поколений. В современном мире наиболее финансово обеспеченные слои населения имеют больше возможностей воспользоваться услугами ВРТ, а соответственно такими диагностиками как ПГД и ПНД. Ситуация, когда они получают возможность производить потомство более «полноценное», с минимальными генетическими рисками и с физическими или когнитивными «усовершенствованиями» вполне прогнозируема. Эти генетические преимущества усилят преимущества, которыми уже пользуются элитные обеспеченные слои

населения, создавая более глубоко укоренившиеся социальные и экономические деления.

Представляет интерес и политика ведущих государств в отношении применения генетических диагностик. Ведущие страны мира всячески поддерживают и субсидируют применение таких диагностик с целью выявления генетических отклонений на ранних стадиях развития эмбриона и возможности предотвращения рождения детей с наследственными серьезными заболеваниями [4, с. 112]. При этом семьи, отказавшиеся от генетического обследования или прерывания пораженной беременности, могут лишиться государственной финансовой поддержки, в случае рождения ребенка с генетическими отклонениями. К примеру, в Скандинавии государство берет на себя обязанности по содержанию детей с ограниченными возможностями только в случае, если родители приняли осознанное решение родить такого ребенка и прошли все необходимые терапевтические процедуры [5, с. 37].

В этом смысле можно говорить о том, что для государства ценность человеческой жизни измеряется в экономических категориях выгод и издержек, что тоже приводит в конечном итоге к генетической дискриминации и генетическому неравенству.

Подводя итог вышеизложенному, можно сделать вывод о том, что использование ВРТ не просто отражает существующую структуру социально-экономической дифференциации, но производит новые конфигурации неравенства, как на глобальном уровне, так и внутри отдельных стран, прежде всего в сфере реализации репродуктивных прав и поддержания репродуктивного здоровья. Все это в конечном итоге позволяет говорить о неизбежном риске формирования глобального репродуктивного рынка, где участники делятся на поставщиков и потребителей с соответствующими правами и обязанностями, без должного правового регулирования обозначенных выше проблем, как на международном, так и на региональных уровнях.

Список литературы:

1. Кожевникова М. Биоэтика: возвращение к истокам // Знание. Понимание. Умение. 2017. № 1. С. 97 - 98.
2. Доброхлеб В.Г., Римашевская Н.М. Основные направления совершенствования демографической и семейной политики в современной России // Народонаселение. 2013. № 1. С. 30–41.
3. Богомякова Е.С., Ломоносова М.В. Репродуктивные права человека и вспомогательные репродуктивные технологии: новые формы и виды неравенства // Экономические стратегии. 2015. № 9. С. 90-97.
4. Чоговадзе А.Г. Особенности законодательного регулирования преимплантационной и пренатальной диагностики в различных странах // Клеточная трансплантология и тканевая инженерия Том VII, № 2, 2012. С.112 - 118.
5. Исупова О.Г. Вспомогательные репродуктивные технологии: новые возможности // Демографическое обозрение. 2017. Том 4. № 1. С. 35-64.

НОВАЯ СИСТЕМА ДНК-ИДЕНТИФИКАЦИИ ЧЕЛОВЕКА НА ОСНОВЕ ГЕНЕТИЧЕСКИХ ИДЕНТИФИКАЦИОННЫХ НОМЕРОВ

Гарафутдинов Равиль Ринатович
заведующий лабораторией Института биохимии и генетики
– обособленного структурного подразделения ФГБНУ «Уфимский
федеральный исследовательский центр Российской академии наук»,
кандидат биологических наук;

Сахабутдинова Ассоль Рафиковна,
научный сотрудник лаборатории физико-химических
методов анализа биополимеров Института биохимии и генетики
– обособленного структурного подразделения ФГБНУ «Уфимский
федеральный исследовательский центр Российской академии наук»,
кандидат биологических наук;

Чубукова Ольга Вячеславовна
научный сотрудник лаборатории биотехнологий
растений и микроорганизмов Института биохимии и генетики
– обособленного структурного подразделения ФГБНУ «Уфимский
федеральный исследовательский центр Российской академии наук»,
кандидат биологических наук;

Чемерис Алексей Викторович,
главный научный сотрудник Института биохимии и генетики
– обособленного структурного подразделения ФГБНУ «Уфимский
федеральный исследовательский центр Российской академии наук»,
доктор биологических наук, профессор

ДНК-идентификация личности прочно вошла в нашу жизнь. Человечество не становится миролюбивее, добропорядочнее и законопослушнее: случаются военные конфликты, возрастает уровень терроризма и преступности. Происходят пожары, техногенные и природные катастрофы, сопровождаемые людскими жертвами. В связи с этим часто возникают случаи, требующие опознания погибших с помощью идентификаторов, которыми могут служить молекулы ДНК – единственные биополимеры, достаточно хорошо сохраняющие целостность и имеющие уникальную для каждого организма нуклеотидную последовательность. Развитие молекулярной биологии позволило значительно расширить возможности судебно-медицинской идентификации путем использования методов ДНК-анализа. Однако существующие подходы к ДНК-идентификации обладают рядом недостатков и не могут в полной мере удовлетворять современным потребностям общества [1].

Ранее нами был предложен подход к ДНК-идентификации, основанный на присвоении каждому человеку уникального генетического идентификационного номера (ГИН), или ДНК-кода путем оцифровки информации о полиморфных нуклеотидах в четырехаллельных SNP (снипах). Каждый ГИН

может быть легко переведен из бинарного формата в гексадецимальный или графический. Для создания базы данных по ГИН нами была написана программа по переводу результатов выявления нуклеотидов в снипах в бинарный, гексадецимальный и графический форматы, а также для сравнительного анализа вновь полученных ГИН с уже имеющимися в базе.

Были оптимизированы протоколы выделения ДНК из биологических образцов, обеспечивающих малое количество ДНК – из волосаных фолликулов, буккального и кожного эпителия [2]. Была также подобрана предварительная панель из 24 высокополиморфных SNP и проведено типирование по ней свыше 100 неродственных индивидов различной этнической и расовой принадлежности, 87 человек, представляющих 28 семей разного состава (17 полных и 11 неполных, с одним и двумя детьми).

Анализ полученных ГИН показал, что каждый индивид имеет свой уникальный номер. Не наблюдалось каких-либо значимых различий между полиморфными вариантами SNP у индивидов исследованных этнических групп. У кровных родственников - членов одной семьи - в зависимости от родственных отношений наблюдалось в среднем около 25-30% «несовпадений» пар полиморфных нуклеотидов во всей SNP-панели, но их количество варьировало в широких пределах и не отличалось от такового для неродственных индивидов. В связи с этим невозможно однозначно судить о степени родства анализируемых людей, т.е. об их родственных взаимоотношениях. Для установления родства необходимо применять иные, традиционные способы. Это в свою очередь свидетельствует в пользу проведения ДНК-паспортизации всего человечества, поскольку при наличии всеобщей базы по ГИН необходимость в установлении личности с привлечением родственников отпадет.

Данная работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках выполнения научного проекта-гранта РФФИ-мк № 18-29-14076.

Список литературы:

1. Чемерис Д.А., Сагитов А.М., Аминев Ф.Г., Луценко В.И., Гарафутдинов Р.Р., Сахабутдинова А.Р., Васильев Р.Г., Алексеев Я.И., Сломинский П.А., Хуснутдинова Э.К., Чемерис А.В. Эволюция подходов к ДНК-идентификации личности // Биомика. 2018. Т. 10. № 1. С. 85-140. DOI: 10.31301/2221-6197.bmc.2018-16
2. Гарафутдинов Р.Р., Сахабутдинова А.Р., Чубукова О.В., Матиязов Р.Т., Нагаев Н.Р., Чемерис А.В. Отработка методик выделения ДНК из биологических материалов для ДНК-идентификации человека с помощью генетического штрих-кодирования // Вестник Башкирского университета. 2013. Т. 18(4). С. 1029-1033.
3. Гарафутдинов Р.Р., Сахабутдинова А.Р., Васильев Р.Г., Чемерис А.В. Генетическое штрих-кодирование родственных индивидов // Вестник биотехнологии и физико-химической биологии. 2015. Т. 11(2). С. 20-26.

ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ УКЛОН В ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Гармаев Юрий Петрович,
профессор кафедры криминалистики Кубанского
государственного аграрного университета
имени И.Т. Трубилина, доктор юридических наук, профессор,
г. Краснодар, Россия

Исследования, посвященные проблемам расследования коррупционных преступлений [3; 6], позволили прийти к выводам о том, что к числу основных недостатков выявления и расследования этой разновидности преступлений, а также преступлений экономической направленности и ряда иных, относится то обстоятельство, что усилия правоохранительных органов в большей степени направлены на борьбу с преступлениями, расследование которых не представляет особой сложности. К аналогичным выводам приходят и иные исследователи. Так, В.В. Лунесев отмечает, что постоянные требования «активизировать борьбу с преступностью», «оргвыводы» в случае роста числа совершенных на подконтрольной территории преступлений, резонансность уголовных дел о коррупционных преступлениях, обвинения со стороны СМИ в ангажированности таких дел породили практику преимущественной регистрации и расследования нетрудоемких дел [10, С. 87-90].

Так, многие годы «лидерами» по количеству зарегистрированных коррупционных посягательств в нашей стране являются профессии: рядовых врачей, преподавателей и учителей, сотрудников ГИБДД, чиновников низшего уровня на местах. Многочисленные научные исследования приходят к выводам о несоответствии этого «антирейтинга» современным реалиям ввиду высокой латентности криминальной коррупции более опасных типов – «деловой», «верхушечной», «политической». Правоохранительные органы ведут борьбу, в основном, с преступлениями, не представляющими особой сложности в раскрытии и расследовании, то есть с дачей взятки (ст. 291 УК РФ) или покушением на нее, с мелким взяточничеством (ст. 291.2 УК РФ), с «бытовыми», «низовыми» и «эпизодическими» преступлениями. В то же время, например, «верхушечные» и при том систематические, транснациональные посягательства выявляются и изобличаются относительно редко, хотя возбуждение «громких» уголовных дел такого рода обычно сопровождается общественным резонансом, масштабным освещением в СМИ.

Сказанное позволяет выдвинуть гипотезу о широкой распространенности обвинительного уклона в правоприменении. Статья 6 УПК РФ «Назначение уголовного судопроизводства» постулирует важнейший принцип, в соответствии с которым уголовное судопроизводство имеет своим назначением как защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, так и защиту личности от незаконного и необоснованного обвине-

ния, осуждения, ограничения ее прав и свобод (ч. 1). Уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию (ч. 2).

Криминалистика как прикладная наука должна была бы быть первой из антикриминальных наук, исповедующих это двойное назначение. Но такого не происходит. И притом научно-криминалистическое сообщество редко обращает внимание на проблему. Тем важнее представляется позиция А.Н. Халикова. Автор верно отмечает, что в некоторых учебниках и учебных курсах по криминалистике в полном объеме проводится линия на разработку только первой части назначения уголовного судопроизводства. На примерах публикаций А. Н. Халиков доказывает, что в научных и учебно-методических трудах игнорируется второе назначение, направленное на защиту прав и интересов человека [16].

Между тем, ученые-процессуалисты много лет исследуют обвинительный уклон как феномен правоприменения. В ряде публикаций обвинительный уклон определяется как направленность деятельности следователя, дознавателя, прокурора и суда при которой указанные должностные лица принимают позицию обвинения, игнорируют доводы стороны защиты, пренебрегают обстоятельствами, свидетельствующими в пользу лица, привлекаемого к уголовной или административной ответственности, что влияет на объективное расследование и рассмотрение дела [2; 8; 9].

Вновь обратимся к позиции А.Н. Халикова (приведем их здесь в кратком изложении). По мнению ученого криминалистика должна существовать в условиях состязательности процесса, равноправно оценивать доводы и доказательства сторон обвинения и защиты, не отдавая преимущества ни одной из них. Таким образом, автор резюмирует в том смысле, что должно существовать два равноправных вектора развития криминалистики, которые должны отражаться, прежде всего, в разделах ее методики и тактики [16].

Здесь необходимо сделать два важных уточнения авторской позиции.

Во-первых, по верному мнению А.А. Эксархопуло интерес криминалистики к преступлению, преступнику и его защитнику обусловлен стремлением создать научные средства, способствующие, в конечном счете, познанию истины в уголовном судопроизводстве [17, С. 33-34]. Между тем адвокат-защитник, как и его доверитель, в силу требований закона, далеко не всегда заинтересован в установлении истины. Именно поэтому А.А. Эксархопуло [17, С. 33-34] высказался о недопустимости включения в предметную область криминалистики исследований в рамках так называемой «криминалистики защиты», «криминалистической адвокатологии», либо «теории адвокатского мастерства в уголовном судопроизводстве» [1, С. 19; 7, С. 4-8, 98-115].

Соответственно криминалистическая методика и криминалистическая тактика должны разрабатывать научные положения и прикладные рекомендации защитительного характера в целях установления истины, прежде всего, в

целях недопущения привлечения к уголовной ответственности невиновных, но не для решения всех иных задач стороны защиты. Это принципиально важное положение должно распространяться и на следственные ситуации, версии, связанные с меньшей степенью виновности привлекаемого лица, наличием смягчающих обстоятельств и т.п.

Во-вторых, нельзя путать законную обвинительную позицию, интересы стороны обвинения, с обвинительным уклоном. Обвинительная позиция всегда основана на законе, пусть даже обвинители используют его диспозитивность, неопределенность, пробелы, активно применяют принцип наступательности в расследовании, или наоборот - идут на уступки и компромиссы со стороной защиты. Обвинительный же уклон, по сути, является проявлением ненадлежащего выполнения функции обвинения [4, С. 6-12; 5, С. 22, 31, 54]. То есть обвинительный уклон не допустим, но обвинительная позиция, в том числе, выраженная в принципе наступательности расследования анализируемых преступлений, не только допустима, но и является обязанностью представителей стороны обвинения.

Эти два принципиально важных уточнения, научные положения, имеют прямое отношение к любой из разрабатываемых криминалистических методик расследования. Практика изобилует примерами негативной тенденции обвинительного уклона по делам различных категорий. Повторим, что к таковым относятся уголовные дела о преступлениях экономической направленности в отношении предпринимателей, о коррупционных преступлениях (особенно дела о «низовой» коррупции, мелких взятках, в частности, в отношении врачей, учителей, преподавателей вузов), уголовные дела в отношении обычных наркоманов и мелких сбытчиков наркотических средств, и многие другие.

Так, распространены уголовные дела о получении преподавателем вознаграждения от обучаемых или их родителей в результате провокационно-подстрекательской деятельности со стороны оперативных сотрудников при проведении ОРМ. Приведем пример. 5 июня 2012 года вступил в законную силу оправдательный приговор Ленинского районного суда города Омска по уголовному делу, возбужденному в отношении гр-ки Н., преподавателя русского языка и литературы, члена предметной экзаменационной комиссии по русскому языку. Органами предварительного следствия Н. обвинялась в получении 5000 рублей (ч.1 ст.290 УК РФ, в ред. до 03.07.2016 г.) летом 2011 года. Якобы взятка была передана за завышение результатов тестирования и выставление оценки «отлично» абитуриенту во время сдачи вступительного экзамена, на основании которого она прошла конкурсный отбор на бюджетное место. Преподаватель была задержана при передаче ей денег от сестры абитуриентки, которую порекомендовал ей по телефону один из коллег первой – также преподаватель.

Суд оправдал гр-ку Н. в связи с тем, что:

- законных оснований для проведения ОРМ (прослушивания телефонных переговоров и оперативного эксперимента) до начала их проведения в отношении преподавателя не имелось (нарушение ст. 7 ФЗ «Об оперативно-

розыскной деятельности» [12]) (далее – ФЗ об ОРД). Характерна фраза из текста приговора: «Утверждение о том, что гр-ка Н. на момент вынесения постановления (о проведении ОРМ – отмечено мной – Ю.Г.) требует незаконное денежное вознаграждение, по мнению суда, является вымыслом автора постановления...» (пример взят из диссертационного исследования Е.В. Гулиной [6], приговор [13, 14]);

- сведения, изложенные в постановлении о проведении ОРМ, были фальсифицированы оперативными сотрудниками (нарушение п. 5 ч. 8 ст. 5 ФЗ об ОРД);

- при этом сестра абитуриентки, участвовавшая в провокационно-подстрекательской деятельности, еще до первой встречи с преподавателем негласно сотрудничала с полицией (нарушение п. 4 ч. 8 ст. 5 ФЗ об ОРД).

Адвокат-защитник по данному делу - А.А. Хабаров в интервью для СМИ высказал мнение о том, что в силу нищенской заработной платы и тяжелого материального положения, педагогов и врачей легко склонить к получению взятки в несколько тысяч или даже сотен рублей. Поэтому они наиболее удобный объект полицейской провокации. Например, чтобы разоблачить высокопоставленного взяточника, который за 5000 рублей даже не поздоровается, нужно иметь соответствующую профессиональную квалификацию. А чтобы поймать на провокации педагога, таких профессиональных качеств и кропотливого труда не нужно. А показатель результативности у полиции один и тот же [15].

Существует косвенное подтверждение позиции упомянутого адвоката. В стране широко распространена практика применения по делам о коррупционных преступлениях особого порядка судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением (глава 40 УПК РФ). До 70-75% дел в России рассматривается судами в этом особом порядке, при котором допускается сокрытие значительного количества недостатков предварительного расследования и нарушений закона. По результатам исследований многих ученых [11, С. 149-154].

Бороться с обвинительным уклоном можно на различных уровнях и разнообразными мерами. Одна из этих мер – преодоление этого феномена в научных криминалистических исследованиях. С методологической точки зрения в криминалистической методике (как научном разделе, в его общих положениях) предлагаем ввести специальный принцип формирования и использования частных методик расследования: «Принцип недопустимости обвинительного уклона по делам определенных категорий».

Применение криминалистом-разработчиком этого специального принципа построения и использования создаваемой им методики может выражаться в следующем:

1. указание в криминалистической характеристике преступлений типичных, широко распространенных непроступных деяний, которые зачастую ошибочно оцениваются правоприменителями как преступные;

2. перечисление и описание примерной минимальной совокупности доказательств, достаточных для предъявления окончательного обвинения по делу о том или ином преступлении (в их классификации по уголовно-правовой и различным криминалистическим основаниям: сфера деятельности, субъект и т.п.);

3. разработка типичных следственных ситуаций и версий, обеспечивающих защитительное назначение формируемой криминалистической методики;

4. разработка методических рекомендаций по профилактике и устранению типичных ошибок и нарушений закона со стороны правоприменителей, применению действительно эффективных средств и методов борьбы с определенными категориями преступлений;

5. включение в структуру методики моделей тактических операций типа: «Проверка версии о невиновности (меньшей степени виновности), самооговоре» и т.п.;

6. формулировка предупреждений правоприменителей об уголовной и иной ответственности за незаконные методы расследования, с практическими примерами ситуаций такого привлечения;

7. рекомендации для адвокатов-защитников, направленные на содействие им в достижении истины, если таковая заключается в невиновности (меньшей степени виновности) их подзащитных.

Подобного рода научные положения и прикладные рекомендации относятся именно к предметной области криминалистики (возможно и науки ОРД), а не, например, уголовного права, поскольку помимо вопросов квалификации преступлений, здесь должна излагаться:

- оценка законности типичных ОРМ;
- оценка относимости, допустимости и достаточности типичных доказательств обвинения и защиты;
- оценка судебной перспективы по уголовному делу и актов противодействия расследованию.

Точнее можно сказать, что речь идет о междисциплинарных разработках, основа которых – криминалистическое научное знание.

В заключение следует подчеркнуть, что криминалистика должна включиться в борьбу с пресловутым обвинительным уклоном в правоприменении. Думается, что эта наука потенциально обладает наиболее эффективными инструментами борьбы с рассмотренным негативным явлением. А заодно тем самым она может существенным образом повысить уровень своей привлекательности, востребованности среди практических работников и обучающихся.

Список литературы:

1. Баев О.Я. Криминалистическая адвокатоология как подсистема науки криминалистики // профессиональная деятельность адвоката как объект криминалистического исследования. – Екатеринбург, 2002.

2. Барабанов П.К. Процессуальные средства преодоления обвинительного уклона в деятельности суда // Российский судья. 2007. № 7.
3. Гармаев Ю.П. Основы методики расследования коррупционных преступлений. URL: <http://www.iuaj.net/node/2490>. (Дата обращения: 10.09.2019).
4. Гармаев Ю.П. Принцип наступательности в выявлении и расследовании преступлений // Российский следователь. – 2016. – № 2. – С. 6-12.
5. Гармаев Ю.П., Попова Е.И. Использование следователем норм об особом порядке принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением: монография. – 2014.
6. Гулина Е.В. Особенности криминалистической методики расследования коррупционных преступлений в сфере высшего образования: дис. ... канд. юрид. наук. Улан-Удэ, 2019 / научный руководитель Ю.П. Гармаев (на момент подготовки статьи диссертация не опубликована).
7. Зашляпин Л.А. Основные компоненты теории адвокатского мастерства в уголовном судопроизводстве. – Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та. 2007.
8. Корякин Е. А. Административное судопроизводство в Российской Федерации // Российский судья. 2008. № 2.
9. Кудрявцев В.Л. «Обвинительный уклон» в деятельности следователя: проблема только законодательного урегулирования? // Уголовное судопроизводство. 2008. № 2. С. 26-29.
10. Лунеев В.В. Контроль над преступностью: надежны ли показатели? // Государство и право. 1995. № 7. С. 87-90.
11. Назаров А.Д. Обвинительный уклон в деятельности субъектов, ведущих уголовный процесс, как фактор, способствующий появлению ошибок в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 9. С. 149-154.
12. Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон Российской Федерации от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (в ред. от 6 июля 2016 г. № 374-ФЗ) // СПС «Консультант Плюс».
13. Приговор Ленинского районного суда г. Омска от 23 мая 2012 г. № 1-44/2012 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://lenincourt--oms.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=case&_id=5663196&_deloId=1540006&_caseType=0&_new=0&_srv_num=1 (дата обращения 20.09.2019).
14. Уголовное дело № 1-44/2012 // Архив Ленинского районного суда г. Омска.
15. Фальсификация взятки [Электронный ресурс] // – Режим доступа: http://kvnews.ru/gazeta/2012/07/26/falsifikatsiya_vzyatki. - Загл. с экрана – (дата обращения: 20.09.2017).
16. Халиков А.Н. Криминалистика в свете назначения уголовного судопроизводства // стендовая статья, на момент подготовки настоящей работы направлена в сб. материалов конференции «Криминалистика: теория и практика». 2019 (стендовая статья предоставлена А.Н. Халиковым в электронном виде до официальной публикации).

17. Эксархопуло А. А. Предмет и система криминалистики: Проблемы развития на рубеже XX-XXI веков. – СПб.: Изд. Дом СПбГУ, 2004.

ОБЯЗАТЕЛЬНАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ГЕНОМНАЯ РЕГИСТРАЦИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Грибунов Олег Павлович

заместитель начальника Восточно-Сибирского института МВД России
по научной работе, доктор юридических наук, профессор,
г. Иркутск, Россия

Вопросы совершенствования и практика применения государственной геномной регистрации стали предметом активного обсуждения как среди правоприменителей, так и в научном кругу практически сразу же после принятия соответствующего федерального закона[1]. Следует признать, что общество очень в короткие сроки ощутит плюсы такой регистрации и, прежде всего, в условиях чрезвычайных происшествий, когда можно будет быстро и надежно идентифицировать личность человека, кроме того, вне всяких сомнений данная регистрация в полной мере будет способствовать снижению количества нераскрытых преступлений в случаях, когда с места происшествия изъяты потожировые следы.

Несмотря на снижение основных показателей преступности, ее раскрываемость оставляет желать лучшего. Так, в 2018 году было зарегистрировано 1991,5 тыс. преступлений, или на 3,3% меньше, чем за аналогичный период прошлого года. Вместе с тем, не раскрыто 860,4 тыс. преступлений. Из этого количества на тяжкие и особо тяжкие преступления приходится 23,1%. Остались нераскрытыми 639 убийств и покушений на убийство (-18,4%), 1217 фактов умышленного причинения тяжкого вреда здоровью (-20,4%), 465,8 тыс. краж (-3,1%), 15,4 тыс. грабежей (-18,0%), 1,5 тыс. разбойных нападений (-27,4%). 839,9 тыс. преступлений (-3,1%) остались нераскрытыми в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого[2].

Не мало важное значение, обуславливающее актуальность поднятого нами вопроса о геномной регистрации, имеют статистические данные о том, что каждое второе (58,3%) расследованное преступление совершено лицами, ранее совершавшими преступления.

В современных условиях противодействия преступности необходима более масштабная, единая система регистрации, которая могла бы охватить все возрастающее число преступников, разрешить проблему установления личности и обеспечить надлежащую борьбу с преступностью. В настоящее время раскрыть преступления без достаточного информационного обеспече-

ния крайне затруднительно, а иногда и вовсе невозможно. Очевидным и устойчивым является то, что информационный фактор играет известную роль в процессе расследования преступлений [3, с. 17], который, по справедливому замечанию Ф.Г. Аминова, «...проявляется в объективных процессах рассеивания информации о преступном событии или ее перекодировке, в результате которой она может оказаться недоступной для исследования. Одной из эффективных форм предотвращения рассеивания криминалистически значимой информации является криминалистическая регистрация» [4, с. 48].

В данной статье предлагаем обратить внимание только на один вид регистрации – обязательной геномной регистрации, которая, вполне очевидно, будет иметь как розыскное, так и превентивное значение.

В настоящее время в ст. 7 ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» перечень лиц подлежащих обязательной государственной геномной регистрации не отвечает реалиям действительности, такая регистрация не охватывает должного количество людей.

Главная цель криминалистической регистрации является использование учетных сведений в правоохранительной деятельности, а прежде всего, в деятельности по обеспечению охраны и защиты законных прав и интересов человека и гражданина. При этом если вести речь об ограничении прав и свобод, то именно геномная регистрация, наряду с дактилоскопической абсолютно не влияет на это. В этой части прав профессор Е.П. Ищенко утверждая, что «содержащиеся в регистрационных массивах данные останутся, образно говоря, мертвым кладом, если сотрудники ОУР, следователи, эксперты не будут их использовать в своей профессиональной деятельности. Любая информация, содержащаяся в криминалистических учетах, значительно увеличивает объем сведений, которыми можно оперировать для раскрытия преступлений и их полного и всестороннего расследования» [5, с. 69].

Следует помнить, что все виды учетов объединяет то, что содержащаяся в них информация используется в целях: раскрытия, расследования и предупреждения преступлений; розыска преступников; установления личности неизвестных граждан [6, с. 17].

Уже сегодня следует формировать базу данных ДНК, совмещающую регистрацию оружия всех видов. В этой части следует внести изменения в ст. 7 ФЗ-242 «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» в п.п. 1 ч. 1 в редакции «лица, осужденные за совершение преступлений» и дополнить п.п. 3 «лица, приобретающие и регистрирующие все виды оружия».

Одной из правовых проблем в настоящее время является тот факт, что приказ МВД России от 10 февраля 2006 г. № 70 «Об организации использования экспертно-криминалистических учетов ОВД РФ», утвердивший инструкцию, которая определяет порядок и условия организации формирования, ведения и использования экспертно-криминалистических учетов носит ведомственный характер, соответственно для других ведомств не является обязательным. В целях оперативного и эффективного взаимодействия всех право-

охранительных органов по данному вопросу как минимум необходимо подготовить межведомственный нормативный акт. В будущем, полагаю, следует рассмотреть вопрос о всеобщей геномной регистрации, в частности при получении в 14 лет паспорта гражданина РФ.

Подводя определенные итоги следует отметить, что совершенствование механизма обязательной геномной регистрация будет способствовать эффективному получению доказательственной базы по расследуемым уголовным делам лишь в том случае, если повсеместно будут внедрены современная электронная техника и технологии обработки информации, что скажется на оперативности и доступности.

Список литературы:

1. О государственной геномной регистрации в Российской Федерации: Федеральный закон №242-ФЗ от 3 декабря 2008 // Собрание законодательства РФ. – 2008. – №49. – Ст.5740.
2. Статистика. Официальный сайт МВД России. Состояние преступности в России за 2018 гг. // <http://mvd.ru/presscenter/statistics/reports/item/209743/>
3. Багаев И.А. Оперативно-розыскное и криминалистическое обеспечение процесса расследования краж из квартир граждан: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск. 1998.
4. Аминев Ф.Г. Теория и практика использования специальных знаний в расследовании преступлений: монография. Уфа: БашГУ, 2015.
5. Ищенко Е.П., Девиков Е.И. Уголовная регистрация. – Омск, 1986.
6. Стронский Д.Д. Криминалистическая регистрация в системе Интерпола: монография. – Краснодар, 2008.

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Давыдов Сергей Иванович

заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики
ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»,
доктор юридических наук, доцент, г. Барнаул, Россия

Важное обстоятельство обуславливает обращение к проблеме использования специальных познаний в оперативно-розыскной деятельности (далее ОРД). Суть его находим в высказывании Н.П. Яблокова: «Криминалистика и теория оперативно-розыскной деятельности наиболее близкие по теоретиче-

скому и практическому содержанию юридические науки. Они имеют одну природу и одни объекты изучения – преступную деятельность различных видов и деятельность по ее раскрытию»...многие положения и рекомендации криминалистики легли в основу оперативно-розыскной теории [1, с. 43].

Применительно к тематике рассматриваемых в статье вопросов уместно будет привести и слова Р.С. Белкина о роли оперативно-розыскных исследований в развитии научных основ криминалистики: «Тесная взаимосвязь криминалистики и теории оперативно-розыскной деятельности обуславливают обоюдную заинтересованность в разработке ряда смежных для них проблем». Здесь же среди перспективных исследований известный ученый выделяет разработку в теории оперативно-розыскной деятельности таких вопросов, как пути и пределы использования в оперативно-розыскной деятельности криминалистических приемов и средств» [2, с. 205].

Указанные вопросы в наибольшей степени являются предметом исследований, посвященных оперативно-розыскным мероприятиям (далее ОРМ). В Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее Закон об ОРД) понятие ОРМ не закреплено. Научное обоснование понятия ОРМ наиболее удачно, с нашей точки зрения, у А.Е. Четчина. По его мнению, ОРМ – это закрепленные в Законе об ОРД и проводимые уполномоченными на то субъектами в соответствии с требованиями нормативных правовых актов действия, основанные на применении преимущественно негласных средств и методов в сочетании с гласными средствами и методами, направленные на непосредственное выявление и использование фактических данных, необходимых для решения задач ОРД [3, с. 21].

В ст. 6 Закона об ОРД закреплён исчерпывающий перечень из 15 ОРМ, которые могут осуществляться оперативными подразделениями с целью решения задач выявления, раскрытия преступлений и установления лиц, к ним причастных. Частью 5 этой же статьи предусмотрено участие специалистов в проведении ОРМ – «должностные лица органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, решают ее задачи посредством личного участия в организации и проведении оперативно-розыскных мероприятий, используя помощь должностных лиц и специалистов, обладающих научными, техническими и иными специальными знаниями... на гласной и негласной основе».

В связи с тем, что ОРД является специфической, отличающейся от иных видов правоохранительной деятельности, в которых предусмотрено участие специалистов, необходимо четко представлять основные особенности их привлечения. Рассмотрим некоторых из них.

Во-первых, важно определить круг субъектов, правомочных привлекать специалистов к участию в проведении ОРМ.

Органы, осуществляющие ОРД определены ст. 13 Закона об ОРД. Перечень этих органов может быть изменен и дополнен только федеральным законом, а конкретные оперативные подразделения органов, осуществляющих ОРД, определяются ведомственными нормативными актами. Непосредствен-

ную организацию и проведение ОРМ осуществляют должностные лица этих оперативных подразделений.

Во-вторых, привлекаемое лицо в качестве специалиста должно знать не только о сути своего участия в ОРМ, но и насколько оно правомерно.

Среди оснований проведения ОРМ, определенных ст. 7 Закона об ОРД, выделим типичные – это ставшие известными органам, осуществляющим ОРД, сведения о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния, а также о лицах, его подготавливающих, совершающих или совершивших, если нет достаточных данных для решения вопроса о возбуждении уголовного дела. Иными словами, без проведения ОРМ, используя полученную первичную информацию, достичь цели раскрытия преступления невозможно или крайне затруднительно.

В-третьих, Закон об ОРД предусматривает проведение ОРМ, а значит и участие специалиста в них как гласно, так и негласно. Здесь реализуется законодательно закрепленный принцип ОРД – сочетание гласных и негласных методов и средств в процессе ее осуществления. Из содержания данного принципа следует вывод о тесной связи ОРД и процессуальной деятельности. Для использования выводов специалиста, полученных в процессе проведения негласных ОРМ в уголовном процессе, необходимо такие выводы проверить с помощью гласных средств и методов, закрепить их в процессуальных документах, которые могут выступать в качестве источников доказательств.

Участие специалиста в проведении негласных ОРМ требует соблюдения ряда условий. Так, от специалиста может потребоваться сохранить в тайне его участие в мероприятиях, например, провести негласно ОРМ «исследование предметов и документов».

Указанное ОРМ наиболее ярко демонстрирует взаимосвязь криминалистики и ОРД. Модельный закон об оперативно-розыскной деятельности (новая редакция принята на 27-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ 16 ноября 2006 г.) определяет исследование предметов и документов как изучение предметов, документов и иных объектов, которые сохранили или могли сохранить на себе следы преступлений, являлись или могли являться орудием совершения преступления или результатом преступной деятельности, в целях выявления следов и орудий совершения преступлений и результатов преступной деятельности.

Круг объектов исследования при проведении указанного ОРМ разнообразен и определяется задачей, как правило, связанной с проверкой правильности выбранной версии о причастности лица к совершению преступления в процессе деятельности по его выявлению и раскрытию.

Практически без участия специалиста это мероприятие не проводится. Исключением могут являться некоторые исследования, проводимые оперативными сотрудниками, имеющими для этого необходимые знания и умения. В большинстве же случаев сотрудник оперативного подразделения является только инициатором предполагаемого исследования. Непосредственным исполнителем исследования является привлеченный специалист, обладающий

научными, техническими и иными специальными знаниями для проведения им криминалистического, научно-технического и иного исследования.

Если предметы, подлежащие исследованию, были получены в результате негласных ОРМ, то в целях дальнейшего их использования по уголовному делу в качестве вещественных и иных доказательств, должна быть обеспечена их сохранность в прежнем виде.

Таким образом, применение специальных знаний в ОРД имеет свою специфику:

эта деятельность протекает вне уголовно-процессуальных форм;

фактические данные, полученные в результате применения этих знаний, могут стать доказательствами только после проведения уголовно-процессуальных действий;

результаты участия специалиста в ОРД не обязательно должно быть реализованы в рамках уголовного процесса, они могут быть использованы для решения тактической задачи раскрытия преступления;

каких-либо законодательных ограничений для привлечения специалиста к проведению ОРМ не предусмотрено.

Список литературы :

1. Яблоков Н.П. Криминалистические основы оперативно-розыскной деятельности // Вестник Московского университета. Серия II. Право. 2009. № 3. С. 43-60.
2. Белкин Р.С. Курс криминалистики. Т. 1. М., 1997. 408 с.
3. Чечетин А.Е. Актуальные проблемы теории оперативно-розыскных мероприятий: Монография. М.: Издательский дом Шумиловой И.И., 2006. 180с.

О НЕОБХОДИМОСТИ ВВЕДЕНИЯ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ СПЕЦИАЛЬНОСТИ «СТРОИТЕЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ОБЪЕКТОВ ДОРОЖНОЙ И АВТОТРАНСПОРТНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ» (СУДЕБНАЯ СТРОИТЕЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ ДОРОЖНАЯ ЭКСПЕРТИЗА)

Демидов Дмитрий Валентинович,
доцент кафедры «Автомобильный транспорт»
Уральского государственного лесотехнического
университета, г. Екатеринбург, Россия

В соответствии с Приказом Минюста России от 27 декабря 2012 г. № 237 [1] в судебно-экспертной деятельности выделен такой род (вид) судебной экспертизы, как строительно-техническая экспертиза, которая предусмотрена для исследования строительных объектов и территории, функционально связанной с ними, в том числе с целью проведения их оценки.

Необходимо отметить, что зачастую строительно-технические исследования в отношении объектов работ по строительству (реконструкции, капитальному ремонту, ремонту) автомобильных дорог и улиц, инженерных сооружений на них, проводят специалисты, имеющую подготовку в области промышленно-гражданского строительства, что в ряде случаев, это негативно сказывается на результате назначенных и проведенных судебных экспертиз.

Заключение эксперта (экспертов) не обладает требуемой полнотой, ясностью, обоснованностью, поэтому не позволяет дать категорические ответы на поставленные судом вопросы, что является основанием для назначения повторной экспертизы, приводя к значительным расходам для сторон арбитражного процесса.

Так, при строительно-технической экспертизе выполненных работ по объекту транспортного строительства – путепроводу через автомобильную дорогу (2018 г., дело в Арбитражном суде Свердловской области № А60-1855/2016) эксперты, имеющие образование в области промышленно-гражданского назначения, не использовали специальные документы, терминологию и методы исследования в области транспортного строительства применительно к путепроводам (относятся к мостовым сооружениям), элементам конструкции, выполняемым работам.

Поскольку автомобильные дороги предназначены для перевозки грузов, пассажиров и их багажа автомобильным транспортом, область деятельности по исследованию объектов дорожной и автотранспортной инфраструктуры имеет существенные отличия:

- кроме строительной терминологии применяется терминология в области транспорта;

- объекты дорожной и автотранспортной инфраструктуры эксплуатируются под подвижной нагрузкой, которая имеет значительные изменения во времени по интенсивности движения, составу потока и приложению масс нагрузки, поэтому принцип работы объектов дорожной и автотранспортной инфраструктуры отличается от принципа работы объектов промышленно-гражданского строительства.

Кроме того, введение в действие Технического регламента Таможенного Союза ТР ТС 014/2011 «Безопасность автомобильных дорог» [2] требует от эксперта понимания специфичной системы требований в целях обеспечения на стадиях проектирования, строительства, реконструкции, капитального ремонта и эксплуатации автомобильных дорог:

- а) защиты жизни и (или) здоровья граждан, имущества;
- б) охраны окружающей среды, животных и растений;
- в) предупреждения действий, вводящих в заблуждение потребителей;
- г) обеспечения энергетической эффективности и ресурсосбережения.

При оценке соответствия требований безопасности на стадиях проектирования, строительства, реконструкции, капитального ремонта и эксплуатации объектов дорожной и автотранспортной инфраструктуры исследование требует применения специальных методов.

Вышеуказанное показывает необходимость выделения в группе специальности 16.0 (строительно-техническая экспертиза) судебно-экспертной специальности «Строительно-технические исследования объектов дорожной и автотранспортной инфраструктуры» (судебная строительно-техническая дорожная экспертиза).

Кроме того, такой вид экспертизы будет востребован при оценке причин возникновения несоответствий требованиям законодательства в период жизненного цикла автомобильных дорог и инженерных сооружений на них в соответствии с национальным проектом «Безопасные и качественные дороги».

«Автомобильный характер» специальности обусловлен тем, что для линейных и сосредоточенных объектов железнодорожного транспорта необходимости в проведении судебных исследований не обнаружено, поскольку такие исследования проводятся ведомственными специалистами «Российские железные дороги».

Основой для формирования задач и предмета для судебно-экспертной специальности «Строительно-технические исследования объектов дорожной и автотранспортной инфраструктуры» являются задачи и предмет судебно-экспертных специальностей 16.4 «Исследование проектной документации строительных объектов в целях установления их соответствия требованиям специальных правил. Определение технического состояния, причин, условий, обстоятельств и механизма разрушения строительных объектов, частичной или полной утраты ими своих функциональных, эксплуатационных, эстетических и других свойств» и 16.5 «Исследование строительных объектов, их отдельных фрагментов, инженерных систем, оборудования и коммуникаций с целью установления объема, качества и стоимости выполненных работ, использованных материалов и изделий».

Основные задачи судебной строительно-технической экспертизы для судебно-экспертной специальности «Строительно-технические исследования объектов дорожной и автотранспортной инфраструктуры» (проект):

1. Исследование проектно-сметной, рабочей и исполнительной документации на строительство (реконструкцию, капитальный ремонт, ремонт) объектов дорожной и автотранспортной инфраструктуры;

2. Исследование объектов строительства (реконструкции, капитального ремонта, ремонта) для установления их соответствия специальным правилам;

3. Определение технического и эксплуатационного состояния объектов строительства (реконструкции, капитального ремонта, ремонта);

4. Определение причин, условий, обстоятельств и механизмов образования дефектов, деформаций, повреждений и разрушения объектов строительства (реконструкции, капитального ремонта, ремонта);

5. Исследование объектов строительства (реконструкции, капитального ремонта, ремонта) с целью установления объема, качества и стоимости выполненных работ;

6. Исследование объектов строительства (реконструкции, капиталь-

ного ремонта, ремонта) на предмет установления использованных материалов, изделий и конструкций при выполнении строительно-монтажных и ремонтно-строительных работ;

7. Утрата функциональных, эксплуатационных, эстетических и других свойств объектов строительства (реконструкции, капитального ремонта, ремонта).

Предмет судебной строительно-технической экспертизы для судебно-экспертной специальности «Строительно-технические исследования объектов дорожной и автотранспортной инфраструктуры» (проект):

1. Проектно-сметная, рабочая и исполнительная документация на строительство (реконструкцию, капитальный ремонт, ремонт) объектов дорожной и автотранспортной инфраструктуры;

2. Техническое и эксплуатационное состояние объектов строительства (реконструкции, капитального ремонта, ремонта);

3. Причины, условия, обстоятельства и механизм образования дефектов, деформаций, повреждений и разрушения объектов строительства (реконструкции, капитального ремонта, ремонта);

4. Качество и количество использованных материалов, изделий и конструкций при выполнении строительно-монтажных и ремонтно-строительных работ;

5. Объем утраты функциональных, эксплуатационных, эстетических и других свойств объектов строительства (реконструкции, капитального ремонта, ремонта);

6. Объем, качество и стоимость выполненных работ для объектов строительства (реконструкции, капитального ремонта, ремонта).

Список литературы

1. Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечня экспертных специальностей, по которым представляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России [Электронный ресурс]: приказ Минюста России от 27 декабря 2012 г. № 237. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. ТР ТС 014/2011. Технический регламент Таможенного Союза «Безопасность автомобильных дорог» [Электронный ресурс]: утвержден решением Комиссии Таможенного союза от 18 октября 2011 г. № 827. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

О ПРОБЛЕМАХ ПОЛУЧЕНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЙ ИНФОРМАЦИИ, СОДЕРЖАЩЕЙСЯ В ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКУМЕНТАХ И ЭЛЕКТРОННЫХ НОСИТЕЛЯХ ДАННЫХ

Дёмин Константин Евгеньевич,

доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса
и криминалистики Российского университета транспорта;

доцент кафедры оружейведения и трасологии учебно-научного
комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России
им. В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент, г. Москва, Россия

Ст. 3 Федерального закона «Об электронной цифровой подписи» определяет сущность понятия «электронный документ» (ЭД) как документ, представленный в электронно-цифровой форме. Анализируя указанную дефиницию, следует отметить, что фактически это означает наличие изначально непригодного для восприятия следователя или судьи не являющихся, как правило, специалистами в области «высоких технологий», информационного (материального, физического) поля, которое, как вариант, может нести в себе информацию о совершенном противоправном деянии. При этом вовсе не обязательно, что противоправное деяние, при котором правоохранительными органами были обнаружены массивы электронной информации, квалифицируется статьями главы 28 УК Российской Федерации (преступления в сфере компьютерной информации) [4, с. 378-392]. Так, сегодня типичной для следствия ситуацией является ситуация, в которой осуществление неправомерного доступа к компьютерной информации рассматривается в качестве способа совершения преступлений, когда электронные аппараты используются в качестве орудия совершения преступлений, предусмотренных статьями УК Российской Федерации. Иными словами наличествует сложный состав преступления. Именно поэтому, наиболее актуальной для расследования является проблема процессуально-корректного установления, фиксации и изъятия различных форм ЭД, а также трансформации (преобразования) выявленных электронных информационных массивов в процессуально-корректные формы, удобные для восприятия участниками судопроизводства, поскольку полученные доказательства могут быть положены в основу приговора суда и должны соответствовать и не противоречить нормам уголовно-процессуального законодательства [3, с. 41- 49].

Следует отметить, что формы и виды, в которых могут быть обнаружены следователем или оперативным работником ЭД могут быть различны. Это и традиционные компьютерные файлы и каталоги (текстовые и графические), различные сетевые протоколы при интернет-сессиях, электронная почта, сообщения в мобильных телекоммуникационных сетях (текстовые и графические), программы, радиотехнические сигналы и т.д. Важность разработки и упорядочения данной классификации, по нашему мнению, объясняется различной криминалистической значимостью, направленностью, сущностью и

емкостью информационных электронных объектов (электронных документов). Например, при криминалистическом исследовании интернет-сессии потенциально возможно получить данные, как о самом сообщении так и о его отправителе; при исследовании файла – информацию документального характера; при исследовании TCP/IP протокола или адреса – информацию характеризующую провайдера (а не пользователя), при исследовании некоторых firmware сотовых аппаратов (их подменю 3-го уровня) можно установить идентификационный код станции сети (BSIC), количество ближайших по уровню сигнала базовых станций сети (MB Report) и, следовательно, географические координаты нахождения мобильного терминала, и т.д. [5, с. 58-86] Так же следует отметить, что в зависимости от того, какую форму имеет интересующий следствие или суд, предполагаемый, искомый электронный документ, должна корректироваться и тактика следственного или оперативно-розыскного мероприятия. В соответствии с этим планируются и мероприятия по нейтрализации технического противодействия следствию, направленного на уничтожение электронных носителей данных (ЭНД) и ЭД, уточняется технико-криминалистическое обеспечение следственных действий, инструментарий специалиста, привлекаемого к участию в следственных действиях, а в дальнейшем и эксперта-криминалиста. При необходимости уточняются формы взаимодействия с администратором сетевой безопасности. В зависимости от форм искомых электронных документов следователем должна быть предусмотрена и соответствующая квалификация понятых, привлекаемых к участию в следственном действии (осмотру, обыску, выемке), которые, желательно, должны быть знакомы с работой компьютера.

Данные мероприятия позволяют в итоге обеспечить собирание и сохранность немодифицированных ЭД (электронных оригиналов), соответствующих ст.ст. 81 86, 88 УПК РФ, с точки зрения требований относимости, допустимости и достоверности, а вместе с другими собранными доказательствами – достаточностью, при их непосредственном предоставлении в суде. При этом сам ЭД может быть трансформирован с помощью сертифицированного технико-криминалистического и экспертного инструментария в формы удобные для восприятия участниками уголовного или гражданского судопроизводства (например, в форму их аналогов на бумаге – листингов), о чем делается отметка в протоколе следственного действия. Сохранность самого ЭД и ЭНД, на котором он расположен необходимо обеспечить в полном соответствии со ст. 82 УПК Российской Федерации. Возможность представления в суд электронных ЭД и ЭНД, которые были получены или изъяты следствием или судом в точном соответствии с методиками утвержденных Федеральным межведомственным координационно-методическим совете по проблемам экспертных исследований (создан в 1998 г. по инициативе ГУ ЭКЦ МВД РФ при Минюсте РФ) может быть определена ст.74.(доказательства) п.6 (иные документы), п.2 ст.84 (иные носители информации) УПК РФ. Возможность отнесения ЭД к иным документам (ст. 74.6 УПК РФ) так же следует из анализа текста Федерального закона от 7 июня 2003г. «О связи», где под «иными» со-

общениями понимается информация, хранимая, обрабатываемая и передаваемая в виде последовательностей аналоговых или цифровых сигналов. На практике эти сообщения могут иметь форму компьютерных или других сообщений в электронном виде.

Следователем или судом должна обязательно проверяться процессуальная доброкачественность полученных на стадии предварительного следствия доказательств и производится оценка примененных при собирании и исследовании электронных документов экспертных методик, непротиворечивость полученных ЭД и экспертных заключений другим материалам дела. Необходимость подобных действий при использовании ЭД в качестве доказательства, объясняется резко возросшим интеллектуальным и техническим потенциалом преступности в сфере высоких технологий, а также все более углубляющейся технической специализацией при совершении преступлений. Для совершения указанных деяний злоумышленниками сегодня активно используются технические аппаратные и программные средства: sniffеры-анализаторы протоколов, программы-сканеры, системы радиомониторинга, аппаратура подмены телефонного номера, так называемые программы «тро-яны» с протоколами рассылки похищенных данных и др., которые обеспечивают хищение электронных идентификационных или аутентификационных реквизитов частных лиц или организаций в корыстных целях (login-пароли, IP-адреса, абонентские номера в цифровых (ISDN) сетях, пароли для работы с беспроводными браузерами сотовых сетей (WAP), МИН и ЭСН (IMEI), клонированные карты сотовых сетей и т.д.) [2, с.81-84]. Поэтому, во избежание ошибок, связанных с оценкой значимости электронных документов при доказывании обстоятельств совершенного преступления, следственными и судебными органами должна учитываться как конкретная следственная ситуация, так и оцениваться возможные виртуальные составляющие в механизме совершения преступления [1, с.147- 161]. Например, являлось ли аппаратное устройство, из которого изъят ЭД личным (персональным) или нет; установление соотношения времени создания файла или полученных информационных объектов системному времени аппарата; являлся ли IP-адрес динамическим или статическим, то есть, происходила ли интернет-сессия по выделенной или по корпоративным линиям, была она при этом с защищена от не-санкционированного доступа, в т.ч. методами криптографии; имелась ли связь данного компьютера, в котором был найден электронный документ с Интернетом и т.д. То есть необходимо соотносить имеющиеся данные из сферы высоких технологий с имеющейся «классической криминалистической следовой картиной», полученной с помощью традиционных криминалистических методик (например, отпечатками пальцев или микрочастиц на SIM -карте, органайзере, смартфоне и т.д.). Ясно, что просто принятый из какого-то источника ЭД, заверенный электронно-цифровой подписью (при отсутствии подтверждения его тождественности оригиналу из «специального удостоверяющего центра»), полученный информационным порталом по открытым сетевым каналам или находящейся в компьютере имеющем выход в Интернет, может быть подвергнут, в принципе, любой мо-

дификации со стороны организованной группы злоумышленников, которая зависит от их преступной мотивации. Причем внешне, на визуальном уровне, полученный таким образом электронный документ может и не иметь изменений. Обоснованно может быть подвергнута сомнению и возможность сохранения конфиденциальности подобных электронных сообщений. Все это накладывает, существенные ограничения на возможность использования ЭД, которые были переданы или получены с помощью открытых телекоммуникационных сетей в качестве доказательств в ходе судебного разбирательства. Однако в качестве источника ориентирующей следствие информации, как основа для выдвижения следственных версий, ЭД несомненно, могут и должны быть использованы.

Таким образом, в зависимости от конкретной следственной ситуации, функциональных характеристик аппаратных средств и их классификации, в которых, находятся интересующие следствие электронные информационные массивы (электронные документы), они могут иметь статус, как доказательства, так и источника ориентирующей информации. Например, как показывает практика, степень концентрации криминалистически значимой информации, имеющей важное доказательственное значение для дела, в средствах «личной» малогабаритной носимой аппаратуры в этих случаях очень высока (около двух третей всех исследованных нами дел). В сложившейся ситуации практический опыт ЭКЦ МВД России и ГУ РФЦСЭ при Минюсте России показывает, что сегодня первоочередное значение при проведении исследований электронных документов приобретает судебная компьютерно-техническая экспертиза, и в частности ее родовые составляющие: судебная аппаратно-компьютерная экспертиза, программно-компьютерная экспертиза, компьютерно-сетевая экспертиза, информационно-компьютерная, а также комплексные экспертизы СКТЭ, экономические экспертизы, и технические экспертизы документов.

Особенно важным при установлении, фиксации и изъятии электронных сообщений (документов) является их процессуальное оформление на месте происшествия в качестве доказательств в соответствии с нормами процессуального закона. Остановимся на этом подробнее. В протоколе следственного действия необходимо учесть и отразить «виртуальность» объекта, учесть «нетрадиционность» хранения данных (электронных документов) в электронном виде, что совершенно не характерно для уже существующих традиционных документов и носителей информации на бумажных носителях. Именно эти особенности и должны быть отражены при заполнении протокола. Например, для жесткого, на котором находятся электронные документы, фиксируются частные диагностические признаки: номер, дата изготовления, модель, фирма; объем памяти (занятой и свободной), файловая система, количество магнитных и логических дисков, количество разделов. В таблицу сводится и описывается содержимое диска – просматриваются электронные документы на нем. Фиксируются следующие данные о файлах, каталогах или программном обеспечении: названия, количество занятой информационным объектом памяти, путь к объекту, дата и время создания, инсталлирования, дата и время удале-

ния, общая характеристика информационного объекта, расширение файла и т.д.

На основании изложенного можно сделать вывод, что только комплексный подход, сочетающий в себе методы классической криминалистики и методы используемые при расследовании преступлений в сфере высоких технологий, базирующиеся на процессуальной корректности поиска, обнаружения, фиксации и исследования информационной следовой картины криминального события, непротиворечивость полученных ЭД другим материалам дела, позволит получить доказательства, соответствующие требованиям ст.88 УПК РФ и обеспечить объективность следственного или судебного решения.

Список литературы :

1. Васильев Демин К.Е. Криминалистические аспекты получения доказательственной информации с электронных носителей данных// публичное и частное право. 2011. №3(11).
2. Васюков В.Ф. Некоторые вопросы назначения компьютерно-технической экспертизы мобильных телефонов при расследовании преступлений // Вестник Академии Генеральной Прокуратуры Российской Федерации. 2015. №2 (46).
3. Дёмин К.Е. О перспективах исследования электронных документов как объектов судебной экспертизы// Вестник академии экономической безопасности МВД России. 2016 (4).
4. Российская Е. Р., Галяшина Е. И.Настольная книга судьи: судебная экспертиза. М.: Проспект, 2010.
5. Осипенко А.Л. Борьба с преступлениями в глобальных компьютерных сетях. Международный опыт. М.: Норма 2004.

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ НАЗНАЧЕНИЯ И ПРОИЗВОДСТВА СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ ПО ДЕЛАМ О ХИЩЕНИИ НЕФТЕПРОДУКТОВ НА ОБЪЕКТАХ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА

Долматова Мария Олеговна
адъюнкт Восточно-Сибирского института МВД России,
г. Иркутск, Россия

Значение экспертных исследований в уголовном судопроизводстве трудно переоценить. Современный преступник шагает далеко вперед, активно изобретая не только новые виды преступлений, но и способы, приемы и методы сокрытия следов преступлений, идентифицировать которые невозможно без применения и совершенствования специальных знаний. Вопрос об исполь-

зовании специальных знаний в раскрытии, расследовании и предупреждении преступлений из года в год остается актуальным и обсуждается на различного уровня конференциях, коллегиях и иных представительских мероприятиях.

Производству судебной экспертизы отведена отдельная глава действующего Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (глава 27, ст. 195-207), что говорит о значимости данного следственного действия как одного из основных средств доказывания по уголовному делу.

Безусловно верно отмечено, что «расследование большинства преступлений немислимо без привлечения высококвалифицированных специалистов» [1, С.40].

Следователь по праву считается процессуально самостоятельным лицом, тем не менее, привлекая к участию специалиста, он стремится наиболее качественно и в полном объеме зафиксировать следовую картину. Результаты, полученные в ходе их совместной работы, имеют наиболее весомое доказательственное значение.

По справедливому уточнению Е.Р. Россинской «не так важно для дознавателей, следователей, обладать самими специальными знаниями, как представлять современные возможности их применения, знать, каких именно специалистов необходимо привлечь для разрешения возникающих вопросов» [2, С. 18].

Говоря о хищениях нефтепродуктов на объектах железнодорожного транспорта, нельзя не отметить активное развитие данного вида преступной деятельности. В последнее время возросло количество хищений нефти и нефтепродуктов на стадии их транспортировки. Так, анализируя статистические данные о состоянии преступности на транспорте за 2018 год показал, что из 38605 зарегистрированных преступлений по транспорту России на учет поставлены 3508 преступлений, в сфере грузовых перевозок, из которых 1549 хищений грузов, что на 8,8 % меньше, чем в аналогичном периоде 2017 года, удельный вес составил 5,1%. Из общего количества зарегистрированных по транспорту России хищений грузов 81 преступление направлено на хищение нефтепродуктов, что на 52,1% меньше, чем в аналогичном периоде 2017 года. Наибольшее количество хищений нефтепродуктов зафиксировано в Управлении на транспорте МВД России по Дальневосточному Федеральному округу 27 преступлений, на втором месте Управление на транспорте МВД России по Приволжскому Федеральному округу-11 преступлений, 10 преступлений зарегистрировано в Управлении на транспорте МВД России по Центральному Федеральному округу [3].

Хищения нефтепродуктов, совершаемые в процессе транспортировки посредством железнодорожного транспорта, а также хищения ГСМ из топливных баков тепловозов имеют свою специфику, определенную особенностями функционирования и структуры железнодорожного транспорта. Поэтому преступники в том числе должны владеть определенными специальными познаниями в данной сфере, разбираясь в способах опечатывания и фиксации дверей и люков подвижного состава, а также возможных методах их вскрытия,

устройстве топливной системы тепловоза и методах экономии топлива в процессе работы и др..

В процессе расследования даже самый опытный следователь сталкивается с проблемами, решить которые без привлечения квалифицированного эксперта не представляется возможным. Здесь абсолютно верно отмечено Я.В. Комиссаровой «несмотря на научно-технический прогресс, функция эксперта не изменилась и до сих пор воспринимается в качестве «помощников»» [4, С. 368]. В связи с этим, на наш взгляд, немаловажное значение приобретают владение следователем и правильное применение им на практике закрепленных в законе правил по использованию специальных знаний экспертов и специалистов [5, С.275].

В ходе изучения материалов уголовных дел, установлено, что при расследовании хищений нефтепродуктов с тепловозов и цистерн назначаются следующие экспертизы: экспертиза материалов, веществ и изделий (физико-химическая), основной задачей которой является определение состава исследуемого вещества, установление групповой принадлежности, однородности или неоднородности представленных на исследование образцов веществ; трасологическая экспертиза, объектами которой являются запорно-пломбировочные устройства и их части, следы орудий взлома и инструментов, следы одежды, обуви; судебно-почвоведческая экспертиза для определения принадлежности почвенных наслоений, обнаруженных на обуви подозреваемого или изъятых с протекторов шин, конкретному участку местности; дактилоскопическая экспертиза; почерковедческая; технико-криминалистическая экспертиза документов (исследование оттисков печатей и штампов, подписей или установление содержания документа); бухгалтерская экспертиза в случаях определения недостачи и излишков груза; психологическая экспертиза проводится для выявления лидера группы, так как в большинстве своем данный вид хищений относится к групповым преступлениям.

На сегодняшний день существует достаточно много трудностей, с которыми приходится сталкиваться следователю при назначении экспертиз по делам о хищении нефтепродуктов. Уже на первоначальном этапе расследования назначение экспертиз имеет важное значение, так как на основе полученных результатов осуществляется выдвижение и проверка версий, формулирование обвинения, а также проведение таких следственных действий, как допрос, очная ставка и обыск. Мы попытались более подробно рассмотреть проблемные вопросы, возникающие при производстве физико-химической экспертизы, как основной из экспертиз, назначаемых при расследовании уголовных дел о хищении нефтепродуктов на объектах железнодорожного транспорта.

Нефтепродукты относятся к наиболее сложным объектам экспертных исследований, так как наделены особыми физическими свойствами и химическим составом. В случае их неправильного изъятия с места хищения, нарушения требований к упаковке и транспортировке, возникает угроза утраты их свойств, что в последующем может повлечь их непригодность для решения экспертных задач и привести к утрате вещественных доказательств.

Свойства нефтепродуктов и ГСМ предъявляют специальные требования к материалу, используемому для упаковки. К примеру бензин и дизельное топливо, содержат в своем составе легколетучие компоненты, в результате испарения которых, существенно изменяется состав указанных объектов. Такие объекты обладают малым идентификационным периодом, поэтому, чем быстрее изъяты и направлены на исследование вещественные доказательства, тем эффективнее будет их экспертное исследование.

Изъятые с места хищения нефти и нефтепродуктов объекты для криминалистической экспертизы материалов, веществ и изделий упаковываются в герметичную и нейтральную упаковку, которая не теряет своих свойств и характеристик при взаимодействии с нефтью или нефтепродуктами. В процессе транспортировки и хранения изъятых следов и объектов упаковка должна обеспечить их сохранность без видоизменения и уничтожения. Запрещается упаковывать такие объекты в бумажные пакеты и свертки. Жидкие нефтепродукты изымаются в стеклянные бутылки, герметично закупориваются пробками или винтовыми крышками, опечатываются, либо наклеивается этикетка на бутылку. Транспортировка должна осуществляться таким образом, чтобы исключить утерю, повреждение, видоизменение и уничтожение изъятых следов и объектов.

Достаточно часто при вынесении постановления о назначении судебной физико-химической экспертизы (исследования) у следователей (дознавателей) возникают затруднения, касающиеся определения вида и задач экспертного исследования, а также некорректного формулирования вопросов, поставленных перед экспертом, либо указывается не весь перечень вопросов, что в последующем требует назначения дополнительной экспертизы и приводит к затягиванию как сроков исследования, так и расследования по уголовному делу в целом. И так, мы попытались отразить наиболее полный перечень вопросов, которые должны быть поставлены на разрешение эксперта по рассматриваемому виду экспертизы:

1. Является ли представленная на исследование жидкость нефтепродуктом? Если да, то к какой группе (марке) относится?
2. Имеют ли представленная жидкость и образец сравнения общий источник происхождения?
3. Является ли представленное вещество смазочным материалом на нефтяной основе?
4. Имеются ли на представленных в (на) представленных на экспертизу объектах следы нефтепродуктов? Если да, то какого именно?
5. Является ли представленная на экспертизу жидкость автомобильным бензином? Если да, то каким именно? Каково значение октанового числа жидкости по исследовательскому методу, и какой товарной марке оно соответствует?
6. Является ли представленная на экспертизу жидкость дизельным топливом? Если да, то какова его марка (летнее, зимнее)?

Подводя итог изложенному, сформулируем некоторые выводы и рекомендации:

1. В целях проведения наиболее качественного экспертного исследования, правильного изъятия, упаковки и транспортировки вещественных доказательств, изъятых с места преступления, необходимо в обязательном порядке привлекать к участию специалиста, начиная с проведения осмотра места происшествия. Здесь следует полностью согласиться с мнением О.П. Грибунова «именно осмотр места происшествия является началом применения специальных знаний в уголовном судопроизводстве. Некачественный осмотр ведет к необратимой и невосполнимой потере следовой информации, которая посредством проведения экспертных исследований позволила бы сформировать безапелляционную доказательственную базу» [6, С.48].

2. В случаях, когда определение вида и задач экспертного исследования, формулирование вопросов вызывает у следователя (дознателя) определенные затруднения, рекомендовано обратиться за консультацией к квалифицированному специалисту в данной области, а также изучить научную и методическую литературу по данной тематике, воспользоваться справочниками, а также восполнять свои технико-криминалистические знания путем проведения практических занятий с участием сотрудников экспертно-криминалистических подразделений.

3. Сотрудникам экспертных подразделений рекомендуется систематически повышать свой профессиональный уровень, в целях освоения новых методик производства экспертиз, а также обладать высоким уровнем криминалистического мышления. Криминалистическое мышление в судебной экспертизе особенно важно потому, что в ходе экспертного исследования применяются методы, созданные криминалистикой: программно-целевые, алгоритмизированные, эвристические, методы фактологического анализа, криминалистического моделирования и др. [7. С. 277].

Соблюдение и применение предложенных рекомендаций в практической деятельности поможет избежать трудностей, связанных с назначением и производством не только физико-химической экспертизы по уголовным делам о хищениях нефтепродуктов на объектах железнодорожного транспорта, но и при назначении и производстве иных видов судебных экспертиз по данной категории дел.

Список литературы :

1. Демидова Т.В. Взаимодействие следователя с сотрудниками экспертно-криминалистических подразделений при расследовании дорожно-транспортных преступлений: дис....канд. юрид. наук. М., 2010. 232с.
2. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. М. : Норма, 2005.256с.
3. Официальный сайт ФКУ ГИАЦ МВД России [Электронный ресурс].Режим доступа URL: <https://xn--b1aew.xnp1ai/Deljatelnost/statistics> (дата обращения 12.09.2019г.).

4. Профессиональная деятельность эксперта в уголовном судопроизводстве: теория и практика: монография. -М.: Юрлитинформ, 2014. 368с.

5. Варданиян А.В., Грибунов О.П. Судебные экспертизы, назначаемые при расследовании хищений на объектах транспорта// Теория и практика противодействия преступности в Азиатско-Тихоокеанском регионе (к 95-летию образования Дальневосточного юридического института МВД России): сб. материалов международной научно-практической конференции. Хабаровск, 2016. С.274-277.

6. Грибунов О.П. Участие сотрудников ЭКЦ в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий, следственных и иных процессуальных действий как фактор повышения раскрываемости преступлений // Российский следователь. №20. 2017. с. 47-51.

7. Аминев Ф.Г. Судебно-экспертная деятельность в Российской Федерации: современные проблемы и пути их решения: дисс.... д-ра юрид. наук. Ростов на Дону, 2017. 482с.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕХНИКО-РИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНОВ

Жбанков Виктор Андреевич,

профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин
Российской таможенной академии, доктор юридических наук,
профессор, Заслуженный юрист России,

Козлов Вячеслав Иванович,

первый заместитель начальника Управления таможенных
расследований и дознания Федеральной таможенной службы
Российской Федерации, кандидат юридических наук,
г. Москва, Россия

Табакон Александр Владимирович,

доцент кафедры судебных экспертиз Санкт-Петербургского
государственного архитектурно-строительного университета,
кандидат юридических наук, г. С-Петербург, Россия

Технико-криминалистическое обеспечение правоохранительной деятельности — это сложный системный феномен, к изучению которого следует подходить аналитически и который нужно рассматривать многоаспектно. Выделяются этапы реализации технико-криминалистического обеспечения: кондичионный, на котором создаются условия постоянной готовности субъектов к решению правоохранительных задач, и деятельностный, на котором эти задачи

решаются. В зависимости от содержания технико-криминалистического обеспечения выделяются такие его виды, как правовое, научно-техническое и организационно-ресурсное обеспечение. В настоящей статье технико-криминалистическое обеспечение раскрытия, расследования и предупреждения преступлений подразделениями дознания таможенных органов рассматривается в последнем — организационно-ресурсном аспекте.

В этой связи предлагаем следующее «рабочее» определение рассматриваемого понятия: технико-криминалистическое обеспечение раскрытия, расследования и предупреждения преступлений подразделениями дознания таможенных органов – организационная деятельность по предоставлению указанным подразделениям (1) технико-криминалистических средств и необходимых для их применения других материально-технических средств, программного обеспечения и информационно-телекоммуникационных технологий, (2) доступа к криминалистическим, оперативно-справочным, розыскным учётам и другим источникам криминалистически значимой информации, (3) кадровых ресурсов, обладающих необходимыми полномочиями и профессиональными компетенциями в области применения криминалистической техники, (4) научно обоснованных криминалистических рекомендаций по рациональному использованию криминалистической техники с целью эффективного выполнения означенной правоохранительной функции (раскрытия, расследования и предупреждения преступлений, отнесённых к компетенции таможенных органов).

Коль скоро технико-криминалистическое обеспечение представляет или, по крайней мере, должно представлять собой системную работу по разным направлениям, осуществляемую разными взаимодействующими субъектами, важным и вместе с тем нетривиальным вопросом является вопрос организации, обеспечения системности этой деятельности. Должен быть организующий фактор, который бы реализовал связь между элементами рассматриваемой деятельности, находящихся на различных иерархических уровнях, для достижения поставленной цели – поддержание технико-криминалистического обеспечения подразделений дознания таможенных органов на уровне, достаточном для эффективного противодействия внешнеэкономической преступности.

В системе таможенных органов находится Управление таможенных расследований и дознания Федеральной таможенной службы Российской Федерации (УТРД ФТС России); одним из направлений его деятельности является организация работы в таможенных органах по ведению производства предварительного расследования в форме дознания и неотложных следственных действий [1]. Однако технико-криминалистическое обеспечение – это, как следует из предложенного нами определения, достаточно специфическая деятельность, имеющая не только правовую, но и «техническую» составляющую, связанную с использованием специальных познаний, и в этой части выходящая за пределы компетенции названного управления с его сегодняшней структурой.

Ранее в структуре правоохранительного «блока» таможенных органов Российской Федерации функционировали криминалистические подразделения. Первое такое подразделение – отдел криминалистики – было организовано в 1995 году в Московском таможенном управлении [2]. В дальнейшем была создана сеть криминалистических подразделений в составе региональных оперативных таможен, включающая отделы и отделения, а также отдел криминалистики в структуре Регионального таможенного управления по борьбе с таможенными правонарушениями Государственного таможенного комитета Российской Федерации (ГТК России). Первоначально сформированные криминалистические подразделения были укомплектованы в основном специалистами из органов внутренних дел, имеющими необходимый опыт криминалистической деятельности и допуски к производству соответствующих видов криминалистических экспертиз (такие кадры практически отсутствовали в таможенных органах). После преобразования системы таможенных органов (ГТК России – ФТС России) в число криминалистических подразделений входили отдел криминалистики Главного управления таможенных расследований и дознания ФТС России (головной), отделы и отделения криминалистики оперативных таможен.

Криминалистические подразделения проводили объёмную и, надо сказать, продуктивную работу по применению специальных криминалистических знаний в процессе раскрытия, расследования и предупреждения таможенных преступлений, участвуя в качестве специалистов при производстве следственных действий и экспертов при производстве криминалистических экспертиз. Кроме того, криминалистические подразделения проводили консультации и профессиональное обучение сотрудников правоохранительного «блока» по вопросам применения технико-криминалистических средств, приёмов и методов, обобщали практику их применения и выполняли иную методическую работу. Благодаря криминалистическим подразделениям была создана и функционировала, постоянно пополняясь, обширная система криминалистических учётов.

Одновременно, с 2002 года функционировало структурно обособленное Центральное экспертно-криминалистическое таможенное управление (ЦЭК-ТУ) ГТК России – ФТС России (своеобразный «правопреемник» Центральной таможенной лаборатории, основной функцией которой являлось производство таможенных экспертиз) [3].

В 2011 году криминалистические подразделения в правоохранительном «блоке» таможенных органов (в оперативных таможнях, УТРД ФТС России) были ликвидированы, основная штатная численность этих подразделений была передана в ЦЭК-ТУ ФТС России и его филиалы [4]. Согласно ведомственным приказам на них возложена функция непрерывного экспертно-криминалистического обеспечения правоохранительной деятельности таможенных органов [5; 6].

Однако практика расследования преступлений подразделениями дознания таможенных органов показала, что привлечь в оперативном порядке со-

трудников ЦЭКТУ ФТС России и его филиалов в качестве специалистов-криминалистов при производстве следственных действий, а также получить от них методическую помощь при постановке вопросов перед экспертами, мягко говоря, не просто — приходится решать множество организационных вопросов, требующих затрат сил и времени. В результате сложилось так, что дознаватели таможенных органов в большинстве случаев при производстве следственных действий работают практически в одиночку, не получая помощь от специалистов-криминалистов экспертных учреждений таможенных органов; в лучшем случае поддержку дознавателям оказывают оперативные сотрудники таможенных органов, в большинстве своём не обладающие необходимыми криминалистическими знаниями, умениями и навыками. Закономерно снижается качество криминалистической деятельности (девальвируется доказательственная ценность или вообще утрачиваются доказательства), увеличивается время производства следственных действий и в целом затягивается процесс расследования.

С ликвидацией криминалистических подразделений проявились и иные негативные последствия в области технико-криминалистического обеспечения правоохранительной деятельности таможенных органов. Была утрачена система криминалистических учётов. Практически прекратилась методическая поддержка дознавателей и оперативных сотрудников.

Раскрываемость преступлений, отнесённых к компетенции таможенных органов, низкая и продолжает снижаться: согласно уголовной статистике, количество уголовных дел, направляемых для рассмотрения в суды, в последние годы уменьшается. Бросается в глаза огромная разница между количеством возбуждаемых уголовных дел и количеством дел, передаваемых в суд. Так, согласно отчётам Управления таможенных расследований и дознания ФТС России в 2017 году таможенными органами Российской Федерации возбуждено 2 103 уголовных дела; в суды с обвинительными актами, постановлениями направлено всего 118 уголовных дел [7]. В 2018 году, соответственно, возбуждено 2 054 уголовных дела; в суды направлено 109 уголовных дел [8]. По мнению руководства УТРД ФТС России, одной из причин такого неблагоприятного положения дел является неудовлетворительное технико-криминалистическое обеспечение правоохраны.

Некоторыми авторами также отмечается, что сотрудничество соответствующих подразделений и должностных лиц таможенных органов с подразделениями и должностными лицами ЦЭКТУ ФТС России и его филиалов зачастую оказывается проблемным в силу недостаточного профессионального уровня последних, что недостатки в функционировании экспертно-криминалистического «блока» препятствуют решению задач в сфере уголовного, административного, гражданского, арбитражного судопроизводства и в сфере оперативно-розыскной деятельности таможенных органов. Делается вывод, что в условиях слабоэффективного взаимодействия правоохранительных и экспертно-криминалистических подразделений в таможенных органах страдает результативность выявления и фиксации фактов преступлений, адми-

нистративных правонарушений, гражданско-правовых деликтов, и одна из причин тому – неполноценное использование ранее добытой криминалистически значимой информации [9, с. 161].

В рамках настоящей статьи мы не намерены вдаваться в критику деятельности ЦЭКТУ ФТС России и подчинённых ему филиалов. Мы обратим внимание на другое: по нашему мнению, основу эффективного взаимодействия между экспертно-криминалистическими подразделениями и правоохранительным «блоком» таможенных органов «подрывает» внутриведомственная разобщённость. Выделение названного управления и филиалов в самостоятельную структурную единицу таможенных органов, возможно, преследовало благую цель. Однако при принятии этого решения была проигнорирована вполне очевидная с точки зрения теории управления закономерность: структурное обособление всегда влечёт рост организационных издержек, связанных с преодолением возникающих «границ» во вновь формируемой структуре организации. К примеру: если во времена, когда криминалистические подразделения были в структуре правоохранительного «блока» таможенных органов, для привлечения специалистов-криминалистов к участию в следственных действиях было достаточно устного распоряжения руководителя, то в настоящее время это невозможно – требуется письменное согласование.

Кроме того, заметим, что филиалы ЦЭКТУ ФТС России хоть и находятся в регионах, но на текущий момент их, согласно информации на официальном сайте управления, всего десять: в Москве, Калининграде, Санкт-Петербурге, Брянске, Ростове-на-Дону, Нижнем Новгороде, Екатеринбурге, Пятигорске, Новосибирске, Владивостоке [10]. Ясно, что эти филиалы в принципе не могут охватить все зоны деятельности всех таможенных органов России. Фактически в результате описанной выше «экспертной реформы» экспертно-криминалистические подразделения оказались оторванными «от земли», от реалий правоохранительной работы.

Предпринимаются некоторые попытки снизить негативный эффект структурного разобщения правоохранительных и экспертно-криминалистических подразделений, в том числе и за счёт внедрения информационно-телекоммуникационных технологий. Так, УТРД ФТС России и ЦЭКТУ ФТС России разработан и подписан алгоритм информационного взаимодействия при назначении экспертно-исследовательских работ и последующем направлении в электронном виде заключений экспертов по сообщениям о преступлениях, уголовным делам и делам об административных правонарушениях. Переход на информационное взаимодействие по данному алгоритму осуществлён в 2019 году после завершения работ по доработке автоматизированных информационных систем «Правоохрана» и «База данных «Экспертиза». Однако все проблемы технико-криминалистического обеспечения такими локальными мерами не решить. Далеко не все специальные знания можно передать по электронным каналам связи, и уж тем более невозможно оцифровать умения и навыки криминалистической деятельности.

Приходится с сожалением констатировать, что упразднение криминалистических подразделений в правоохранительном «блоке» таможенных органов с передачей их функций ЦЭКТУ и его филиалам не привело к ожидаемому положительному эффекту – повышению качества экспертно-криминалистического обеспечения правоохранительной деятельности таможенных органов, сокращению времени производства экспертиз и т. д. Наоборот, качество криминалистической деятельности снизилось, плюс возникли дополнительные проблемы, в частности, проблема утечки информации, составляющей следственную тайну.

Завершая настоящее исследование, выносим на обсуждение наше предложение, которое считаем обоснованным с точки зрения права и теории управления: целесообразно воссоздать в правоохранительном «блоке» таможенных органов криминалистические подразделения. В силу своего функционального предназначения их место именно там – в гуще криминальных событий, среди коллег по правоохране. Полагаем, что в результате такого реформирования качественный уровень технико-криминалистического обеспечения раскрытия, расследования и предупреждения преступлений, отнесённых к компетенции таможенных органов, повысится; вырастет и эффективность правоохранительной деятельности. Уверены, что «реанимация» криминалистических подразделений в структуре УТРД ФТС России, оперативных таможен и таможен, решит большинство существующих проблем технико-криминалистического обеспечения – как на кондиционном этапе, так и на этапе деятельности. Для реализации этого предложения даже не потребуется увеличение штатной численности таможенных органов: достаточно передать штатные единицы из «раздутого» административного аппарата ЦЭКТУ и его филиалов, – и в каждой таможне будет минимум два специалиста-криминалиста. Пользы от них будет гораздо больше, чем от большинства «управленцев».

И, к слову, не случайно, полагаем, в 2019 году в структуре Следственного комитета Российской Федерации создана собственная экспертно-криминалистическая служба: эта реформа тоже направлена на устранение внутри- и межведомственных барьеров между следственными и экспертно-криминалистическими подразделениями, на повышение системности их функционирования, оперативности взаимодействия. Стоит использовать и негативный, и позитивный опыт в этой области, как собственный, так и коллег из других правоохранительных ведомств.

Список литературы:

1. Управление таможенных расследований и дознания Федеральной таможенной службы Российской Федерации // Официальный Интернет-сайт Федеральной таможенной службы Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://customs.ru/folder/86314> (дата обращения: 15.09.2019).

2. Приказ Государственного таможенного комитета Российской Федерации от 27 января 1995 года № 49 «О создании в Московском таможенном управлении отдела криминалистики».

3. Приказ Государственного таможенного комитета Российской Федерации от 23 мая 2002 года № 515 «Об утверждении Положения о Центральном экспертно-криминалистическом таможенном управлении».

4. Приказ Федеральной таможенной службы Российской Федерации от 21 сентября 2011 года № 1929 «О распределении численности таможенных органов Российской Федерации».

5. Приказ Федеральной таможенной службы Российской Федерации от 29 декабря 2012 года № 2690 «Об утверждении порядка непрерывного экспертно-криминалистического обеспечения правоохранительной деятельности таможенных органов».

6. Приказом Центрального экспертно-криминалистического таможенного управления Федеральной таможенной службы Российской Федерации от 1 июля 2013 года № 269 «Об утверждении инструкции по непрерывному экспертно-криминалистическому обеспечению правоохранительной деятельности таможенных органов».

7. Показатели правоохранительной деятельности таможенных органов Российской Федерации за 2017 год: Информация Управления таможенных расследований и дознания ФТС России // Официальный Интернет-сайт Федеральной таможенной службы Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://customs.ru/activity/pravooxranitel-naya-deyatel-nost-/informacziya-upravleniya-tamozhennyx-rassledovaniy-i-doznaniya/document/13355> (дата обращения: 15.09.2019).

8. Показатели правоохранительной деятельности таможенных органов Российской Федерации за 2018 год: Информация Управления таможенных расследований и дознания ФТС России // Официальный Интернет-сайт Федеральной таможенной службы Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://customs.ru/activity/pravooxranitel-naya-deyatel-nost-/informacziya-upravleniya-tamozhennyx-rassledovaniy-i-doznaniya/document/171637> (дата обращения: 15.09.2019).

9. Макаренко, В. Г. Проблема использования криминалистических учётов в таможенных органах Российской Федерации / В. Г. Макаренко // Публичное и частное право. 2015. № 3 (27). С. 158-170.

10. Структура Центрального экспертно-криминалистического таможенного управления Федеральной таможенной службы Российской Федерации // Официальный Интернет-сайт Центрального экспертно-криминалистического таможенного управления Федеральной таможенной службы Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://cektu.customs.ru/folder/13679> (дата обращения: 15.09.2019).

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, ОСУЩЕСТВЛЯЕМОЙ С УЧАСТИЕМ СПЕЦИАЛИСТА

Жданов Сергей Павлович,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Российской
таможенной академии (г. Люберцы); доцент кафедры
гражданско-правовых дисциплин РЭУ им. Г.В. Плеханова
кандидат юридических наук, г. Москва,

До настоящего времени в юридической литературе не достигнута общепризнанность используемой в правотворчестве терминологии относительно понятия «правоохранительная деятельность» [1; 2; 3].

При характеристике понятия правоохранительной деятельности важно иметь в виду, что в наши дни существует довольно распространенная тенденция вкладывать в него разное и нередко крайне ограниченное содержание. Например, для одних такая деятельность – это лишь то, что делается компетентными государственными органами в сфере борьбы с преступлениями (другими словами, ставится знак равенства между понятием «правоохранительная деятельность» и понятием «борьба с преступностью»);

для других – это борьба с преступлениями и с иными правонарушениями (в основном теми, которые принято называть административными проступками);

для третьих – это то, что принято называть поддержанием общественного порядка (патрулирование в общественных местах, контроль за правильным поведением массовых мероприятий – демонстраций, митингов, пикетирования, применение специальных средств для усмирения «разбушевавшейся» толпы и т.д.) [4, с. 5-6].

Итак, К.Ф. Гуценко под правоохранительной деятельностью понимает, государственную деятельность, которая осуществляется с целью охраны права специально уполномоченными органами путем применения юридических мер воздействия в строгом соответствии с законом и при неуклонном соблюдении установленного им порядка [4, с. 5]. По мнению ученого, в соответствии с существующими доктринальными разработками рассматриваемый вид государственной деятельности, самым непосредственным образом связанной с охраной права (отсюда и ее название – правоохранительная деятельность), обладает рядом существенных признаков.

Один из них проявляется в том, что имеется в виду охрана права, которая может осуществляться не любым способом, а лишь с помощью применения юридических мер воздействия. К последним принято относить регламентируемые законом меры государственного принуждения и взыскания, предупреждения противоправных действий, их профилактики.

Вторым существенным признаком правоохранительной деятельности является то, что применяемые при ее осуществлении юридические меры воздействия должны строго соответствовать предписаниям закона.

В-третьих, характерным для правоохранительной деятельности является и то, что она реализуется в установленном законом порядке, то есть с соблюдением определенных процедур.

Наконец, существенным признаком правоохранительной деятельности считается то, что ее реализация возлагается, прежде всего, на специально уполномоченные государственные органы. Они комплектуются соответствующим образом подготовленными служащими, по большей части юристами, а также специалистами, обладающими познаниями в других областях [4, с. 3-5].

В свою очередь, С.Л. Лонь обращает внимание на то, что большинство авторов учебников и учебных пособий определяют понятие «правоохранительные органы» через категорию «правоохранительная деятельность» и такой подход представляется вполне обоснованным, так как органы, осуществляющие правоохранительную деятельность, являются правоохранительными [5, с. 22]. Однако в таком случае понятие «правоохранительная деятельность», по его мнению, требует дополнительного раскрытия, опираясь на положения теории государства и права ученый выделяет шесть основных черт правоохранительной деятельности:

1) назначение правоохранительной деятельности – охрана и защита прав и законных интересов граждан, юридических лиц и государства и обеспечение выполнения ими своих обязанностей;

2) начало правоохранительной деятельности, как правило, связано с наличием повода, в качестве которого чаще всего выступает сообщение о правонарушении либо необходимости его предупреждения;

3) правоохранительная деятельность осуществляется только на основании закона и в соответствии с законом (то есть определенный вид правоохранительной деятельности должен быть предусмотрен действующим законодательством), а в некоторых случаях – исключительно в установленной процессуальной форме. Под процессуальной формой понимается установленный процессуальным законом порядок производства по делу в целом, а также условия, последовательность, порядок совершения отдельных действий;

4) правоохранительная деятельность осуществляется специально уполномоченными законом субъектами, наделенными для этого определенными правами и обязанностями. Лица, осуществляющие правоохранительную деятельность, как правило, должны иметь юридическое образование;

5) в ряде случаев правоохранительная деятельность связана с применением законных мер государственного принуждения к лицам, допустившим правонарушение. Эти меры различаются в зависимости от компетенции органа и тяжести совершенного правонарушения;

6) законные и обоснованные решения, принятые субъектами правоохранительной деятельности, подлежат обязательному исполнению должностными

лицами и гражданами. Неисполнение этих решений образует самостоятельное правонарушение, влекущее дополнительную ответственность [5, с. 23].

По мнению С.Л. Лонь, правоохранительную деятельность могут выполнять различные органы государства. Однако не все они являются правоохранительными. Для того чтобы орган можно было отнести к числу правоохранительных, необходимо, чтобы правоохранительная деятельности занимала значительное место в объеме его работы и не была побочной, эпизодической. В связи с этим ученый формулирует следующее определение: «правоохранительные органы – это специальные государственные органы, профессиональные объединения и особые физические лица, которые в силу закона обладают специфическими полномочиями по осуществлению правоохранительной деятельности» [5, с. 24-25]. В свою очередь, правоохранительная деятельность ученым определяется как «предусмотренная действующим законодательством государственная или санкционированная государством деятельность, направленная на охрану и защиту прав граждан, юридических лиц и государства и обеспечение выполнения ими своих обязанностей, осуществляемая, как правило, в определенном процессуальном порядке специально уполномоченными на то лицами и связанная с применением законных мер государственного принуждения» [5, с. 24].

Необходимо отметить, что термины «правоохранительная деятельность», «деятельность» и обоснование необходимости их включения в научную специальность 12.00.11, были предметом научной дискуссии в рамках модернизации этой научной специальности¹. При этом термин «правоохранительная деятельность» используется в различных наименованиях тем диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата юридических наук [6; 7; 8; 9].

Уместно напомнить, что на первом координационном совещании руководителей диссертационных советов по юридическим наукам в Саратовской государственной академии права 23 апреля 2010 г. предлагалась новая редакция научной специальности 12.00.11. Причина предлагаемой редакции, по мнению руководителей диссертационных советов, в следующем: предыдущая формула в определенной мере дублировала другие научные специальности. В обосновании данной специальности более точным им представлялось использование категории «деятельность», ибо это как раз тот случай, когда невозможно полностью уйти от отраслевой систематизации знаний. Категория «юридическая деятельность» и ее виды достаточно проработаны в юридической науке. Под понятием «деятельность» охватывается комплекс проблем,

¹Прим. авт.: научная специальность 12.00.11 – Судебная власть, прокурорский надзор, организация правоохранительной деятельности, адвокатура (2007 г.); научная специальность 12.00.11 – Судебная власть, прокурорский надзор, организация правоохранительной деятельности (2010 г.); научная специальность 12.00.11 — Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность (2018 г.).

связанных с ее правовым, социальными, этическими и организационными условиями. Именно такой системный подход обеспечит благоприятные перспективы развития соответствующих научных направлений, будет способствовать расширению поля познания и поиску нетривиальных решений. В итоговом варианте научная специальность 12.00.11 предложенная рабочей группой, звучит следующим образом: «Судебная деятельность; прокурорская деятельность; правозащитная и правоохранительная деятельность» [10].

Термин «правоохранительная деятельность» и обозначаемое им понятие являются сравнительно молодыми. Они введены в юридический обиход все лишь в конце 50-х – начале 60-х годов XX столетия и понятие «правоохранительная деятельность» до сих пор еще не «устоялось». Вокруг него идут активные споры, высказываются разные суждения, а вместе с этим – и разные мнения о том, какие органы надо считать правоохранительными [4, с. 3]. В действующем законодательстве по данному поводу четких указаний нет. Однако в международном договоре о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза, государствами-членами которого являются Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика и Российская Федерация, ст. 354 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза посвящена правоохранительной деятельности таможенных органов. В ней определены три основных ее направления применительно к таможенным органам: а) являются органами дознания и (или) следствия по делам о преступлениях; б) осуществляют оперативно-розыскную деятельность; в) ведут административный процесс (осуществляют производство) по делам об административных правонарушениях [11, с. 378-379].

При этом возникает вопрос, помимо таможенных органов какие еще органы осуществляют правоохранительную деятельность? Полагаем, те, которые: а) являются органами дознания и (или) следствия по делам о преступлениях; б) осуществляют оперативно-розыскную деятельность; в) осуществляют производство по делам об административных правонарушениях.

Более того, в юридической литературе основным объединением всех правоохранительных органов являлось то, что деятельность каждого из них направлена на защиту прав и законных интересов граждан, юридических лиц и государства в целом [12, с. 22]; основными объектами, которые должны защищаться системой государственных органов, в том числе правоохранительных, являются личность (ее права и свободы), общество (его материальные и духовные ценности) и государство (его конституционный строй, суверенитет и территориальная целостность) [4, с. 8].

Таким образом, правоохранительная деятельность – это деятельность государственных органов, направленная на защиту прав и законных интересов личности, общества и государства и осуществляемая в соответствии с законом органами дознания и (или) следствия по делам о преступлениях, оперативно-розыскными органами и органами осуществляющие производство по делам об административных правонарушениях.

Во всех вышеперечисленных направлениях (производство по делам об административных правонарушениях и уголовным делам, проведение ОРМ) участвует специалист, обладающий специальными знаниями. По делам о преступлениях, специалист является иным участником уголовного судопроизводства; по делам об административных правонарушениях специалист является участником производства по делам об административных правонарушениях или иным участником судебного процесса; при осуществлении ОРД специалист помогает (участвует) при проведении ОРМ.

Список литературы :

1. Правоохранительные органы: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. И.И. Сыдорука, А.В. Ендольцевой, Р.С. Тамаева. 8-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2012.
2. Правоохранительные органы России: учебник для академического бакалавриата / под общ. ред. В.П. Божьева, Б.Я. Гаврилова. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во Юрайт, 2017.
3. Судостроительство и правоохранительные органы: учебник для бакалавров / отв. ред. Ю.К. Орлов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2018.
4. Гуценко К.Ф. Правоохранительная деятельность, ее признаки, понятие и задачи// Гуценко, К.Ф., Ковалев, М.А. Правоохранительные органы: учебник для юридических вузов и факультетов. 9-е изд., перераб. и доп. / Под ред. К.Ф. Гуценко. М.: ИКД «Зерцало-М», 2010.
5. Лось С.Л. Правоохранительная деятельность и правоохранительные органы России // Правоохранительные органы России: учебник для академического бакалавриата / под общ. ред. В.П. Божьева, Б.Я. Гаврилова. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во Юрайт, 2017.
6. Гулягин А.Ю. Особенности правоохранительной деятельности в сфере административной юрисдикции: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.11. М., 2015.
7. Ивашук А.В. Межрегиональная координация правоохранительной деятельности территориальных органов МВД России (правовой и организационный аспекты): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.11, 2018.
8. Сергеев К.А. Теоретические основы и организационно-правовые механизмы правоохранительной деятельности по защите корпоративной собственности от криминального рейдерства: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.11, 12.00.12. М., 2013.
9. Черемных И.Г. Становление независимого нотариата России как института по осуществлению правоохранительной деятельности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.11. 2007.
10. Модернизация специальностей в юриспруденции: сб. материалов по итогам подготовки паспорта специальностей научных работников / Н.А. Власенко, И.М. Мацкевич; отв. ред. Н.И. Аристер. М.: Проспект, 2012.

11. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза: текст на 2018 год. М.: Эксмо, 2018.

12. Правоохранительные органы России: учебник / В.П. Божьев [и др.]; под ред. В.П. Божьева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Высшее образование, 2009.

РОЛЬ ФИНАНСОВО-АНАЛИТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ДЛЯ РАССЛЕДОВАНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ О МОШЕННИЧЕСТВЕ, СОПРЯЖЕННОМ С ПРЕДНАМЕРЕННЫМ НЕИСПОЛНЕНИЕМ ДОГОВОРНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ В СФЕРЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Залескина Анна Николаевна,

преподаватель кафедры общеправовой подготовки Восточно-Сибирского института МВД России, г. Иркутск, Россия

Расследование уголовных дел о мошенничестве, сопряженном с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности, предполагает использование специальных знаний. Судебная экспертиза является одним из основных средств доказывания при рассмотрении вышеперечисленных категорий дел, т.к. их разрешение требует специальных знаний [1, с.209].

Наиболее результативной и часто назначаемой экспертизой по рассматриваемому виду мошенничества является судебная финансово-аналитическая экспертиза (далее ФАЭ).

Посредством производства ФАЭ следователь может установить обстоятельства, свидетельствующие о наличии умысла на преднамеренное неисполнение договорных обязательств, так как по исследуемому составу мошенничества очень важно знать финансовое состояние субъекта преступления именно на момент заключения договора с потерпевшим.

Соответственно можно сделать вывод, что ФАЭ производится для исследования финансового состояния субъекта предпринимательской деятельности. Целью финансового анализа деятельности хозяйствующих субъектов с точки зрения экономики является получение объективной оценки их финансового состояния, в частности финансовой устойчивости, ликвидности и платежеспособности, а также эффективности хозяйственной деятельности [2, с.86].

В ходе экспертного исследования выявляются и изучаются следующие аспекты деятельности субъекта предпринимательской деятельности: связь финансового состояния субъекта и отмеченных следователем факторов (сделки, операции) и тенденция финансового состояния организации.

Определение указанных аспектов позволит следователю установить обстоятельства, подлежащие доказыванию, такие как: время совершения пре-

ступления и размера ущерба, а также установить лиц, причастных к совершению конкретных действий (сделок, операций), которые повлекли причинение ущерба.

Учитывая личность мошенников, в большинстве случаев дел они избирают тактику противодействия расследования, отрицают свою вину и объясняют факт мошенничества - предпринимательскими рисками. Поэтому, при расследовании данного вида мошенничества, важным представляется установление умысла, направленного на преднамеренное не выполнение договорных обязательств, а также завладения имуществом или денежными средствами потерпевших. Выявленные и зафиксированные в ходе расследования факты реальной возможности лица выполнить обязательства по договору, либо преднамеренного сокрытия от потерпевшего отрицательного финансового состояния, будут свидетельствовать о наличии умысла у подозреваемого на преднамеренное неисполнение договорных обязательств.

Кроме того, при производстве ФАЭ есть возможность определить реальное финансовое состояние организации подозреваемого на момент заключения договора.

На этапе назначения ФАЭ, а именно при постановке вопросов, следователю нужно определить конкретные сделки, операции, которые могли повлиять, либо повлияли на финансовое состояние организации подозреваемого. Кроме этого важно отметить незаконность или фиктивность (например, неоказание услуг по договорам, контрагент является «фирмой-однодневкой») сделок, при обнаружении таковых. Зачастую, подобную информацию можно получить в налоговых органах.

В процессе производства экспертизы изучаются выделенные хозяйственные или финансовые операции, а также определяется степень их влияния на финансовое состояние субъекта преступления, какие меры были им предприняты для исполнения обязательств по договору и к каким результатам они привели.

Благодаря ФАЭ у следователя появляется возможность объективно оценить не только внешнюю картину деятельности предприятия, но и дать полную картину его финансово-хозяйственной деятельности изнутри. В результате чего следователь проводит экономико-правовой анализ деятельности хозяйствующего субъекта, например, в процессе оценки заключения эксперта, содержащего несоответствие экономических показателей предприятия и добытой в ходе расследования уголовного дела правовой информации.

Использование возможностей ФАЭ при расследовании мошенничества, сопряженного с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности, позволяет следователю установить: реальное финансово-хозяйственное положение дел в организации в определенные моменты времени, наличие или отсутствие возможностей для осуществления тех или иных сделок и других вопросов, свидетельствующих об умышленном характере действий подозреваемого, так как расследование уголовных дел указанной категории напрямую связано с изучением состояния

хозяйствующих субъектов. Отдельно можно получить информацию о влиянии конкретной сделки (сделок) на положение исследуемого субъекта предпринимательской деятельности и зафиксировать определённые наступившие последствия в связи с осуществлением такой сделки.

Список литературы:

1. Селиванов А.А., Петров К.Л. Перспективы развития новых родов (видов) судебных экспертиз: судебная патентно-техническая и судебная финансово-аналитическая экспертизы // Теория и практика судебной экспертизы. 2012. № 3 (27). С. 208-211.
2. Ромицын В.В. Некоторые особенности назначения и производства финансово-аналитических экспертиз // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2017. № 1 (11). С. 84-86.

ЭКСПЕРТИЗА ТОВАРНЫХ ЗНАКОВ: ПРОБЛЕМА АНАЛИЗА ЗВУКОВОГО СОСТАВА ОБОЗНАЧЕНИЙ

Захаров Руслан Иванович,
ассистент кафедры судебной экспертизы юридического
факультета ФБГОУ НИ «Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского»

Тематика статьи обусловлена актуальностью проведения лингвистических экспертиз по спорным моментам исследования товарных знаков. Мы рассмотрим только один из видов анализа, а именно: анализ звукового состава обозначений и определение их звукового (фонетического) сходства. Изложенная в учебном пособии «Экспертиза товарного знака» [3] процедура является (исходя из базовых положений фонетики с учётом опыта работы экспертом-фоноскопистом) недостаточно корректной и чреватой оспариванием результатов экспертизы в ходе судебного заседания вследствие неполноты проводимого фонетического анализа. Наше исследование ограничено анализом состава гласных звуков обозначений на примере элемента «Helmar» в одной из приведённых авторами практических экспертиз.

Процедурой не предусмотрена специфика определения звукового сходства обозначений, выполненных латинским шрифтом, поскольку функционируют они «в среде потребителей-носителей русского языка» [3, с. 32], то есть фактически исследованию подлежат транслитерированные формы, в данном случае – «Хелмар». Звуковой состав определён следующим образом: [x'], [э], [л], [м], [а], [р]. Судя по используемым знакам («[]», а не «<>») в тексте представлена фонетическая (звуки речи), а не фонематическая (звуки языка) тран-

скрипция, то есть для исследования важен не структурный, а произносительный аспект – «аудиальное» сходство [3, с. 31].

Фонетическая транскрипция «должна точно отражать все фонетические особенности звуков» [4, с. 568], «учитываются особенности произношения звуков, их позиционные изменения в речевом потоке» [5, с. 319]. Проводимый анализ этим положениям не следует, поскольку не учитывает характерную для фонетической системы русского языка закономерность – редукцию, степень редукции, наличие сильных и слабых позиций.

«Редукция – изменение звуковых характеристик речевых элементов в определённых фонетических условиях, в частности, в безударной позиции, вызванное их безударностью» [5, с. 300]. В русском языке редукция принимает закономерный фонетический характер. Нас интересует качественная редукция гласных звуков – изменение их звучания, «качества». Безударные гласные имеют чёткую систему перехода. Звуки языка реализуются в речевой коммуникации соответственно произносительной норме. Степень редукции зависит от позиции гласного. В безударных позициях происходит ослабление контраста – нейтрализация противопоставлений различительных признаков, разные фонемы совпадают в одном произносительном варианте.

В анализируемом элементе два гласных звука: [э], который определён ударным звуком, и [а] – безударный. Однако [а] может быть только в сильной позиции – под ударением, в безударных слогах (слабая позиция) после твёрдых согласных выступают [Λ] либо [ъ] в зависимости от степени редукции, определяемой позицией гласного звука по отношению к словесному ударению. Следовательно, в состав элемента в слабой заударной позиции не абсолютного конца слова, для которой характерна 2-я степень редукции, входит гласный [ъ].

Как уже отмечалось, в слабой позиции происходит нейтрализация фонем – их совпадение в звуковом (произносительном) аспекте. Так, например, после твёрдых согласных фонемы <о> и <а> в 1-й безударной позиции (первый предударный слог и абсолютное начало слова) совпадут в звуке [Λ], а во 2-й безударной позиции – в звуке [ъ]. При условии сравнения, например, названий «Helmar» и «Helmog» в их составе будут не разные по качеству звуки ([a] – нижнего подъёма, среднего ряда, нелабиальный, [o] – среднего подъёма, заднего ряда, лабиальный), а один звук ([ъ] – среднего подъёма, среднего ряда, нелабиальный). То есть названия «Helmar» и «Helmog» для среднестатистического носителя русского языка будут звучать одинаково (литературная норма не предполагает окающего произнесения/распознавания), а следовательно, по звуковому составу будут идентичны. В случае разноместной постановки ударения в названиях «Hélmár» и «Helmórg» коэффициент звукового сходства, с учётом [э], [ъ] – гласные в первом слове, [из], [o] – во втором) и без учёта редукции гласных, будет соответственно 57% и 70%.

Таким образом, определение звукового совпадения/несовпадения обозначений во многом обусловлено полнотой проведения фонетического анали-

за, которая в тексте отражается степенью точности фонетической транскрипции, в частности, детализацией редукции безударных гласных звуков.

Если для двусложных слов невниманием к редукции гласных может быть, на первый взгляд, не столь существенным, то для многосложных слов ситуация иная – чем больше в них содержится безударных слогов, например, с вариантами фонем <a>, <o>, тем шире диапазон (в зависимости от полноты проведения фонетического анализа) коэффициента звукового сходства сравниваемых обозначений. А если принять во внимание ещё особенности редукции гласных звуков после мягких согласных [1, с. 134–135; 2, с. 52], а также позиционные изменения согласных звуков (например, оглушение звонких согласных в позиции абсолютного конца слова: например, нейтрализация противопоставлений <д> и <т>, их совпадение в [т]), точность определения звукового сходства анализируемых обозначений товарных знаков будет значительно варьироваться.

В заключение отметим, что неполнота анализа звукового состава обозначений, нерассмотрение особенностей изменения звуковых характеристик в определённых фонетических условиях не обосновывается, что следует признать методологическим недостатком предложенной процедуры исследования. Степень полноты проводимого фонетического анализа следует обосновывать, поскольку она непосредственно влияет на определение звукового сходства. Это важно потому, что издание предназначено, во-первых, для обучения студентов производству лингвистической экспертизы и, следовательно, они, приобретая соответствующие знания и умения, закрепляют их в навыке, во-вторых, судя по приведённым в нём примерам выполненных экспертиз, для использования практикующими экспертами.

Таким образом, проанализированный аспект исследования обозначений товарных знаков не может быть признан корректным, поскольку не учитывает специфику фонетической системы русского языка. Необходимо дорабатывать процедуру с учётом структуры и отношения звуковых единиц, действующих в языке звуковых закономерностей. При практическом использовании процедуры экспертам-лингвистам в текстах экспертных заключений следует либо давать обоснование неточной фонетической транскрипции обозначений, а значит и проводимого неполного фонетического анализа, либо самостоятельно корректировать процедуру для повышения точности анализа звукового состава исследуемых обозначений. Это позволит экспертам аргументировано защищать свою позицию в ходе судебного разбирательства, иначе высока вероятность оспаривания результатов экспертизы противной стороной, особенно в случае привлечения ею соответствующего специалиста.

Список литературы :

1. Касаткин Л.Л. Фонетика современного русского литературного языка. М.: Изд-во МГУ, 2003. 224 с.

2. Князев С.В., Пожарицкая С.К. Современный литературный язык: фонетика, графика, орфография, орфоэпия. Учебное пособие для вузов. М.: Академический Проект, 2005. 320 с.

3. Новичихина М.Е., Стернин И.А. Экспертиза товарного знака: учебное пособие. Воронеж: факультет журналистики ВГУ, 2013. 98 с.

4. Русский язык. Энциклопедия / гл. ред. Ю.Н. Караулов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997. 703 с.

5. Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. Русский язык : в 2 т. /А.Н. Тихонов, Р.И. Хашимов, Г.С. Журавлёва и др. / под общ. ред. А.Н. Тихонова, Р.И. Хашимова. Т. 1. М.: Флинта : Наука, 2008. 840 с.

ОСОБЕННОСТИ НАЗНАЧЕНИЯ СУДЕБНЫХ ПОРТРЕТНЫХ ЭКСПЕРТИЗ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Зинин Александр Михайлович,
профессор кафедры судебных экспертиз Московского
государственного юридического университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, Заслу-
женный деятель науки Российской Федерации, г. Москва, Россия

При необходимости установить причастность лица к совершенному преступлению назначаются, в том числе и судебные портретные экспертизы. Вместе с постановлением о назначении экспертизы следователь направляет, оказавшиеся в его распоряжении изображения, которыми могут быть: фотографии, наклеенные на документы, удостоверяющие личность; фотоснимки, сделанные в ходе оперативно-розыскных мероприятий, но чаще всего кадры видеозаписей, в том числе полученные с помощью камер видеонаблюдения.

Известно, что от качества отображения признаков внешности во многом зависит возможность решения поставленного перед экспертом идентификационного вопроса. Поэтому целесообразно направлять на экспертизу оригиналы изображений. Однако практика назначения судебно-портретных экспертиз показывает, что данная рекомендация выполняется не всегда.

Имеют место случаи направления в качестве объектов исследования ксерокопий фотоснимков, наклеенных на документы, например, формы № 1 – заявление на выдачу паспорта. Очевидно, что такие изображения условно пригодны для идентификационного исследования по ним признаков внешности, поскольку за счет технологии копирования на них не отображаются особенности строения элементов внешности.

Фотоснимки, наклеенные на документы, удостоверяющие личность, направляются также не в виде оригинала, а электронной копии, чтобы сохра-

нить в деле документ как вещественное доказательство. В то же время известно, что любая копия уменьшает качество изображения, тем более, что фотоснимки для документов, удостоверяющих личность, принято изготавливать небольшого формата. При их увеличении, а это необходимо для изучения признаков внешности, способ копирования, в том числе цифровой, также не всегда способствует различению особенностей строения элементов внешности.

Кадры видеозаписей нередко представляются в виде распечаток. При чем направляется один кадр, по аналогии с фотоснимком, хотя на видеозаписи имеется несколько кадров, на которых зафиксирован человек, интересующий следствие. В результате, эксперт, работая с распечаткой такого видеокadra, чаще всего приходит к вероятному выводу, либо вообще отказывается от решения вопроса. Даже если кадр видеозаписи представлен в виде электронной копии файла, эксперт не может использовать преимущества, которые ему бы дала вся относящаяся к данному человеку видеозапись.

Получив такую видеозапись, эксперт может выбрать и другие кадры, на которых признаки внешности запечатлены более полно. Используя несколько кадров, на которых человек зафиксирован в разных ракурсах и с разным положением головы, можно получить более полное представление о признаках внешности искомого лица.

Вместе с вышеназванными объектами, следователь направляет эксперту фотоснимки в качестве образцов для сравнительного исследования. Такие фотоснимки выполняются по правилам опознавательной фотосъемки и весьма редко соответствуют тому ракурсу и положению головы, при которых осуществлялась фотосъемка или видеозапись проверяемого лица. В результате эксперт испытывает затруднения в сопоставлении одноименных признаков внешности, а ряд признаков вообще невозможно сопоставить. На стадии сравнительного исследования по этой же причине нельзя применять большинство методов, поскольку они ориентированы на одинаковые ракурс и положение головы по типу, используемых при сигналетической фотосъемке. В итоге эксперт может сделать лишь вероятный вывод по результатам исследования.

Наибольшие трудности эксперт испытывает, когда ему необходимо сопоставлять кадры видеоизображений и опознавательные фотоснимки, представленные для сравнения. Они чаще всего несопоставимы по ракурсу, положению головы при фотосъемке, полноте и качеству отображения признаков внешности. В такой ситуации эксперт также чаще всего приходит к вероятному выводу о тождестве.

В тоже время, если, решая вопрос о назначении судебной портретной экспертизы, следователь предварительно проконсультируется с экспертом, которому она будет поручена, то по его совету он может поручить выполнить фотографирование, которое будет наиболее соответствовать требованиям данной экспертизы.

Однако сотрудники, которым следователь поручает осуществлять фотографирование, чаще всего выполняют съемку не в полном соответствии с ракурсом и положением головы, которые зафиксированы на исследуемом изоб-

ражении. Опыт показал, что наиболее полно эти требования может учесть сам эксперт, который с разрешения следователя и при его организационной помощи выполняет такую фотосъемку.

Если фотосъемка лиц, находящихся под стражей была выполнена неудачно с точки зрения эксперта, то следователю сложно организовать повторное фотографирование, так как подследственный чаще всего отказывается от этого мероприятия, понимая, для чего оно выполняется.

При сравнении кадров видеоизображений и фотоснимков, даже если они выполнены в близком ракурсе и положении головы, на сопоставление признаков внешности влияют разные условия освещения и способы фиксации признаков внешности. С помощью фотосъемки фактически невозможно имитировать кадры видеозаписи, особенно, если они были сделаны с помощью камеры видеонаблюдения.

В таких ситуациях оптимальным было бы повторение видеосъемки на ту же камеру, в том же месте, где она установлена, и при тех же условиях. Однако это практически не реально, особенно, если подследственный находится в изоляторе временного содержания, так как это требует производства самостоятельного следственного действия. В связи с этим, целесообразно, чтобы следователь, после консультации с экспертом, поручил выполнение видеосъемки специалисту, предварительно ознакомив его с той видеозаписью, которая будет представляться на исследование.

По делам, где доказательственная база недостаточна, и результат экспертизы будет играть существенную роль, при такой видеосъемке целесообразно присутствие эксперта, которому поручено производство исследования. Он сможет корректировать действия специалиста, выполняющего видеосъемку.

ОГРАНИЧЕНИЯ В СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Иванова Елена Вячеславовна,
заведующая кафедрой криминалистики и уголовного процесса
ГОУ ВО МО «Государственный социально-гуманитарный
университет», доктор юридических наук, доцент,
г. Коломна, Россия

Большинство ученых рассматривают ограничения в деятельности судебного эксперта и судебно-экспертных организаций с точки зрения установленных процессуальными кодексами порядков назначения и проведения судебной экспертизы, а экспертного исследования – соответствующей областью знаний в науке, технике, искусстве и ремесле.

В то же время, проведение некоторых видов, родов экспертиз имеет ограничения, установленные федеральными законами или другими нормативными правовыми актами. Например, назначение экспертизы с целью решения вопроса, является ли вещество наркотическим средством ограничивается нормами ФЗ от 08.01.1998 № 3-ФЗ "О наркотических средствах и психотропных веществах". Закон разрешает проведение экспертиз с использованием наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров государственным судебно-экспертным учреждениям и юридическим лицам при наличии лицензии, предусмотренной законодательством Российской Федерации о лицензировании отдельных видов деятельности. Однако практика свидетельствует о том, имеют место случаи привлечения к проведению таких экспертиз сотрудников государственных неэкспертных учреждений, что представляется далеко небезупречным. Так, согласно разъяснениям Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28, к иным экспертам из числа лиц, обладающих специальными знаниями, относятся эксперты негосударственных судебно-экспертных учреждений, а также лица, не работающие в судебно-экспертных учреждениях, в том числе сотрудники государственных неэкспертных организаций.

Еще одно ограничение видится в различном порядке направления материалов уголовного дела для производства судебной экспертизы по уголовным делам в судебно-экспертные организации и вне экспертного учреждения, предусмотренные ст. 199 УПК РФ. В Постановлении от 21 декабря 2010 г. № 28 Пленум Верховного суда РФ в качестве экспертных учреждений указал государственные и негосударственные судебно-экспертные учреждения. При этом Верховный Суд РФ разъяснил, что негосударственными судебно-экспертными учреждениями следует считать некоммерческие организации (некоммерческие партнерства, частные учреждения или автономные некоммерческие организации), созданные в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации и Федеральным законом от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях», осуществляющие судебно-экспертную деятельность в соответствии с принятыми ими уставами (п.2 от ППВС № 28). Таким образом, поскольку назначение судебной экспертизы в уголовном процессе в экспертное учреждение имеет определенный процессуальный порядок, можно утверждать, что руководитель коммерческой организации, осуществляющей судебно-экспертную деятельность, не обладает полномочиями, установленными ч.2 ст. 199 УПК РФ.

Федеральный закон от 31 мая 2001 г. N 73-ФЗ "О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации" провозгласил принципы независимости эксперта, а также объективности, всесторонности и полноты исследований, проводимых с использованием современных достижений науки и техники. При этом существует достаточно большое количество созданных в разное время и в различных ведомствах методик экспертного исследования. Как правило, методические рекомендации, применяемые в экспертных исследованиях, рекомендуются к использованию соответствующим ве-

домством. Так, например, согласно п. 27. Приказа МВД России от 29.06.2005 № 511 "Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации" эксперт, приступив к проведению экспертизы, применяет рекомендованные экспертные методики. В этом же приказе установлено, что научно-методическое и организационное обеспечение производства экспертиз в ЭКП осуществляет ЭКЦ МВД России. Соответственно, независимость эксперта в методическом плане имеет условный характер. Эксперт в своей деятельности может выбирать методику лишь в пределах соответствующего ведомственного методического обеспечения.

В законодательстве неоднозначно регламентируется обязательность или факультативность методики исследования при проведении судебной экспертизы. Как следует из норм процессуального законодательства, судебные экспертизы по уголовным и арбитражным делам должны проводиться по методикам (ст. 204 УПК РФ, ст. 86 АПК РФ). Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации в ст. 82 и ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» в ст. 25 ограничиваются требованием об указании в заключении эксперта на примененные методы, в ГПК РФ ни о методиках, ни о методах экспертного исследования не упоминается.

Наиболее регламентированными являются требования к исследованиям, проводимым в судебно-экспертных лабораториях. Так, ГОСТ ИСО/МЭК 17025-2009 устанавливает, что лаборатория должна использовать методики (включая методы отбора образцов), которые пригодны для предпринимаемых испытаний. Методы оценки методик также указаны в ГОСТе. Согласно ГОСТ Р 52960-2008, все методики, используемые в лабораториях судебной экспертизы, должны быть оценены на пригодность до начала их применения в судебно-экспертных исследованиях. Это может быть обеспечено путем сравнения новых методик с методиками, оценка пригодности которых была проведена ранее с использованием стандартных образцов или материалов с известными характеристиками. П. 5.4.5. ГОСТ ИСО/МЭК 17025-2009 разъясняет, что оценка пригодности - это подтверждение путем исследования и предоставления объективных доказательств того, что конкретные требования к специфическому целевому использованию выполняются. Лаборатория должна оценивать пригодность нестандартных методик, методик, созданных/разработанных лабораторией, стандартных методик, используемых за пределами целевой области распространения ее деятельности, а также расширений и модификаций стандартных методик для подтверждения того, что они подходят для целевого использования. Однако в настоящее время не решен вопрос о субъектах и порядке оценки экспертных методик.

Различны подходы ГОСТ к методикам, опробированным, проверенным практикой и рекомендованным к использованию в экспертной деятельности и новым методикам, разработанным лабораторией. В данном случае лабораторией можно считать, в том числе, головное экспертное учреждение соответ-

ствующего ведомства, например ЭКЦ МВД. Если лаборатория вводит новый (оцененный на пригодность) метод, то сначала должна быть продемонстрирована надежность реализации процедуры внутри лаборатории путем сравнения характеристик этой методики с результатами оценки ее пригодности. В этой связи следует вспомнить большое количество методик, разработанных ФСКН России и ныне применяемых в экспертной деятельности МВД. Некоторые из них не просто не могут считаться методиками, поскольку представляют собой лишь образец заключения эксперта, но и содержат положения, противоречащие законодательству Российской Федерации.

Например, известна практика привлечения лиц к уголовной ответственности за незаконный оборот сильнодействующих веществ на основании заключений экспертов, признающих таковыми тестостерона энантат, которой, исходя из норм действующего законодательства сильнодействующим веществом признан быть не может¹. Эксперты в обоснование своего вывода ссылаются на методические рекомендации, в которых во вводной части есть фраза: «при этом следует учитывать, что изомеры также образуют соответствующие соли и эфиры, являющиеся сильнодействующими веществами». Однако следует понимать, что методические рекомендации, как следует из названия, имеют рекомендательный характер и направлены на процедуру исследования. Методические рекомендации не являются нормативным актом, в них не содержится какого-либо доктринального толкования норм, а лаборатория, разрабатывающая методические рекомендации, не является органом, уполномоченным трактовать юридические нормы уголовно-правового характера.

Собственно процедура исследования отдельных объектов также может содержать некоторые ограничения. В частности, в соответствии с международными принципами обеспечения качества и надлежащей лабораторной практики для отнесения вещества к одному из контролируемых предполагается, что критериями должны являться, по крайней мере, два независимых аналитических параметра, то есть не менее двух методов. При этом достаточность методов характеризует полноту исследования объектов и означает, что примененные методы позволяют достоверно выявить признаки, необходимые для формулирования вывода.

Бесспорным, на наш взгляд, ограничением при проведении экспертизы является решение экспертом вопросов, выходящих за пределы его специальных знаний. На данное условие указано в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 "О судебной экспертизе по уголовным

¹Тестостерона энантат является эфиром изомера тестостерона-1, включенного в перечень. Однако «Список сильнодействующих веществ» для целей статьи 234 и других статей Уголовного кодекса Российской Федерации, утвержденный Постановлением Правительства Российской Федерации расширяет утвержденный перечень наименований включенных в него веществ, причисляя к сильнодействующим веществам только соли, изомеры и эфиры сложные и простые перечисленных в списке веществ.

делам", где сказано, что «вопросы, поставленные перед экспертом, и заключение по ним не могут выходить за пределы его специальных знаний. Постановка перед экспертом правовых вопросов, связанных с оценкой деяния, разрешение которых относится к исключительной компетенции органа, осуществляющего расследование, прокурора, суда (например, что имело место - убийство или самоубийство), как не входящих в его компетенцию, не допускается». Аналогичная позиция, касающаяся правовых вопросов, содержится и в Постановлении Пленума ВАС РФ от 04.04.2014 N 23 "О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами законодательства об экспертизе".

При этом, как представляется, следует различать выход экспертом за пределы специальных знаний при решении специальных и правовых вопросов. Так, возможность решения экспертом правовых вопросов ограничивается ФЗ от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ "О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации", которой в ст. 9 разъяснил содержание судебной экспертизы: «Судебная экспертиза – это процессуальное действие, состоящее из проведения исследований и дачи заключения экспертом по вопросам, разрешение которых требует специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла и которые поставлены перед экспертом судом, судьей, органом дознания, лицом, производящим дознание, следователем, в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу». Заключение эксперта - письменный документ, отражающий ход и результаты исследований, проведенных экспертом. В этой связи видится неправомерным встречающееся в экспертных заключениях толкование правовых норм, например, о критериях отнесения вещества к аналогам наркотических средств и психотропных веществ.

Еще одним ограничением при проведении экспертизы является решение экспертом вопросов, требующих применения специальных знаний, но не входящих в специальную компетенцию эксперта. Многочисленные нарушения этого принципа имеют место, например, при проведении оценочной экспертизы товара, когда эксперт, обладающий знаниями в области формирования стоимости, оценивает состояние товара, его потребительские, физические или химические свойства.

Таким образом, нормативно-правовое и процессуальное регламентирование судебной экспертизы содержит ряд ограничений, касающихся как отдельных сторон судебно-экспертной деятельности, так и проведения конкретных исследований.

Список литературы:

1. Иванова Е.В. Судебная экспертиза наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ: современное состояние и проблемы (статья) / Законы России: опыт, анализ, практика. №12, 2011, с. 63-70.

СОДЕРЖАНИЕ ОРГАНИЗАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ТРАНСПОРТНО-ТЕХНИЧЕСКИХ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ

Ильин Николай Николаевич,
заведующий кафедрой судебно-экспертной и оперативно-разыскной де-
ятельности Московской академии Следственного
комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук,
г. Москва, Россия

В ст. 38 Федерального закона от 31 мая 2001 года № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (далее – ФЗ ГСЭД) указано, что «Организационное обеспечение деятельности государственных судебно-экспертных учреждений осуществляется соответствующими уполномоченными федеральными государственными органами или органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации». В этой же статье говорится и о научно-методическом обеспечении, правда, без раскрытия его содержания.

Для начала необходимо определиться, что включает в себя организационное и методическое обеспечение судебно-экспертной деятельности. Например, в комментарии к ФЗ ГСЭД под ред. А. Б. Смушкина «под организационным обеспечением понимается принятие нормативных актов, унифицирующих общее руководство проведением экспертизы» [5]. В другом источнике отмечается, что организационное обеспечение включает в себя определенную структуру судебно-экспертных учреждений, а также издание соответствующих нормативных правовых актов, регулирующих их деятельность; финансовое и материально-техническое обеспечение; определение кадровой политики, включая подбор, назначение руководителей судебно-экспертных учреждений и организацию проверок их деятельности [6].

По нашему мнению, представлять организационное обеспечение только как систему нормативных актов, регулирующих судебно-экспертную деятельность, будет не совсем правильно, поскольку, в первую очередь, должно включать систему судебно-экспертных учреждений по производству судебных экспертиз. Исходя из структуры экспертных учреждений, становится понятным, что их деятельность также обеспечивается изданием соответствующих приказов, распоряжений, инструкций и т. д. Думается, что финансовая и материально-техническая составляющие для научного понимания (но не для практического) организационного обеспечения судебно-экспертной деятельности не представляет интереса, а потому включать его в структуру нет необходимости.

Что касается научно-методического обеспечения судебно-экспертной деятельности, то в данном случае следует воспользоваться предложениями Минюста России, имеющими нормативное закрепление. Согласно Приказу Минюста России от 6 июня 2014 года № 123 «Об утверждении Положения об

организации научно-методического обеспечения судебной экспертизы федеральными бюджетными судебно-экспертными учреждениями Министерства юстиции Российской Федерации», научно-методическое обеспечение представляется в следующих формах:

- методические материалы по производству судебных экспертиз;
- научно-технические средства судебных экспертиз;
- учебные программы подготовки по экспертным специальностям.

С помощью научно-методического обеспечения решаются задачи, связанные с развитием теоретических и методологических основ судебных экспертиз, формированием их новых родов (видов), разработкой программ по подготовке судебных экспертов.

Следует обратить внимание на то, что как организационное, так и научно-методическое обеспечение может быть реализовано только в государственных судебно-экспертных учреждениях (ст. 38 ФЗ ГСЭД), ввиду того, что на деятельность негосударственных судебно-экспертных учреждений распространяются положения ФЗ ГСЭД в части общих положений (задачи и правовые основы), принципов осуществления судебно-экспертной деятельности (соблюдение прав и свобод человека и гражданина, независимость эксперта, объективность, всесторонность и полнота исследования), а также прав и обязанностей эксперта (ст. 41 ФЗ ГСЭД).

Вопросами организации судебно-экспертной деятельности занималось и занимается до сих пор большое количество ученых, среди которых Р. С. Белкин, А. И. Винберг, А. Р. Шляхов, М. Я. Сегай, Е. Р. Россинская, А. М. Зинин, Н. П. Майлис, Т. В. Аверьянова, Ю. Г. Корухов, Ф. Г. Аминев и др. Однако в настоящее время нет единого мнения по поводу отнесения организационного обеспечения к предмету теории судебной экспертизы (экспертологии),

По мнению Е. Р. Россинской, в структуру теории судебной экспертологии входит организационное обеспечение судебно-экспертной деятельности, которое состоит из следующих элементов [9, с. 17]:

- судебная экспертиза, воспринимаемая с точки зрения практической деятельности;
- организация, структура, функции судебно-экспертных учреждений;
- информационное обеспечение судебно-экспертной деятельности;
- профессиональная деятельность и подготовка судебного эксперта (повышение квалификации);
- психологические основы профессиональной деятельности судебного эксперта;
- профессиональная этика судебного эксперта.

К. Н. Шакиров в структуре судебной экспертизы как отрасли научного знания выделяет методологические, организационные, правовые и методические ее основы [13, с. 143–158]. Т. С. Волчецкая пишет о том, что предмет судебной экспертологии составляют теоретические, методологические и организационные принципы производства экспертных исследований [8, с. 34].

К сторонникам включения в предмет общей теории судебной экспертологии закономерностей организационных основ судебно-экспертной деятельности относятся также Ф. Г. Аминев [3, с. 5–12], А. М. Зинин и Н. П. Майлис [4, с. 96], М. Я. Сегай [10, с. 25–27], С. А. Смирнова и С. А. Кузьмин [11, с. 18], И. Н. Сорокотягин и Д. А. Сорокотягина [12] и др.

Иного мнения придерживается Т. В. Аверьянова, разделяющая позицию Р. С. Белкина, которая проанализировала и другие точки зрения ученых по данному вопросу [2, с. 34–63]. Она считает, что в рамках общей теории судебной экспертизы правовое и организационное обеспечение судебно-экспертной деятельности рассматриваться не должно, поскольку это прерогатива процессуального права [1, с. 15–16]. Похожее мнение высказывал также Ю. Г. Корухов [7].

Для нас близкой является позиция тех ученых, которые считают, что в структуру теории судебной экспертологии входит и нормативно-правовое, и организационно-методическое обеспечение (воспринимаемое вместе) судебно-экспертной деятельности. Если считать, что сама судебная экспертиза является процессуальным действием, регулируемым законодательством, то, следуя этой логике, вся экспертная деятельность должна изучаться в рамках норм процессуального права (уголовного, административного, гражданского и арбитражного). Однако, как вполне справедливо пишет Е. Р. Россинская, современная судебная экспертология представляет собой науку не только о судебной экспертизе, но и о судебно-экспертной деятельности, которая, по нашему мнению, должна быть и организована, и нормативным образом обеспечена.

Применительно к рассматриваемой теме следует полагать, что организационно-методическое обеспечение транспортно-технических судебных экспертиз как элемент частной теории заключается в научной разработке рекомендаций, направленных на создание условий, необходимых при производстве экспертных исследований. В его структуру входит:

- организационное построение судебно-экспертных учреждений;
- организационные основы участия экспертов и специалистов вне экспертного учреждения в подготовке материалов при назначении транспортно-технических экспертиз;
- профессиональная деятельность и подготовка судебных экспертов (повышение квалификации).

Список литературы :

1. Аверьянова Т. В. Еще раз о предмете общей теории судебной экспертизы // Вестник экономической безопасности. 2016. № 4. С. 15–16.
2. Аверьянова Т. В. Судебная экспертиза: курс общей теории. М.: Норма, 2009. С. 480 с.
3. Аминев Ф. Г. О некоторых проблемах интеграции научно-методического и организационного обеспечения судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации // Юрист-Правовед. 2016. № 3 (76). С. 5–12.

4. Зинин А. М., Майлис Н. П. Судебная экспертиза: учебник. М.: Право и закон; Юрайт-Издат, 2002. 320 с.
5. Комментарий к Федеральному закону от 31 мая 2001 года № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (постатейный) (2-е издание) / под ред. А. Б. Смушкина (подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2011) [Электронный ресурс]: URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CMB&n=15888#018177118708819284> (дата обращения: 08.09.2019).
6. Комментарий к Федеральному закону от 31 мая 2001 года № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (постатейный) / под ред. В. П. Кашепова. М.: Юстицинформ, 2003 [Электронный ресурс]: URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CMB&n=4705#027102944314056776> (дата обращения: 08.09.2019).
7. Корухов Ю. Г. Формирование общей теории судебной экспертизы. Материал для Ученого совета ВНИИСЭ. М., 1989.
8. Основы судебной экспертологии: учеб. пособие / Т. С. Волчецкая. – Калининград: Изд-во Калинингр. гос. ун-та, 2004. 195 с.
9. Россинская Е. Р. Современная судебная экспертология – наука о судебной экспертизе и судебно-экспертной деятельности // Теория и практика судебной экспертизы. № 4 (40) 2015. С. 10–18.
10. Сегай М. Я. Судебная экспертология: объект, предмет, природа и система науки // Теорія і практика судової експертизи і криміналістики. Вип. 3. Харків: Право, 2003. С. 25–27.
11. Смирнова С. А., Кузьмин С. А. Р. С. Белкин и развитие взглядов на управление качеством судебно-экспертной деятельности // Теория и практика судебной экспертизы. Том 12, № 3 (2017). С. 15–19.
12. Теория судебной экспертизы: учебное пособие / Д. А. Сорокотягина, И. Н. Сорокотягин. Ростов-на-Дону: Феникс, 2009. 439 с.
13. Шакиров К. Н. Проблемы теории судебной экспертизы (Методологические аспекты): дис. ... д-ра юрид. наук. Алматы, 2003. 292с.

СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА: СУЩНОСТЬ И ОБЪЕКТЫ ДЛЯ ЕЕ ПРОВЕДЕНИЯ

Ишмухаметов Яксагалей Мухаметгалеевич,
доцент кафедры уголовного права и процесса
Стерлитамакского филиала Башкирского государственного
университета, кандидат юридических наук, доцент,
г. Стерлитамак, Россия

УПК РФ не дает четкого определения понятию «специальные знания», однако, под данным термином принято понимать «систему теоретических знаний и практических навыков в области конкретной науки либо техники, искусства или ремесла, приобретаемых путем специальной подготовки или профессионального опыта и необходимых для решения вопросов, возникающих в процессе предварительного расследования или судебного следствия» [1, с. 10].

Одним из основных процессуальных форм использования специальных познаний является судебная экспертиза. В большинстве случаев под экспертизой понимается «следственное действие, состоящее в проведении по поручению следователя, дознавателя или суда исследования вопросов в области науки, техники, искусства или ремесла лицами, обладающими специальными познаниями, и дача ими на основании данного исследования письменного заключения» [2, с. 274].

Исходя из вышеуказанного определения и сущности, экспертизу представляется определять как комплексное действие, которое проводится двумя участниками уголовного процесса – следователем и экспертом. Их деятельность в рамках одного действия создаст определенные признаки, к которым относят:

«1) подготовка и назначение – проводятся дознавателем, следователем или судом с выполнением рекомендаций криминалистики, уголовного – процессуального регламента, который определяет процедуру проведения;

2) проведение экспертного исследования – деятельность, осуществляемая экспертами;

3) дача заключения – оформление результатов проведенного исследования;

4) оценка заключения эксперта – исследование полученных результатов экспертного исследования в рамках условий и методов его проведения, в том числе процессуальное значение, а также совокупность с другими доказательствами по делу» [3, с. 266].

Лица, владеющие специальными познаниями, проводят и иные исследования, как на этапе расследования, так и до его начала. Оформляются результаты исследований самыми разными способами: акты, таблицы, справки и т.д.

Несмотря на то, что результаты исследований оформляются в письменном виде, согласно федеральному закону, использование их в процессе дока-

звания недопустимо, в лучшем случае, они могут выступать в качестве основания для возбуждения уголовного дела.

Акцентируя внимание на комплексном характере экспертизы, как процессуального действия, необходимо подчеркнуть, что во время подбора объектов для ее проведения дознаватель, следователь, суд вправе проводить самостоятельные действия, которые предусмотрены ст. 202 УПК РФ [4, 55].

С объектами для экспертного исследования связывают несколько важных моментов, которые требуют толкования, определяющиеся недостаточной согласованностью смыслового содержания, который вкладывается в этот термин учеными – криминалистами и процессуалистами.

В криминалистике принято считать, что одним из элементов подготовительного этапа к производству экспертизы является сбор объектов. Под такими объектами понимают: «закрепленные в материалах уголовного дела объекты, несущие информацию о фактах и событиях, имеющих значение для уголовного дела и подлежащих исследованию с использованием специальных познаний» [5, 203].

Таким образом, к объектам судебных экспертиз относят любые объекты материального мира, которые имеют отношения к совершенным преступлениям и требуют для исследования специальных знаний.

Ученые – криминалисты подчеркивают, что во время экспертизы должны подвергаться исследованиям только те материалы, которые закреплены процессуально в уголовном деле.

В ст. 9 ФЗ о ГСЭД образцы для сравнительного исследования определены как «объекты, которые отображают свойства или особенности человека, животного, трупа, предмета, материала или вещества, в том числе иные образцы, которые необходимы эксперту для проведения исследований и дачи заключения» [6, 12].

Подводя итог вышесказанному, судебную экспертизу можно определить как комплексное процессуальное действие, которое заключается в проведении по поручению лица, исследования экспертом вопросов, требующих специальных познаний, и дача им на основе этого исследования письменного заключения в установленной уголовно-процессуальным законом форме, производящего расследование уголовного дела.

Список литературы:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 02.08.2019) // Собрание законодательства РФ. — 24.12.2001. — № 52 (ч. I). — ст. 4921.
2. Федеральный закон "О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации" от 31.05.2001 N 73-ФЗ (последняя редакция) – СПС Консультант Плюс.
3. Белкин Р.С. Курс криминалистики. В 3-х тт. Т. 1: Общая теория криминалистики. /Р.С. Белкин. М., 1999. 592 с.

4. Князьков А. С. Криминалистика : Курс лекций/Под ред. проф. Н. Т. Ведерникова. Томск: Изд-во "ТМЛ-Пресс". 2008. 1128 с.
5. Криминалистика. / Учебник / Под ред. А. Г. Филиппова, А. А. Кузнецова. Омск: ВШ МВД РФ, 1993. 558 с.
6. Криминалистика. / Отв. ред. д.ю.н. проф. Н.П. Яблоков. 2-е изд. перераб. и доп. М.: Юристъ. 1999. 718 с.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ МЕТОДИК ЭКСПЕРТНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Карепанов Николай Васильевич,

доцент кафедры криминалистики Уральского государственного юридического университета, кандидат юридических наук, доцент
г. Екатеринбург, Россия

Выявление и исследование следов выясняемых событий чаще всего осуществляется при осмотре мест их происшествия, отдельно изучаются и анализируются после их изъятия при экспертном исследовании. Особенности и методы таких действий весьма разнообразны и постоянно совершенствуются. Характер, объем, полнота информации при этом определяются техническими и иными средствами ее получения. Одной из главных составляющих является внедрение новейших достижений отечественной и зарубежной науки и техники. Процесс этот объективно не простой и, зачастую, долговременный. Так, Рамановская спектроскопия, используемая американскими криминалистами, и внедряемая только что у нас, была разработана в 20-х годах прошлого века. Метод резерфордовского рассеяния вообще не дошел до криминалистической практики.

Кроме того, субъективно, внедрение постоянно расширяющегося спектра методов анализа материалов и веществ, используемых в промышленности на атомно-молекулярном уровне (в частности поверхности твердых тел), осуществляется, как правило, на уровне инициативы отдельных сотрудников правоохранительных или судебных органов.

Внедрение в практику новых и усовершенствованных технических средств, и методов расширяет возможности обнаружения и использования следов. Некоторые примеры приведены в своих исследованиях Ф.Т. Шайдуллиным [10, с. 94]. В предварительных и экспертных исследованиях следов специалисты наиболее часто используют микроскопические методы (например, в экспертном исследовании ювелирных камней и объектов биологической природы с помощью микроскопов типа МБИ и МБР). Внедряется использова-

ние электронной микроскопии (просвечивающая электронная микроскопия); ростовой электронной микроскопии (РЭМ) для изучения морфологических признаков самых разнообразных микрочастиц (металлов, лакокрасочных покрытий, волос, волокон, почвы, минералов).

Часто используются различные методы анализа состава, структуры и свойств веществ и материалов. Морфологический анализ позволяет выявить происхождение почвенных наслоений и их особенностей. Метод анализа используют для установления элементного состава, то есть качественного или количественного содержания определенных химических элементов в обнаруженном и представленном веществе или материале. Наиболее распространёнными в экспертной практике являются следующие методы: эмиссионный качественный и количественный спектральный анализ (особенно при исследовании взрывчатых веществ); лазерный микро спектральный анализ (для исследования микро количеств вещества и установления качественного и количественного элементного состава самых разнообразных следов без их разрушения); рентгеноспектральный анализ (для исследования следов выстрела); атомно-абсорбционный анализ (для исследования количественного элементного состава следов).

Распространение получили методы микрокристаллоскопии, качественного химического анализа (для исследования ядовитых и сильнодействующих веществ). Успешно применяется метод установления давности отпечатков пальцев по морфологическим признакам с помощью моделирования процесса старения и по степени взаимодействия потожирового вещества (ПЖВ) с проявляющим реагентом. В результате применения тонкослойной хроматографии по образцам ПЖВ было сделано заключение, что их качественный липидный состав не изменяется, а в количественном составе имеются различия в соотношении содержания триглицеридов и жирных кислот. Кинетика изменения относительного содержания триглицеридов в составе ПЖВ теоретически позволяет устанавливать более точное время оставление следа во временном интервале до 5 месяцев.

Широко применяется эмиссионно-спектральный анализ (ЭСА), с которым связывают решения многих криминалистических задач. Одна из них, определение расстояния выстрела в баллистике. Этот же метод используется для обнаружения продуктов выстрела на стрелявшем. После выстрела на руках (обычно) человека можно обнаружить сурьму, свинец, олово и барий. По этому элементному составу и количеству частиц возможно установить лицо, совершавшее в помещении выстрел из пистолета, например.

Вместе с тем, успехи эффективного выявления и исследования следов во многом определяются аналитическими возможностями исследовательского оборудования и физических принципов, заложенных в его основу.

Так, в ходе исследования микрообъектов и микроследов путем проведения эмиссионного спектрального, атомно-абсорбционного, рентгеновского анализов, в связи с ограниченными возможностями применяемых технических средств, не удастся исследовать микрообъекты и микроследы размером по

глубине мене 1 микрона (10 000 ангстрем), то есть, в среднем менее 3000 атомных слоев.

Наиболее чувствительный – лазерный микро спектральный анализ позволяет в отдельных случаях обнаруживать следы веществ размером по глубине до 0,1 микрона. Однако он не чувствителен примерно к половине элементов периодической системы Менделеева [1, с. 424; 7, с. 168]. Нейтронно-активационный анализ позволяет исследовать до одной миллионной доли миллиграмма вещества [9, с. 228]. Однако сложность этого метода не позволила довести его до широкого использования в криминалистической практике.

Или, использование информации о фоновых микропримесях (примесях малых концентраций размером от долей моноатомного слоя, не влияющих на свойство самого объекта. В сверхчистых технологиях фоновые примеси составляют 1 атом на 1 000 000 000 атомов основного вещества). Каждый объект имеет характеризующий его индивидуальный набор фоновых микропримесей, позволяющий устанавливать его идентификацию [4, с. 76-77]. Фоновые микропримеси характеризуются составом, концентрацией каждой из составляющих и типом атомов, а также особенностями спектра, содержащего разнообразные «детали» тонкой структуры. Однако для получения этой информации необходимы сверхвысокочувствительные спектрометры с возможностью микролокального зондирования исследуемых криминалистических объектов [1, с. 424; 2, с. 343; 3, с. 48].

Еще более чувствительные средства нужны для анализа микропримесей в частицах малых размеров, а также в невидимых следах контактного взаимодействия [5, с. 78-85]. Отличительным свойством ряда таких следов, как особо малых наслоений, находящихся на поверхности криминалистических объектов, является их кластерный характер.

Кластер – это многоатомное образование, способное длительное время существовать на поверхности твердого тела и быстрораспадающееся на отдельные атомы при отсоединении от своего носителя. Возникают большие трудности препарирования таких следов, во-первых, из-за их распада и исчезновения при переносе в спектрометр, а во-вторых, из-за большой вероятности дополнительного загрязнения. В этом случае становится актуальной задача исследования таких следов непосредственно на криминалистических объектах.

Некоторые из обозначенных проблем и задач удалось решить Е.П. Ищенко и Д.М. Плуткину в своей монографии, где они разработали, освоили и адаптировали для проведения криминалистических исследований относительно новые физические методы, создали методические основы исследования металлов и их сплавов, неорганических соединений, стекла, ГСМ, лакокрасочных материалов и покрытий, наркотиков, органических материалов, растений, тканей и т.д. на принципиально других физических принципах, по чувствительности и точности в тысячи раз превышающие традиционные (метод вторично-ионной масс-спектропии, спектроскопия обратно рассеянных ионов низких энергий, метод электронной Оже-спектроскопии и др.) [6, с. 7-19, 99-130].

Следует обозначить еще одно направление криминалистической мысли относительно выявления и исследования следов неких событий или явлений. Речь идет о построении в криминалистике знаковых систем описания материальных объектов. Теоретические проблемы здесь можно отнести к достаточно сложным вопросам науки, поскольку они обращаются ко многим, пока еще недостаточно обоснованным положениям, в том числе семиотике, использования кибернетики в криминалистике, применение аппарата математической логики, иных процессов формализации знаний.

Сегодня область применения знаковых систем достаточно широка и распространяется на многие задачи криминалистики: 1) Описание объектов, процессов и явлений (знаковая запись материальных предметов: дактилоскопическая формула, «словесный портрет»; описание признаков преступления в виде системы знаков: описание признаков ДТП; отображение расследования в виде схем, графиков); 2) Условное графическое изображение объектов местности, то есть знаковые системы-образы (планы и схемы мест совершения преступлений, карты и т.д.); 3) Формульное, в том числе, математическое описание, отражающее функциональные связи и зависимости.

Наиболее перспективным направлением применения знаковых систем в криминалистике является описание материальных объектов. Рекомендации выглядят следующим образом. Объект находит свое отражение в системе знаков. В семиотике показано, что кодируются те признаки, которые отражают определенные свойства объекта. Признак может соответствовать свойству или группе свойств. Такое понимание задает схему перевода в знаковое состояние как последовательность: объект – свойство – признак – знак. Кроме того, в знаковых системах следует использовать только общие или групповые идентификационные признаки (индивидуальные признаки обозначать нецелесообразно). Процесс построения знаковой системы для обозначения материальных объектов состоит из следующих этапов: 1) Определение типа объекта. 2) Выявление признаков, составляющих разветвленную классификацию (иерархическую систему), когда наиболее общий признак детализируется несколькими более специфическими. 3) Исследование на уровне реальной задачи и путем эксперимента закономерностей отображения признаков в следе и возможности их выделения. 4) Кодирование системы признаков системой знаков [8, с. 218-222].

Как видно из вышеизложенного, вопросы обнаружения и экспертного исследования следов событий и явлений весьма разнообразны и многочисленны. Вопросы, анализируемые нами в этом параграфе, далеко не исчерпывают все возможные варианты методов, способов, средств и особенностей экспертного исследования бесчисленных следов реальной действительности. Это невозможно априори. Для наиболее рационального использования экспертных возможностей необходима работа по обобщению и анализу этой деятельности.

Задача состоит в том, чтобы найти некий «общий знаменатель», разумно приемлемую классификацию, которая позволила бы реально применять

рекомендации по эффективному обнаружению и экспертному исследованию всех следов.

Список литературы :

1. Алексовский В.Б. и др. Физико-химические методы анализа. Практическое руководство. Л.: Издательство Химия, 1971. 424 с.
2. Барковский В.Б., Горелик С. М. Физико-химические методы анализа. М.: Изд-во Высш. Школа, 1972. 344 с.
3. Волков С. С., Толстогузов А. Б. Послойный анализ полупроводниковых материалов методом вторично-ионной масс-спектрометрии//Обзоры по электронной технике. Сер. 7. Технология, производство и оборудование. М.: Изд-во Электроника, 1988. Вып. 4 (1338). 150 с.
4. Волков С. С., Китаева Т. И., Огнев В. И., Плоткин Д.М. Микролокальная трасологическая экспертиза//Материалы Всероссийского симпозиума по эмиссионной электронике: термоэлектронная, вторично-электронная, фотоэлектронная эмиссии и спектроскопия поверхности твердого тела. Рязань: Изд-во РГРТА, 1996. 150 с.
5. Ищенко Е. П., Плоткин Д.М., Волков С. С. Новые методы отождествления криминалистических объектов//Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения на Алтае. Материалы региональной ежегодной научно-практической конференции. Барнаул: Изд-во Алт. Ун-та. 2001.150 с.
6. Ищенко Е. П., Плоткин Д.М. Новейшие методы исследования вещественных доказательств в криминалистике. Научно-практическое пособие. Рязань: Издательство «Пресса», 2005. 150 с.
7. Колосова В. М. Общие вопросы исследования вещественных доказательств методами спектроскопии. М. ДСП/23 4242. 1974. 28 с.
8. Лушин Е. А. Построение в криминалистике знаковых систем описания материальных объектов/ Современная криминалистика: проблемы, тенденции, имена (к 90-летию Р. С. Белкина: Сб. матер. 53-х криминалистических чтений: в 3-х ч. М.: Академия управления МВД России, 2012.548 с.
9. Фриш С.Э. Оптические методы измерений. Ч. 2. Лучевая оптика и границы ее применения. Интерферометрия. Л.: Изд-во Ленингр. Ун-та, 1980. 356 с.
10. Шайдуллин Ф.Т. Методы и средства исследования вещественных доказательств. /Актуальные проблемы криминалистического обеспечения уголовного судопроизводства в современных условиях. Часть 2. Сборник научных статей. Уфа: РИЦ БашГУ, 2009. 287 с.

БИОЛОГИЧЕСКИЕ СЛЕДЫ, КАК ГЛАВНЫЕ ИСТОЧНИКИ УСТАНОВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ

Карпенко Юлия Александровна

Эксперт ЭКЦ ГУ МВД России по Краснодарскому краю,
аспирант 3 курса кафедры криминалистики Кубанского
государственного аграрного университета
имени И.Т. Трубилина, г. Краснодар, Россия

На сегодняшний день, не смотря на ежедневную борьбу с незаконным оборотом наркотических средств, мы видим, что изъятые объемы наркотических средств растут, это обуславливаются легкодоступность их приобретения через различные мессенджеры, социальные сети, рекламу о которых можно найти на любых уличных носителях. Так же распространению наркотических средств способствует их относительно доступная цена и широкий массив информации о различных видах наркотических средств и получаемого эффекта от их употребления, также наркотические средства выступают как источник получения легких денежных средств, что становится наиболее привлекательным среди молодежи. Таким образом, получить наркотические средства стало довольно легко, вне зависимости от возраста, массы и цели (для личного употребления или дальнейшего распространения). Также, способствует широкому распространению наркотических средств, его скрытый характер, где уже нет необходимости в личной встрече покупателя с продавцом, где через различные приложения покупатель может выбрать «товар», его массу, оплатить посредством перевода денежных средств на счет продавца, и, получив адрес, координаты и пояснения, и забрать заказ, так называемую «закладку». В настоящее время практически весь сбыт наркотических средств перешел на закладки, он наиболее привлекательный и безопасный для преступников, которые находясь дистанционно, могут руководить всем процессом и получать бесконтактно прибыль, как лично, так и через посредников. Также набирает популярность производство наркотических средств в подпольных химических лабораториях, где человеку, не обязательно даже имеющему химическое образование, предоставляется все необходимое оборудование для химического синтеза, где в дальнейшем под непосредственным контролем через различные мессенджеры в режиме онлайн даются поэтапно указания о производстве наркотических средств, которые в последующем передаются по преступной цепочке дальше до конечного потребителя. Однако, остаются и производители, которые стремятся поддержать высокое качество своего товара и не доверяют производство или последующую фасовку посредникам, которые могут вещество разбавить различными наполнителями в свою выгоду. Тем самым производитель после изготовления наркотического средства его самостоятельно фасует, а затем направляет уже готовые партии на продажу посредникам.

Проанализировав вышеизложенное, мы видим, что начиная с изготовления наркотических средств до их поступления к конечному адресату, они являются главным предметом в четко сформированной преступной цепочке, где каждый из ее участников имеет контакт с ними на всех этапах, поэтому раскрыть преступные действия всех участников преступной группы (изготовителя, фасовщика, перевозчика, раскладчика и потребителя) становится сложной задачей для правоохранительных органов.

Чтоб раскрыть всю преступную цепочку необходимо собрать полный комплекс криминалистически значимой информации как на первоначальном этапе проверки сообщения о наркопреступлении, так и в процессе последующего предварительного расследования. Чтоб собрать всю информацию, необходимы специальные знания из различных областей знаний, которыми не всегда владеют оперативные сотрудники, дознаватели и следователи, однако они могут привлекать специалистов для оказания содействия при обнаружении, закреплении и изъятии предметов, веществ и всей криминалистически значимой информации для грамотного, полного и оперативного раскрытия преступлений. Однако, на практике не уделяется внимание обнаружению и сбору важной следовой информации, как о самом преступлении, так и о лицах к нему причастных. Изымаются только наркотические средства, как предмет преступного посягательства без обнаружения и изъятия полного комплекса всевозможных следов для изобличения лиц, причастных к данному преступлению.

Так исходя из практики, при осмотре места происшествия, например, при обнаружении закладки с наркотическим средством на участке местности изымается только закладка с веществом, как правило, изымается оперативными сотрудниками не только без обнаружения следов рук, но и без обеспечения сохранности их на поверхности (изъятие проводится без перчаток, или помещается в упаковку, которая не обеспечивает сохранность поверхностных следов рук). Следы которые мог оставить преступник такие как следы обуви, следы рук, волокна, различные микрочастицы, или же привнесенные в окружающую среду предметы, на месте происшествия даже не рассматриваются. Закладки бывают различных видов, как от наиболее простых в виде свертков из полимерных липких лент, содержащих наркотические средства в полимерных пакетах или свертках, так и законспирированных в виде различных предметов (камней, фруктов, орехов, листьев и пр.), однако, несмотря на вид, закладка с наркотическим средством не может сама по себе появиться, есть лица, которые ее произвели и оставили, в результате чего она несет на себе невидимые следы, такие как следы рук, различные микрочастицы и биологические следы (различные выделения в виде пота, слюней, частички кожи, волосы и пр.). Даже если преступники будут использовать перчатки, маски, проявлять осторожность и пытаться уничтожить предполагаемы следы (убирать следы рук с поверхности), биологический след остается, и тем самым ДНК-анализ является единственным источником на получение информации о личности преступника. Поэтому биологическим следам необходимо уделить больше внимание, чтоб его не уничтожить, путем загрязнения, а правильно выявить и использо-

вать для дальнейшего исследования и идентификации личности преступника. Биологические следы могут установить практически всех участников преступной группы, которые имели непосредственный контакт с наркотическим средством и его упаковкой на всех этапах, начиная с изготовления, последующей фасовки вещества, подготовки, хранению, перемещению и сбыту, это могут быть волосы, которые находятся в самом веществе или на поверхности упаковки (липких лент), частицы ногтей, чешуйки кожи и пот. Тем самым по месту обнаружения ДНК можно установить ответственность каждого участника, которому была отведена своя роль в преступной цепочке, что выводит ДНК-исследование, как основной источник установления личности преступника при расследовании незаконного оборота наркотических средств.

В таких случаях, как при перемещении или контрабанде наркотических средств с помощью почтовых отправлений, весь комплекс мер по установлению личности отправителя направляется на обнаружение следов рук на упаковке, также при обнаружении наркотических средств в транспортном средстве, где находилось несколько человек, отрицающих свою причастность к обнаруженному, принимаются меры по обнаружению следов рук на упаковке с наркотическим средством и следовых количеств наркотических средств на руках подозреваемых, которые часто не приносят результатов, тем самым выводя на первый план биологические следы.

Проведя анализ наиболее распространенных преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, хочется отметить, что в данной категории преступлений всегда имеется объект, который взаимодействует с субъектом, однако с установлением личности последнего возникают проблемы, которые могут быть решены при грамотном обращении с объектами, которые имеют на своей поверхности различные следы и при неправильном обращении даже самими сотрудниками они могут быть уничтожены, загрязнены и потеряны. Даже при соблюдении всех правил при обнаружении и изъятии (наличие стерильных перчаток, масок) уничтожение биологических следов может быть в последующем при неправильной последовательности назначения исследований, экспертиз, так при первоначальном дактилоскопическом исследовании при обнаружении следов рук может произойти уничтожение биологических объектов как самим специалистом, экспертом, так и от используемых им предметов (кисти, дактилоскопические порошки, проявляющие растворы, использование цианокрилатных камер), также при физико-химическом исследовании, где не уделяется должное внимание биологическим объектам (так, например, часто в упаковке на липкой основе лент и в составе героина находятся волосы, которые при их наличии не изымаются в процессе исследования), что обусловлено незнанием специалистов, экспертов о дальнейшем биологическом исследовании. Хочется отметить, что на территории Краснодарского края по наркотическим средствам, обнаруженным в ходе осмотра места происшествия практикуется сотрудниками управления по контролю за оборотом наркотиков ГУ МВД России по Краснодарскому краю назначение комплексных исследований, включающих в себя биологическое,

дактилоскопическое и физико-химическое исследования, по результатам которых следов рук пригодных мало, однако выявляются биологические материалы. Данные проблемы можно объяснить малой информированностью сотрудников оперативных подразделений и сотрудников предварительного расследования о возможностях ДНК-исследований, поскольку большинство изымаемых наркотических средств поступают только на физико-химическое исследование для установления природы и массы вещества, а также незнанием и неумением работы с объектами, содержащих биологические следы. Для решения этих проблемы мы предлагаем следующие мероприятия:

- необходимо проводить занятия в рамках служебной подготовки с оперативными сотрудниками, органами дознания и предварительного следствия о значимости биологических объектов в расследовании незаконного оборота наркотических средств, как правильно обнаружить и изъять объекты, содержащие биологические и иные криминалистические следы, какие назначать исследования и какие вопросы ставить на разрешение биологического исследования, поскольку при вопросе об обнаружении биологических следов на поверхности закладки, эксперт, как правило, исследует только эту поверхность, даже не вскрыв содержимое закладки;

- необходимо проводить занятия в рамках служебной подготовки между сотрудниками отделов в экспертных подразделениях о значимости биологических объектов, об особенностях их обнаружения, фиксации, изъятии и упаковке, как при проведении оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий, так и при проведении экспертиз и исследований.

Однако, при обнаружении биологических материалов и выделении из них ДНК для установления личности появляется проблема в идентификации, поскольку не всегда получается получить образец для сравнительного исследования, особенно когда не установлено лицо, и недостаточна база данных по геномной регистрации для поиска. В соответствии с Федеральным законом № 242-ФЗ от 03 декабря 2008 года «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации», регистрация осуществляется в добровольной и обязательной формах, где обязательной подлежат лица, осужденные и отбывающие наказание за совершение тяжких или особо тяжких преступлений; все категории преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности; неустановленные лица, биологический материал которых был изъят при проведении следственных действий; неопознанные трупы [1]. Однако, мы считаем, что целесообразно в обязательном порядке генотипировать всех граждан Российской Федерации и начинать с новорожденных, а также подвергать обязательной геномной регистрации всех въезжающих иностранных граждан на территорию Российской Федерации, вне зависимости от цели пребывания в стране. Тем самым будет формироваться массив геномной информации, с помощью которого будут устанавливаться личности всех причастных к преступлению лиц, что позволит, не смотря на латентный характер, оперативно и полно расследовать преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств.

Список литературы :

1. О государственной геномной регистрации в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 03.12.2008 № 242-ФЗ (ред. от 17.12.2009). <https://base.garant.ru/12163758/> (дата обращения: 12.09.2019г.).

ПРОБЛЕМЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО УЧЁТА ГРАЖДАНСКОГО И СЛУЖЕБНОГО ОРУЖИЯ

Киселевич Игорь Валентинович

доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики ФГАОУ ВО Московский университет транспорта (МИИТ), кандидат юридических наук, доцент, г. Москва, Россия

Методика расследования преступлений предполагает, что криминалистические учеты и информационно-поисковые системы активно способствуют раскрытию преступлений.

Сведения, которые дают эти системы предполагают информацию о объектах преступлений, о личности преступника и многое другое. Эти сведения поступают в результате сбора, накопления и анализа криминалистически значимой информации.

Современное состояние криминалистических учетов и информационно-поисковых систем по гражданскому и служебному оружию, а так же патронов к нему оставляет желать лучшего.

На сегодняшний день имеются несколько причин, приведших к потере значительного массива криминалистической информации по такому виду оружия, а так же способствующих возможности пополнения криминалистическими данными по ним в виде справочных материалов, а так же в виде наглядных коллекций.

Эти причины являются серьезной проблемой в процессе раскрытия преступлений и требуют из устранения, как организационными, так и правовыми мероприятиями.

В этой статье автору хотелось бы показать суть проблемы и пути её решения.

С 1998 года баллистические лаборатории экспертно-криминалистических центров проводили сертификацию гражданского и служебного оружия на соответствие криминалистическим требованиям.

Криминалистическая информация, которая была получена в результате этой работы, а так же натурные экземпляры пополняли коллекцию эталонных образцов, учетно-справочных материалов, которые являлись основой автоматических поисковых систем.

После 2012г. испытания образцов гражданского и служебного оружия были прекращены, в связи с тем, что аккредитация баллистических лабораторий

рий по этому направлению была прекращена, а сама сертификация через Федеральную службу по аккредитации была отдана в основном гражданским организациям с различными учредительными формами, работающие на коммерческой основе.

В связи, с чем, в последствие возникли сложности в получении правоохранительными органами криминалистической информации по испытываемым в рамках проведения сертификации и вводимым в легальный оборот образцам гражданского и служебного оружия.

В настоящее время испытательные лаборатории составляют протокол, на основе которого принимается решение о выдаче «Сертификата соответствия» требованиям, которые установило МВД России для оружия.

Кроме этого, сведения по образцам служебного и гражданского оружия, прошедших сертификацию, оформляются в виде специальной карты, в которой отражается информация о технических характеристиках образцов оружия, а на пулях и гильзах, отстрелянных из этого оружия.

Однако, гражданские лаборатории, которые работают на коммерческой основе и проводят сертификацию оружия, отражают в этих картах не полную информацию, так как заполнение этих карт сотрудниками лабораторий не регламентирована и как следствие эти карты не несут криминалистически -значимую информацию и являются бесполезными для правоохранительных органов.

Хотя в соответствии с Федеральным законом об оружии было и Положением «О ведении и издании Государственного Кадастра гражданского и служебного оружия и патронов к нему»¹, включение в Кадастр сведений о гражданском и служебном оружии и патронах к нему производится на основании результатов их обязательной сертификации. В Кадастр вносятся следующие сведения об оружии и патронах: наименование и обозначение модели оружия (типа патронов) и используемых патронов; основные технические показатели оружия и патронов; наименование разработчика и изготовителя; обозначение стандарта и технических условий; цветная фотография образца.

В соответствии с законодательством Кадастр должен выпускаться один раз в три года, однако, с 2009 г. Кадастр фактически не выпускается, так как законодатель по каким- то причинам посчитал его не актуальным.

Как было сказано выше, кроме пополнения информационных карт перед экспертными подразделениями, а так же образовательными учреждениями системы МВД стоит задача по пополнению и совершенствованию натуральных коллекций.

¹Постановление Правительства РФ от 21.07.1998 N 814 (ред. от 29.03.2019) "О мерах по регулированию оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации" (вместе с "Правилами оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации", "Положением о ведении и издании Государственного кадастра гражданского и служебного оружия и патронов к нему")

Она является, с одной стороны источником информации, а с другой стороны с помощью объектов коллекции, можно решить некоторые диагностические и идентификационные задачи.

В соответствии с п.13 Положения «О ведении и издании Государственного Кадастра гражданского и служебного оружия и патронов к нему» указанным в постановлении Правительства Российской Федерации от 21 июля 1998 г. № 814 «О мерах по регулированию оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации» «Образец каждой модели оружия (типа патрона), включенный в Кадастр, передается на хранение в МВД России в качестве эталонного образца».¹

Однако, владелец не обязан исполнять вышеописанный пункт Положения, в связи с этим натурные коллекции не пополняются и соответственно утрачивается криминалистическая информация по новым экземплярам оружия.

Все это приводит к тому, что ослабевает государственный контроль за оборотом служебного и гражданского оружия на территории Российской Федерации.

Кроме этого, даже если сведения и экземпляры оружия передаются в МВД, но этот процесс настолько за бюрократичен, требует многих согласований и растянут по времени, что актуальность криминалистической информации падает.

Для решения вышеописанных проблем предлагаем

- внести в ст 8. Федерального закона «Об оружии» изменения касающиеся передачи функций проведения испытаний служебного и гражданского оружия и патронов к нему на соответствие криминалистическим требованиям МВД России и последующей сертификации специализированным подразделением МВД;

- запретить на законодательном уровне осуществлять эту деятельность коммерческим лабораториям

- изложить статьи 3, 4 и 6 ФЗ в следующей редакции – «гражданское, служебное оружие и патроны к нему должны пройти испытания на соответствие их технических характеристик криминалистическим требованиям федерального органа исполнительной власти, в уполномоченных (аккредитованных) на данный вид деятельности подразделениях ЭКЦ МВД России.....», которая позволит исключить деятельность коммерческих лабораторий. Это позволит оперативно и качественно получать криминалистически – значимую информацию.

¹Постановление Правительства РФ от 21.07.1998 N 814 (ред. от 29.03.2019) "О мерах по регулированию оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации" (вместе с "Правилами оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации", "Положением о ведении и издании Государственного кадастра гражданского и служебного оружия и патронов к нему")

Данное решение является экономически обоснованным, так как не влечет для государственного бюджета дополнительных расходов на создание новой структуры, набор и обучение сотрудников, закупку необходимого для проведения исследований оборудования, аренду либо строительство для проведения рассмотренных работ зданий, помещений.

Предложенные нами решения позволят исключить возникающие в рассматриваемой сфере деятельности проблемы получения криминалистической информации, повысят контроль и ответственность исполнителей, снизят возможность прохождения образцов не соответствующих криминалистическим требованиям.

Как итог будет получено единообразие в оформлении результатов испытаний с гарантией своевременного создания справочной информации по сертифицируемым образцам гражданского и служебного оружия в необходимом объеме для проведения правоохранительными органами работ по расследованию преступлений, а также упростится процесс пополнения коллекции.

НЕКОТОРЫЕ ФАКТЫ ИЗ ИСТОРИИ ОТКРЫТИЯ ДНК.

Козырева Ирина Евгеньевна,
доцент кафедры криминалистики Института права
Башкирского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент;

Гайфуллина Альбина Рауфовна,
ассистент кафедры криминалистики Института права
Башкирского государственного университета, г. Уфа, Россия

Целью данной работы является ретроспективный анализ некоторых аспектов ситуации, в которой было сделано открытие ДНК и истории жизни и научной деятельности основных участников этого процесса Френсиса Крика, Джеймса Уотсона, а также имеющих непосредственное отношение к этому открытию Мориса Уилкинса, Розалинд Франклин и многих других, благодаря научным исследованиям которых, были сформулированы основные постулаты существования ДНК, ее влияние на различные аспекты жизнедеятельности человека. Д. Уотсон, Ф. Крик, М. Уилкинс смогли открыть двойную спираль ДНК, благодаря их умению совмещать экспериментальные результаты, базирующиеся на работах других ученых, блестящим владением теорией из области биологии, физиологии и медицины и умением моделировать уже имеющиеся знания для создания принципиально нового.

Джеймс Д. Уотсон родился в Чикаго 6 апреля 1928 года. Благодаря отцу, который с детства занимался его образованием и развитием способностей, много читал, любил, в частности, русскую классическую литературу, особенно И. С. Тургенева. Вследствие либеральной политики президента Чикагского университета Р. Хатчинса он поступил в университет в возрасте 15 лет. В

своей автобиографии, в русском переводе эта работа называется «Избегайте занудства. Уроки жизни, прожитой в науке (Пер. с англ. П. Петрова. М.: Астраль; Corpus, 2010. - 463 с. ISBN 978-5-271-26619-5.) он рассказал о своём творческом пути в науке, которую можно порекомендовать тем, кто собирается посвятить свою жизнь научным исследованиям.

В 1951 году в Кембриджском университете он знакомится с Ф. Криком и их совместная работа приведёт впоследствии к открытию структуры ДНК. С 1952 года Уотсон и Крик стали работать над моделированием структуры ДНК, используя рентгенограммы Р. Франклин и М. Уилкинса, а в середине марта 1953 вывели структуру двойной спирали.

Датой открытия двойной спирали ДНК считается 28 февраля 1953 года. Статья Уотсона и Крика была опубликована в журнале Nature 25 апреля. Её содержание было дублировано публичным докладом заведующего лабораторией, в которой работали Уотсон и Крик, Уильямом Брэггом, 14 мая. Уже 15 мая о нём была помещена заметка «Why You Are You. Nearer Secret of Life» в лондонской газете News Chronicle. Victor K. McElheny в книге «Watson and DNA: Making a Scientific Revolution» указывает на короткую заметку в газете «The New York Times», состоящую всего из 6 абзацев с названием «Form of 'Life Unit' in Cells Scanned», датированную 16 мая 1953 года. Заметка вышла только в ранних тиражах газеты, затем была заменена на другие новости (затем, 12 июня 1953 года, в «The New York Times» вышла длинная статья об открытии структуры ДНК).

Крик называл себя гуманистом, который верит в то, «что на человеческие проблемы должны и будут смотреть с точки зрения человеческих моральных и интеллектуальных ресурсов без привлечения сверхъестественных сил». Он публично призвал в гуманизме заменить религию в качестве направляющей силы для человечества, написав: «Проблема человечества не нова. Мы находимся, сами того не желая, на этой медленно вращающейся планете в темном углу обширной вселенной. Наш вопрос к разуму не позволит нам жить подобно коровам. У нас есть глубокая потребность знать, почему мы здесь. Как устроен этот мир? И что более важно, как устроены люди? В прошлом религия ответила на эти вопросы, часто достаточно подробно. Теперь мы знаем, что почти все эти ответы, весьма вероятно, ерунда, возникшая от незнания человека и его огромного потенциала для самообмана... Это простые басни мировых религий пришли, чтобы стать сказками для детей. Несмотря на символическую понятность, они часто неправильны, если не достаточно неприятны... Затем гуманисты жили в таинственном, интересном и интеллектуально расширяющемся мире, мимолетное впечатление от которого делает старые миры религий приятными и черствыми фальшивками...» [1].

В настоящее время Указом от 11 марта 2019 года №97 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в области обеспечения химической и биологической безопасности на период до 2025 года и дальнейшую перспективу» президент актуализировал проблему генетики человека[2].

Великобритания - с 1995 года по программе NDNAD (Национальная база данных ДНК) собрано более 6 млн генетических паспортов, в основном от осужденных преступников. Используется в криминалистике.

США - самая большая база генетических паспортов — более 9 млн, также в основном от правонарушителей, и более 50 млн образцов крови военнослужащих и членов их семей, которые также могут быть использованы для получения генетических паспортов. Используется в криминалистике.

Франция - с 1998 года собрано около 4 млн генетических паспортов, в основном правонарушителей. Используется в криминалистике.

Дубай - в 2017 году полная генетическая паспортизация населения в медицинских целях за 10 лет стала одним из «прорывных инновационных проектов»; такой же проект, но с целью борьбы с терроризмом, в Кувейте реализовать не удалось.

Исландия - реализован крупный проект по секвенированию геномов населения в научных и, возможно, коммерческих целях. Охвачено более 30% населения (более 100 тыс. человек). Собранные данные дали много информации о генетических заболеваниях при сопоставлении с медицинскими картами, но общество воспринимает этот проект неоднозначно[3].

Изучение ДНК является в настоящее время актуальным и сложным вопросом. Данный вопрос сложный, так как сам проект внедрения в будущем ДНК-паспортизации населения весьма спорный. Значительная, в перспективе, вовлеченность создаваемой в России системы геномной регистрации в процесс раскрытия и расследования преступлений, а следовательно, и в жизнь общества, диктует необходимость детальной проработки всех существенных позиций правового регулирования этой деятельности. Федеральным законом установлены лишь самые базовые положения. Требуется, однако, дальнейшая работа над законом, а также разработка и утверждение нормативно-правовых актов во исполнение его положений [4].

Список литературы

1. Crick, Francis «Why I Am a Humanist.» (1966) Varsity, the Cambridge University newspaper.. The Wellcome Library. Датаобращения 15 марта 2014.
2. Электронный ресурс. Режим доступа. <https://www.kommersant.ru/doc/3982737> (дата обращения: 12.09.2019).
3. Электронный ресурс. Режим доступа. https://www.kommersant.ru/doc/3982739?from=doc_yrez (дата обращения: 12.09.2019).
4. Перепечина И.О. Правовые проблемы использования геномной информации в правоприменительной деятельности.сборник «Использование но-

вых видов криминалистически значимой информации в правоприменительной деятельности», Электронный ресурс. <http://www.law.msu.ru/node/22788> Москва.

БАЛЛИСТИЧЕСКОЕ КОДИРОВАНИЕ СТРЕЛЯНЫХ ГИЛЬЗ: НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА КОНТРОЛЬ ОБОРОТА ГРАЖДАНСКОГО И СЛУЖЕБНОГО ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ В РОССИИ

Колотушкин Сергей Михайлович,
главный сотрудник НИЦ-1 ФГКУ «Научно-исследовательский инсти-
тут Федеральной службы исполнения наказаний России»,
доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

За последние годы современное общество, как в России, так и за рубежом в полной мере осознало угрозы, связанные с оборотом у населения огнестрельного оружия. Это, прежде всего, преступления, связанные с его применением, особенно в отношении безадресного убийства большого количества людей (например, 17 октября 2018 г. в Керчи). Полностью запретить оборот огнестрельного оружия в нашей стране в ближайшие годы скорей всего не удастся, это связано с многими причинами – историческими, экономическими, международными и другими. Поэтому вопрос о его строгом контроле особо актуален, не случайно сфера контроля за оборотом гражданского и служебного оружия передана подразделениям Росгвардии. Так 14 апреля 2016 года во время прямой линии Президент Российской Федерации В.В. Путин объяснил создание Национальной гвардии необходимостью поставить под особый контроль оборот оружия в стране [1].

Сегодня, по данным Росгвардии, в свободном обороте у граждан России зарегистрировано более семи миллионов единиц огнестрельного оружия, из них около 670 тыс. нарезное огнестрельное оружие, более миллиона единиц огнестрельное оружие ограниченного поражения (так называемое травматическое оружие) и более 5 миллионов гладкоствольного гражданского и служебного огнестрельного оружия [2]. Важно отметить, что по нарезному огнестрельному оружию, начиная с 1991 года, ведется криминалистический учет – так называемые пулегильзотеки. В базах данных этого вида учета фиксируются следы на стреляных пулях, которые отражают количество и направление полей нарезов ствола, их угол наклона и ширину. На стреляных гильзах фиксируются следы боя на капсюле, а также следы зацепа выбрасывателя, отражателя и ряд других следов. К сожалению, подобного учета по гладкоствольному оружию нет, ведется лишь номерной учет оружия, закрепленного за физическими и юридическими лицами.

Практика расследования преступлений, связанных с применением огнестрельного оружия, показывает, что в большинстве случаев, на месте проис-

шестивия остаются стреляные гильзы, однако для гладкоствольного оружия они не дают возможность установить номер экземпляра оружия и его владельца. В рамках ряда научно-исследовательских работ была проведена оценка возможности нанесения баллистических маркеров на поверхность гильз в момент выстрела. Известно, что в момент выстрела гильза с высокой энергией соударяется с чашкой затвора или колодкой переламывающихся ружей. Соударение происходит под воздействием пороховых газов и за счет наличия небольшого зазора между донцем гильзы и чашкой затвора (колодки), размер которого составляет для разных моделей оружия от 0,1 до 0,35 мм [3].

В ходе проведенных теоретических и экспериментальных исследований был обоснован способ нанесения баллистического маркера на поверхность чашки затвора и колодки огнестрельного оружия. С помощью импульсной лазерной сварки в виде выступающего шва металла наносился микротекст номера оружия с буквенными и цифровыми символами. Принципиальным являлось то, что для нанесения шрифта номера оружия использовалась импульсная сварка, которая обеспечивала образования шва со случайным распределением брызг металла, капелек, потеков и каверн. Подобная неровность шва не мешает для визуального считывания номера оружия на оттиске, образованном на поверхности шляпки гильзы, но обеспечивает возможность проведения идентификационных исследований в рамках судебно-баллистических экспертиз.

Нанесенный на чашку затвора шов металла подвергается термической обработке в виде цементации, что обеспечивает повышение его твердости, выше, чем у деталей оружия..

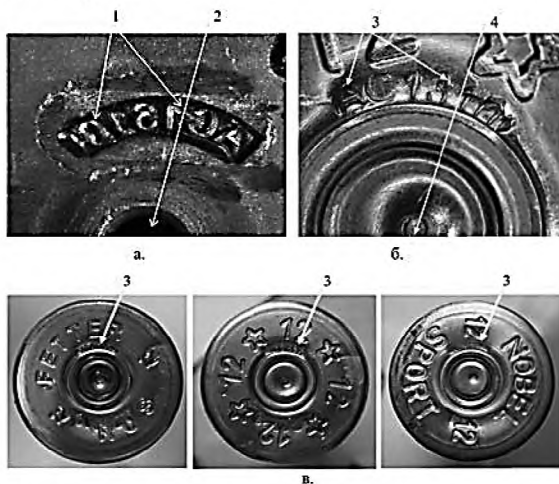

Рис. 1. Баллистическая маркировка гильзы при выстреле, а - маркер в виде номера оружия на чашке затвора; б - следы маркера на шляпке стреляной гильзы; в - следы марке на гильзах с различной маркировкой: 1 - маркировка; 2 - отверстие бойка в чашке затвора; 3 - оттиск маркера на прикапсюльном валике; 4 - след бойка на капсюле гильзы.

Таким образом, выступающий стальной шов микротекста номера оружия высокой твердости при соударении с относительно мягкой поверхностью шляпки гильзы (сплав меди или латуни) оставляет на ее поверхности глубокий и четкий оттиск.

Отдельным вопросом исследований стал анализ места расположения баллистического маркера. Это было обусловлено тем, что на донце гильзы имеются различные маркировочные обозначения, которые могут исказить оттиск маркера. В ходе экспериментов данное место было определено в прикапсюльной зоне гильзы, где нет маркировочных обозначений, и в тоже время образуется своеобразный валик, на котором оттиск отражается наиболее отчетливо (рис. 1).

Образованный на гильзе оттиск номера оружия читается визуально с применением любой оптической лупы увеличением 2,5х. Вопрос об идентификационной значимости отриска баллистического маркера имеет важное значение для установления тождества между несколькими стреляными гильзами, обнаруженными на месте (местах) происшествия или конкретного экземпляра оружия и обнаруженной стреляной гильзой.

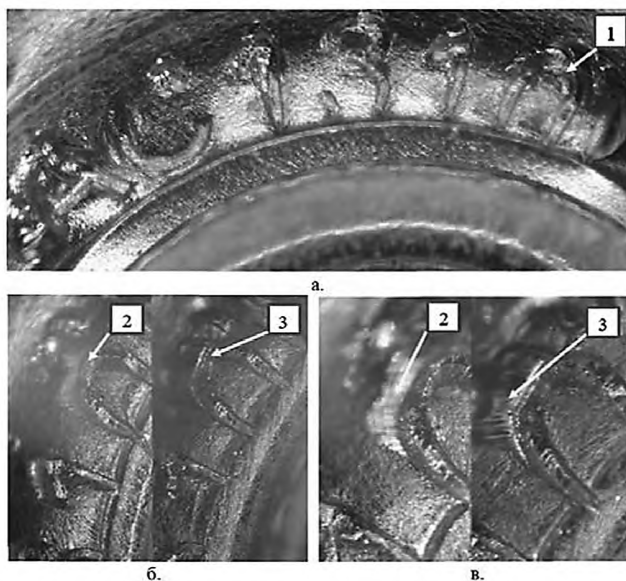

Рис. 2. Идентификация следов маркера на двух гильзах по цифре «0»: а – общий вид следа маркировки; б – выделение общих признаков; в – выделение частных признаков; 1 – цифра «0»; 2 – гильза № 2; 3 – гильза № 3.

Подобная идентификационная значимость может выражаться только в индивидуальности и неповторимости следа от маркировок других экземпляров оружия или маркировок с внесенными изменениями. Это означает, что любая цифра или буква в номере баллистического кода, например, цифра «0» в лю-

бой модели и экземпляре оружия должна иметь индивидуализирующие признаки, т.е. иметь неповторимые формы и очертания (рис.2).

Таким образом, представленный метод баллистической маркировки гильз в момент выстрела позволяет формировать новый вид автоматизированного баллистического учета гражданского и служебного оружия, в том числе огнестрельное оружие ограниченного поражения и газового оружия патронного снаряжения.

Список литературы :

1. Российская газета, 14.04.2016 г.
2. Цуканов А.С. Возможности позиционирования легального огнестрельного оружия при помощи спутниковых навигационных систем / А.С. Цуканов // Сб. научно-практич. конференции: «Перспективы создания образцов вооружения и специальной техники нового поколения» (24 октября 2018 г.) в рамках XXII Международной выставки средств обеспечения безопасности государства «Interpolitex – 2018», – С. 52-54.
3. Колотушкин С.М. Особенности получения сравнительных образцов гильз при стрельбе из автоматического оружия. Вестник Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя. Журнал ВАК № 3 2015 г. С. 36-41.

РАЗРАБОТКА НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИХ ОСНОВ ДЛЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДНК-МАРКЕРОВ X-ХРОМОСОМЫ В СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Котова Светлана Александровна,
заведующая лабораторией, кандидат химических наук,
Забавская Татьяна Викторовна,
Рыбакова Вероника Игоревна
Спивак Елена Александровна,
заведующая сектором Государственного учреждения «Научно-практический центр Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь»,
Цыбовский Иосиф Станиславович
Республиканское унитарное предприятие
«БелЮрОбеспечение», кандидат биологических наук,
г. Минск, Республика Беларусь

ДНК-маркеры X-хромосомы – самый молодой тип маркеров, использующийся в практике судебно-экспертных исследований, основанных на анализе ДНК человека. Интерес к данному типу маркеров в настоящее время возрос в связи с преимуществом их использования при решении ряда экспертных задач, касающихся сложных случаев установления родственных отношений, при ко-

торых использование аутосомных маркеров не позволяет получить однозначно трактуемый вывод. Однако, как и в случае с другими типами маркеров, корректное использование ДНК-маркеров X-хромосомы в экспертной практике предполагает статистическую оценку результатов анализа с использованием референтных значений частот встречаемости генетических признаков у конкретного этноса. Оптимальным средством для этого является информационный ресурс в виде автоматизированной базы данных с возможностью удаленного сетевого доступа, который позволяет не только хранить и пополнять сведения о референтных значениях частот встречаемости генетических признаков, но и обеспечивает централизованный доступ к ним для всех экспертных подразделений страны. Целью настоящей работы являлась разработка такой базы данных для населения Республики Беларусь.

Предварительно исследовали особенности распределения маркеров X-хромосомы у 789 неродственных индивидов (364 мужчин и 425 женщин), представляющих 6 историко-этногеографических регионов республики (Центр, Поднепровье, Понеманье, Поозерье, Западное Полесье и Восточное Полесье). В состав тест-системы, использовавшейся для генетического анализа, входили 12 X-STR маркеров коммерческого набора реагентов «Investigator Argus X-12», Quiagen, США (DXS10135, DXS8378, DXS10148, DXS7132, DXS10074, DXS10079, HPRTB, DXS10101, DXS10103, DXS10134, DXS7423, DXS10146) и 7 дополнительных маркеров (DXS10075, DXS8377, DXS10147, DXS9895, DXS7424, DXS7133, GATA172D05). На основе полученных генотипов рассчитывали частоты аллелей для каждого из маркеров X-хромосомы в совокупном массиве образцов, массиве мужских и женских образцов. Для массива мужских образцов были также определены частоты гаплотипов, выявляемых в группах сцепления. Полученные значения использовали при формировании электронного информационно-методического ресурса «Референтная база данных частот встречаемости аллелей и гаплотипов групп сцепления STR локусов X-хромосомы у населения Беларуси».

Созданный информационный ресурс снабжен встроенным калькулятором, предназначенным для автоматизации расчета уровней достоверности вывода при проведении судебно-экспертных исследований с использованием маркеров X-хромосомы. Расчет частоты встречаемости выявленного в экспертном исследовании комплекса признаков может проводиться в разделах базы как на основе частот встречаемости аллелей отдельных X-STR маркеров (раздел «Частоты аллелей»), так и на основе частот встречаемости гаплотипов, выявляемых в группах сцепления (раздел «Частоты гаплотипов»).

В спектр задач, которые могут быть решены с использованием базы данных, входит расчет вероятности отцовства в отношении ребенка женского пола при отсутствии предполагаемого отца и наличии его родной матери (ситуация «бабка по отцу – внучка»), вероятности родства по отцу для двух сестер, имеющих общую мать, вероятности биологического отцовства в отношении предполагаемых отцов – близких родственников (двух братьев или отца и сына).

Раздел «Частоты аллелей» включает вкладку «Биологическое родство», которую рекомендуется использовать при определении вероятности биологического материнства в ситуации «бабка по отцу – внучка», а также биологического материнства в отношении ребенка мужского или женского пола. Расчет производится с использованием формул, приведенных в [1]. На вкладке «Идентификация женского генотипа» можно рассчитать вероятность случайного совпадения выявленных профилей при решении экспертной задачи, связанной с идентификацией лица женского пола. Вкладка «Идентификация лица мужского пола» раздела «Частоты гаплотипов» позволяет проводить вероятностные расчеты при идентификации лица мужского пола, установлении отцовства в отношении ребенка женского пола, установлении материнства в отношении ребенка мужского пола, установлении родства по отцу для двух сестер, имеющих общую мать (в случае наличия образца матери). Расчет вероятности случайного совпадения в разделе «Частоты гаплотипов» может быть проведен в трех форматах: в формате тест-системы Argus X-8 (Mentype, Германия), в формате тест-системы Investigator Argus X-12 (Quiagen, США) и в формате 19-маркерной тест-системы. Этот раздел может также использоваться для автоматизированного поиска частоты искомого гаплотипа в любой из групп сцепления.

С целью внедрения в экспертную практику созданной базы данных нами также были разработаны методические рекомендации, содержащие детальное описание базы данных и пошаговые инструкции по ее применению для решения конкретных экспертных задач [2].

Информационно-справочный ресурс «Референтная база данных частот встречаемости аллелей и гаплотипов групп сцепления STR локусов X-хромосомы у населения Беларуси» размещена в свободном доступе на официальном веб-сайте ГУ «Научно-практический центр Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь» www.sudexpertiza.by, что позволяет всем экспертам страны в оперативном порядке производить расчет достоверности экспертного вывода при проведении судебно-экспертной идентификации личности и установлении биологического родства, базируясь на генетических характеристиках современного белорусского населения.

Список литературы :

1. Tillmar, A.O. Analysis of linkage and linkage disequilibrium for eight X-STR markers / A.O. Tillmar //Forensic Sci. Int. Genet. 2008. Vol. 3, N 1. P. 37–41.
2. Частоты встречаемости аллелей и гаплотипов групп сцепления STR-локусов X-хромосомы у населения Республики Беларусь для расчета достоверности результатов экспертной идентификации личности и установления биологического родства методами ДНК-анализа: справ.-метод. рекомендации / И.С. Цыбовский [и др.]; под ред. канд. биол. наук И.С. Цыбовского. Минск: Право и экономика, 2015. – 70 с.

ОПЫТ ФОРМИРОВАНИЯ КОЛЛЕКЦИИ ОБРАЗЦОВ ДИКИХ ЖИВОТНЫХ ДЛЯ РЕШЕНИЯ ЭКСПЕРТНЫХ ЗАДАЧ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННОЙ ОХОТОЙ

Котова Светлана Александровна,
заведующая лабораторией, кандидат химических наук,

Осадчук Татьяна Васильевна,

Лукашкова Ольга Николаевна,

Верчук Алексей Николаевич,

Государственное учреждение «Научно-практический центр

Государственного комитета судебных экспертиз

Республики Беларусь»,

Цыбовский Иосиф Станиславович,

Республиканское унитарное предприятие

«БелЮрОбеспечение», кандидат биологических наук,

г. Минск, Республика Беларусь

Количество проводимых исследований ДНК животного происхождения в мировой науке существенно возросло за последние несколько лет. Новым ключевым направлением исследований данного характера являются вопросы экспертного сопровождения дел о незаконной охоте в следственной и судебной практике. Государственный комитет судебных экспертиз Республики Беларусь в контексте реформирования судебно-экспертного обеспечения социально и экономически востребованных сфер жизнедеятельности страны активно формирует новое экспертное направление – генотипирование ДНК диких и домашних животных для экспертного сопровождения дел о незаконной охоте и кражах домашнего скота. Незаконная охота наносит значительный ущерб экономическим интересам государства, может быть причиной возникновения проблем экологического характера, а также создает препятствия росту эффективности функционирования лесохозяйственных организаций. Успешное проведение следственных мероприятий по делам о незаконной охоте позволяет в судебном порядке компенсировать нанесенный ущерб.

Наиболее распространенными объектами незаконной охоты на территории Республики Беларусь в настоящее время являются Кабан европейский (*Sus scrofa*), относящийся к семейству Свиные (*Suidae*), Олень благородный (*Cervus elaphus*), Косуля европейская (*Capreolus capreolus*), Лось европейский (*Alces alces*), относящиеся к семейству Оленевые (*Cervidae*). Нередко объектами незаконной охоты в республике становятся представители семейства Псовые, пушные звери, животные исчезающих и охраняемых видов.

Поскольку технологии экспертной ДНК-идентификации могут быть созданы только на основе изучения генетического полиморфизма особей и популяций, обитающих на определенной территории, одним из необходимых условий для успешного выполнения разработок является наличие репрезентативной коллекции биологических образцов животных интересующих видов. Фор-

мирование такой коллекции основано на строгом соблюдении принципов отбора образцов в популяциях с учетом данных о географических регионах обитания и примерной численности животных на изучаемой территории.

Для сбора образцов собственными силами необходимо организовывать массовые экспедиции в регионы обитания изучаемых видов, однако таким образом могут быть получены только образцы, представленные шерстью животных или их экскрементами, в более редких случаях – сброшенные рога или фрагменты туш падших или сбитых машинами животных. Качество таких образцов, как правило, низкое, а источник происхождения не достоверный.

В случае с животными, являющимися типичными объектами охоты, задача может быть решена путем участия в сборе биологических образцов государственных и частных охотпользователей. Именно эта стратегия и была нами реализована при формировании коллекции биологических образцов, включающей образцы основных охотничьих видов животных Беларуси: кабана, лося, косули и оленя.

Сбор биологических образцов для формирования коллекции проводили во исполнение поручения Совета министров Республики Беларусь № 06/226-189 от 07 июня 2010 г. основные охотпользователи Беларуси – Республиканское государственное общественное объединение «Белорусское общество охотников и рыболовов», Министерство лесного хозяйства Республики Беларусь, а также Государственная инспекция охраны животного и растительного мира при Президенте Республики Беларусь.

Подготовительный этап работ по формированию коллекции включал работы по районированию мест сбора образцов. План районирования разрабатывался охотпользователями и согласовывался с Государственной инспекцией охраны животного и растительного мира при Президенте Республики Беларусь. С учетом предоставленных охотпользователями данных о географических регионах обитания и примерной численности животных на территории различных охотничьих хозяйств научно-исследовательской лабораторией молекулярно-биологических исследований (НИЛ МБИ) ГУ «Научно-практический центр Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь» были выработаны требования по количеству образцов, отбираемых с определенной территории для каждого из четырех интересующих видов. Кроме того, лабораторией были подготовлены рекомендации по отбору и хранению биологического материала, разработаны упаковочные наборы и номерные контрольные этикетки для регистрации данных об образце (включая наименование организации-охотпользователя, вид животного, пол особи, место отстрела, наличие индивидуальных особенностей животного), проведены мероприятия по организации пунктов временного хранения и доставки биоматериалов в экспертное учреждение.

Сбор биологических образцов животных видов Лось европейский и Олень благородный проводили в течение 2 лет в районах их наибольшей численности, поскольку территория республики заселена животными данных видов неравномерно. Образцы Кабана европейского и Косули европейской соби-

рали равномерно по всей территории Беларуси – примерно по 50 образцов животных каждого вида из каждого района. Образцы отбирались в осенне-зимний охотничий сезон и представляли собой присыпанные поваренной солью фрагменты мяса или ушной раковины добытого животного. Для регистрации и учета образцов животных, поступающих в коллекцию, разработана электронная база данных (БД) «AnimalsDATA». БД «AnimalsDATA» организована в виде таблицы MS Excel и содержит поля для регистрации данных об охотпользователе, месте и дате отбора биологического образца, виде животного, его половой принадлежности, особых приметах особи. Кроме того, БД «AnimalsDATA» содержит сведения о генотипах образцов, полученных при разработке методик для экспертного сопровождения дел о незаконной охоте.

В результате проведенных мероприятий при активном содействии охотпользователей в течение 2010 – 2011 гг. на базе лаборатории молекулярно-биологических исследований была сформирована коллекция, включающая 1991 биологический образец животных видов Кабан европейский (948 образцов), Олень благородный (102 образца), Косуля европейская (465 образцов), Лось европейский (476 образцов). Начиная с 2017 года НИЛ МБИ приступила к сбору биологического материала других видов диких животных, в том числе особо охраняемых. Сбор коллекционного материала проводится по уже выработанной схеме, дополнительно осуществляется взаимодействие с частными охотничьими хозяйствами, агроусадьбами, зоосадами, зоопарками и заповедниками. Так, Новополоцким обществом с ограниченной ответственностью «Интерсервис» в рамках договора о сотрудничестве в коллекцию предоставлено 63 образца оленей, 14 образцов ланей, 19 образцов пятнистых оленей, 9 образцов косуль, 25 образцов лосей. С начала 2018 г. начат сбор образцов домашних кошек и собак для разработки экспертных технологий по делам о жестоком обращении с домашними животными, кражах домашних животных и др. Содействие в сборе таких образцов оказывается районными ветеринарными станциями, а также городскими ветеринарными клиниками, приютами для домашних животных. В настоящее время коллекция включает 2722 образца животных более 30 видов.

Заключение: На основе сформированной коллекции биологических образцов диких животных в период с 2014 по 2018 гг. реализовано три научно-исследовательских проекта, в рамках которых проведено масштабное исследование генетического полиморфизма дикого кабана, лося, оленя и косули, обитающих на территории Республики Беларусь. Проведенные исследования легли в основу технологии судебно-экспертного генотипирования ДНК диких копытных, с использованием которой по постановлениям правоохранительных органов проводятся судебные экспертизы. С начала 2015 г. научно-исследовательской лабораторией молекулярно-биологических исследований ГУ «Научно-практический центр Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь» выполнено более 500 судебных генетических экспертиз по фактам незаконной охоты на кабана, оленя, лося и косулю.

ПРИМЕНЕНИЕ ЭКСПЕРТНЫХ ЗНАНИЙ В ОБЛАСТИ СТРОИТЕЛЬСТВА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ СТРОИТЕЛЬСТВА

Кузбагарова Елена Викторовна,
доцент кафедры судебных экспертиз
Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного
университета, кандидат юридических наук, доцент,
Кузбагаров Муслим Назаргалиевич,
доцент кафедры правоведения Северо-Западного института
управления Российской Академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской
Федерации, кандидат юридических наук, доцент,
г. Санкт-Петербург, Россия

Статьей 35 Конституции Российской Федерации [1] закреплено право граждан на жилище в виде права частной собственности и охраной права на жилище, предусмотренной ст. 40 Конституции РФ. Постановление Правительства РФ от 17.12.2010 N 1050 «О реализации отдельных мероприятий государственной программы Российской Федерации «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации», в качестве одной из стратегических задач нашего государства и важнейшего приоритета развития общества в настоящее время определено обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации [3]. Вместе с тем следует констатировать тот факт, что граждане достаточно часто лишаются конституционного права на жилище в результате неправомерных действий граждан и юридических лиц – компаний застройщиков, в частности, путем совершения мошеннических действий, предусмотренных, ст. 159 Уголовного кодекса Российской Федерации [2], которые повлекли лишение гражданина права на жилое помещение и причинение материального ущерба в крупном и особо крупном размерах.

В качестве одного из способов совершения мошеннических действий на рынке первичного жилья является создание видимости строительства жилого дома, либо нескольких жилых домов фирмой-застройщиком. В связи с этим в рамках возбужденных уголовных дел и гражданских исков в рамках уголовных дел требуется исследование строительных объектов и территории, функционально связанной с ними, в том числе с целью их оценки для определения размера причиненного ущерба. Исследование строительных объектов и территории, функционально связанной с ними, в том числе с целью их оценки осуществляется в рамках строительно-технических экспертиз или комплексных экспертиз, которыми решаются такие диагностические задачи, как: установление стоимости фактически выполненных работ, строительных материалов, их соответствия данным отчетной документации; обоснованность составления проектно-сметной документации и т.п. [6].

Судебная строительно-техническая экспертиза – это исследование строительных объектов и территории, функционально связанной с ними, с последующей дачей заключения, имеющее доказательное значение при расследовании уголовных и административных дел, а также по делам, рассматриваемым арбитражными судами и судами общей юрисдикции.

Для того чтобы использовать методику производства экспертизы, необходимо знать объект исследования. Объекты судебной строительно-технической экспертизы своеобразны по своим техническим и природным характеристикам и функциональному назначению. [4, с.53].

Предметом судебной строительно-технической экспертизы являются фактические данные, которые основываются на объемах строительно-монтажных работ, на их качественности и на качестве производства и применения строительных материалов, изделий и конструкций [5, с. 27].

Одним из важнейших составляющих судебной строительно-технической экспертизы являются ее задачи. И если предмет судебной строительно-технической экспертизы раскрывает определенные свойства объекта, то устанавливают эти свойства – задачи. Они делятся на подзадачи и задачи, в которые входят:

1. Экзистенциальные подзадачи, которые решаются с помощью соотношения специальных правил с определенным видом данных исследования, которые характеризуют одну из сторон объекта экспертизы. Например, происшествия, связанные с работой на высоте – в первую очередь будут выяснять, были ли на пострадавшем индивидуальные средства защиты.

2. Атрибутивные подзадачи, которые в основном изучают свойства строительной продукции (функциональные, эксплуатационные, свойства безопасности, эстетические и потребительские свойства).

3. Ситуалогические подзадачи воссоздают вещественную обстановку уже произошедшего события, что позволяет понять характер и последовательность его самостоятельных фрагментов. Такие подзадачи считаются промежуточными в цепочке решаемых экспертом задач.

4. Стоимостные задачи, решение которых позволяют определить стоимость выполненных строительных работ, использованных строительных материалов и конструкций, целого строительного объекта или отдельных его частей.

5. Классификационные задачи направленные на установление принадлежности объекта на основании определения его свойств к разнообразию объектов и свойств, которые уже известны. Важно, что объекты и свойства, которые известны заранее, предусмотрены государственными стандартами или нормативными документами.

6. Диагностические задачи позволяют определить наличие отклонения, которые могут возникнуть в будущем во время рабочего процесса. Например, это могут быть отклонения связанные с требованиями СНиП (строительных норм и правил), которые регулируют как строительство, так и строительное производство.

7. Нормативистские задачи устанавливают соответствие (или их отсутствие) требованиям специальных правил и норм действий лиц или результатов этих действий, которые участвовали в каких-либо производственных работах, повлекших событие, которое привело к расследованию или судебному разбирательству. Главной отличительной чертой нормативистских задач является наличие нормы или правила.

8. Каузальные задачи устанавливают причинно-следственную связь между нарушением специальных норм и произошедшим негативным событием (несчастный случай, авария и т.д.). В уголовном судопроизводстве каузальные исследования используются: при определении характера повреждения объекта строительства; при определении наличия или отсутствия причинно-следственной связи между поломкой строительной конструкции и ее некачественным производством; при определении связи между некорректно составленной проектной документацией и дефектами или расходами;

9. Преобразовательные задачи решаются в большей степени при рассмотрении гражданских споров, связанных с правом собственности на недвижимость в жилищной сфере, по делам, связанных с разделом недвижимого имущества, находящегося в долевой и совместной собственности и т.д., [7, с. 678]. Вместе с тем, решение данных задач, необходимо и при расследовании фактов мошенничества, ибо необходимо четкое понимание наличия прав у потерпевших по отношению к определенному имуществу.

Предметом исследования по делам о мошенничестве в сфере строительства, как правило, становится: 1) виды выполненных работ (подготовительные, геодезические, земляные, строительно-монтажные, отделочные, гидротехнические и другие); 2) объемы работ (в соответствии с техническим заданием на выполненные работы); 3) качество выполненных работ (в соответствии с требованиями нормативно-технической документации); 4) стоимость указанных работ, выполненных при возведении здания или сооружения (в соответствии с договорами подряда, дополнительными соглашениями и другими документами, содержащие ценовые показатели).

При производстве данного вида исследования эксперт-строитель пользуется инструментальным методом с помощью измерительных инструментов и оборудования, а также фиксирующих инструментов, аппаратурой и принадлежностей. К фиксирующей аппаратуре относятся: фотоаппарат, видеокамера, диктофон, фиксирующие принадлежности – это карандаш, ластик, тетрадка и другие. Оборудование, предназначенное для определения метрических и иных параметров исследуемых объектов, используемое при проведении экспертизы в обязательном порядке должно быть сертифицировано и откалибровано. Применение технических средств зависит от специфики исследуемого объекта и содержания поставленных задач.

На сегодняшний день в Каталоге регистрационных паспортов экспертных методик исследования вещественных доказательств не содержится перечень методик строительно-технической экспертизы. Для выбора методики эксперт-строитель опирается на методические указания, ГОСТы, Своды пра-

вил и другие документы. В частности экспертами-строителями используются следующие методики: 1) методика определения причин возникновения и развития дефектов в каменных конструкциях, 2) методика определения стоимости восстановления зданий и сооружений, поврежденных пожаром, 3) методика определения качества работ, выполняемых при устройстве гипсо-картонных перегородок на металлическом каркасе; 4) методика определения видов, объемов, качества и стоимости строительно-монтажных и специальных работ по возведению, ремонту (реконструкции) строительных объектов и другие.

В соответствии со Сборником примеров заключений по судебной строительно-технической экспертизе [8, с. 212] в практике судебной экспертизы чаще всего встречается Методика определения видов, объемов, качества и стоимости строительно-монтажных и специальных работ по возведению, ремонту (реконструкции) строительных объектов. Задачей данной методики является определение видов, объемов, качества и стоимости строительно-монтажных и специализированных работ, выполненных при возведении или ремонте строительных объектов. Объекты исследования: здания, строения, сооружения (включая благоустройство, а также внутренние и наружные инженерные сети), оконченные строительством, находящиеся в стадии возведения либо ремонта, объекты незавершенного строительства [9, с. 7].

Данная методика выбирается при экспертизе в процессе расследования или судебного разбирательства. При применении данной методики эксперт-строитель пользуется инструментальными методами с помощью измерительных инструментов и оборудования, а также фиксирующих инструментов, аппаратурой и принадлежностей. Оборудование, предназначенное для определения метрических и иных параметров исследуемых объектов, используемое при проведении экспертизы в обязательном порядке должно быть сертифицировано и откалибровано. Применение технических средств зависит от специфики исследуемого объекта и содержания поставленных задач.

Производство данной методики условно можно разделить на три стадии: 1) исследования, проводимые до осмотра строительного объекта; 2) исследования, проводимые в ходе осмотра строительного объекта; 3) исследования, проводимые после осмотра строительного объекта. Все стадии отличаются друг от друга объемом исходных данных. Так как при переходе от одной стадии к другой объем информации дополняется, содержание становится все более сложным. Но несмотря на это, важно отметить, что исследование объекта на каждой стадии имеет одну цель – установление качественных и количественных характеристик выполненных работ.

На первой стадии исследования эксперт составляет в виде таблицы опись предоставленных документов, которая впоследствии будет составлять вводную часть Заключения эксперта. Следующим шагом эксперта будет являться разработка алгоритма действия в ходе осмотра. Эксперт должен учесть объем исследуемого объекта, а также предусмотреть какие инструменты ему понадобятся. Сведения об инструментах также вносятся в вводную часть Заключения. Вторая стадия исследования непосредственно состоит в организа-

ции осмотра строительного объекта. Проведение осмотра состоит из общего визуального ознакомления с объектом и определения доступных визуальному восприятию видов, используемых при строительстве, их взаимного расположения, состояние внешней и внутренней отделки, наличие инженерных коммуникаций. При визуальном осмотре эксперт определяет виды и объемы проделанных работ. Так же одной из наиболее распространенных ошибок является мероприятие по обследованию несущих конструкций. Правила их обследования закреплены в п. 5.2 СП 13-102-2003. Эксперт в обязательном порядке должен включать в заключение сведения об условиях проведения осмотра и лиц, которые присутствовали. Таким образом, можно убедиться, что были соблюдены все нормы процессуального права.

В ходе экспертного осмотра необходимо определить виды использованных материалов, изделий и конструкций, на основании нормативно-технической документации и специальной литературе. Результатом проведения осмотра строительного объекта является фиксация результатов. На третьей стадии для определения объемов фактически выполненных строительных работ проводятся расчеты на основании полученных при осмотре данных, которые отражаются в таблице, которая является составной частью Заключения.

После проведения всех расчетов оформляется Заключение эксперта на основании Методических рекомендаций по производству судебных экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях системы Министерства юстиции Российской Федерации. В выводе эксперт фиксирует все данные, полученные в рамках исследования: вид, объем, качество и стоимость строительного-монтажных работ.

На основании вышеизложенного можно сделать, что качественно проведенная судебная строительно-техническая экспертиза является весомым средством доказывания, ибо позволяет в полной мере объективно оценить все допущенные нарушения в сфере строительства. Строительно-техническая экспертиза позволяет дать итоговую оценку состояния и стоимости объекта незавершенного строительства, ибо определение в рамках производства экспертизы фактического состояния объекта, наличия основной и вспомогательной документации, правовых особенностей составления сопровождающих правовых документов повлияют на стоимость и срок завершения строительства. Совокупность факторов дополнительного срока строительства, фактического объема выполненных и невыполненных работ влияет на конечную стоимость строительства, являющейся обстоятельством, подлежащим доказыванию по факту мошеннических действий.

Список литературы :

1. Конституция РФ (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ)// Собрание законодательства РФ, 04.08.2014, № 31, ст. 4398.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.05.2019)// «Российская газета», № 113, 18.06.1996, № 114, 19.06.1996, № 115, 20.06.1996, № 118, 25.06.1996.
3. Постановление Правительства РФ от 17.12.2010 N 1050 (ред. от 30.01.2019) «О реализации отдельных мероприятий государственной программы Российской Федерации «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации» [Электронный ресурс] режим доступа <http://www.consultant.ru/> (дата обращения 29.05.2019 г.)
4. Бутырин, А.Ю. Теория и практика строительно-технической экспертизы / А.Ю. Бутырин. М.: ОАО «Издательский Дом «Городец», 2006. 224 с.
5. Козомазов, В.Н., Козомазов, Н.В., Козомазов Д.В., Панфилов И.П. Строителям о судебной строительно-технической экспертизе : учебное пособие / Козомазов В.Н., Козомазов Н.В., Козомазов Д.В., Панфилов И.П. Липецк : Типография «Липецк-Плюс», 2018. 85 с.
6. Низаева С.Р. Расследование мошенничества в сфере оборота жилой недвижимости (проблемы теории и практики) Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Уфа, УЮИ МВД России, 2017 г. 24 с.
7. Россинская, Е.Р., Галяшина, Е.И. Настольная книга судьи: Судебная экспертиза. Проспект, 2011 г. 458 с.
8. Сборник примеров заключений по судебной строительно-технической экспертизе: практическое пособие для экспертов / подг. А.Ю. Бутырин, Е.Б. Статива. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2016. 314 с.
9. Сборник методических рекомендаций по производству судебных строительно-технических экспертиз / под общ. ред. А.Ю. Бутырина. М.: РФЦСЭ при Минюсте России, 2012. 188 с.

ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ

Кустов Анатолий Михайлович,
профессор Московского государственного областного
университета, Академии управления МВД России,
доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ,
г. Москва, Россия

Появление и дальнейшее развитие судебно-медицинских исследований и экспертиз в России происходило в тесной взаимосвязи с развитием правовых отношений в обществе и в соответствии с прогрессом медико-биологических наук. Это вполне естественно, так как право является основным потребителем результатов судебно-медицинской деятельности, а достижения биологических,

медицинских и других естественных наук составляют основу судебно-медицинской науки и практики.

Русское законодательство одним из первых пошло на закрепление в нормах права обязательного судебно-медицинского исследования трупов и использования заключения эксперта-медика в качестве источника доказательств в следствии и суде. Подробную технологию определения и оценки телесных повреждений дают нормы древнего правового сборника «Русская Правда». Нормы закона определяли характер совершенного преступления в зависимости от способа нанесения телесных повреждений. Телесные повреждения квалифицировались на легкие - кровоподтеки, причиненные ударом руки или тупым предметом, орудием; кровавые раны, возникшие от острого орудия, и тяжкие - повреждения руки, ноги, глаза, отсечение носа и иное членовредительство.

В XIV-XV вв. правовые сборники «Двинская Уставная Грамота», «Грамота Белозерского князя Михаила», «Грамота великого князя Василия Ивановича» и др. предусматривали необходимость производства осмотра трупа, когда имелись подозрения на насильственную смерть, а также необходимость установления причины смерти (в течение 7 дней), когда тело сброшено с высоты или обнаружено в воде. С этого времени начали уделять внимание осмотру мертвых тел для установления причин и приблизительное время наступления смерти. Так, в 1571 г. врач Бомелиус установил, что смерть первой жены царя Ивана Грозного наступила от отравления.

В XVI-XVII вв. царские указы и грамоты определяли случаи привлечения фельдшеров или врачей к осмотру трупа после пожар или ран на теле потерпевшего и к составлению медицинского заключения для суда. Иван IV для обеспечения судебных разбирательств создает Аптекарский приказ (позднее преобразованный в Аптекарскую палату (1581 г.) и переименованный Петром I (1714 г.) сначала в Канцелярию главнейшей Аптеки, а потом в Медицинскую канцелярию.

В XVI в. в Аптекарский приказ входили все врачебные и аптекарские дела в России. В числе функций приказа были вопросы, относящиеся к ведению судебной медицины, например установление состояния здоровья, осмотры трупов лиц, умерших скоропостижной или насильственной смертью.

В XVII-начале XVIII вв. мнение врачей по вопросам, входящим в компетенцию современной судебной медицины, было непререкаемо и неукоснительно принималось за основу при разрешении судом разного рода уголовных дел. В судебных целях проводились исследования различных веществ для определения их ядовитых и целебных свойств. В эти годы «дохтурами» освидетельствовались живые лица, вскрывались трупы убитых для установления причин смерти. Данные специалисты пытались определить причинно-следственную связь между травмой и смертью, а также осуществлялись попытки описания случаев смерти от различных травматических воздействий или случаев суицидальной смерти и т.д. (Л. 56, С. 5; Л. 57, С. 12; Л. 53, С. 12).

Криминалистическая практика учитывала информацию о возможных орудиях убийств и определяла пути поиска самого орудия и виновного.

Во времена царствования Петра I большая часть государственных интересов России была тесно связана с обеспечением военных нужд. Поэтому многие начинания, полезные для государства, возникли и были закреплены в рамках военных законов, сведенных в воинские уставы, артикулы и другие воинские документы. Врачи привлекались для освидетельствования лиц, пригодных к воинской службе, установления телесных повреждений и осмотра трупов с дачей письменного заключения о причинах смерти. Артикулом Воинским было дано законодательное предписание о приглашении врачей при разрешении судом вопросов, требующих специальных медицинских познаний. «Артикул воинский купно с процессом, надлежащим судящим» 1715 г. (в толковании к арт. 154 – «О наказании за убийство») предусматривал устанавливать по делам об убийствах причину смерти и «того ради зело потребность есть ...лекарей определить, которые бы тело мертвое взрезали, и подлинно разыскали, что какая причина смерти его была, и о том имеют свидетельство в суде на письме подать, и оной присягою своей подтвердить». В Воинском уставе 1716 г. впервые предписано приглашать врача именно для вскрытия трупа и установления причин смерти при подозрении на насильственную смерть, а не для простого осмотра трупа. Врач, производивший вскрытие, составлял письменное свидетельство, подтвержденное присягой. Данные выводу позволяли производить поиск в нужном направлении преступника.

Правовые нормы, регламентирующие судебно-медицинскую деятельность, содержались не только в указанных документах, но и в некоторых других. Например, в Морском уставе 1720 г. имелись соответствующие параграфы. В качестве медико-административных учреждений в городах Санкт-Петербург и Москва учреждается специальный физикат (1739 г.), который следил за тем, чтобы в госпиталях вскрывались скорострительно умершие. Кроме прочих медицинских вопросов, они производили судебно-медицинскую и военно-медицинскую экспертизы.

Во второй половине XVIII в. судебно-медицинские исследования трупов стали проводиться и в анатомических театрах медицинских учреждений. Кроме того, судебно-медицинские освидетельствования проводились в судебно-административных учреждениях, для чего в их штате находились врачи. В то время уже были определены объекты судебно-медицинских исследований и освидетельствований, а также задачи исследований: исследование трупов при подозрении на насильственную смерть; исследование трупов новорожденных при подозрении на детоубийство; судебно-медицинское освидетельствование живых лиц по поводу телесных повреждений (побоев, увечий), установления возраста, половых преступлений, симуляций, бывших родов и беременности и некоторым другим; исследование психического состояния обвиняемого или пострадавшего; определение годности к военной службе, экспертиза членовредительства; исследования по делам о незаконном врачевании (знахарство, шарлатанство) и по делам о врачебных ошибках; исследование вещественных

доказательств, ядов, различных трав и лекарственных веществ при подозрении на отравление.

В первой половине XIX в. в России в связи с изменением социально-экономических отношений происходят значительные административные и правовые преобразования. Так, на смену Медицинской коллегии как самостоятельного административного органа в 1811 г. был организован Особый Медицинский совет при департаменте полиции Министерства внутренних дел, который имел более широкие задачи, нежели современное Министерство. В задачи департамента включили «рассмотрение следствий о скоропостижно умерших и ревизии свидетельств в сомнительных случаях», а судебно-медицинская служба (находясь в составе 1-го отделения экспедиции Медицинского совета) должна была: «давать суждения в следственных уголовных и гражданских делах, требующих знания медицинской науки». Медицинским советом были подготовлены и опубликованы «Правила для врачей при судебно-медицинском осмотре живых и трупов, а также вскрытии мертвых тел» (1829 г.). Правила регламентировали ряд вопросов таких как: техника вскрытия трупа, особенности судебно-медицинской экспертизы, возможности химического и лабораторного исследования внутренних органов. По сути дела, это был учебник по судебной медицине для того времени. В работе над ним приняли участие видные деятели русской медицины профессора медико-хирургической Академии И.В. Буяльский, А.С. Громов и А.П. Нелюбин.

Развитие судебно-медицинской практики и науки также связано с университетскими кафедрами судебной медицины и изданием первых учебников по данной учебной дисциплине. Началом преподавания судебной медицины в учебных заведениях считается время учреждения первого русского университета в г. Москва (1775 г.), где лекции по основам «медико-судной науки» читал известный доктор медицины Эразмус. В московском университете в 1794 г., была создана первая кафедра, на которой преподавалась судебная медицина (как обязательная дисциплина) на медицинском и юридическом факультетах.

В 1804 г. в первом Университетском уставе уже предусматривалось создание специальной кафедры анатомии, физиологии и «судебно-врачебной науки», которая в 1835 г. была преобразована в кафедру судебной медицины. Эта кафедра стала в дальнейшем центром развития судебно-медицинской науки. В 1824 г. хирург и анатом Буяльский И.В. подготовил и опубликовал «Руководство врачам к правильному осмотру мертвых человеческих тел для узнавания причин смерти, особливо при судебных исследованиях», фармаколог и токсиколог А.П. Нелюбин подготовил «Правила для руководства судебного врача при исследовании отравлений», а затем известный российский хирург Н.И. Пирогов подготовил специальный анатомический атлас для судебных врачей. Первый отечественный университетский учебник по судебной медицине для врачей под названием: «Краткое изложение судебной медицины» (под редакцией проф. Громова С.А.) был подготовлен и издан в 1835 г., а учебник для юристов: «Начертание судебной медицины для правоведов» (под редакцией Г.И. Блосфельда) в 1847 г. был опубликован в г. Казань.

В середине XIX в. были подняты и вполне корректно решены вопросы пределов компетенции судебно-медицинских экспертов. По сути дела, были значительно ограничены возможности вмешательства судебных медиков в решение вопросов об убийстве или самоубийстве, и иных, относящихся к компетенции суда. В 1842 г. издается первый Устав судебной медицины (том XIII Свода законов), где систематизируются нормативно-правовые акты регламентирующие судебно-медицинские исследования и статус врачей (лекарей), а также обязанности экспертов-медиков возлагались на уездных и городских врачей, а при их отсутствии на военных, гражданских и вольно практикующих врачей и полицейских. Более того, при осмотре трупов, освидетельствованиях и других судебно-медицинских исследованиях Устав признавал врача «первым лицом, который должен «по сему предмету иметь особенные сведения», а его заключение – «совершенным доказательством». Устав определял инстанционный порядок судебно-медицинской экспертизы, где высшей инстанцией был Медицинский совет при МВД России.

Указ 1847 г. предписывал, «чтобы врачи, призываемые для анатомических осмотров и свидетельства мертвых тел по уголовным исследованиям, давали заключения только по тем предметам, кои относятся до судебной медицины и медицинской полиции, не позволяя себе входить вместе с тем в рассуждения и давать заключения о предметах, подлежащих рассмотрению и определению суда». Медицинский совет дополнил данный закон. Так, в частности, врачам было дано право обращать внимание судей на медицинские обстоятельства, имеющие отношение к судебной квалификации преступлений и иным вопросам, решаемым судом. «Врачи – отмечалось в норме, при некоторых исследованиях (детоубийство, самоубийство, изнасилование), когда откроются обстоятельства, хотя не имеющие отношения к судебной медицине, но тесно связанные с вопросами об умысле, неосторожности, виновности подсудимых, должны обратить внимание судей для пояснения юридических вопросов, чтобы они не могли остаться незамеченными».

Во второй половине XIX в. на базе кафедр судебной медицины медицинских учебных заведений начали создаваться школы судебной медицины, оказавшие большое влияние на развитие этой науки. Московская школа судебных медиков сложилась на базе кафедры судебной медицины Московского университета. Ее основоположниками принято считать Д.Е. Мина и И.И. Нейдинга. В этот период получили известность работы видного московского судебного медика проф. П.А. Минакова. Главным консультантом по судебной медицине и медико-полицейским делам Московской городской полиции долгое время был судебно-медицинский эксперт Беллин М.А.

Значительное место занимала Санкт-Петербургская школа судебной медицины, осуществлявшая свою деятельность при кафедре судебной медицины Медико-хирургической Академии. Здесь работали такие видные судебные медики, как Е.В. Пеликан, Я.А. Чистович, И.М. Сорокин и др. Казанская школа судебной медицины обогатила российскую судебно-медицинскую науку именами И.М. Гвоздева, Р. Лангеля и др. В то время были широко известны киев-

ская, харьковская, томская, омская, саратовская и другие школы судебной медицины. Данные судебной медицины стали широко использоваться в уголовном судопроизводстве. Это были результаты судебно-медицинских, судебно-психиатрических и токсикологических исследований. При производстве экспертиз врачи-эксперты

XIX в. ознаменовался научным и практическим развитием судебно-медицинских исследований и деятельности. Это было в первую очередь связано с достижениями естественных наук этого времени, а также с прогрессивными преобразованиями в общественно-политической жизни России.

Список литературы :

1. Авдеев М.И. Курс судебной медицины. М., 1959.
2. Громов А.Н. Курс лекций по судебной медицине. М., 1970.
3. Квачевский А.А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по Судебным уставам 1864. СПб, 1869.
4. Кустов А.М., Самищенко С.С. Судебная медицина в расследовании преступлений. М.: МПСИ, 2002.
5. Куницын А.И. Историческое изображение древнего судопроизводства в России. СПб., 1843.
6. Махов В.Н. Использование знаний сведущих лиц при расследовании преступлений. М.: Издательство РУДН, 2003.
7. Милов Л.В. Исследования по истории памятников средневекового права. М., Российская политическая энциклопедия, 2009.
8. Российское законодательство X – XX веков. М., 1985.
9. Руководство для врачей. Под ред. А.Р. Денъковского и В.В. Томилина. М., 1968, 1078, 1987.
10. Сверхъестественное: Тайны и загадки мира /Сост. К.П. Бутусов. М.: АСТ, СПб.: Сова, 2008.
11. Судебно-медицинская экспертиза повреждений и насильственной смерти у лиц с предшествующими заболеваниями. Авторский коллектив. Кишинев: Издательство «Штинца», 1989.
12. Шершавкин С.В. История отечественной судебно-медицинской службы. М.: Издательство «Медицина», 1968.

ОСОБЕННОСТИ ОБУЧЕНИЯ И ПОДТВЕРЖДЕНИЯ КОМПЕТЕНТНОСТИ НЕГОСУДАРСТВЕННЫХ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Лапина Ирена Александровна,
ректор ГУО «Институт повышения квалификации и
переподготовки кадров Государственного комитета судебных
экспертиз Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент
г. Минск, Республика Беларусь;
Омельянюк Георгий Георгиевич,

заместитель директора ФБУ «Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации», ФГАОУ ВО РУДН, доктор юридических наук, доцент,
г. Москва, Россия;

Тагунова Ксения Дмитриевна,
старший преподаватель кафедры судебных криминалистических экспертиз ГУО «Институт повышения квалификации и переподготовки кадров Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь», магистр права,
г. Минск, Республика Беларусь

Актуальность лицензирования отдельных видов деятельности весьма очевидна, так как, являясь специфической формой государственного регулирования, оно направлено на защиту национальной безопасности, общественного порядка, защиты прав и свобод, нравственности, здоровья населения, охраны окружающей среды. Достигается это путем создания специальных ограничений и допущений, реализация которых способствует сглаживанию социальных конфликтов, сохранению политического и социально-экономического равновесия общественных сил.

В Республике Беларусь возможно осуществление судебно-экспертной деятельности как государственным судебным экспертом, так и индивидуальным предпринимателем (юридическим лицом, лицензиатом), осуществляющим судебно-экспертную деятельность на основе специального разрешения (лицензии). При этом универсальным регулятором и «проводником» государственной политики в сфере судебной экспертизы является сформированный в 2013 году Государственный комитет судебных экспертиз Республики Беларусь.

Законодательно установлен ряд прав и ограничений для получения лицензии судебного эксперта. Так, постановлением Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь от 15.05.2014 №8 была утверждена Инструкция о порядке выдачи свидетельства о присвоении квалификации судебного эксперта, внесения в него изменений, прекращения действия и аннулирования указанного свидетельства [1]. В соответствии с которой лицу, намеревающемуся осуществлять судебно-экспертную деятельность на основании лицензии, необходимо иметь высшее образование по соответствующей специальности, пройти обучение в ГУО «Институт повышения квалификации и переподготовки кадров Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь».

Обучение может быть пройдено по образовательной программе переподготовки руководящих работников и специалистов, имеющих высшее образование, – для лиц, намеревающихся осуществлять судебно-экспертную деятельность по виду (подвиду) судебных экспертиз, по которому они не имеют квалификации судебного эксперта, подтвержденной дипломом о переподготовке на уровне высшего образования, либо по образовательной программе

повышения квалификации руководящих работников и специалистов, – для лиц, ранее осуществлявших судебно-экспертную деятельность в государственных судебно-экспертных учреждениях по виду (подвиду) судебных экспертиз, по которому они желают получить свидетельство. Кроме того, претенденты на лицензию должны иметь стаж работы по специальности не менее пяти лет после окончания учреждения высшего образования, из них не менее двух лет – в сфере судебно-экспертной деятельности. При соблюдении выше обозначенных требований, необходимым условием для начала занятия судебной экспертизой на профессиональной основе является успешное прохождение в Государственном комитете судебных экспертиз Республики Беларусь квалификационного экзамена по определенному виду (подвиду) судебной экспертизы.

Поэтому при подготовке судебных экспертов в Республике Беларусь особое внимание уделяется комплексному изучению общетеоретических и специальных учебных дисциплин, параллельно рассматриваются вопросы организации профессиональной деятельности судебного эксперта, механизмы предупреждения служебных (в том числе - коррупционных) злоупотреблений.

Одновременно, будущие эксперты обязательно обучаются и правилам работы в команде, приобретая необходимые навыки для участия в комплексных и комиссионных экспертизах, способность участвовать в анализе и синтезе результатов совместных исследований. Поскольку синтезирующая оценка (итоговые выводы по экспертизе, особенно - комплексной) облегчается благодаря наличию у экспертов определенных знаний в смежных областях науки и техники (например, у судебно-медицинского эксперта – знаний программных положений криминалистики, у криминалиста – судебной медицины). В других случаях эксперты используют свои знания общенаучных положений и закономерностей, а также пограничные данные, присущие всем естественно-техническим или социально-гуманитарным наукам [2, с. 50 – 56].

Следует отметить, что существует определенный перечень видов судебных экспертиз, проведение которых допускается негосударственными судебными экспертами-лицензиатами. На данный момент, перечень включает в себя 13 видов (подвидов) судебных экспертиз, среди которых: судебная автодорожная экспертиза, судебная автотехническая экспертиза судебная товароведческая экспертиза, судебная компьютерно-техническая экспертиза, судебная почерковедческая экспертиза, судебная строительно-техническая экспертиза, судебная техническая экспертиза документов, судебная товароведческая экспертиза непродовольственных товаров, судебная фоноскопическая экспертиза: акустический анализ, лингвистический анализ; судебная экономическая экспертиза, судебная экспертиза материалов, веществ и изделий (в том числе: волокнистых материалов и изделий из них, лакокрасочных материалов и покрытий, металлов, сплавов и изделий из них, нефтепродуктов и горючесмазочных материалов, почвоведческая, стекла и изделий из него), судебная экспертиза радиоэлектронных устройств и электробытовой техники, а также –

судебная экспертиза по вопросам оценки стоимости объектов гражданских прав [3].

Данный перечень отражает реальные потребности рынка платных услуг в сфере судебно-экспертной деятельности, возможности экспертов-лицензиатов, а также демонстрирует тенденции развития социально-правового института судебно-экспертной деятельности на современном этапе. Вместе с тем, соответственно трансформациям, происходящим в социально-правовом и экономическом сегменте, перечень лицензируемых видов деятельности периодически пересматривается и корректируется. Подобные процессы свойственны и судебно-экспертной деятельности. Так, в соответствии с постановлением Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь от 19 октября 2018 года №9, с 1 января 2021 года судебная экспертиза по вопросам оценки стоимости объектов гражданских прав в качестве самостоятельного вида будет исключена из перечня лицензируемых видов деятельности.

Данное нововведение связано с рядом причин.

Во-первых, количественные и качественные характеристики объектов гражданских прав за последние 50 лет, с учетом темпов развития научно-технического прогресса, многократно возросли, что предъявляет повышенные требования и к специалистам-экспертам по данному направлению. Эти эксперты должны быть настолько универсальны, иметь знания и навыки в нескольких совершенно различных отраслях науки и практики. С целью освоения этого объема знаний специалистам потребуется получение нескольких разнонаправленных видов высшего и профессионального образования, приобретение стажа и опыта работы по нескольким направлениям, что трудно реализуемо в пределах одной человеческой жизни. Во-вторых, качество таких экспертных исследований вызывает много вопросов. Особенно в том, случае, если применяются инструментальные методы с разным оборудованием и технологиями.

Кроме того, изучение сложившейся практики проведения экспертиз по оценке показало судебно-экспертные специализации, к которым приходят сами специалисты на основе имеющегося образования, опыта и инструментария. Таким образом, экспертным сообществом, а проект постановления выносился и на общественное обсуждение, пришло к выводу о необходимости урегулирования происходящих процессов на рынке «оценочных» экспертиз, установив возможность судебного эксперта-специалиста отвечать и на вопросы оценки стоимости объектов, рассматриваемых им в процессе отдельных видов экспертиз, например судебной строительно-технической или судебной экономической. Соответствующие дополнения были внесены и в учебные планы по специальностям переподготовки в сфере судебной экспертизы.

В Республике Беларусь, согласно п. 346, 346.2, 347.3 Указа Президента Республики Беларусь «О лицензировании отдельных видов деятельности» от 1 сентября 2010 года №450, необходимым требованием, предъявляемым к соискателю – юридическому лицу для осуществления им судебно-экспертной деятельности, является наличие в штате не менее двух работников, имеющих сви-

детельство о присвоении квалификации судебного эксперта по одному виду (подвиду) судебной экспертизы, а также наличие условий и материально-технической базы для производства судебных экспертиз.

По сравнению с Республикой Беларусь, осуществление судебно-экспертной деятельности негосударственными судебными экспертами в Российской Федерации имеет ряд особенностей.

Действующее российское законодательство не предусматривает лицензирование судебно-экспертной деятельности, а для подтверждения компетентности негосударственных судебных экспертов наиболее эффективным представляется добровольная сертификация компетентности негосударственных судебных экспертов. [4, С. 11, 13]

Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 31 мая 2001 года № 73-ФЗ не определяет права и обязанности, ответственность руководителей негосударственных экспертных учреждений, их взаимоотношения с участниками процесса, регулируя лишь указанные вопросы в отношении судебно-экспертной деятельности, осуществляемую государственными судебно-экспертными учреждениями и физическими лицами, проводящими судебные экспертизы по поручению следствия и суда. Регламентация же деятельности негосударственных экспертных учреждений содержится в их уставных документах [5, С. 41-42].

В соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации, определен ряд условий поручения производства судебной экспертизы негосударственному экспертному учреждению или лицу, не работающему в государственном судебно-экспертном учреждении, среди которых: отсутствие в государственном судебно-экспертном учреждении эксперта конкретной специальности; отсутствие специальных условий либо материально-технической базы; либо наличие обстоятельств (некомпетентность эксперта, наличие служебной или иной зависимости от сторон или их представителей). Как показывает практика, наиболее часто выполняются негосударственными экспертами следующие виды экспертиз: судебно-бухгалтерские, судебно-экономические, компьютерно-технические [6, С. 79].

Таричко И.Ю., Кондратьев А.Е. отмечают, что деятельность негосударственных судебно-экспертных учреждений в настоящее время практически бесконтрольна и полностью не урегулирована: в частности, отсутствует ряд факторов контроля за производством экспертиз в экспертных лабораториях, экспертным оборудованием; отсутствуют механизмы проверки методик выполняемых исследований [7, с. 129 – 138]. Также проблемным видится законодательный пробел о количестве судебных экспертов, которые должны осуществлять деятельность в экспертном учреждении, чтобы оно могло обладать статусом негосударственного судебно-экспертного учреждения.

Росинская Е.Р. отмечает, что ввиду многообразия судебных экспертиз не всегда есть возможность производства всех видов и родов экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях. Чаще всего в них проводятся наиболее востребованные и распространенные виды экспертиз [8, с. 193]. К

негосударственным судебным экспертам обращаются в случае отсутствия проведения конкретного вида (рода) экспертизы в государственном судебно-экспертном учреждении; в виду загрузки экспертов государственного судебно-экспертного учреждения; назначения экспертизы органами дознания или сторонами процесса уникальному специалисту в конкретной области знания; либо в виду наличия сомнений у сторон и участников процесса в беспристрастности и объективности какого-либо судебного эксперта (учреждения).

Однако, несмотря на недостатки в осуществлении судебно-экспертной деятельности негосударственными экспертами и пробелы в её законодательном регулировании, отмечается и положительная специфика работы негосударственных судебно-экспертных учреждений наличием в них высококвалифицированных специалистов, имеющих в большей массе свидетельства о праве самостоятельного проведения экспертиз или высшее судебно-экспертное образование. Виды (подвиды) экспертиз, выполняемые данными учреждениями могут быть как ординарными, так и весьма неординарными. Сроки выполнения экспертиз более оперативны из-за меньшей по сравнению с государственными судебно-экспертными учреждениями нагрузки на экспертов. Также негосударственные судебно-экспертные учреждения выполняют не только судебные экспертизы, но и другие виды экспертиз и исследования по поручению любых организаций или частных лиц, дают консультации гражданам и коммерческим структурам [8, с. 193 – 195].

Сертификация компетентности экспертов в Российской Федерации наряду с научно-методическим обеспечением и стандартизацией судебно-экспертной деятельности позволят создать правовой механизм, значительно снижающий зависимость эксперта от интересов органа, назначающего экспертизу, которая имеется в результате административной подчиненности и тех и других руководителю правоохранительного органа, а значит снизить и коррупционные риски Смирнова[9, С. 33].

Сравнение деятельности негосударственных судебных экспертов в Республике Беларусь и Российской Федерации позволяет сделать вывод о том, что функционирование института негосударственной судебной экспертизы имеет как положительные, так и отрицательные моменты.

К услугам негосударственных судебных экспертов зачастую прибегают в рамках гражданского и административного процесса. Стороны спора в этом случае имеют возможность самостоятельно доказывать свою правоту, используя труд экспертов, в определенной мере уменьшая процессуальные расходы для государства.

Вместе с тем, государственный контроль и надзор за осуществлением судебно-экспертной деятельности необходим, и, как показывает мировая практика, в отдельных видах судебных экспертиз государство зачастую выступает в принципе в роли монополиста. Это необходимо в том случае, если требующееся исследование проводится в связи с делом, имеющим широкий общественный резонанс, общегосударственное значение, методы исследования и

оборудование крайне дорогостоящие, а специалисты уникальны и являются работниками только государственных учреждений.

В целом обеспечение качества судебных экспертиз, объективности и достоверности заключений эксперта является гарантией и основой формирования общественного мнения, позитивного социального имиджа и уважения к профессии судебного эксперта. Такое положение вещей способствует установлению и поддержанию социального порядка и баланса общественных сил, при котором права и гарантии обеспечиваются легальными механизмами охраны и реализации, а государственное устройство базируется на принципах авторитета власти, социальной справедливости и гуманизма.

Общее у государственных и негосударственных экспертов зачастую одно – требования к направлению и качеству образования, специализированной подготовке и опыту работы, ведь слишком серьезное и значимое влияние может оказать судебно-экспертное мнение на общественные отношения, результаты правоохранительной деятельности, а порой – на судьбу человека.

Профессиональное становление судебного эксперта, независимо от сферы его деятельности – частной или государственной, процесс постоянный и требующий высокой самодисциплины и ответственности, только при их должном уровне, как показывает практика, можно достичь успеха и авторитета при выполнении научно-обоснованных, всесторонних, полных и объективных исследований объектов судебной экспертизы.

Список литературы:

1. Постановление Государственного комитета судебных экспертиз от 15.05.2014 №8 «Об утверждении инструкции о порядке выдачи свидетельства о присвоении квалификации судебного эксперта, внесения в него изменений, прекращения действия и аннулирования указанного свидетельства» // сайт Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь http://sudexpert.gov.by/ru/lic_pra.html (дата обращения 18.03.2019 г.).
2. Лапин А.В. Криминалистическая экспертиза. Курс интенсивной подготовки. Минск: Тетрасистемс, 2006. 160 с.
3. Перечень видов (подвидов) судебных экспертиз (введен Постановлением Госкомитета судебных экспертиз от 29.02.2016 N 13) // сайт Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь http://sudexpert.gov.by/ru/lic_pra.html (дата обращения 18.03.2019 г.).
4. Омелянюк Г.Г. Использование инновационных механизмов повышения качества экспертного производства при совершенствовании законодательства о судебно-экспертной деятельности // Теория и практика судебной экспертизы. 2014. № 1 (33). С. 10–18.
5. Вершицкая Г.В. Правовые особенности осуществления негосударственной экспертной деятельности. // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2014. № 41. С. 41–46.
6. Николаева Т.Г., Елагина Е.В., Шананина Е.М. Некоторые вопросы производства судебной экспертизы негосударственными экспертными учре-

ждениями или лицами, не являющимися государственными экспертами. // КриминалистЪ №1 (8). 2011. С. 77–81.

7. Таричко И.Ю., Кондратьев А.Е. Лицензирование и сертификация деятельности негосударственных судебно-экспертных учреждений: теория, законодательство, правоприменительная практика (уголовно-процессуальный аспект). Журнал «Правоприменение». 2017. – Т. 1. №1. С. 129–138.

8. Россинская Е.Р., Галяшина Е.И., Зинин А.М. Теория судебной экспертизы (Судебная экспертология): учебник / под ред. Е.Р. Россинской. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА М, 2017. 368 с.

9. Смирнова С.А., Омелянюк Г.Г., Усов А.И. Актуальные проблемы законодательного закрепления инноваций судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации // Теория и практика судебной экспертизы. 2016. № 1 (41). С. 26–35.

СВЕДУЩИЕ ЛИЦА КАК ОПОРА СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ И РАВНОПРАВИЯ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА РОССИИ

Латыпов Вадим Сагитьянович,
заместитель начальника кафедры уголовного процесса
Уфимского юридического института МВД России,
кандидат юридических наук, доцент, г. Уфа, Россия

Современный уголовный процесс России призван обеспечить защиту прав и законных интересов лиц и организации, потерпевших от преступлений, в то же время не допуская незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод личности (ст. 6 УПК РФ). То, что достижение поставленных целей невозможно без надежного инструментария доказывания является очевидным, как и тот факт, что процедура доказывания является ядром уголовного процесса.

Законность и всесторонность проводимого расследования достигается путем реализации провозглашенных Конституцией Российской Федерации принципов состязательности и равноправия сторон (ст. 123 Конституции РФ).

Участие сторон в уголовном судопроизводстве на началах состязательности и равноправия позволяют относиться к принимаемым итоговым процессуальным решениям как к справедливым. Несмотря на то, что «справедливость» как самостоятельный принцип не закреплен в уголовно-процессуальном кодексе, он неоднократно употребляется в решениях Высших Судов Российской Федерации [7, 9, 10]. Между тем, состязательность в уголовном процессе в отдельных случаях рассматривается не как самостоятельный принцип, а как форма уголовно-процессуальной деятельности [1, с. 73]. Встречается и другая точка зрения, согласно которой, состязательность уго-

ловного процесса представляется следствием действия других уголовно-процессуальных принципов и предлагается группировать их как «принципы состязательности» [15, с. 53–54]. Как бы то ни было, законодатель определил уголовный процесс в современной России как состязательный. В то же время в теории уголовного процесса принято выделять состязательные начала для континентальной и англо-американской модели уголовного процесса. Отметим, что состязательный процесс принято ассоциировать, прежде всего с англо-американской моделью, имеющей значительные отличия в процедуре осуществления уголовно-процессуальной деятельности и реализации прав участников уголовного судопроизводства. Но не вдаваясь в анализ указанной модели вернемся к российскому процессу и определим основные признаки, позволяющие характеризовать его состязательным.

Во-первых, следует отметить, что состязательность обеспечивается отделением основных уголовно-процессуальных функций друг от друга. Защита, обвинение и разрешение уголовного дела не могут быть возложена на один и тот же орган или одно и то же должностное лицо (ч. 2 ст. 15 УПК РФ). Безусловно, недопустимо полагать, что уголовно-процессуальная деятельность ограничивается лишь указанными функциями. Трехзвеневая система функций в доктрине уголовного процесса неоднократно подвергалась критике. В свою же очередь подчеркнем, что, к примеру, процессуальная деятельность лиц, обладающих специальными знаниями (эксперта, специалиста, переводчика) не должна быть отнесена ни к обвинительной, ни к оправдательной, учитывая их принадлежность к иным участникам уголовного судопроизводства (глава 8 УПК РФ) и характеризуется как содействие оправлению правосудия.

Во-вторых, состязательность обеспечивается провозглашенным Конституцией Российской Федерации равноправием сторон (ст. 123), нашедшим свое отражение и в ч. 4 ст. 15 УПК РФ. Равноправие сторон позволяет участникам уголовного процесса, реализующим противоположные функции обвинения и защиты в равной степени доводить «свою позицию относительно всех аспектов дела до сведения суда, поскольку только при этом условии в судебном заседании реализуется право на судебную защиту, которая должна быть справедливой, полной и эффективной» [11].

И в-третьих, суд не вмешивается в процесс доказывания и никоим образом не содействует сторонам. Все проводимые судебные следственные действия имеют цель проверки ранее собранных доказательств (ч. 3 ст. 15 УПК РФ).

В рамках проводимого исследования, наибольший теоретический интерес представляет вопрос о способе реализации принципа состязательности сторонами на досудебных стадиях уголовного процесса путем вовлечения в него сведущих лиц.

Априори равенство сторон предполагает наличие у сторон одинакового «арсенала» способов сбора интересующих их доказательств по расследуемому делу. Но континентальная модель уголовного процесса, к которой относится и отечественное уголовное судопроизводство имеет определенные «особенно-

сти» к которым следует отнести наличие властных субъектов, уполномоченных осуществлять расследование и формировать уголовное дело. Что примечательно, должностные лица, государственных органов, осуществляющие уголовное преследование отнесены законодателем к стороне обвинения, имеют право проводить расследование и собирать доказательства путем производства следственных и иных процессуальных действий, предусмотренных уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (ч. 1 ст. 86 УПК РФ). Противоположная же сторона защиты не имеет равных возможностей в сборе доказательств. Так по общему правилу допустимо собирать и представлять письменные документы и предметы для приобщения их к уголовному делу в качестве доказательств путем заявления ходатайств к лицу, ведущему расследование. Несколько шире возможности защитника. Сбор доказательств данным субъектом заключается в следующем: получение предметов, документов и иных сведений; опрос лиц с их согласия; истребование справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций, которые обязаны предоставлять запрашиваемые документы или их копии (ч. 3 ст. 86 УПК РФ). Но и этот перечень не позволяет обеспечить в полной мере принцип равенства сторон, и как следствие полноценной состязательности на стадии предварительного расследования. Все это в комплексе сказывалось бы на ограничении прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства выступающих на стороне защиты, если бы законодатель не предусмотрел дополнительные «гарантии» равенства сторон. Речь идет о возможности вовлечения в уголовный процесс лиц, обладающих специальными знаниями и оказывающих содействие правосудию – эксперте и специалисте.

Действительно, заключение и показание эксперта и специалиста в уголовном процессе являются одним из видов доказательств и зачастую играют ключевую роль в принятии процессуального решения властным субъектом.

В чем же заключается уникальность указанных лиц в обеспечении состязательности и равенства сторон на стадии предварительного расследования?

Этим вопросом в теории уголовного процесса традиционно задавались ученые процессуалисты с XIX в., пристальному вниманию подвергалось возможность использования специальных знаний в ходе осуществления уголовного судопроизводства.

С принятием Устава уголовного судопроизводства 1861 года соответствующие проблемы рассматривались в трудах таких ученых, как Я. И. Баршева, Л. Е. Владимирова, М. В. Духовской, К. К. Арсеньева, Н. А. Буцковского, Е. М. Кулишера, К. А. Мальчевского, И. В. Михайловского, Н. Н. Розина, И. Я. Фойницкого, А. К. Фон-Резона, А. П. Чебышев-Дмитриева, К. Я. Чихачева и др.

После Октябрьской революции 1917 г. и принятием первых кодифицированных уголовно процессуальных законов были внесены соответствующие изменения в институт использования специальных знаний. Вопросы совер-

шенствования процедуры привлечения сведущих лиц, оказывающих содействие правосудию в уголовном судопроизводстве, нашли отражение в работах выдающихся отечественных процессуалистов и криминалистов С. А. Голунского, В. Я. Лившица, М. С. Строговича, М. Н. Андреева, В. Бабичева, А. Я. Вышинского, А. Галкина, Н. В. Крыленко, Н. Нехамкина, Н. Н. Полянского, и др. Со второй половины XX века отдельные вопросы использования специальных знаний сведущих лиц в раскрытии и расследовании преступлений рамках диссертационных исследований изучали В. М. Вальдман (1966), И. Ф. Крылов (1966), А. Я. Палиашвили (1968), И. Л. Корнеева (1970), А. М. Макаров (1979), С. М. Кульчицкий (1980), В. И. Шиканов (1980), С. А. Шейфер (1981), Т. П. Андрианова (1989), В. Н. Махов (1993), В. П. Зезьянов (1994), С. В. Матусинский (1994), А. М. Дьячков (1996), С. И. Зернов (1997), О. В. Евстигнеева (1998), А. А. Сидоров (2000). Кроме того вопросам использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве, формированию на их основе доказательств, также был посвящен ряд монографий, подготовленных Р. Д. Рахуновым (1953), М. А. Чельцовым и Н. В. Чельцовой (1954), В. А. Притузовой (1959), А. А. Эйсман (1967), А. Р. Шляховым (1972), С. А. Шейфером (1972, 1998), И. Н. Сорокотягиным (1984), В. Д. Арсеньевым и В. Г. Заболоцким (1986) и др. Отдельные вопросы привлечения сведущих лиц, назначения и производства судебных экспертиз в этот период освещались в работах Р. С. Белкина, В. П. Божьева, Е. И. Зуева, Е. П. Ищенко, Ю. Г. Корухова, С. В. Курyleва, В. К. Лисиченко и В. В. Циркаля, П. А. Лупинской, Т. М. Махова, А. И. Миронова, Ю. К. Орлова, И. Л. Петрухина, Е. В. Селиной, В. А. Серова, В. Т. Томина и др.

Актуальным проблемам использования специальных знаний на различных стадиях уголовного процесса, формированию доказательств на основе данных знаний, анализу действующего процессуального законодательства, изучению зарубежного опыта, систематизации имеющихся знаний и судебной следственной практики, посвящены также монографические исследования Е. Р. Россинской (М., 2005), Т. В. Аверьяновой (М., 2006), И. И. Трапезниковой (Челябинск, 2006), Е. А. Зайцевой (М., 2006), Л. В. Винницкого (М., 2009), С. А. Шейфера (2009), С. В. Тетюева (М., 2009), Л. М. Исаевой (М., 2009), И. В. Буркова (М., 2010), С. М. Гарисова и Е. А. Зайцевой (Волгоград, 2010), А. М. Зинина (М., 2011), Е. П. Гришиной (М., 2012, М., 2015, М., 2016), Е. А. Зайцевой и А. И. Садовского (Волгоград, 2013), А. А. Тарасова (Уфа, 2014), Д. В. Зотова (Воронеж, 2015), А. В. Чарыкова и В. И. Чарыкова (Курган, 2016) и многих др.

Отдельные вопросы использования специальных знаний в уголовном процессе России рассмотрены и нами [6, 7, 8].

По сей день продолжают защищаться диссертационные исследования, посвященные вопросам использования специальных знаний в уголовном процессе. Так, к примеру, в 2017 году успешной защитой увенчалось диссертационное исследование на соискание ученой степени доктора юридических наук Ф. Г. Аминев, посвященное «Судебно-экспертная деятельность в Российской

Федерации: современные проблемы и пути их решения» [2] в рамках которой автор достаточно аргументированно выявил закономерности и осуществил построение концептуальных основ судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации, в том числе деятельности негосударственных судебно-экспертных организаций, в условиях повышения уровня состязательности судопроизводства на основе интеграции научных знаний в судебной экспертизе с целью совершенствования и повышения ее эффективности в интересах граждан и государства.

Итак, следует отметить тот факт, что законодатель в момент принятия УПК РФ в 2001 году не рассматривал заключение и показание специалиста как самостоятельный вид доказательств. Правоприменители руководствовались лишь заключением и показанием эксперта вплоть до 2003 года. Исторически «возникновение экспертизы связывают с глубокой модернизацией уголовного процесса, произведенной в свое время инквизиционным (розыскным) уголовным процессом» [17, с. 277]. В данной связи Л. В. Головкич отмечает, что «доказывание стало восприниматься как объективная деятельность по наиболее полному установлению всех обстоятельств дела ... Экспертиза, всегда отражая новейшие научные достижения, перманентно развивается и с содержательной точки зрения трансформируется, что приводит к появлению новейших видов экспертиз и т.д.» [5]. Действительно, заключение эксперта, подготовленное в соответствии с требованиями ст. 204 УПК РФ является достаточно «весомым» доказательством, позволяющим раскрыть такие обстоятельства дела, которые невозможно добыть другим способом.

Правом привлечения судебного эксперта наделено лицо, проводящее предварительное расследование путем вынесения соответствующего постановления о назначении судебной экспертизы. Противоположной же стороне оставалось лишь право знакомиться с данным постановлением и быть уведомленным о месте проведения экспертизы, лице его проводящем и вопросах, поставленных следствием перед экспертом. Обеспечить свое право на защиту было возможно лишь путем заявления ходатайств об отводе экспертного учреждения или конкретного эксперта, исключении или корректировки того или иного поставленного перед экспертом вопроса. Аналогичное право стороны защиты сохранялось и после получения заключения эксперта, когда практически невозможно было оспорить или опровергнуть данное экспертом заключение, поскольку для проведения повторной или дополнительной экспертизы следовало вновь подать ходатайство, удовлетворение которого могло быть невыгодно стороне обвинения. Суд получив уголовное дело, в котором доводы обвинения были подкреплены заключением эксперта зачастую не ставил их под сомнение, поскольку не обладал специальными знаниями в указанной области и принимал соответствующее решение. Еще в дореволюционный период Л. Е. Владимиров считал эксперта «научным судьей» и полагал, что судья следует за экспертом, как слепой за пастухом [3, с. 197].

О необходимости обеспечения состязательности сторон в том числе на уровне применяемых в уголовном процессе специальных знаний достаточно

подробно отражено в диссертационном исследовании Е. А. Зайцевой [4]. Безусловно, необходимо было уравнивать возможности сторон, по привлечению в уголовный процесс сведущих лиц, но позволять назначать судебные экспертизы стороне защиты в планы законодателя не входило, в связи с чем было принято решение о введении в уголовный процесс нового вида доказательств – заключение и показание специалиста [9].

Эксперт и специалист являясь участниками уголовного процесса обладающими специальными знаниями, заключения и показания которых являются самостоятельными доказательствами, выполняют разные процессуальные задачи. Так, в соответствии со ст. 57 УПК РФ экспертом является лицо, обладающее специальными знаниями и назначенное в порядке, установленном УПК РФ, для производства судебной экспертизы и дачи заключения. В свою же очередь ст. 58 УПК РФ под специалистом закрепляет лицо, обладающее специальными знаниями, привлекаемое к участию в процессуальных действиях в порядке, установленном УПК РФ, для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела, для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию. Другими словами, лицо, привлекаемое в качестве специалиста обладает более широкими процессуальными полномочиями. В отличие от эксперта указано, что специалист может быть привлечен не только властными субъектами, но и сторонами, которые в свою очередь вправе задавать ему вопросы и получать на них ответы, что в процессуальной плоскости будет приравнено к доказательству в виде заключения специалиста (ч. 3 ст. 80 УПК РФ). Данное нововведение позволило несколько уравнивать возможности сторон в использовании специальных знаний сведущих лиц, но возникла другая сложность. Материальное право не содержит нормы предписывающей уголовной ответственности специалиста за дачу заведомо ложного заключения, что вновь ставит под удар доказательственное значение сведений, полученных от специалиста стороной защиты. С целью разрешения вопросов, возникающих у судов при определении приоритетности доказательственного значения заключения и показания специалиста Пленумом Верховного Суда от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» в постановлении указано, что «заключение и показания специалиста даются на основе использования специальных знаний и, также как заключение и показания эксперта в суде, являются доказательствами по делу (часть 2 статьи 74 УПК РФ)»[11]. Кроме того, уточнено, что «Для оказания помощи в оценке заключения эксперта и допросе эксперта по ходатайству стороны или по инициативе суда может привлекаться специалист. Разъяснения специалист дает в форме устных показаний или письменного заключения». Вместе с тем, Е. Р. Россинской достаточно подробно рассмотрен институт специалиста как необходимый элемент процесса, позволяющий укрепить «реальную» состязательность сторон и «способствующий объективизации процесса доказывания» в арбитражном, административном и гражданском процессах [15].

Таким образом, в доктрине уголовного процесса рекомендуют различать сведущих лиц по реализуемым в процессе расследования функциям: эксперт, проводящий экспертизу и дающий по ее результатам показания; специалист, дающий заключение и показания; специалист, привлекаемый для производства следственных действий; специалист, привлекаемый для дачи консультаций сторонам. Отдельно к лицам, обладающим специальными знаниями в области языка следует относить переводчика, но в рамках настоящего исследования его процессуальный статус, а также роль и значение для уголовного судопроизводства мы не рассматриваем.

Между тем следует отметить, что обеспечение состязательности в применении специальных знаний сторонами на стадии предварительного процесса путем вовлечения эксперта и специалиста знакомо не только российскому уголовному процессу, но признают доказательственное значение заключений и показаний специалиста далеко не во всех странах.

Так, среди изученных нами уголовных процессов, относящихся к континентальной модели в качестве самостоятельного доказательства они признаются лишь в уголовном процессе Республики Казахстан (ст. 111 УПК РК). Примечательно, что под специалистом казахстанский уголовный процесс понимает помимо лица, оказывающего содействие в собирании, исследовании и оценке доказательств также и педагога, психолога, врача, принимающих участие в производстве следственных действий. Кроме того законодатель прописал возможность привлечения в качестве специалиста для проведения исследования и дачи заключения сотрудника уполномоченного подразделения правоохранительного или специального государственного органа Республики Казахстан (ст. 80 УПК РК).

Проведенное исследование позволяет констатировать следующее:

Первое. Российский уголовный процесс базируется на конституционных принципах состязательности и равноправия сторон, но в виду особенности технического построения отечественного правосудия на стадии предварительного расследования крайне сложно обеспечить данную состязательность.

Второе. Равенство обеспечивается равными способами сбора доказательств, но учитывая специфику процессуальных полномочий сторон и практическую авторитарность властных субъектов в формировании «доказательственной базы» в процессе расследования возникает необходимость в вовлечении дополнительных лиц, оказывающих содействие правосудию и позволяющих реализовать подозреваемым и обвиняемым свое право на защиту.

Третье. Эксперт и специалист являются участниками уголовного процесса, оказывающими содействие правосудию. Причем их деятельность связана с применением специальных знаний в интересующих следствие областях, она направлена на формирование доказательственной базы, но функционально они не относятся ни к стороне защиты, ни к стороне обвинения.

Предусмотренная действующим уголовно-процессуальным законодательством России возможность сторон вовлекать в уголовный процесс сведущих лиц безусловно представляет собой «творческий и ответственный про-

цесс, от которого нередко зависит судьба расследования и разрешения уголовного дела, права и свободы конкретных людей» [16, с. 85–86] и призвано обеспечить состязательность и равноправие сторон на стадии предварительного расследования.

Список литературы:

1. Александров А. С. Диспозитивность в уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Нижний Новгород, 1995. 243 с.
2. Аминев Ф. Г. Судебно-экспертная деятельность в Российской Федерации: современные проблемы и пути их решения: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.12. Ростов-на-Дону, 2017. 482 с.
3. Владимиров Л. Е. Учение об уголовных доказательствах : Части: общ. и особен. 3-е изд., изм. и законч. Санкт-Петербург: кн. маг. «Законоведение», 1910. 400 с.
4. Зайцева Е. А. Концепция развития института судебной экспертизы в условиях состязательного уголовного судопроизводства : дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09. М., 2008. 741 с.
5. Курс уголовного процесса / А. А. Арутюнян, Л. В. Брусницын, О. Л. Васильев и др.; под ред. Л. В. Головки. М.: Статут, 2016. [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс», 2019.
6. Латыпов В. С., Салахова Ж.В. Отдельные вопросы применения специальных знаний при расследовании преступлений совершенных несовершеннолетними: монография. М.: Юрлитинформ, 2017. 336 с.
7. Латыпов В. С. Участие иностранных специалистов в судебно-экспертной деятельности России // Мир юридической науки. 2015. № 5. С. 85–89.
8. Латыпов В. С. Участие специалиста в уголовном судопроизводстве России // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2012. № 19. С. 130–134.
9. О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 04 июля 2003 г. № 92-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2003. № 27 (ч. 1). Ст. 2706.
10. О применении норм главы 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 июня 2019 г. № 19 // Российская газета. 2019. № 142.
11. О судебной экспертизе по уголовным делам: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 // Российская газета. 2010. № 296.
12. Обзор судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (статья 76.2 УК РФ): утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10 июля 2019 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://vsrf.ru/> (дата обращения: 16.07.2019).
13. По делу о проверке конституционности статьи 418 Уголовно-

процессуального кодекса РСФСР в связи с запросом Каратузского районного суда Красноярского края : постановление Конституционного Суда РФ от 28 ноября 1996 г. № 19-П // Собрание законодательства РФ. 1996. № 7. Ст. 701.

14. По жалобе гражданки Старовойтовой Ольги Васильевны на нарушение ее конституционных прав пунктом 1 части второй статьи 42, частью восьмой статьи 162 и частью второй статьи 198 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 04 ноября 2004 г. № 430-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2005. № 2.

15. Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе: монография. – 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, ИНФРА-М, 2018. 576 с.

16. Тарасов А. А. К вопросу о специальных основаниях отвода эксперта и специалиста // Актуальные проблемы судебно-экспертной деятельности в уголовном, гражданском, арбитражном процессе и по делам об административных правонарушениях: материалы V международной научно-практической конференции. Уфа, 11 ноября 2016 г. Уфа: РИЦ БашГУ, 2016. С. 81-86.

17. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. – Изд. 3-е. С.-Пб.: Типография т-ва «Общественная Польза», 1910. 560 с.

18. Шестакова С. Д. Проблемы состязательности в российском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. СПб., 1998. 184 с.

КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД К ОБУЧЕНИЮ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТОВ

Майлис Надежда Павловна,
профессор кафедры оружиеведения и трасологии
учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского
университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических
наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, г. Москва, Россия

Судебно-экспертная деятельность, исходя из статьи 2 ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (2001г.) представляет собой систему действий, которые осуществляются в процессе судопроизводства уполномоченными на то процессуальным законодательством органами и лицами и состоит в назначении, организации и производстве судебных экспертиз в целях установления обстоятельств по конкретному делу. При производстве тех или иных действий используются специальные знания, осуществляемые в нескольких формах. Основными из них, как известно, являются процессуальная и непроцессуальная. Первая из них обеспечивается судебными экспертами и специалистами, когда ими. применяются специальные знания при производстве судебной экспертизы или исследовании. Специ-

альные знания в непроцессуальной форме используют такие субъекты как следователь, суд, оперативники и дознаватели. Но установленные ими фактические данные не имеют доказательственного значения, в отличие от заключения судебного эксперта или специалиста.

Для освоения и приобретения специальных знаний экспертам необходима специальная подготовка. Такая подготовка определяется своей специфичностью и от ее качественности зависит овладение профессиональными навыками. В подготовку эксперта входит не только изучение определенной специальности, но и знания и соблюдение моральных норм, законности при взаимодействии с процессуальными субъектами.

Подготовка экспертных кадров, независимо, где она осуществляется, представляет собой особый дидактический процесс как в высшем учебном заведении или в государственном экспертном учреждении. Она отличается от преподавания других дисциплин тем, что состоит из методов, специфики организации форм обучения, включает научные основы судебной экспертизы в целом и ее отдельных направлений, особенностей в зависимости от конкретного направления, его объектов и решаемых задач. При этом преподаватель должен обладать достаточной эрудицией о возможностях смежных экспертных специальностей. Особенно это важно в настоящее время, когда судебная экспертиза развивается за счет интеграционного подхода к изучению новых объектов, появлению современных технических средств, методов и методик исследования.

Интеграция знаний в судебную экспертизу из различных наук (математики, физики, химии, биологии, естественных наук, психологии, социологии, медицины и многих других) способствует совершенствованию собственных знаний при производстве той или иной экспертизы, при разработке новых методов или усовершенствования существующих. Особое место использование интегрированных знаний занимает при производстве комплексной экспертизы, когда в ней принимают участие специалисты из разных областей знаний. Эксперты должны знать возможности каждого вида исследований, особенно при оценке всех полученных результатов. В дидактическом процессе необходимо делать на этом не только особый, но и обязательный акцент.

Комплексный подход к обучению судебных экспертов состоит и в знаниях криминалистики. Несмотря на то, что лица, получающие юридическое образование, изучают курс криминалистики, но не всегда, как показывает практика, на должном уровне изучается проведение отдельных следственных действий, в частности, осмотр места происшествия. Как известно, от того как будут обнаружены, правильно зафиксированы и изъяты все следы, имеющие отношение к преступному событию, соблюдены правила сохранения объектов, их упаковки и т.д., будет зависеть и качество проведения в последующем той или иной экспертизы. В этой связи, на наш взгляд, при преподавании конкретной экспертной дисциплины, следует в лекционном материале напоминать особенности, на которые могут не обратить внимания преподаватели, читающие лекции по криминалистике. Более того, ранее мы уже обращали внимание

на необходимость взаимодействия преподавателей, читающих лекции по криминалистике и судебной экспертизе, о выработке единых методических подходов, использования единой терминологии при описании и измерении следов, их правильной фиксации и соблюдении многих других правил. [1с.50-53].

Несмотря на то, что вопросам использования специальных знаний в судопроизводстве в литературе уделено достаточное внимание, но на практике возникает ряд сложностей при привлечении следователем, судом определенного специалиста в конкретной области знаний. Особенно актуально этот вопрос стоит в настоящее время, когда широко используются новые технологии и, соответственно, новые способы совершения преступлений. Всегда ли следователю (судье) удастся найти необходимого специалиста для консультации по сложным вопросам в области экономических преступлений, компьютерной преступности, для производства инженерно-технических экспертиз, в частности, при решении технологических задач по делам произошедших аварий на железнодорожном транспорте и т.п. Особую озабоченность вызывает последний вид исследований.

Исходя из анализа экспертной практики, повреждения на железнодорожном транспорте при сходе поезда с рельс, столкновении поездов и других обстоятельств, исследуются специалистами, имеющими техническое образование, в рамках инженерно-транспортной экспертизы, но не обладающих специальными знаниями, например, в области трасологии. Правильно описывая техническую сторону произошедшей аварии, привлекаемому, как правило, судом специалисту (частному эксперту), сложно установить механизм события в целом. Это объясняется тем, что такие специалисты не обладают в полной мере знаниями в определении механизма образования следов и повреждений, последовательности их образования, установления причинно-следственной связи и других сопутствующих обстоятельств. В результате может быть правильно установлена непосредственная причина происшествия или механизм произошедшей аварии, но отсутствует достаточная аргументация и должная обоснованность выводов, что приводит к назначению дополнительной или повторной экспертизы.

Такие же сложности имеют место у частных (негосударственных) экспертов при исследовании пломб и запорно-пломбировочных устройств (ЗПУ), когда совершаются в больших объемах хищения нефтепродуктов (газообразные, жидкие, твердые) и других природных ресурсов. Неправомерное вмешательство в отмеченные объекты осуществляется разными способами. К основным из них относятся разрушения пломб и ЗПУ, повторное навешивание, замена новыми и многие другие.

Экспертам, не специалистам в области трасологии, сложно описать повреждения на таких объектах, правильно зафиксировать их с помощью фотосъемки и оценить криминалистически значимую информацию в конкретном случае. Как показало проведенное нами интервьюирование частных экспертов, имеющих не только техническое, но в ряде случаев и юридическое образование, специальных знаний для аргументации и обоснованности выводов недо-

статочно, хотя, как и в первом описанном случае, с технической точки зрения исследования проводятся правильно и заключения принимаются судами. Эксперты при производстве инженерно-транспортных экспертиз руководствуются Межгосударственным стандартом (ГОСТ 31281-2004) «Устройства запорно-пломбировочные для транспорта и контейнеров общего и специального назначения», ФЗ «Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации», Приказами Минтранспорта о правилах пломбирования вагонов и контейнеров на железнодорожном транспорте и другими ведомственными распоряжениями. Эти нормативные документы не предусматривают описания признаков производственно-технологического и эксплуатационного характера на различных деталях транспорта, необходимых для решения экспертных задач, например, в случае схода вагона с рельсов, произошедшего в результате разукomплектованности частей и т.п. Такие задачи должны решаться в рамках трасологии, но на практике они остаются без внимания, что приводит к неполноте исследования и должного обоснования механизма произошедшего события.

На наш взгляд, в таких случаях требуется комплексный подход. Есть два пути решения. Первый состоит в том, что при проведении таких экспертиз, а они относятся к классу инженерно-технических, в частности, инженерно-транспортных экспертиз, необходимо привлекать эксперта-трасолога и решать поставленные вопросы на уровне комплексной экспертизы. Второй путь, это получить дополнительное образование по дисциплине «Трасология и трасологическая экспертиза» и желательно пройти стажировку в судебно-экспертном учреждении. Второй путь более приемлем, так как не всегда, особенно в дальних регионах страны, можно найти квалифицированного специалиста в области трасологии по исследованию рассмотренных объектов. Более того, получив дополнительное образование по другой специальности, в соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 28 г. Москва 21 декабря 2010 г. «О судебной экспертизе по уголовным делам», эксперт, если он обладает достаточными знаниями, необходимыми для комплексного исследования, вправе дать единое заключение по исследуемым им вопросам.

Отмеченные проблемы, свидетельствуют о необходимости включения в дидактический процесс по дисциплинам «Судебная экспертиза» и, в частности, в «Трасология и трасологическая экспертиза», самостоятельных тем по детальному исследованию следов и повреждений на объектах, связанных с авариями на железных дорогах, либо с хищениями природных ресурсов и с другими неординарными ситуациями, а также по исследованию пломб и ЗПУ, навешиваемых на различные вагоны, цистерны и другие промышленные агрегаты. Подобные темы, в которых будут изложены основы механизма слеодообразования, классификация следов и раздел по механоскопии, в котором изучаются обозначенные объекты, могут быть включены в дидактический процесс при изучении теоретических и методических основ инженерно-транспортной экспертизы, т.е. по основной специализации.

На комплексный подход при обучении судебных экспертов обращала внимание и Е.Р. Россинская [2, с. 76], с точки зрения ФГОС ВПО 40.50.03 «Судебная экспертиза», рассматривая в том числе и инженерно-технические экспертизы, но без выделения в них инженерно-транспортных экспертиз, в т.ч. железнодорожно-транспортных, которые, как мы отмечали, требуют в настоящее время особого внимания не только в аспекте совершенствования научных основ, но и в методическом обеспечении исследований.

Сложность заключается не только в том, что эти виды экспертных исследований не проводятся в государственных и негосударственных экспертных учреждениях, но и в том, что до настоящего времени не сформированы научные основы и достоверные методики исследования. На необходимость разработки частной теории транспортно-технических судебных экспертиз (как видим, название предложено несколько иное) обращал внимание, например, Н.Н. Ильин, утверждая, что эти экспертизы претендуют на выделение в самостоятельный класс [3, с. 177]. Такую точку зрения следует поддержать, так как поднятые автором проблемы, отвечают актуальности их разработки в научном и практическом аспектах и подтверждается несовершенной практикой проведения таких экспертиз.

Озабоченность по назначению и производству железнодорожно-транспортных экспертиз, являющихся одним из видов инженерно-транспортных экспертиз, высказывает и Исаев А.В., утверждая, что такие экспертизы выполняют работники железнодорожных учебных заведений или сотрудники НИИ железнодорожного транспорта, что может поставить под сомнение независимость эксперта. [4, с. 182].

Исходя из основных составляющих при подготовки экспертных кадров, прежде всего, учитывая, что это сложный и специфический процесс, необходимо использовать комплексный подход, подразумевая под ним, наряду с основными, использование общих знаний из других юридических дисциплин (уголовного процесса, криминалистики), естественнонаучных, медицинских, технических, психологических, химических, биологических и других. Эксперт, будучи достаточно эрудированной личностью, сможет решать ставящиеся перед ним задачи на высоком профессиональном уровне.

Список литературы :

1. Майлис Н.П. О совершенствовании профессиональной подготовки судебных экспертов. //Научно-практический жур. «Теория и практика судебной экспертизы». М., 2018; 13 (2).
2. Судебно-экспертная деятельность: правовое, теоретическое и организационное обеспечение». Учебник для аспирантуры. Под редакцией д.ю.н. проф. Е.Р. Россинской и д.ю.н., д.ф.н., проф. Е.И. Галяшиной. Изд. «НОРМА ИНФРА-М. М. 2017.
3. Ильин Н.Н. К вопросу о понятии частной теории транспортно-технических экспертиз. Материалы VII международной научно-практической конференции «Теория и практика судебной экспертизы в современных усло-

виях». Московский государственный университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА) 17-18 января 2019.

4. Исаев А.В. Железнодорожно-транспортные экспертизы в судопроизводстве РФ, стран СНГ и ЕС. Материалы VII международной научно-практической конференции «Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях». Московский государственный университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА) 17-18 января 2019.

ПЛЮСЫ И МИНУСЫ ВСЕОБЩЕЙ ГЕНОМНОЙ РЕГИСТРАЦИИ

Майорова Елена Ивановна,
главный государственный эксперт ФБУ «Российского федерального центра судебных экспертиз при Министерстве юстиции РФ»,
доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

Наличие базы данных геномной информации россиян призвано обеспечить реализацию основного механизма функционирования информационной поисковой системы, приводящего непосредственно к идентификации личности. Эти сведения незаменимы при розыске лиц, пропавших без вести, опознания жертв преступлений, аварий, техногенных катастроф, неопознанных трупов, установления личности живых лиц, по состоянию здоровья неспособных сообщить о себе, и т. д. Кроме того, исследование генома перспективно для выявления и предупреждения наследственных заболеваний, определения потенциальных возможностей в науке, спорте и пр. С точки зрения расследования преступлений ДНК-анализ обещает даже больше, чем дактилоскопия.

Однако имеются и разнообразные риски. ДНК легко переносится с одного объекта на другой: человек пожал руку знакомому, а тот оставил его ДНК на предмете-носителе. Это заставляет считать наличие ДНК лишь одной из улики, а не вершиной доказательственной базы. Преступники научились не оставлять дактилоследы на месте преступления - имеются способы избежать этого и в отношении ДНК. В то же время возникают сомнения в целесообразности формирования базы геномной информации, поскольку к 2025 году планируется обеспечение всех жителей генетическими паспортами, содержащими практически те же сведения. Опасения относительно применения биологического оружия против россиян неосновательны, поскольку мы имеем общечеловеческий геном. Зато может быть нарушена неприкосновенность частной жизни, конфиденциальность личной и семейной тайны, гарантированные Конституцией РФ. В любом случае вряд ли оправдано относить генетическую информацию к персональным данным.

Таким образом, осуществление на законодательном уровне обязательной геномной регистрации свидетельствует не столько об использовании ее

данных в прикладных целях, сколько об усилении контроля государства и управления населением.

С 2016 года в соответствующих кругах ведутся дискуссии о необходимости принятия новой редакции федерального закона о всеобщей геномной регистрации граждан. Принятый более десяти лет назад закон «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» от 3 декабря 2008 г. № 242-ФЗ (в ред. 17 декабря 2009 г. № 313-ФЗ) – (далее – Закон) ввел понятие геномной информации как кодированной информации «об определённых фрагментах ДНК физического лица или неопознанного трупа, не характеризующих их физиологические особенности», а также установил правовые основы превентивного получения, хранения и использования для идентификации личности человека геномной информации отдельных категорий граждан Российской Федерации, иностранных граждан и лиц без гражданства в целях повышения эффективности борьбы с преступностью». Приказ ФСБ России от 16 декабря 2016 № 771 в самом своем названии определил сферы деятельности: «Об утверждении Порядка получения, учета, хранения, классификации, использования, выдачи и уничтожения биометрических персональных данных об особенностях строения папиллярных узоров пальцев и (или) ладоней рук человека, позволяющих установить его личность, получения биологического материала и осуществления обработки геномной информации в рамках осуществления пограничного контроля». В соответствии с приведенными нормативными актами в Российской Федерации создана Федеральная база данных геномной информации (ФБДГИ), предназначенная для идентификации лиц, подозреваемых в совершении преступления.

В настоящее время обязательному учету в органах МВД подвергаются лица, осужденные и отбывающие наказание за совершение тяжких или особо тяжких преступлений, всех категорий преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности, а также, неустановленные лица, биологический материал которых изъят в ходе следственных действий, и неопознанные трупы.

Однако Закон не решил и вряд ли мог сразу решить все проблемы правового обеспечения геномной регистрации, а лишь установил базовые, фундаментальные положения, для реализации которых потребовалось разработать и утвердить определенное количество нормативно-правовых документов.

Российская Федерация – не первая страна, в которой осуществляется государственная геномная регистрация. В Европе данная процедура проводится с конца прошлого века: в 1995 году в Англии была учреждена национальная база ДНК, затем с 1997 года в Австрии, Бельгии, Германии и других европейских странах началась работа по формированию соответствующих информационных массивов данных для идентификации личности человека. База данных США CODIS (Combined DNA Index System) была введена в действие в 1998 году (пилотный проект начался в 1990 году), созданы идентификационные базы в Новой Зеландии, Австралии и т. д. Генетическая информация хранится в виде генетических профилей (профилей ДНК), отображающих опреде-

ленные, исследуемые в целях криминалистической регистрации участки (локусы) ДНК конкретных лиц. Эти материалы представлены в базе данных в сигнальной форме, а также в виде буквенно-цифровых характеристик. Наличие базы данных тестированных лиц обеспечивает реализацию основного механизма функционирования информационной поисковой системы, приводящего непосредственно к идентификации личности, а также дает возможность получить массу разнообразной информации об индивидууме.

В перечисленных странах в базу генетических данных сразу попадает ДНК каждого как-либо причастного к преступлению - не только осужденных преступников, но и подозреваемых, свидетелей и др.

Другими словами, геномная регистрация - общемировая практика.

Международный опыт учитывался Россией при создании национально-го механизма сбора и анализа геномной информации и при внесении изменений в действующее законодательство.

В 2016 году МВД России по поручению Правительства РФ подготовлен законопроект, вносящий изменения в Закон «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» [3], который уточняет ее цели. Ранее подробное изложение содержания отсутствовало, что давало возможность широкой трактовки предназначения данной процедуры, а также порождало сомнения в достаточности обеспечения защиты прав и свобод человека и гражданина при ее осуществлении. Законопроект предусматривает расширение перечня лиц, подлежащих обязательной государственной геномной регистрации в целях максимального увеличения массива ФБДГИ. Это осужденные и отбывающие наказание за совершение преступлений, а также ранее отбывшие наказание за совершение тяжких или особо тяжких преступлений, но не прошедшие обязательную государственную геномную регистрацию, и лица, подозреваемые в совершении преступления, обвиняемые в совершении преступления, подвергшиеся административному аресту. Законопроектом уточнены основания для проведения обязательной государственной геномной регистрации указанных категорий лиц, а также возможности принудительного получения для нее биологического материала.

Основная масса правонарушений имеет рецидивный характер, и геномная регистрация призвана способствовать их предотвращению. Однако целью этой процедуры является не только содействие в раскрытии преступлений, но и такие важные вопросы, как розыск лиц пропавших без вести, опознание жертв преступлений, аварий, техногенных катастроф, неопознанных трупов, установления личности живых лиц, по состоянию здоровья неспособных сообщить о себе, и т. д.

Вопрос о правомерности хранения ДНК-данных невиновных людей не нашел однозначного решения за рубежом. В 2005 году в Великобритании был принят закон, разрешивший хранить в Национальной базе данные о генетических признаках невиновных граждан. Это вызвало множество протестов со стороны правозащитных организаций; в результате в 2013 году из базы было удалено более 1,7 миллиона образцов ДНК [2].

Круг лиц, охваченных процедурой ДНК-регистрацией, рассматриваемым законопроектом существенно расширяется и стремится к всеобщности. Вносятся предложения ввести обязательную геномную регистрацию для иностранных граждан как необходимое условие осуществления трудовой деятельности на территории РФ [4]. Причем это должно касаться не только трудовых мигрантов из республик бывшего СССР, но и экспатриантов из Европы.

Проект Закона внесен около трех лет назад, тем не менее, документ до настоящего времени не принят. Причин этому несколько. Правозащитники протестуют и высказывают опасения в недостаточном обеспечении защиты прав и свобод человека и гражданина при обработке его персональных данных, в том числе защиты прав на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну и др. (ст.ст.21, 23, 24 Конституции РФ). Но этими соображениями обычно пренебрегают. К тому же в Российском центре судебно-медицинской экспертизы весьма оптимистично считают, что Закон о геномной регистрации предусматривает использование только так называемой «нейтральной генетической информации», которая не имеет какого-либо отношения к другим жизненным функциям и признакам конкретного человека [2]. Ведь указано, что «биологический материал, полученный при проведении геномной регистрации, должен использоваться только для целей, предусмотренных Федеральным законом и в порядке, установленном законодательством Российской Федерации». В соответствии со ст. 7 Закона «операторы и иные лица, получившие доступ к персональным данным, обязаны не раскрывать третьим лицам и не распространять персональные данные без согласия субъекта персональных данных, если иное не предусмотрено федеральным законом». Это четко обозначает и сферу разрешенного использования генетической информации, вносимой в базу данных, от иных возможных, но не регламентированных законом, способов ее использования. Как известно, российские законы хороши, только правоприменение пока несовершенно. Трудно рассчитывать на то, что конфиденциальность генетической информации будет соблюдена. Это может повлечь множество негативных последствий. Например, престижные учебные заведения, зная о возможных наследственных заболеваниях, отклонениях абитуриента, могут отказать в приеме. Работодатели предпочтут не иметь дела с сотрудником, несущим груз наследственных мутаций; уже сейчас звучат предложения «проводить отбор на госслужбу, базируясь на генной информации граждан». Брак носителя ущербного гена будет проблематичен из-за возможности заболевания потомства.

Геномная информация позволяет определить расовую принадлежность человека, узнать, какие национальности и в каком процентном соотношении оставили след в его геноме, установить возможных родственников во втором, третьем и более колене. Еще в середине прошлого века подобная ситуация была воспроизведена в романе известного американского писателя Синклера Льюиса «Кингсблад, потомок королей». В нем респектабельный белокурый герой подвергся жестокой расовой дискриминации, когда стало известно, что один из его дальних предков был чернокожим.

Нельзя также не согласиться с авторами статьи «К вопросу о безопасности геномной информации», полагающими, что генетическую информацию субъекта некорректно относить только к его персональным данным, как это определено в Законе «О персональных данных», так как информация в определенной мере относится и к его родственникам, круг которых, по объективным причинам, не может быть ограничен или определен каким-либо известным способом. Очевидно, что обладателем данной информации является не только само лицо, предоставившее ДНК, но и неопределенный круг лиц - его генетические родственники, как предки, так и потомки, и, следовательно, разрешение на ее распространение не должно определяться только волеизъявлением конкретного лица [1].

Представители МВД утверждают, что никакая персональная информация о заболеваниях, национальности и т. д. при расследовании преступлений не будет использоваться. Даже если принять это утверждение на веру, внушает тревогу тот факт, что она будет аккумулирована на определенном носителе и при необходимости востребована. Правовая регламентация по всем этим существенным позициям пока отсутствует. Кроме того, оптимистичным заявлениям о строгости доступа к сведениям о персональной генетической информации противоречит возможность легкого приобретения любой существующей в настоящее время засекреченной базы данных.

РПЦ со своей стороны выдвигает ряд возражений против ДНК-регистрации, связанных с биоэтическими аспектами процедуры. Но поскольку РПЦ воспринимается обществом как некий проводник государственной политики и всегда проявляет определенную гибкость в отношении позиции власти, ее колебания легко преодолимы.

Для сомнений в законности и целесообразности ДНК-регистрации имеются основания иного рода.

С принятием Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части проведения государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации» от 31.12.2017 № 498-ФЗ (последняя редакция) в стране осуществляется всеобщая добровольная дактилоскопическая регистрация граждан. Перечень лиц, отпечатки пальцев которых должны быть занесены в дактилоскопические базы данных, расширяется регулярно. Так, закон о дактилоскопии, принятый более 20 лет назад, за время своего существования выдержал 19 официальных расширительных редакций и претерпел 35 изменений, причем большая часть из них представляла собой дополнение списка лиц, подлежащих обязательной дактилоскопии. Многие ученые-криминалисты обосновано считают, что обязательная дактилоскопия является не полицейской мерой, дискриминирующей то или иное лицо, а средством, направленным на обеспечение и поддержание безопасности в обществе.

По мнению специалистов МВД РФ, дактилоскопия по эффективности не может сравниться с геномной экспертизой. Обосновывается это суждение тем, что часто преступные элементы работают в перчатках и на месте преступ-

ления отпечатков не остается. Но если следовать их логике, преступники могут научиться не стричь ногти, не причесываться, не плевать на месте события и заботиться о герметичности одежды при совершении преступного деяния. А при отсутствии генетического материала база ДНК-данных окажется ненужной.

11 марта 2019 года Президент подписал указ № 97 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в области обеспечения химической и биологической безопасности на период до 2025 года и дальнейшую перспективу». В Указе наряду с обозначенными направлениями рассматриваются вопросы генетической паспортизации и составлении генетического профиля населения (п. 8 ч. III). В России к 2025 году планируется обеспечение всех жителей генетическими паспортами¹. Генетический паспорт - общемировой тренд. Документ, удостоверяющий личность, будет содержать маркеры, свидетельствующие об этническом происхождении, о наследственных недугах, о предрасположенности к заболеваниям конкретного типа, о потенциальных возможностях спортивных успехов и пр.

В Указе декларируется, что наличие генетического паспорта станет защитой россиян от химических и биологических угроз. То есть, паспорт необходим, если против России будет создано генетически нацеленное биологическое оружие. Но поскольку никаких уникальных генов или их сочетаний у россиян не имеется – их геном не отличается от европейского или американского, - применение подобного оружия относится к области фантастики.

Более реально с использованием генетического паспорта решать множество задач: от идентификации личности в целях поиска преступника, опознания погибших после катастроф и аварий, установления родства в спорных случаях до прогнозирования риска появления тяжелых заболеваний и развития технологий скрининга генофонда человека. Данные паспорта могут использоваться для профориентации с целью выявления талантов и спортивных способностей.

Целесообразно ли в данных условиях принятие законопроекта и не будет ли создание ДНК-базы дублированием сведений, занесенных в генетический паспорт?

Осенью 2017 г. министр здравоохранения РФ в интервью газете «Известия» выразила надежду, что закон о донорстве органов человека и их трансплантации будет внесен в Госдуму РФ и может быть рассмотрен в первом чтении. Министр отметила, что закон, который готовился пять лет, позволит «создать прозрачную базу людей, нуждающихся в трансплантации органов, и волеизъявлений на донорство. Вопрос получения согласия человека на донор-

¹Понятие "генетический паспорт" ввели в научный оборот в 2000 году ученые из лаборатории пренатальной диагностики наследственных и врожденных заболеваний НИИ акушерства, гинекологии и репродуктологии имени Д. О. Отта (Санкт-Петербург) в книге о предиктивной, то есть предсказательной медицине

ство органов в России может ставиться при получении паспорта или других официальных документов» [5]. При этом умолчание о посмертном изъятии органов рассматривается как согласие.

Таким образом, просматривается достаточно тревожная тенденция, которая обозначается в народе как «забор и пересадка органов». С введением обязательной ДНК-регистрации база для выбора донора будет сформирована.

В настоящее время процедура геномной регистрации передана из учреждений судебно-медицинской экспертизы в МВД и включена в арсенал методов расследования. Тем не менее, имеют место определенные сомнения со стороны специалистов в абсолютности метода генетической идентификации. ДНК легко переносится с одного объекта на другой. Например, один человек пожал руку другому, а тот перенес его ДНК на предмет-носитель. Таким образом, геномные следы следует считать лишь одной из улики, а не вершиной доказательственной базы. Но следователи, не имеющие медицинской или биологической подготовки, должны будут ориентироваться на заключение судебно-медицинского эксперта, который не уполномочен давать юридическую оценку установленным фактам. Следственные работники, которых убедили в непогрешимости результатов генетического анализа и которые, как правило, читают только выводы экспертизы, вряд ли будут разбираться в тонкостях.

Скорее всего, законодатель осведомлен о доводах против принятия закона «О государственной геномной регистрации», но не считает нужным их учитывать. По-видимому, законопроект не принят до сих пор в связи с необходимостью поиска дополнительных бюджетных ресурсов на его реализацию. Однако средства наверняка будут изысканы – российское государство, как и любое другое, заинтересовано в тотальном контроле и управлении народонаселением.

Список литературы:

1. Владимиров В.Ю., Горбулинская И.Н., Кубитович С.Н «К вопросу о безопасности геномной информации»// Биосфера. Т.10. № 1. 2018. С. 42-47.
2. Геномная регистрация: за и против. Гость студии П. Иванов, заместитель директора Российского центра судебно-медицинской экспертизы, руководитель отдела молекулярно-генетических исследований, доктор биологических наук. URL://echo. msk. ru/programs/razvorot/52037.
- 3.Проект Федерального закона о внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ по вопросам государственной геномной регистрации//[https://www. oprf.ru/files/1_2016dok/proektFZ_genom_ registrac26052016.pdf](https://www.oprf.ru/files/1_2016dok/proektFZ_genom_registrac26052016.pdf)
4. Слепак В. Поможет ли геномная регистрация в ситуации роста преступности среди мигрантов? <https://oprf.ru/ru/press /anno/newsitem/34490?PHPSESSID=21199ngevv6he4amir2e2827f0>.
5. <https://sn.ria.ru/20171030/1507786331.html>

РОЛЬ СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКОЙ СЛУЖБЫ В РАЗВИТИИ СИСТЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

Г. Вугар Мамедов,

Исполнительный вице-президент Всемирной Ассоциации
медицинского права, профессор кафедры судебной медицины
и медицинского права Азербайджанского медицинского университета,
профессор юридического факультета Бакинского
государственного университета, доктор медицинских наук,
доктор юридических наук, г. Баку, Азербайджан

ROLE OF FORENSIC MEDICAL SERVICE IN DEVELOPMENT OF PUB- LIC HEALTH SYSTEM

Prof. Dr. Vugar G. Mammadov, MD, JD, FCLM

Executive Vice-President, World Association for Medical Law

Professor of Forensic Medicine and Medical Law

Azerbaijan Medical University and Law School, Baku State
University, Baku

Forensic medical service nowadays is an important tool of law enforcement agencies. Its emergence is historically connected with need of use of medical knowledge for requirements of justice, especially at investigation of various crimes directed against human health and life. However, in our view its work can considerably impact development of public health care system too.

Comprehensive work of the forensic medical service can help public health system in issues relating to increase the level of treatment and prevention works, therefore promoting reduction of mortality and morbidity. Analyzing cases of sudden death, transport traumatism, household and industrial poisonings forensic medical service draws conclusions, which can help to improve health care system. Developing tools and strategies for elimination of reasons leading to death or injury is an important component of public health system that can be enhanced by statistical data of forensic medical service. It is common fact that, for example, reasons of sudden death during medical intervention (or absence of medical aid) can be concluded only with help of forensic medical service. Thus, results of forensic medical examination can reveal professional medical mistakes.

The main areas of public health system, where forensic medical service is important:

- 1) revealing professional medical errors;
- 2) analysis of cases of infectious diseases and their spreading that has the primary importance for public health system;
- 3) studying of cases of poisoning;
- 4) examination of all cases of traumatism, accidents, suicides.

In order to ensure operative and effective implementation of abovementioned work tight cooperation between health care bodies and forensic medical service is needed. Thus, we consider that there are 3 main factors, which are significant in this regard:

1. Establishment of close collaboration and information exchange between public health authorities and forensic medical service.

2. Creation of structural division on statistics within forensic--medical service.

3. Work on legislative initiatives and elaboration recommendations to develop health law of the country.

Implementation of these 3 conditions in our opinion is important for promotion of progressive development of modern public health system

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРИНЦИПЫ ПРИМЕНЕНИЯ НОВЫХ МЕДИЦИНСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ В ГЕНЕТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ И ГЕНОТЕРАПИИ

Масалимова Альбина Алмазовна,
доцент кафедры гражданского права Института права БашГУ,
кандидат юридических наук,

Султанова Регина Илдаровна,
биолог ГБУЗ «Республиканский медико-генетический центр»,

Алия Фанильевна Ахметгалеева,
биолог ГБУЗ «Республиканский медико-генетический центр»,
ФГБОУ ВО «Башкирский государственный медицинский
университет МЗ»

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ МК № 18-29-14083.

Достижения в области геномной медицины имеют общемировое значение, именно поэтому, определение общих международных принципов применения новых медицинских технологий в генетических исследованиях и генотерапии является основной задачей мирового сообщества.

Попытка выработать единый подход к правовому регулированию новых медицинских технологий была предпринята Советом Европы. Так 11 ноября 1997 года принята Конвенция о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины [1], известная как Конвенция Овьедо. Она закрепила основные принципы и ограничения в отношении новых медицинских технологий, в том числе в сфере вмешательства в геном человека.

Следует отметить, что в российском законодательстве реализована большая часть принципов, закрепленных в Конвенции. К таковым можно отнести возможность медицинского вмешательства только после получения письменного добровольного информированного согласия пациента, равная доступность медицинской помощи для всех, оказание медицинской помощи в соответствии со стандартами и некоторые другие.

Особое значение имеют ограничительные принципы касающихся проведения генетических исследований и генотерапии.

Во-первых, в статье 11 Конвенции закреплён принцип запрета любой формы дискриминации в отношении лица по признаку его генетического наследия. Определение генома человека, проведение генетических исследований сопряжено с риском последующего средством отбора и дискриминации человека, что недопустимо.

Во-вторых, согласно статье 12 Конвенции, особое значение имеет принцип ограничивающий проведение прогностических тестов на наличие генетического заболевания или генетической предрасположенности к тому или иному заболеванию. Такие действия возможны только в медицинских целях или в целях медицинской науки и при условии надлежащей консультации специалиста-генетика. Цель закрепления такого ограничения – минимизация злоупотреблений со стороны других субъектов, например, работодателя, так и страховых организаций.

В-третьих, согласно статье 13 Конвенции, допускается вмешательство в геном человека, для его дальнейшей модификации, только в профилактических, диагностических или терапевтических целях и при условии, что геном наследников данного человека не будет изменен. Такое ограничение направлено на защиту всего человеческого рода.

В-четвертых, статьей 14 Конвенции закреплён принцип недопустимости использования вспомогательных медицинских технологий деторождения в целях выбора пола будущего ребенка. Исключения составляют случаи, когда это делается для предотвращения наследования будущим ребенком заболевания, связанного с полом. В основе данного ограничения – исключение возможной искусственной диспропорции по полу в структуре населения стран.

На сегодняшний день Конвенция Овьедо, дополнена рядом протоколов и является юридически обязательным для участников международно-правовым актом, регулирующим вопросы проведения генетических исследований. Так можно отметить дополнительный протокол о запрещении клонирования человеческих существ от 1998 г., дополнительный протокол, касающийся трансплантации органов и тканей человека от 2002 г., дополнительный протокол, касающийся биомедицинских исследований от 2005 г. и дополнительный протокол, касающийся генетического тестирования для целей здравоохранения от 2008 г.

Заметим, что в последнем протоколе подтверждаются фундаментальные принципы уважения человеческого достоинства и запрета дискриминации по признаку генетических характеристик и указывается на принятие всех не-

обходимых мер для защиты человеческого достоинства и основных прав и свобод личности в связи с генетическим тестированием в медицинских целях [2].

Однако при всей значимости данной Конвенции, она имеет ограниченное по территории применение. Ее ратифицировали только 29 из 47 государств - членов Совета Европы, при этом такие ведущие державы, как Австрия, Бельгия, Великобритания, Германия, Россия, даже не подписали ее [3].

Помимо Конвенции Овьедо, в международном праве существует целый ряд документов, направленных на регулирование применения новых медицинских технологий в генетических исследованиях и генотерапии, а также этической составляющей в области генетики.

Международная декларация ООН о генетических данных человека утверждённая 16 октября 2003 г., в связи с развитием науки о генетических особенностях человека и расшифровкой ДНК человека, закрепила отдельные требования к генодиагностике и генотерапии [4]. Особо подчеркивается необходимость особого режима конфиденциальности в отношении генетических данных, с целью исключения воздействия на человека, а также его потомков, популяции в целом.

Чуть позже, в октябре 2005 г., путем аккламации была принята Всеобщая декларация о биоэтике и правах человека [5]. Исходя из положений статьи 4 Декларации, в процессе применения и развития научных знаний, медицинской практики и связанных с ними технологий следует добиваться получения максимальных прямых и косвенных благ для пациентов, участников исследований и других затрагиваемых лиц и сводить к минимуму любой возможный для них вред. При этом согласно статье 16, следует уделять должное внимание «воздействию наук о жизни на будущие поколения, в том числе на их генетические характеристики». С этой целью необходимо предпринимать на законодательном уровне все возможные меры.

Также стоит отметить Декларацию ООН о клонировании человека, которая была утверждена 8 марта 2005 г. [6]. Данная декларация запрещает репродуктивное клонирование человека (создание человеческой особи).

Можно отметить и иные документы, регулирующие применение новых медицинских технологий в генетических исследованиях и генотерапии, а также этические вопросы в области генетики. К их числу можно отнести Заявление о генетическом консультировании и геной инженерии (Всемирная медицинская ассоциация, 1987); Международное руководство по этическим проблемам медицинской генетики и генетических служб (ВОЗ, 1997); Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека (ЮНЕСКО, 1997); Руководящие принципы осуществления Всеобщей декларации о геноме человека и правах человека (резолюция ЮНЕСКО, 1999); Генетическая конфиденциальность и недискриминация (резолюция Экономического и социального совета ООН, 2001); Международная декларация о генетических данных человека (ЮНЕСКО, 2003).

Одним из последних документов в области проведения генетических манипуляций в отношении человека является Рекомендация 2115 Парламентской ассамблеи Совета Европы, принятая 12 октября 2017 г., - «Использование новых технологий геной инженерии на людях» [7], в которой указывается на опасение возможности редактирования эмбриональной (зародышевой) линии у людей, последствия которого сегодня предсказать практически невозможно.

Подводя итог вышеизложенному, следует сказать, что действующие в Российской Федерации нормативные акты не учитывают всех особенностей геной терапии и не принимают во внимание возможные неблагоприятные последствия, применения этих методов. Соответственно, имплементация в российское законодательство положений Конвенции Овьедо, как основного международного документа, устанавливающего принципы применения новых медицинских технологий, касающихся геном человека, может послужить основой для дальнейшего совершенствования действующей нормативной базы.

Список литературы:

1. Конвенция о защите прав человека и человеческого достоинства в связи с применением достижений биологии и медицины: Конвенция о правах человека и биомедицине (ETS N 164): заключена в г. Овьедо 04.04.1997. URL: <https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/rms/090000168007d004> (дата обращения: 19.09.2019).
2. Дополнительный протокол к Конвенции о правах человека и биомедицине, касающийся генетического тестирования в медицинских целях 2008 г. URL: <https://rm.coe.int/cets-203-/16808b1c36>.
3. Таблица подписей и ратификаций Комитета по биоэтике CE. URL: <https://rm.coe.int/inf-2017-7-rev-etat-sign-ratif-reserves/168077dd22>.
4. Международная декларация ООН о генетических данных человека. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/genome_dec.shtml (дата обращения: 19.09.2019).
5. Всеобщая декларация о биоэтике и правах человека. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/bioethics_and_hr.shtml (дата обращения: 19.09.2019).
6. Декларация ООН о клонировании человека. URL: http://www.un.org/russian/documen/declarat/decl_clon.pdf (дата обращения: 19.09.2019).
7. Recommendation 2115 (2017) Provisional version ‘The use of new genetic technologies in human beings’ <http://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-XML2HTML-EN.asp?fileid=24228&lang=en>

ДНК-ПРОФИЛЬ, КАК ЭЛЕМЕНТ ПЕРСОНАЛЬНЫХ БИОМЕТРИЧЕСКИХ ДАННЫХ

Надоненко Ольга Николаевна,
доцент кафедры криминалистики Екатеринбургского филиала
ФГКОУ ВО «Московская Академия Следственного комитета
Российской Федерации», кандидат юридических наук, доцент
г. Екатеринбург, Россия

ДНК – дезоксирибонуклеиновая кислота. В современном обществе, наверное, не найдется ни одного человека, кто бы ни слышал о ней. Как химическое вещество ДНК была открыта Иоганном Фридрихом Мишером в 1869 году. Дальнейшее изучение этого вещества позволило установить его значение в передаче генетической информации. В 1953 году была осуществлена расшифровка структуры ДНК, а в 1984 году британским генетиком Алемом Джеффрисом была установлена уникальность последовательности ДНК конкретного человека (за исключением однояйцевых близнецов). С тех пор уникальность ДНК активно используется в областях весьма далеких от биологии, в том числе и в сфере судопроизводства по гражданским, уголовным делам для идентификации людей. С этой целью выделяют, анализируют ДНК-профиль и впоследствии хранят и используют, как в виде заключений экспертов, содержащих сведения о ДНК исследованных биологических объектов и конкретных людей, так и в системе различных национальных и международных баз ДНК.

Осознание значимости ДНК и перспектив использования данных о ее структуре привело к появлению ряда весьма значимых документов, среди которых «Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека» [1], принятая Генеральной конференцией Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры 11 ноября 1997 года, «Международная декларация о генетических данных человека» [2], принятая Генеральной конференцией ЮНЕСКО по докладу Комиссии III на 20-м пленарном заседании 16 октября 2003 года, «Всеобщая декларация о биоэтике и правах человека» [3], принятая Генеральной конференцией ЮНЕСКО по докладу Комиссии III на 18-м пленарном заседании 19 октября 2005г.

И уже в первом из перечисленных документов в ст. 7 было закреплено положение о том, что «конфиденциальность генетических данных, которые касаются человека, чья личность может быть установлена, и которые хранятся или подвергаются обработке в научных или любых других целях, должна охраняться в соответствии с законом» [1]. Международная декларация о генетических данных человека [2] конкретизировала положение, связанное со сбором биологических образцов. Так, статья 12 данного документа предусматривает, что «при сборе генетических данных человека или протеомных данных человека в судебно-медицинских целях или в рамках судопроизводства по гражданским, уголовным или иным делам, в том числе тестирования на пред-

мет установления отцовства/материнства, взятие биологических образцов in vivo или post mortem следует осуществлять только согласно внутреннему праву, соответствующему международному праву в области прав человека». Последующие положения данного документа, затрагивающие вопросы обработки, использования и хранения данных также подчеркивают необходимость выполнения их в строгом соответствии с внутренним правом.

В Российской Федерации гарантом соблюдения прав человека в первую очередь является Конституция РФ. Право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну закреплено в ней статьей № 23. Кроме этого рассматриваемые сведения, а именно данные о ДНК конкретного человека, на федеральном уровне охраняются, например, Федеральным законом от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» [4] и Федеральным законом от 03.12.2008 № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» [5].

В части второй ФЗ «О персональных данных» определены отношения, на которые не распространяется действие данного закона. В этом перечне отсутствуют отношения, возникающие при осуществлении правосудия. Следовательно, порядок получения, использования, хранения и уничтожения персональных данных человека в виде ДНК-профиля должно осуществляться в соответствии с данным законом. Согласно части первой статьи 11 рассматриваемого закона ДНК-профиль относится к биометрическим персональным данным, что подтверждает разъяснение Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по вопросам отнесения фото- и видео- изображения, дактилоскопических данных и иной информации к биометрическим персональным данным и особенности их обработки. [6]. В данном разъяснении указано, что не являются биометрическими персональными данными те сведения, которые используются оператором не для установления личности, а для иных целей, например, рентгеновские или флюорографические снимки, по которым оценивается состояние здоровья пациента. Однако если эти же снимки будут в установленном законом порядке истребованы субъектом оперативно-розыскной деятельности, органов следствия и дознания, то целью их использования для оператора становится установление личности конкретного лица, а значит, они приобретают статус биометрических персональных данных. Поскольку ДНК-профиль в рассматриваемом нами аспекте всегда используется оператором для идентификации лица, то его нельзя рассматривать никак иначе, чем биометрические персональные данные.

Согласно части второй ст.11 ФЗ «О персональных данных» обработка сведений о ДНК-профиле может осуществляться без согласия субъекта персональных данных. Хотелось бы, что бы это было закреплено в данном разделе напрямую, как это сделано в отношении проведения обязательной государственной дактилоскопической регистрации. В связи с этим считаем необходимым дополнить данную норму фразой «в связи с проведением обязательной

государственной дактилоскопической и геномной регистрации» (выделено автором).

Порядок же получения, учета, хранения, использования, передачи и уничтожения геномной информации закреплён в ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации». Согласно этому закону целью государственной геномной регистрации является идентификация личности человека (ст.2).

Получение геномной информации осуществляется учреждениями судебно-медицинской экспертизы, входящими в государственную систему здравоохранения, и подразделениями органов внутренних дел Российской Федерации, к компетенции которых относится указанный вид деятельности (ст.14).

Учет, хранение и уничтожение геномной информации ведется федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в области внутренних дел, при формировании и поддержании федеральной базы данных геномной информации (ст. 11, 12, 16).

Право на использование геномной информации имеют суды, органы предварительного следствия, органы дознания и органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность (ст. 15).

Таким образом, подразделения судебно-медицинской экспертизы, входящие в государственную систему здравоохранения, имеют право только участвовать в получении геномной информации и передаче ее правоохранительным органам. Осуществляемый же ими сбор, хранение и использование последней является незаконным, как с позиции ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации», так и ФЗ «О персональных данных» (ст.5).

Другим нарушением федерального законодательства, допускаемым как учреждениями судебно-медицинской экспертизы, так и некоторыми правоохранительными органами, является сбор, хранение и использование ДНК данных, полученных от лиц, не подлежащих обязательной геномной регистрации. Согласно ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» постановке на учет в обязательном порядке подлежат лица, осужденные и отбывающие наказание в виде лишения свободы по определенным категориям преступлений. Но определяющим в этой норме является то, что эти лица должны быть осуждены и отбывать наказание.

Следовательно, ДНК-профили ни подозреваемых, ни обвиняемых, ни проверяемых, ни свидетелей, ни потерпевших не могут и не должны накапливаться, храниться и использоваться ни в государственной базе геномной информации (ФБДГИ), ни тем более в незаконных ведомственных «учетах» или «коллекциях».

В ходе обсуждения причин создания и ведения таких накоплений геномной информации с представителями судебно-медицинских учреждений и ряда правоохранительных органов авторам были изложены, в качестве объяс-

нения, основания финансовой целесообразности этого и профилактики преступности.

По мнению оппонентов, финансовая целесообразность заключается в том, что внесение подозреваемых и обвиняемых в «учеты/коллекции» позволяет сэкономить финансы государству, так как этих людей не надо будет повторно типировать после осуждения;

Профилактика преступности же заключается в следующем: если причастность подозреваемых, вина обвиняемых в дальнейшем не будет подтверждена следствием или признана судом, то они могут быть причастны к последующим преступлениям. Они, как и проверяемые лица, и свидетели, и потерпевшие, зная, что их ДНК-профиль находится в «коллекции» (хотя обычно им говорят, что их ставят на государственным геномный учет, т.е. вводят в заблуждение), в дальнейшем воздержатся от противоправных действий либо будут идентифицированы в кратчайшие сроки после их совершения..

Так же некоторыми собеседниками была озвучена позиция «не пропадать же добру. Раз у нас уже есть эти данные, то почему бы нам их не использовать». Пожалуй, эта позиция в полной мере отражает факт непонимания рядом сотрудников и руководителей этих учреждений того, что данные о ДНК-профиле, полученные в ходе проведения судебных экспертиз и исследований являются ничем иным, как биометрическими персональными данными, на которые распространяются положения, как международных нормативных актов, так и федерального законодательства Российской Федерации.

Какими бы благими ни были озвученные ими намерения, они являются на сегодняшний день незаконными. Безусловно, заботится о финансовом благополучии страны необходимо, но делать это надо не нарушая законы. Равно как и нельзя бороться с преступностью, совершая при этом другое преступление.

Список литературы:

1. Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека. 11 ноября 1997г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/human_genome.shtml (дата обращения 10.09.2019)
2. Международная декларация о генетических данных человека. 16 октября 2003г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/genome_dec.shtml (дата обращения 10.09.2019)
3. Всеобщая декларация о биоэтике и правах человека. 19 октября 2005г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/bioethics_and_hr.shtml (дата обращения 10.09.2019)
4. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (ред. от 31.12.2017) [Электронный ресурс]. СПС «Гарант»
5. Федеральный закон от 03.12.2008 № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» (с изм. от 17.12.2009) [Электронный ресурс]. СПС «Гарант»

6. Разъяснение Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по вопросам отнесения фото- и видео- изображения, дактилоскопических данных и иной информации к биометрическим персональным данным и особенности их обработки. [Электронный ресурс]. URL: <https://pd.rkn.gov.ru/press-service/subject1/news2729/> (дата обращения 10.09.2019)

К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ МОДЕЛИРОВАНИЯ СЛЕДОВ ШИН В ТРАСОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ

Несмиянова Ирина Олеговна

адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров по кафедре оружейведения и трасологии учебно-научного комплекса судебной экспертизы ФГКОУ ВО «Московский университет МВД Российской Федерации имени В.Я. Кикотя, г. Москва, Россия

Следы транспортных средств, изымаемые при осмотрах мест происшествий, занимают одно из ключевых мест трасологической экспертизы. Значительная часть преступлений совершается с использованием транспортных средств. По данным следам возможно решить широкий спектр задач, а именно: установить направление движения транспортного средства; установить вид транспортного средства; его техническое состояние; а также идентифицировать конкретное транспортное средство.

Транспортное средство может выступать и как предмет преступного посягательства и как средство совершения преступления, в обоих случаях остаются следы. В последнее время увеличилось изъятие следов протекторов шин. Поэтому экспертиза следов транспортных средств является актуальным видом исследования.

Постоянное развитие информационных технологий ведет к появлению новых программ, новой техники. Однако экспертные учреждения не всегда своевременно данные достижения внедряют в свою практическую деятельность. Мы рассмотрим проблемные аспекты компьютерного моделирования в транспортно-трасологической экспертизе. Для начала разберемся, что же такое моделирование?

Моделирование - опосредованное исследование закономерностей изучаемого объекта в основном в тех случаях, когда он недоступен для непосредственного изучения. Суть моделирования состоит в замене объекта-оригинала моделью, то есть специально созданным аналогом. При этом под моделью понимается такая материальная или мысленно представляемая идеальная система отображения моделируемого объекта, которая воспроизводит существенные признаки, свойства объекта-оригинала [6, С 54-55].

Мы рассмотрим компьютерное моделирование, так как именно оно является перспективным направлением транспортно-трасологических экспертиз. Новые информационные технологии способствуют появлению новых возможностей применения моделирования при исследовании дорожно-транспортных происшествий. Достаточная точность и качество компьютерного моделирования неразрывно связаны с пополнением информационных систем (данных), в которых изложены первоначальные сведения о типах, видах транспортных средств (далее – ТС), технологиях изготовления частей ТС, экспериментальных показателей краш-тестов, сведений о влиянии нагрузок автомобильных шин на коэффициент сцепления и т.д [2, С 15]. Одни из видов моделирования в судебной экспертизе является трехмерное (3D) моделирование. Его суть в представлении объемных фигур при помощи специальных компьютерных программ – графических 3D редакторов. 3D моделирования предназначено для создание визуального объема конкретного предмета, которым может быть, как существующий в реальности, так и какой-нибудь пространственный объект.

Рассмотрим методы изъятия следов протектора шин транспортных средств. Методы изъятия такого вида следов традиционные. Следы протектора шин часто изымаются путем изготовления слепков и фото фиксации. Однако эксперту необходимо идентифицировать следы, обнаруженные в ходе осмотра мест происшествия, поэтому в ходе проведения трасологической экспертизы необходимо получить экспериментальные образцы, в настоящее время это трудоёмкий процесс. Однако активное развитие информационных технологий, внедрение компьютерной техники в деятельность правоохранительных органов в целом и деятельность экспертных учреждений в частности, помогут усовершенствовать и облегчить процесс получения экспериментальных образцов.

Например, для получения экспериментальных образцов следов протектора шин целесообразно разработать и создать бесцветные оптические сканеры либо иные похожие системы фиксации, а для получения моделей протекторов шин при осмотрах мест совершения преступления, возможна разработка и использование специализированных 3D-сканеров. Так например, в ходе создания модели, шину необходимо разбить на сектора, которые служат для правильного, и точного моделирования. Секторов может быть разное количество, что зависит от созданной модели. Далее осуществляется «развертка» полученных секторов в экспериментальный образец, необходимый для сравнительного исследования. При создании экспериментального образца шины программа соединяет сектора исходя из самой модели. Это обстоятельство позволило бы вывести на новый качественный уровень производство трасологических экспертиз, обеспечив более эффективное решение идентификационных задач.

Список литературы :

1. Аверьянова Т. В., Белкин Р. С., Корухов Ю. Г., Россинская Е. Р. Криминалистика. Учебник для вузов/ под ред. профессора Р. С. Белкина. М.: Издат. НОРМА, 2000. 319с.

2. Беляев М.В., Четвергов М.А. К вопросу о современных способах моделирования дорожно-транспортных происшествий. Вестник Московского университета МВД России №4 2018 г. / под ред. М.В. Саудаханова С.11-15.
3. Волчецкая Т.С. Современные проблемы моделирования в криминалистике и следственной практики. Калининград 1997. 93с.
4. Меженин А.В. Технологии 3D моделирования для создания образовательных ресурсов учебное пособие Санкт-Петербург 2008. 112с.
6. Основы естественно-научных знаний для юристов, учебник по курсу «Концепции современного естествознания» / под. ред. проф. Е.Р. Россинской. М., 1999 348с.

ПРОИЗВОДСТВО СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В СВЕТЕ ПРИНЦИПОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Овсянников Игорь Владимирович,
главный научный сотрудник научно-исследовательского отдела
научного центра ФКОУ ВО «Академии права и управления
Федеральной службы исполнения наказаний»,
доктор юридических наук, профессор, г. Рязань, Россия

Благодаря Федеральному закону от 04.03.2013 № 23-ФЗ [1] следователь и дознаватель получили право при проверке сообщения о преступлении назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок (ч. 1 ст. 144 УПК РФ). На возможность этого указано и в части 4 ст. 195 УПК РФ.

Такое законодательное решение имеет достоинства. Во-первых, оно открывает возможности для незамедлительного использования при необходимости специальных знаний в той форме, которая позволяет получать новые доказательства – заключения экспертов. Во-вторых, оно позволяет получать их на более ранних этапах досудебного производства. В-третьих, чем быстрее объекты со следами преступлений предоставлены эксперту для исследования, тем больше шансов на сохранение этих объектов пригодными для проведения исследований, на сохранение имеющихся на них следов, а, следовательно, и на получение от эксперта доказательственной информации.

Однако производство судебных экспертиз до возбуждения уголовного дела сопряжено и с рядом проблем процессуального характера.

Одна из двух целей изменения процедуры проверки сообщения о преступлении заключалась в том, чтобы обеспечить права и законные интересы участников на данном этапе [2]. Для этого принят ряд мер. Так, предписано разъяснять некоторые права невластным участникам процессуальных дей-

ствий при последовательной проверке и обеспечивать возможность осуществления этих прав (ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ). С момента начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, в отношении которого проводится проверка, в уголовном деле теперь может участвовать защитник (п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ).

Следовательно, с момента начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы проверяемого лица, такое лицо должно обладать правом на защиту. Принцип обеспечения права на защиту (ст. 16 УПК РФ) должен действовать и на данном этапе [3]. Для защиты проверяемому лицу необходимы, во-первых, права, непосредственно связанные с назначением судебной экспертизы (ч. 1 ст. 198 УПК РФ). Во-вторых, для защиты ему необходимы и многие другие права: знать, что в отношении него проводится проверка; знать, причастность к какому именно преступлению проверяется; заявлять ходатайства и отводы; бесплатно пользоваться помощью переводчика и т.д. Но проверяемое лицо пока не имеет формального процессуального статуса подозреваемого или обвиняемого, а, следовательно, не имеет и перечисленных прав. Это затрудняет осуществление им и его защитником функции защиты.

Есть проблема и у лица, пострадавшего от преступления. Такое лицо приобретает необходимые ему права лишь с момента вынесения постановления о признании его потерпевшим [4], что возможно не ранее, чем с момента возбуждения уголовного дела (ч. 1 ст. 42 УПК РФ).

Таким образом, дозволение назначения и производства судебной экспертизы на стадии возбуждения уголовного дела не подкреплено необходимыми процессуальными гарантиями прав невластных участников. Это не соответствует принципам назначения уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ) и обеспечения права на защиту (ст. 16 УПК РФ).

По-видимому, с учетом этого законодатель предусмотрел в части 1.2 ст. 144 УПК РФ обязанность должностных лиц удовлетворять заявленное стороной защиты или потерпевшим ходатайство о производстве дополнительной либо повторной судебной экспертизы: «в целях обеспечения гарантий соблюдения прав подозреваемых и обвиняемых, в частности целого ряда прав при назначении и производстве экспертизы» [2]. Но закрепленное в части 1.2 ст. 144 УПК РФ правило не согласовано с процессуальными нормами о том, что дополнительная судебная экспертиза может быть назначена при недостаточной ясности или полноте заключения эксперта, а также при возникновении новых вопросов в отношении ранее исследованных обстоятельств уголовного дела (ч. 1 ст. 207 УПК РФ), что повторная экспертиза может быть назначена лишь в случаях возникновения сомнений в обоснованности заключения эксперта или наличия противоречий в его выводах (ч. 2 ст. 207 УПК РФ).

На практике назначения дополнительных или повторных судебных экспертиз при отсутствии оснований, предусмотренных статьей 207 УПК РФ, могут влечь дублирование, повышение нагрузки на экспертов, удорожание судопроизводства и увеличение его сроков. Кроме того, для многих объектов

характерно изменение или утрата с течением времени их существенных диагностических и (или) идентификационных признаков. В некоторых случаях (отстрел патрона, подрыв боеприпаса и т.п.) производство дополнительных либо повторных судебных экспертиз по тем же объектам исследования проблематично даже при наличии веских оснований.

Судебные экспертизы зачастую производятся в течение длительных сроков, в том числе и в силу объективных обстоятельств. Закон позволяет прокурору даже продлевать по этой причине срок дознания до 6 месяцев (ч. 4 ст. 223 УПК РФ). Если одна из экспертиз назначена до возбуждения уголовного дела, то принятие решения по проверяемому сообщению о преступлении должностные лица обычно ставят в зависимость от результатов ее производства, что неизбежно оттягивает на длительные сроки еще и начало предварительного расследования. Таким образом, длительное затягивание последственных проверок в связи с назначением судебной экспертизы не соответствует уголовно-процессуальному принципу разумного срока (ст. 6.1 УПК РФ).

Вторая цель изменения процедуры проверки сообщения о преступлении была в том, чтобы создать все необходимые условия для принятия законного и обоснованного решения о возбуждении уголовного дела либо об отказе в этом [2]. Из таблицы 1 видно, что и после принятия Федерального закона от 04.03.2013 № 23-ФЗ количество незаконных (отмененных) постановлений о возбуждении уголовного дела и об отказе в этом оставалось стабильно высоким и превышало количество регистрируемых в стране преступлений. Таким образом, можно утверждать, что разрешение производства судебных экспертиз при последственных проверках укрепить законность не помогло. Скорее наоборот, т.к. в первые же годы действия этого закона, в 2013 и 2014 годах, относительное количество таких нарушений, приходящихся на одно зарегистрированное преступление, по сравнению с 2012 годом даже увеличилось.

Таблица 1

Количество зарегистрированных преступлений и незаконных (отмененных) постановлений о возбуждении уголовного дела и об отказе в этом [5]

Годы	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Зарегистрировано преступлений, млн.	2,302	2,206	2,166	2,388	2,160	2,058
Отменено постановлений о возбуждении уголовного дела и об отказе в этом, млн.	2,617	2,599	2,538	2,536	2,514	2,399
Относительное количество незаконных решений	1,137	1,178	1,172	1,062	1,164	1,166

Такое положение не соответствует уголовно-процессуальному принципу законности (ст. 7 УПК РФ).

После получения заключения эксперта следователю или дознавателю зачастую необходимо допросить эксперта, чтобы получить от него уточнения и разъяснения (ч. 2 ст. 80, ст. 205 УПК РФ). Но при доследственной проверке производить допрос нельзя. Это затрудняет оценку заключений экспертов как доказательств (ст. 88 УПК РФ), что не соответствует принципу свободы их оценки (ст. 17 УПК РФ).

В предыдущие века в отечественном уголовном процессе такого положения не было. Так, по Уставу уголовного судопроизводства 1864 года жалобы потерпевших от преступлений считались достаточным поводом к начатию следствия, причем отказать в этом не могли ни судебный следователь, ни прокурор (ст. 303). В советский период принципом считалось быстрое реагирование на преступления, быстрое и активное расследование [6, с. 168].

Возможно ли устранить все противоречия между современными принципами уголовного судопроизводства и процедурой назначения и производства судебной экспертизы? Полагаем, да. Для этого следует не возводить получение заключения эксперта в ранг необходимого условия для принятия решения по сообщению о преступлении и изменить очередность действий: сначала без промедления (провоцируемого желанием прощупать судебную перспективу дела) начинать предварительное расследование [7], затем назначать и производить необходимые судебные экспертизы. Это позволит: сократить волокиту в досудебном производстве и его сроки; укрепить законность; своевременно наделять невластных участников процессуальными правами и соблюдать их; исключить безосновательное назначение дополнительных и повторных судебных экспертиз; повысить эффективность борьбы с преступностью.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 04.03.2013 № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2013. № 9. Ст. 875.
2. Пояснительная записка «К проекту Федерального закона "О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации"» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 9.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2010 № 17 (ред. от 16.05.2017) «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 9.

5. Основные статистические данные о деятельности органов прокуратуры. URL: <http://genproc.gov.ru/stat/data/> (дата обращения: 07.05.2019).
6. Строгович М.С. Уголовный процесс. – М., 1941.
7. Овсянников И.В. Действия и решения на начальном этапе досудебного производства должны быть тоже законными // Законность. 2017. № 4. С. 45-49.

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ И РЕШЕНИЯ

Омельянюк Георгий Георгиевич,
заместитель директора ФБУ «Российский федеральный центр
судебной экспертизы при Министерстве юстиции
Российской Федерации», доктор юридических наук, доцент,
Усов Александр Иванович,
первый заместитель директора ФБУ «Российский
федеральный центр судебной экспертизы при
Министерстве юстиции Российской Федерации»,
профессор кафедры судебно-экспертной деятельности РУДН,
доктор юридических наук,
г. Москва, Россия

В развитии судебной экспертизы в Российской Федерации доминируют следующие тенденции: практическая реализация принципа верховенства права, стремление к гармонизации законодательства в сфере судебно-экспертной деятельности, консолидация усилий всех субъектов использования специальных знаний в различных видах судопроизводства, стандартизация подходов к судебно-экспертной деятельности в национальном, региональном и международном форматах.

Потребности современного судопроизводства диктуют необходимость модернизации форм использования специальных знаний. Прежде всего, это касается ее основной формы – судебной экспертизы и всех видов обеспечения судебно-экспертной деятельности, в том числе научно-методического (прогрессивной системы методов и средств экспертизы), информационного (базы данных и базы знаний), кадрового обеспечения (приобретения актуальных профессиональных компетенций), организационного обеспечения (формирование системы менеджмента качества судебно-экспертных организаций), финансового обеспечения (прогрессивные модели финансово-хозяйственной деятельности).

Современный этап совершенствования судебно-экспертной деятельности Российской Федерации посвящен переводу ее на новый перспективный уровень использования специальных знаний, гармонизированный с лучшими

мировыми практиками. Очевидным также является то, что именно экспертные технологии сегодня являются основным каналом применения современных достижений науки и техники в судебном процессе. Основная цель указанных процессов сопряжена с вопросами повышения качества и снижения сроков судебно-экспертного производства. В целях совершенствования судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации ожидается принятие нового федерального закона «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», который будет гармонизирован с процессуальным законодательством и введет в действие ряд инновационных механизмов государственного регулирования судебно-экспертной деятельности.

Особой проблемой является отсутствия гармонизации терминологии и методологии в зарубежной (прежде всего имеется в виду - дальнее зарубежье) и отечественной методологии судебной идентификации. Основные труды, на которые в свои дискуссиях, прежде всего, ссылаются современные западные ученые (например, работы Поля Л.Кирка «The Ontogeny of criminalistics» (Онтогенез криминалистики), Тона Бродерса «Principles of Forensic Identification Science (Принципы судебно-экспертной идентификации), Д. Мюли «Forensic Individualisation from Biometric Data (Судебно-экспертная индивидуализация на основе биометрических данных), труды профессоров Квана, Франко Тарони, Яна Эветта, Колина Аткина и др., к сожалению, практически не известны нашим ученым и практикам. Поэтому весьма своевременным представляется преодоление этой проблемы, сближение разных научных и практических школ судебной экспертизы в современном мире.

В США особое внимание к судебно-экспертным методикам привлекла реализация так называемых Daubert правил (Daubert ruling). Это постановление Верховного суда США от 1993 года, в котором был сформулирован ряд базовых критериев, по которым судьям рекомендовалось оценивать в своих решениях заключения эксперта. В частности, по стандарту Daubert судья, оценивая использованную в экспертизе методологию, решает для себя следующие вопросы: была ли каким-либо образом испытана теория или методика, о которых идет речь в экспертизе? была ли она подвергнута экспертной оценке и где-либо опубликована? какова известная или потенциальная частота ошибок в данной методике? имеются ли какие-либо стандарты, контролирующие использование данной экспертной методики? Стандарт Daubert является утвержденным руководством и в настоящее время используется в федеральных и некоторых других государственных судах США [1]. В федеральных судах он заменил ранее используемый стандарт Frye. Согласно одному из вышеперечисленных вопросов любая судебно-экспертная методика должна иметь четко определенную вероятность ошибок. Но данная характеристика не входит в принятые регламенты разработки методического обеспечения практически для всех судебно-экспертных дисциплин, за исключением молекулярно-генетической экспертизы.

В 2016 году опубликован доклад «Судебная экспертиза в уголовных судах: обеспечение научной достоверности методов сопоставления признаков»

(Forensic Science in the Criminal Courts: Ensuring Scientific Validity of Feature-Comparison Methods), подготовленный Комитетом советников по науке и технике (далее – PCAST) при президенте США. PCAST пришел к выводу, что в настоящее время в судебной экспертизе заслуживают особого внимания две проблемы: (1) необходимость достижения четкой ясности в отношении научных стандартов, применяемых для оценки достоверности и надежности судебно-экспертных методов и (2) возможность оценки конкретных судебно-экспертных методов на предмет их научности и достоверности. В данном исследовании PCAST, которое комментировалось и в журнале «Теория и практика судебной экспертизы» [5], участвовало большое количество ученых и практиков, судей, прокуроров, адвокатов, сторонников реформы системы уголовного правосудия и представителей федеральных агентств.

Принцип состязательности, который лежит в основе судопроизводства большинства развитых стран, предполагает открытую конкуренцию позиций (версий) сторон в процессе доказывания. Применительно к доказательствам, полученным в результате производства судебных экспертиз, реализация данного принципа, сводящаяся к представлению сторонами конкурирующих заключений эксперта, не показала своей эффективности.

Современное российское судопроизводство также осуществляется на основе принципов состязательности и равноправия сторон. Например, уголовно-процессуальное законодательство предусматривает при производстве по уголовному делу доказывание не только обстоятельств, подтверждающих преступность и наказуемость деяния, но и исключаящих эти обстоятельства. В связи с этим в настоящее время продолжается изучение вопросов использования байесовских методов, включая применение концепции отношения правдоподобия, для интерпретации и оценки результатов судебно-экспертного исследования [2, 4].

Полагаем, что в отечественной судебной экспертологии назрела крайняя необходимость формирования частной теории оценки неопределенности результатов экспертного исследования, включающей в себя категорию отношения правдоподобия и нацеленной на установление достоверности полученной информации об объекте экспертизы. Представляется, что дальнейший теоретический анализ и адаптация положений указанного выше издания внесут свой существенный вклад в инновационный путь развития российской судебно-экспертной науки, оно будет востребовано не только ученым и практиками в области судебной экспертизы и в целом сферы правоприменения, но и в смежных областях, таких как обеспечение качества результатов испытаний, аккредитация судебно-экспертных лабораторий и др.

На европейском пространстве в рамках деятельности Европейской сети судебно-экспертных учреждений (ENFSI), членом которой с 2005 года является ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, ведущие зарубежные ученые заявляют, что концепция отношения правдоподобия является логически наиболее подходящей основой для оценки результатов судебно-экспертного исследования. В результате многолетних исследований международной группой европейских

ученых было подготовлено Руководство ENFSI по оценочной отчетности в судебной экспертизе (ENFSI Guideline for Evaluative Reporting in Forensic Science. Strengthening the Evaluation of Forensic Results across Europe). В 2015 году Руководство было принято и опубликовано ENFSI в качестве нормативно-методического документа, представляющего собой практическое пособие по оценке экспертами доказательственной значимости выводов, получаемых ими в результате проведения исследований в конкретных видах судебной экспертизы, а также рекомендаций по оформлению результатов такой оценки в рамках так называемого оценочного отчета. В настоящее время данный документ носит обязательный характер для судебно-экспертных организаций Европейского Союза. Учитывая теоретический и практический интерес к данному документу в ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России была проведена научно-методическая работа по подготовке его комментированного перевода в виде соответствующего издания [3].

Следующей примечательной чертой сегодняшнего дня является цифровизация все сфер деятельности, отличающаяся глобальным проникновением во все жизненные процессы. Данная область характеризуется с одной стороны высокой латентностью преступлений, а с другой сверхтехнологичной спецификой совершаемых деяний. Безусловно, такие вызовы времени и новые способы совершения преступлений требуют адекватной реакции всех институтов, использующих инструментарий различных компьютерных знаний. Преступления в сфере компьютерной информации, а также и многие другие составы преступлений, сопряженных с компьютерными технологиями, требуют активного развития судебной компьютерно-технической экспертизы со всеми возможными ее специализациями.

Особого упоминания в аспекте судебной экспертизы заслуживают объекты компьютерной имитации, которые, как правило, не относятся к информационно-технологическим (компьютер, программы, информация, сети), а имеют другую природу (стандартные документы, изображения печатей и штампов, имитация письменных текстов, показаний аналитических приборов, фонограммы, фотоснимки, видеозаписи и пр.). Объекты компьютерной имитации могут быть предметом исследования различных видов экспертиз, например, судебно-технической экспертизы документов, судебной почерковедческой экспертизы, криминалистической экспертизы материалов, веществ и изделий и пр. Однако при подобных исследованиях эксперты могут констатировать только отклонения выявленных особенностей объектов экспертизы от подлинных объектов. В тех случаях, когда ставится вопрос о способе имитации (например, возможности использования высокоточного графопостроителя при имитации подписи) необходимо организовывать комплексные исследования с участием экспертов инженерно-технической специализации. Одним из таких примеров, демонстрирующих возможности судебной экспертизы, являются результаты рассмотрения межгосударственной жалобы «Грузия против России (II)» в Европейском суде по правам человека, обстоятельства которой касаются событий вооруженного конфликта на территории Абхазии и Южной Осетии

в августе 2008 года. Российские эксперты с применением современных экспертных технологий выявили совокупность признаков, позволяющую в дальнейшем сделать вывод о фальсификации видеодоказательств, предоставленных грузинской стороной.

В настоящее время достаточно активно идет развитие такого направления в сфере информационных технологий, как «Интернет вещей» (internet of things, IoT). Определение термина «интернет вещей» может быть представлено, например, как «глобальная инфраструктура для информационного общества, которая обеспечивает возможность предоставления более сложных услуг путем соединения друг с другом (физических и виртуальных) вещей на основе существующих и развивающихся функционально совместимых информационно-коммуникационных технологий» [6]. Другими словами, технологии интернета вещей представляют собой совокупность всевозможных датчиков, приборов, устройств, используемых до этого автономно и локально, которые объединены в сеть с помощью доступных различных каналов связи. В качестве глобальной сети интернет вещей, на сегодняшний день используется сеть «Интернет».

Распространение интернета вещей существенно увеличивает количество объектов судебной компьютерно-технической экспертизы, поскольку необходимая эксперту криминалистически значимая информация о каком-либо преступлении (либо иная информация по делу) теперь содержится не только в традиционных объектах экспертизы, но и в совершенно новых объектах, например, таких как холодильник, кофемашина, розетка. Тренд интернета вещей сейчас набирает всё большую популярность. Чаше всего понятие интернета вещей неразрывно связано с чем-то «умным»: «умные дома», «умный транспорт», «умные предприятия». На потребительском рынке технология IoT больше всего ассоциируется с продуктами, относящимися к концепции «умного дома», охватывающими устройства и бытовые приборы (такие как осветительные приборы, термостаты, системы домашней безопасности и камеры), которые поддерживают одну или более распространенные экосистемы, и ими можно управлять с помощью устройств, связанных с этой экосистемой, таких как смартфоны и интеллектуальные колонки. В этой связи возможности судебной компьютерно-технической экспертизы неразрывно связаны с производительностью имеющегося экспертного компьютерного оборудования. Это оборудование подлежит постоянному и динамичному обновлению и наращиванию, что требует, в свою очередь, существенных финансовых расходов.

Как известно, искусственный интеллект призван воспроизвести и усилить человеческие способности, используя программные алгоритмы и компьютерное оборудование. Особенно важным с точки зрения криминалистики становится распознавание образов. Так, машины используют набор данных, чтобы идентифицировать людей на основе их изображений, выполнить сложные вычислительные и робототехнические задачи, проанализировать покупательские предпочтения и модели поведения людей в Интернете, диагностировать состояние здоровья по сложным рентгенологическим исследованиям, да-

вать прогнозы на фондовом рынке. В отличие от людей, машины не подвержены усталости и иным субъективным факторам. Противоправное использование возможностей искусственного интеллекта в любом обществе приводит к негативным последствиям, начиная от посягательств на демократические устои государства, умаления прав и свобод человека до разрушения или распада существующих государств. Важную роль в установлении фактических обстоятельств, фактов, сопряжённых с действиями искусственного интеллекта, безусловно, играет судебная экспертиза.

Интеграция любого государства в правовое и экономическое пространство мирового сообщества, а также повышение активности всех субъектов судопроизводства по использованию специальных знаний в международных судах, в числе первостепенных задач требует подтверждение технической компетентности судебно-экспертных организаций в соответствии с международными стандартами, т.е. их аккредитации. Поэтому сегодня особо подчеркивается, что системы менеджмента качества экспертного производства — это инновационные модели, которые позволяют перевести судебно-экспертные организации на новый уровень судебно-экспертной деятельности, отвечающий критериям сокращения сроков экспертного производства и повышения качества проводимых исследований.

В качестве базовой современной тенденции, безусловно, выступает стандартизация в судебно-экспертной деятельности. С одной стороны мы являемся свидетелями бурного развития законодательного регулирования стандартизации как самостоятельной деятельности по разработке и применению документов по стандартизации. С этими процессами тесно взаимосвязано создание национальных и межгосударственных комитетов по судебной экспертизе (так, в России создан ТК 134 «Судебная экспертиза», в СНГ — МТК-545 «Судебная экспертиза»), разработка и принятие первых стандартов по судебной экспертизе и т. д. Такие понятия, как стандарт, стандартная операционная процедура, сертификация и валидация методического обеспечения, оценка неопределённости, отношение правдоподобия и др. — постепенно проникают в нашу повседневную судебно-экспертную жизнь. Хотя, в целом, следует отметить, что регламентация механизмов оценки пригодности методических материалов по производству судебной экспертизы, критерии их достоверности и научной обоснованности в российском законодательстве до сих пор отсутствуют.

В то же время при производстве судебной экспертизы традиционно большую роль играют такие понятия как творческий подход и свобода выбора методов и средств, необходимых для решения поставленных экспертных задач, возможность широкого использования всего доступного инструментария для проведения исследования и поиска ответов. Вспомним, что прямого ограничения эксперта в выборе методов в законодательстве не имеется, исключения составляют случаи, когда объектом является человек, а также обеспечение безопасности проведения исследования. Как известно, задачи судебной экспертизы могут быть как типовыми, стандартными, так и творческими (эври-

стическими), требующими нестандартного подхода, разработки новой или модернизации действующей экспертной методики. Не следует забывать и о возможностях экспертной инициативы, которая, кстати, также так до конца и не урегулирована нормам процессуального права.

В разных государствах и правовых системах проблема стандартизации судебно-экспертной деятельности и ее гармонизация с методологическими основами судебной экспертизы, решается по-разному. Но в качестве «путеводной звезды», в конечном плане, здесь должны выступать международные стандарты, разработанные комитетом ИСО/ТК 272 «Forensic Sciences» в международной организации по стандартизации (ISO) [7].

В настоящее время указанный комитет рассматривает проекты стандартов серии ISO 21043 «Forensic sciences». При этом два стандарта из этой серии уже приняты: ISO 21043-1:2018 (Часть 1. Термины и определения) и ISO 21043-2:2018 (Часть 2. Обнаружение, описание, сбор, транспортировка и хранение объектов экспертизы). Продолжается разработка проектов стандартов, связанных с проведением исследования, интерпретацией полученных результатов и составлением заключения эксперта (отчета).

Стандартизация важна не только для процессов собирания доказательств, проведения судебно-экспертного исследования, но всех обеспечивающих составляющих этих действий, включая требования к техническим средствам, реактивам и вспомогательным материалам. В целях предотвращения загрязнения объектов биологического происхождения в 2016 году был принят стандарт ISO 18385:2016 «Минимизация риска загрязнения ДНК человека в продуктах, используемых для сбора, хранения и анализа биологический материал для судебной экспертизы. Требования», первый международный стандарт, применяемый при изготовлении расходных материалов для производства судебной экспертизы.

Таким образом, вышеупомянутые и иные тенденции судебно-экспертной деятельности как в России, так и за рубежом, обуславливают стремительное развитие и обновление крайне востребованной современным судопроизводством самостоятельной отрасли знания, научного и практического направления, служащего глобальным задачам обеспечения реализации принципа верховенства права. Подводя итоги, можно констатировать, что системные проекты по качественному совершенствованию судебно-экспертной деятельности могут быть реализованы только на основе стратегического курса на внедрение стандартов в повседневную деятельность по организации и производству судебных экспертиз.

Список литературы:

1. Darvas A.A. Frye, Daubert, or None of the Above: What Rules Govern Admissibility of Scientific Evidence in Court? Proceedings of the American Academy of Forensic Sciences 69th Annual Scientific Meeting (New Orleans, LA. February 13–18, 2017). 2017. Vol. 23. P. 831. <https://www.aafs.org/wp-content/uploads/2017/Proceedings.pdf>

2. Бебешко Г.И., Войтов С.А., Омелянюк Г.Г., Усов А.И. К вопросу об использовании байесовских методов для метрологической оценки и интерпретации результатов судебно-экспертного исследования // Теория и практика судебной экспертизы. М., 2014. № 1 (33). С. 148-158.

3. Градусова О.Б., Кузьмин С.А., Селин А.И., Говорина Н.В., Войтов С.А. и др. Руководство ENFSI по оценке совокупности выявленных признаков объектов судебной экспертизы статистическими методами: комментированный перевод / Под ред. А.И. Усова. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2018. 128 с.

4. Смирнова С.А., Бебешко Г.И., Любецкая И.П., Омелянюк Г.Г., Усов А.И. Вероятностная оценка пригодности судебно-экспертной методики «Микроскопическое исследование текстильных волокон» // Теория и практика судебной экспертизы. 2019. Том 14. № 2. С. 92–99. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2019-14-2-92-99>.

5. Смирнова С.А., Усов А.И. Повышение научной обоснованности методического обеспечения судебной экспертизы – один из важных международных трендов // Теория и практика судебной экспертизы. 2017. Том 12. № 2. С. 11–17. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2017-12-2-11-17>

6. Рекомендация МСЭ-Т Y.2069 «Термины и определения для интернета вещей». Издание 1.0 от 29.07.2012. [Электронный ресурс]. <https://www.itu.int/rec/T-REC-Y.2060-201206-I 3> (дата обращения: 23.04.2019).

7. ISO/TC 272. Forensic sciences. <https://www.iso.org/ru/search.html?q=forensic> (дата обращения: 13.09.2019).

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ПРАВО АДВОКАТА-ЗАЩИТНИКА НА ПРИВЛЕЧЕНИЕ СПЕЦИАЛИСТА: НЕКОТОРЫЕ СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГЛАМЕНТАЦИИ И ПРАКТИЧЕСКОЙ РЕАЛИЗАЦИИ

Рагулин Андрей Викторович

проректор Российской академии адвокатуры и нотариата,
вице-президент Гильдии российских адвокатов,
доктор юридических наук, доцент, г. Москва, Россия

1. В п. 4 ч.3 ст. 6 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (Далее – ФЗ «Об адвокатской деятельности...») и п. 3 ч. 1 ст. 53 УПК РФ регламентируется профессиональное право адвоката-защитника на привлечение специалиста.

Специалист, как это указано в ст. 58 УПК РФ – это лицо, обладающее специальными знаниями, привлекаемое к участию в процессуальных действиях в порядке, установленном УПК РФ, для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в

исследовании материалов уголовного дела, для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию.

Важность профессионального права на привлечение адвокатом-защитником специалиста к участию в уголовном деле очевидна, например, при наличии сомнений в обоснованности выводов эксперта, для мотивировки ходатайства о назначении дополнительной экспертизы со ссылкой на его консультативное заключение. Не менее ценным представляются и устные разъяснения специалиста, получаемые адвокатом-защитником, хотя распространенная на практике помощь в виде консультаций адвокатов по специальным вопросам оказывается не специалистом в процессуальном смысле, а так называемым «сведущим лицом» [5, с. 304.].

Анализ материалов правоприменительной практики позволяет утверждать, что адвокаты-защитники достаточно активно используют свое право на привлечение специалиста, поскольку они полагают, что следователь и суд, в ходе разбирательств по уголовному делу будут обязаны проанализировать заключение специалиста и дать ему соответствующую оценку в процессуальных актах. Анализ более 500 изученных уголовных дел показывает, что специалисты привлекаются адвокатами-защитниками по 17,5% уголовных дел, из них для дачи консультативных заключений – в 56% случаев, в 15% случаев – для допроса и опроса, в 29% случаев – для дачи устных консультаций, в т.ч. и для участия в следственных и процессуальных действиях.

В то же время, потенциал взаимодействия адвоката и защитника в уголовном судопроизводстве в настоящее время реализован далеко не полностью, и этому есть ряд причин, сводящихся, в основном, к тому, что законодатель, по непонятным причинам, оставил без внимания некоторые процессуальные аспекты регламентации привлечения специалиста к участию в деле со стороны адвоката – защитника.

2. Прежде всего, отметим, что к возможности стороны защиты приглашать специалиста некоторые исследователи относятся настороженно, а ряд из них – отрицательно. Так, например, в литературе высказывалось мнение о том, что зачастую специалисты привлекаются стороной защиты к участию в деле на платной основе «с заранее заданной целью – получить заключение конкретного содержания» [9, с. 40]. Также отмечалось, что участие специалиста на стороне защиты есть не что иное, как «создание серьезных помех для следствия. Частные специалисты за соответствующую оплату могут дать такое разъяснение, которое будет противоречить выводам официальных экспертиз, проведенных по постановлению следователя. И этим разъяснением адвокат будет козырять и на следствии, и в суде» [1, с. 8.]. Полагаем, что с негативной смысловой нагрузкой, которую несут в себе приведенные выше высказывания, вряд ли можно согласиться и приведем обоснованное, на наш взгляд, мнение А.В. Воробьева, А.В. Полякова и Ю.В. Тихонравова, которые указывают: «Подозрения в отношении адвокатов должны исчезнуть ... - адвокат всегда защищает право, у него нет никаких иных аргументов, кроме правовых» [3, с. 463].

С.А. Шейфер и А.А. Тарасов вполне обоснованно оценили введение права адвоката-защитника на привлечение специалиста как шаг к укреплению принципа состязательности судопроизводства [8, с. 29; 10, с. 144; 11, с. 30]. Кроме того, очевидно, что даже обращение адвоката-защитника к специалисту в целях уточнения возможности получить заключение конкретного содержания незаконным признано быть не может, поскольку сторона защиты как раз и занимается тем, что собирает доказательственную информацию для подкрепления ее позиции по делу. Представляется, что если по результатам анализа представленных материалов специалист придет к выводу о каких-либо обстоятельствах, которые совпадают со стратегическими направлениями деятельности стороны защиты, нет оснований отвергать полученное заключение и (или) показания специалиста на этом основании.

3. В литературе отмечается, что по действующему законодательству заключение специалиста, полученное адвокатом и представленное должностному лицу, осуществляющему предварительное расследование или судебное разбирательство, не получает статуса доказательств, а является лишь основанием для производства экспертизы другим лицом – экспертом, или допроса специалиста [2, с. 66; 6, с. 90]. В то же время, это мнение в большей степени основано на сложившейся практике применения законодательства, чем на буквальной интерпретации содержания его норм [7, с. 20-21], ведь исходя из положений ст. 58 и ч. 2 ст. 74 УПК РФ, заключение и показания специалиста УПК РФ относит к доказательствам (в полном смысле этого термина), при этом в законе не делается различий в том, по чьей инициативе специалист был привлечен к участию в производстве по уголовному делу или в том, по чьей инициативе было сделано заключение специалиста или произведен допрос специалиста.

На практике же, мы приходим к тому, что суждения и разъяснения специалиста, вопреки положениям ст. 74 УПК РФ, в случае, если они представляются стороной защиты, нередко не получают статуса доказательства, пока они не будут строго, а нередко – с пристрастием, проверены и оценены полномочными на то должностными лицами.

4. В п. 4 ч.3 ст. 6 ФЗ «Об адвокатской деятельности...» и п. 3 ч. 1 ст. 53 УПК РФ законодатель указал на право адвоката-защитника привлекать специалиста в соответствии со ст. 58 УПК РФ, при этом, в ч. 2 ст. 58 УПК РФ он определил, что вызов специалиста и порядок его участия в уголовном судопроизводстве определяются статьями 168 и 270 УПК РФ. Однако в этих статьях законодатель не сделал указание на то, что специалист может быть привлечен к участию в уголовном деле по инициативе адвоката-защитника. Поэтому в рамках осуществления практической деятельности адвокаты нередко сталкиваются с тем, что процессуальная возможность привлечения адвокатом-защитником специалиста фактически оказывается иллюзорной. Очевидно, что положения ст. 168 и 270 УПК РФ нуждаются в некоторой корректировке, состоящей в необходимости упоминания в их тексте адвоката-защитника как лица, привлекающего специалиста и (или) получающего его заключение.

5. В силу положений ч. 2 ст. 159 УПК РФ заключение специалиста может быть весомым доводом, положенным в обоснование ходатайства адвоката-защитника, в удовлетворении которого следователь отказать не вправе. Кроме того, регламентация права на привлечение специалиста была усилена в связи с принятием 17.04.2017 г. ФЗ № 73-ФЗ, согласно положениям которого в ст. 58 УПК РФ введена ч.2.1, согласно которой: «Стороне защиты не может быть отказано в удовлетворении ходатайства о привлечении к участию в производстве по уголовному делу в порядке, установленном настоящим Кодексом, специалиста для разъяснения вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию, за исключением случаев, предусмотренных статьями 71 настоящего Кодекса.». Более того, этим же ФЗ в ст. 159 УПК РФ введена ч. 2.2, согласно которой подозреваемому или обвиняемому, его защитнику «не может быть отказано в приобщении к материалам уголовного дела доказательств, в том числе заключений специалистов, если обстоятельства, об установлении которых они ходатайствуют, имеют значение для данного уголовного дела и подтверждаются этими доказательствами».

Однако отсутствие четкого нормативно установленного ориентира в части того, что же понимать под обстоятельствами, имеющими значение для дела, по прежнему ставит принятие решения по соответствующему ходатайству в зависимость от субъективного усмотрения правоприменителей. Представляется продуктивным осуществление нормативного увязывания упомянутого в ст. 159 УПК РФ основания, обязывающего должностное лицо удовлетворить соответствующее ходатайство, с обстоятельствами, входящими в предмет доказывания по уголовному делу, а не с абстрактной оценкой неких фактических обстоятельств. Формализация перечня данных обстоятельств не составляет проблем, тем более, что предмет доказывания имеет свое нормативное закрепление в положениях ст. 73 УПК РФ, а также в ст. 421 и 434 УПК РФ.

6. Несмотря на то, что в ч. 1 ст. 168 УПК РФ говорится только о следственных действиях, в ч. 1 ст. 58 УПК РФ предусматривается возможность использования помощи специалиста во всех процессуальных действиях. Тем не менее, в целях достижения задач уголовного судопроизводства и для устранения проблем правоприменения, необходимо предложить законодателю устранить выявленные в этих статьях УПК РФ разночтения для исключения фактов применения закона, необоснованно ограничивающего права адвоката-защитника.

7. Изучение материалов правоприменительной практики показывает, что объективно существуют и проблемы получения адвокатом-защитником материалов, на основе которых формируются заключения и показания специалиста. Заключение специалиста - это представленное в письменном виде суждение по вопросам, поставленным перед специалистом сторонами (ч. 3 ст. 80 УПК РФ), а показания специалиста - это сведения, сообщенные им на допросе об обстоятельствах, требующих специальных познаний, а также разъяснения

своего мнения в соответствии с требованиями статей 53, 168 и 271 УПК РФ (ч.4 ст. 80 УПК РФ).

Очевидно, что для формирования суждений и показаний специалиста, ему должны быть представлены определенные исходные данные, в качестве которых могут выступать копии материалов уголовного дела, полученные (изготовленные) адвокатом-защитником, сведения, полученные адвокатом-защитником в порядке ч. 3 ст. 86 УПК РФ, сведения, полученные частным детективом на договорной основе с участниками уголовного процесса в соответствии с п. 7 ч. 2 ст. 3 Закона РФ «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации», а также иные сведения. Однако на практике возможности адвоката-защитника по привлечению специалиста на стадии предварительного расследования нередко ограничиваются тем, что следователями существенно затрудняется получение адвокатом-защитником копий из материалов уголовного дела и сведений о предметах, содержащих доказательственную информацию. Данная проблема требует детального разрешения, исходя из принципов уголовного судопроизводства, путем создания процессуального механизма, гарантирующего (в определенных пределах) доступность материалов уголовного дела для стороны защиты на стадии предварительного расследования.

8. Пробелом регламентации привлечения специалиста адвокатом-защитником, является то, что в законодательстве отсутствует закрепление совокупности требований, предъявляемых к его заключению. Результаты проведенного нами опроса, показывает, что это вызывает негативную реакцию у представителей стороны обвинения и суда. Так, 67% из 200 опрошенных нами работников органов предварительного расследования, прокуратуры и суда указали, что при оценке заключения эксперта и заключения специалиста приоритет, по их мнению, будет отдан заключению эксперта, потому, что в УПК РФ отсутствуют требования к оформлению заключения специалиста, а они, как правило, готовят их по своему индивидуальному шаблону, который нередко не содержит в себе сведений, необходимых для полноценной реализации данного заключения стороной защиты.

Заведомое поставление законодателем заключения специалиста в условия отсутствия процессуальной регламентации его оформления нельзя признать допустимым. В связи с этим, представляется необходимым согласиться с предложением о том, что требования к форме, структуре и содержанию заключения специалиста, необходимо закрепить в отдельной статье УПК РФ [4, с. 48-52]. Эти требования могут быть аналогичны тем требованиям, которые предъявляются к заключению эксперта в ст. 204 УПК РФ.

Список литературы:

1. Багаутдинов Ф. Закон об адвокатуре: взгляд с другой стороны // Российская юстиция. 2001. №5.

2. Бургер Б.М. Гарантии независимости адвоката при оказании квалифицированной юридической помощи: монография / под науч. ред. докт. юрид. наук, проф., засл. юриста РФ А. А. Хмырова. – М.: Юрлитинформ, 2011.
3. Воробьев А.В., Поляков А.В., Тихонравов Ю.В. Теория адвокатуры. – М.: Издательство «Грантъ», 2002.
4. Гришина Е. П., Константинов А. В. Логико-гносеологическая сущность заключения специалиста и его доказательственное значение в уголовном процессе // Современное право. № 12. 2005. – С. 48-52.
5. Исаева Л. М. Специальные познания в уголовном судопроизводстве. М., 2003.
6. Кудрявцева А. В., Попов В. С. Участие адвоката-защитника в процессе доказывания на стадии предварительного расследования и в суде первой инстанции. Челябинск, 2006.
7. Селина Е.В. Применение специальных познаний в российском уголовном процессе. Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук - Краснодар, 2003.
8. Тарасов А. А. Об участии стороны защиты в назначении и производстве экспертизы по уголовным делам // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России. Самара, 2005. - С. 29.
9. Темираев О. Компетенция специалиста/ // Законность. 2005. №6.
10. Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М.: НОРМА, 2008.
11. Шейфер С. А. Куда движется российское судопроизводство? (Размышления по поводу векторов развития уголовно – процессуального законодательства) // Государство и право. 2007. №1.

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ДНК-ТЕСТИРОВАНИЯ ДЛЯ УСТАНОВЛЕНИЯ БИОЛОГИЧЕСКОГО РОДСТВА И УСЫНОВЛЕНИЯ

Резяпова Гузель Фратовна

доцент кафедры гражданского права Института права
ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет»,
кандидат юридических наук, г.Уфа, Россия

Семья является основной ячейкой общества и естественной средой для роста и благополучия всех ее членов и особенно для детей. В Конвенции о правах ребенка признается, что ребенку для полного и гармоничного развития необходимо расти в семейном окружении, атмосфере счастья, любви и понимания и ребенок, который временно или постоянно лишен семейного окружения или который в его собственных наилучших интересах не может оставаться в таком окружении, имеет право на особую защиту и помощь, предоставляе-

мые государством [1]. Однако, с каждым годом все больше растет количество детей, рожденных от лиц, не состоящих между собой в зарегистрированном браке, а в большинстве случаев - отец не известен или не установлен.

И общеизвестно, что необходимость проведения генетической экспертизы, ДНК тестирования возникает чаще всего при рассмотрении дел об установлении биологического родства, оспаривании отцовства в судебном порядке. К счастью, возможность ошибки для исключения или подтверждения отцовства достаточно ничтожна. Поэтому ДНК тест является мощным средством для установления биологических отношений с полной степени уверенностью.

Статья 48 Семейного кодекса РФ установила презумпцию, согласно которой, если ребенок родился у лиц, состоящих в зарегистрированном браке, либо в течение трехсот дней с момента расторжения брака или смерти супруга, то отцом ребенка признается супруг (бывший супруг) матери [2]. При этом отец сохраняет за собой право оспорить отцовство в суде. Однако в последние годы проживание семей в так называемом «гражданском браке» стало нормой для нашего общества. Вместе с этим резко возросло количество споров, связанных с установлением происхождения детей, а впоследствии и взыскание алиментов. Ведь если родители ребенка не зарегистрировали свой брак, то орган ЗАГС вносит запись об отцовстве только при наличии согласия отца.

При рассмотрении данной категории дел суд принимает любые доказательства, с достоверностью подтверждающие происхождение ребенка от конкретного лица. Раньше таковыми прежде всего оказывались доказательства, подтверждающие наличие семейных отношений, совместное проживание и ведения общего хозяйства. Однако сегодня, с учетом достижений современной генетики, наиболее весомым доказательством является заключение судебно-генетической экспертизы, которая определяет отцовство (материнство) с почти стопроцентной точностью. Подавляющее большинство судебных тяжб заканчиваются проведением подобной экспертизы.

Таким образом, можно отметить, что генетическая экспертиза достаточно эффективно используется судебными структурами для установления истины при решении семейных споров.

Существует ряд условий, при которых установлении отцовства признаётся целесообразным в судебном порядке:

- при отсутствии официально зарегистрированного брака между родителями ребёнка; при отсутствии совместного заявления родителей ребёнка в ЗАГС или наличия только заявления отца об установлении отцовства;
- при отсутствии согласия органа опеки и попечительства на установление отцовства в ЗАГС по заявлению отца ребёнка в случае смерти матери, признания её недееспособной, невозможности установления места нахождения матери или при лишении её родительских прав [3].

В свою очередь, судебное признание факта отцовства может иметь серьёзные правовые последствия: при установлении близкого родства может быть запрещено заключение брака или изменён порядок наследования имущества в отдельно взятых случаях.

Необходимость проведения генетической экспертизы по установлению отцовства или материнства необходимо может возникнуть в различных ситуациях, а именно:

- при возникновении сомнений в правильности проведения процедуры экстракорпорального оплодотворения и использовании эмбриона, происходящего от биологической матери;
- при разрешении сомнений, касающихся суррогатного и репродуктивного материнства (в случае пренатальной диагностики);
- для предоставления в суд доказательства факта отцовства (материнства);
- для установления родства с целью получения алиментов или отказа от них;
- при необходимости определения истинного отца (если таковой неизвестен);
- определение отцовства в случаях, когда мать является гражданкой РФ, а отец – гражданином другой страны, необходимое для переезда матери с ребенком за границу на родину отца;
- определение родства с целью получения наследства или отказа от него;
- опознание сильно изуродованных трупов в результате природных и техногенных катастроф и террористических актов, останков трупов времен Второй мировой войны.

Согласно статье 49 Семейного кодекса РФ, в случае рождения ребенка у родителей, не состоящих в браке между собой, и при отсутствии совместного заявления родителей или заявления отца ребенка (пункт 4 статьи 48 настоящего Кодекса) происхождение ребенка от конкретного лица (отцовство) устанавливается в судебном порядке по заявлению одного из родителей, опекуна (попечителя) ребенка или по заявлению лица, на иждивении которого находится ребенок, а также по заявлению самого ребенка по достижении им совершеннолетия [2]. При этом суд принимает во внимание любые доказательства, с достоверностью подтверждающие происхождение ребенка от конкретного лица.

При этом, генетическая экспертиза по установлению отцовства или материнства отвечает на следующие вопросы:

- исключается или не исключается отцовство/материнство данного индивидуума в отношении данного ребенка (плода);
- если отцовство/материнство не исключается, то какова вероятность того, что полученный результат не является результатом случайного совпадения индивидуализирующих признаков неродственных лиц.

На сегодняшний день современном обществе достижения современной генетики имеют весьма существенное значение, а ДНК экспертиза – единственный объективный и высокоточный способ подтверждения или опровержения кровных родственных связей.

Список литературы :

1. "Конвенция о правах ребенка" (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990).
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 30.12.2015), ст. 123.
3. Шохина Е.А. Политические аспекты социальной защиты семьи и охраны детства в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2009.

ПРИКЛАДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В НАЗНАЧЕНИИ И ПРОИЗВОДСТВЕ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ

Самойлов Александр Юрьевич,
доцент кафедры криминалистики ФГКОУ ВО «Уфимский
юридический институт МВД России», кандидат юридических наук,
доцент, Уфа, Россия

При расследовании преступлений, связанных с экстремистскими проявлениями может потребоваться проведение различных экспертных исследований [1,19]. Рассматривать вопросы назначения и проведения экспертных исследований, которые считаются традиционными и проводятся в существующих специализированных учреждениях (к ним относятся, прежде всего трасологические, баллистические и т. д.) в настоящее время не актуально так как указанные экспертизы должным образом рассмотрены в юридической литературе и не имеют существенных особенностей для соответствующей категории преступлений.

Одной из важнейших проблем при расследовании экстремистских преступлений является то, что они вызывают враждебные чувства или ненависть.

При анализе уголовных дел можно прийти к выводу, что судебно-лингвистические экспертизы чаще всего поручаются ученым филологам, которые не являются сотрудниками ведомственных экспертно-криминалистических подразделений. Основываясь на своих выводах, они часто используют «непроверенные версии, домыслы, гипотезы и догадки, субъективные мнения, которые могут быть приемлемы для научной дискуссии, но не годятся в качестве выводов экспертизы».

Целью судебно-лингвистической экспертизы является установление обстоятельств, подлежащих проверке в конкретном случае, на основе специальных филологических знаний.

Задачи языкового исследования:

- толкование и объяснение значений и происхождений слов, фраз, устойчивых выражений (высказываний);
- интерпретация основного и вторичного значений языкового объекта или единицы речи (устная или письменная);
- интерпретировать положения текста документа, чтобы определить, какие варианты доступны для понимания этих положений;
- изучение текста (фрагмента) с целью выявления его смысловой направленности, особенностей применяемых стилистических приемов и приемов и т. д.

Предметом данной судебной экспертизы являются факты и обстоятельства, установленные на основе изучения законов, регулирующих существование и функционирование языка. Широкий спектр вопросов может быть задан, чтобы разрешить поставленные задачи. В то же время желательно с разрешения специалиста задать несколько вопросов, которые дополняют и уточняют друг друга. Недопустимо задавать вопросы эксперту о правовой оценке действий человека.

В ходе расследования уголовных дел экстремистской направленности может возникнуть необходимость назначения лингвистических экспертиз в комплексе с другими судебными экспертизами: с компьютерно-технической экспертизой (например, при исследовании информации на сайте в Интернете); с фоноскопической экспертизой (например, при исследовании устной речи, представленной в виде фонограммы), с автороведческой экспертизой (например, если возникает вопрос об авторстве письменного или устного текста), с почерковедческой экспертизой, с судебно-психологической экспертизой и социологической экспертизой [2,284].

Если возникает необходимость исследования признаков устной речи (выступления на митинге, интервью и т. д.) на лингвистическую экспертизу должна представляться фонограмма (аудиозапись) или видеофонограмма (видеоаудиозапись), зафиксированная на носителе информации в упакованном и опечатанном виде. При этом экспертом должна быть проверена целостность упаковки и сохранность печати. В случае необходимости на судебную лингвистическую экспертизу могут быть представлены и копии аудио- или видеоаудиозаписи, но данное обстоятельство должно быть отражено в постановлении о назначении судебной лингвистической экспертизы. Назначение и производство судебной лингвистической экспертизы недопустимо только если в качестве объекта исследования была представлена так называемая «расшифровка» (распечатка) стенограммы, которую составляет следователь или иное лицо, проводившее прослушивание фонограммы, даже если это было сделано в случае составления текста специалистом или экспертом при производстве судебной фоноскопической экспертизы.

По некоторым делам существует необходимость использования в процессе расследования специальных познаний в области новых телекоммуникационных технологий, назначения компьютерно-технической экспертизы. Данные познания необходимы как для получения доказательств, так и для процес-

суального оформления документов, подготовленных средствами компьютерной техники, которые впоследствии могут играть роль доказательств.

Таким образом, хотелось бы отметить, что необходим высокий уровень организации и деятельности правоохранительных органов, повсеместное внедрение в следственную практику научных методик расследования. Среди процессуальных действий досудебного производства по уголовным делам указанной категории наиболее специфичными являются следственные осмотры, допросы и некоторые судебные экспертизы.

Список литературы:

1. Алпеева М. А. Отдельные вопросы назначения экспертизы экстремистских материалов, задержанных при пересечении таможенной границы // Таможенное дело. 2013. № 2. С. 19–22.
2. Российская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе : монография – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма : ИНФРА-М, 2018. - 576 с. - Режим доступа: <http://znanium.com/catalog/product/977661>

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ПОЗНАНИЙ В ПРОЦЕССЕ РАССЛЕДОВАНИЯ РАЗБОЙНЫХ НАПАДЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ В ОТНОШЕНИИ ФИНАНСОВО-КРЕДИТНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Сафронова Екатерина Владимировна
адъюнкт ФГКОУ ВО «Восточно-Сибирский институт МВД России»,
капитан полиции, г. Иркутск, Россия

На сегодняшний день расследование разбойных нападений, совершенных организованными преступными группами в отношении финансово-кредитных учреждений, осуществляется с определенными закономерными сложностями, которые обусловлены рядом причин. К основным причинам, закономерно заслуживающих внимания при расследовании рассматриваемой категории преступлений является использование в процессе расследования специальных познаний. Расследование преступлений – сложный и трудоемкий процесс и для достижения положительных результатов данной деятельности требуются определенные знания и умения [1, С. 23].

Актуальность применения специальных познаний в процессе расследования преступлений любой категории набирает популярность в настоящее время. По общему правилу специальными познаниями признаются теоритиче-

ские познания в определенной области, а так же познания приобретенные субъектом в процессе осуществления профессиональной деятельности.

Анализируя труды ученых, хотелось бы отметить мнение А. М. Зинина, который разделял формы использования специальных знаний на процессуальные и не процессуальные по признаку, когда результаты их применения значены в процессе доказывания. По указанному критерию А.М. Зинин дифференцирует следующие процессуальные формы участия специалиста:

- 1) привлечение специалиста к производству следственных и судебных действий;
- 2) подготовку специалистом письменных ответов на поставленные сторонами вопросы, а также допрос специалиста для разъяснения им своего мнения, высказанного в письменном заключении, либо для выяснения обстоятельств, требующих специальных знаний.

К не процессуальным формам участия специалиста А. М. Зинин относит:

- 1) справочно-консультационную деятельность;
- 2) дачу специалистами консультаций адвокатам;
- 3) проведение ревизионных и аудиторских проверок;
- 4) обращение к специалистам, в том числе научным работникам, преподавателям юридических вузов, бывшим экспертам силовых структур произвести анализ заключений ранее проведенных по делу экспертиз, высказать свои суждения по вопросу о квалификации деяния и в других случаях, когда имеется потребность в нетрадиционном использовании знаний сведущих лиц;
- 5) привлечение специалиста для оказания помощи оперативным работникам, следователям в получении информации ориентирующего характера, необходимой для результативного проведения оперативно-розыскных мероприятий и последующего принятия решения о возбуждении уголовного дела, а также для принятия следователем решения о проведении тех или иных следственных действий;
- 6) привлечение специалиста для оказания помощи в применении технико-криминалистических средств, при проведении оперативно-розыскных мероприятий[2, С.132].

Своеобразно мнение О. А. Исаева, который полагает, что специалист в судопроизводстве: представляет в письменном виде свои суждения, по вопросам, поставленным перед ним сторонами, – заключения специалиста; участвует в процессуальных действиях; дает показания – сведения специалиста, сообщенные им на допросе об обстоятельствах, требующих специальных знаний, а также разъяснения своего мнения; оказывает организационно-техническое содействие следователю в выполнении определенных работ, не связанных с производством следственных действий; сообщает справочные сведения следователю; дает консультации[3, С. 17].

При расследовании преступлений существуют несколько форм использования специальных знаний. Так первой и самой распространенной формой использования специальных познаний выступает использование непосред-

ственно следователем свои познаний в определенной области. К примеру, при расследовании преступлений связанных с разбойными нападениями на объекты финансово-кредитной сферы, для исключения инсценировки факта нападения, следователю необходимо обладать знаниями в области экономической деятельности организаций. Познания в области проведения финансовых операций, оформления необходимых документов, соответствие требованиям законодательства Российской Федерации по регулированию указанной деятельностью, позволит выявлять нарушения следователю без привлечения иных лиц.

В том случае, если следователь не обладает специальными познаниями или обладает таковыми, но в недостаточном объеме, возникает ситуация, в которой, необходимо применение следующей формы применения специальных познаний - привлечение к участию в следственных действий специалиста. Специалистом признается лицо, обладающее специальными знаниями, привлекаемое к участию в определенных процессуальных действиях. Важно, что законодатель урегулировал вопрос об обязательном участии специалиста в определенных следственных действиях, например – осмотр трупа, эксгумация. Необходимо отметить, что участие привлечение специалиста существенным образом облегчает работу следователя при проведении определенных следственных действий.

При расследовании разбойных нападений совершенных в отношении определенных объектов финансово-кредитной сферы привлечение специалиста к таким следственным действиям как осмотр места происшествия, позволит провести указанное следственное действие, с высокой долей вероятности, более продуктивно.

Так, 30 декабря 2016 года было совершено разбойное нападение на ювелирный магазин на ул. Улан-Баторская г. Иркутска. В процессе осуществления осмотра места происшествия специалистом-криминалистом были изъяты отпечатки пальцев и иные следы преступной деятельности, которые позволили в кратчайшие сроки установить личность преступников и задержать их[4].

На наш взгляд, привлечение специалиста-криминалиста позволит рационализировать результаты проведения осмотра места происшествия по делам о разбойных нападениях совершенных в отношении определенных объектов финансово-кредитной сферы.

Так же в процессе расследования данного вида преступлений целесообразно привлекать лиц, обладающих специальными знаниями в области оборота драгоценных металлов и камней, искусствоведа (в случае совершения разбойного нападения на антикварный магазин), поскольку знание определенной терминологии и характерных признаков предметов, что позволяет их предварительно идентифицировать, достаточно точно описать, что под собой подразумевает использования определенной специфической терминологии при заполнении карточек статистического учета.

Следующей формой использования специальных познаний в процессе расследования разбойных нападений, совершенных в отношении объектов

финансово-кредитной сферы является использование заключения специалиста в процессе расследования уголовного дела. Понятие заключения специалиста отражено в УПК РФ и звучит как «представленное в письменном виде суждение по вопросам, представленным перед специалистом сторонами». Дискуссии относительно вопроса доказательственного значения заключения эксперта, его отличия от заключения эксперта, порядке истребования и алгоритма предоставления заключения специалиста находят свое отражение на страницах научных изданий и в ряде работ известных ученых. Актуальность вопроса связана прежде всего с практикой использования рассматриваемых документов в процессе доказывания.

Дискуссионным остается вопрос и форм участия специалиста в уголовном судопроизводстве. Несомненно, отдельного внимания и совершенствования требует правовое регулирование рассматриваемого вида деятельности. Неизменным остается факт эффективности и рациональности использования специальных знаний в процессе расследования преступлений в том числе, при расследовании разбойных нападений, совершенных организованными преступными группами в отношении объектов финансово-кредитной сферы.

Список литературы:

- 1) Варданян А. В., Грибунов О. П. Современная доктрина методико-криминалистического обеспечения расследования отдельных видов преступлений // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2017. № 2 (81). С. 23-35
- 2) Зинин А. М., Семикаленова, А. И., Иванова, Е. В. Участие специалиста в процессуальных действиях : учебник / под общ. ред. А. М. Зинина. М.: Проспект, 2016. 215 с.
- 3) Исаева О. А. Процессуальный статус специалиста в условиях состязательности уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 21 с.
- 4) Приговор Кировского суда г. Иркутска по ч. 3 ст. 162 УК РФ № 1-381/2017

ПО ВОПРОСУ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Сейтенов Калиолла Кабаевич
профессор кафедры общеправовых дисциплин Академии
правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре
Республики Казахстан, доктор юридических наук, профессор,
г. Нур-Султан, Республика Казахстан;

Значимым элементом понятия правового государства, на строительство которого держат курс Российская Федерация и Республика Казахстан, являются положения о правах человека и его свободах. В процессуальное законодательство стран Шанхайской организации сотрудничества широко вводятся новеллы, направленные на гуманизацию процесса, равноправие и состязательность сторон, наделение представителей стороны защиты новыми реальными возможностями по отстаиванию прав и законных интересов [1, с. 6]. В целях достижения этой цели государство решает комплекс проблем, в том числе в ходе судебно-экспертной деятельности. Для решения этих задач необходимо и в дальнейшем совершенствовать правовые и научно-методические основы обеспечения этой деятельности во имя формирования полноценной доказательственной базы и повышения уровня судебно-экспертного сопровождения судопроизводства [2, с. 130].

Для улучшения законодательного регулирования судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации и Республике Казахстан, по нашему мнению, следует предпринять следующие меры:

1. Несмотря на то, что в процессуальном законодательстве имеется положение, гласящее о том, что ни одному из доказательств заранее не предустановлено преимущество относительно других доказательств, судебной экспертизе уделяется особое внимание, так как в ряде ситуаций она является единственным средством установления причин смерти, тяжести вреда здоровью, возраста, психического состояния, отнесения к оружию и других обстоятельств, без которых невозможно установить наличие состава правонарушения. Предстоит привести процессуально-правовую систему Республики Казахстан и Российской Федерации в соответствие с лучшими международными системами. При этом необходимо создать условия для развития конкурентоспособного рынка судебно-экспертных услуг, стимулирующего развитие и применение новейших научно-технических средств и методов исследований, обеспечивать состязательный характер использования возможностей судебной экспертизы в судопроизводстве.

2. Необходимо дальнейшее развитие принципа состязательности в судопроизводстве, который должен эффективно реализовываться в процессе доказывания в ходе досудебного расследования и в суде. Центральным элементом этого процесса в современных условиях является необходимость дальнейшего реформирования института судебной экспертизы в духе актуальных общемировых тенденций и в соответствии с потребностями практики. Поэтому в условиях рыночной экономики следует постепенно исключить избыточное государственное регулирование, в том числе контрольно-надзорных функций над деятельностью негосударственных судебных экспертов.

3. В Республике Казахстан очевидно диспропорциональное соотношение государственного и негосударственного сектора в сфере судебно-экспертной деятельности, которое характеризуется практическим отсутствием развитого конкурентного рынка судебно-экспертных услуг, несмотря на существующую законодательную возможность его существования.

В то же время модель тотальной монополизации, когда функции судебной экспертизы полностью делегированы частному рынку услуг также не является самоцелью. Соответственно, в Республике Казахстан следует ориентироваться на создание сбалансированной системы взаимодействия участников судебно-экспертной деятельности государственных и негосударственных судебных экспертов.

4. Лица, осуществляющие судебно-экспертную деятельность в Республике Казахстан на основании лицензии (частные эксперты), на сегодняшний день не имеют законодательной возможности создавать организационные формы, отражающие специфику их деятельности в сфере судебно-экспертной деятельности. Поэтому следует внести в закон Республики Казахстан «О судебно-экспертной деятельности» положение о новой организационной форме, отражающей специфику судебно-экспертной деятельности, что позволит консолидировать усилия частных судебных экспертов по созданию материально-технической, материально-технической и научно-методической базы путем введения категории «негосударственная судебно-экспертная организация» – юридическое лицо, осуществляющее судебно-экспертную деятельность в качестве основного вида уставной деятельности в порядке, установленном законодательством Республики Казахстан.

5. Кроме того, предлагается наделить Палату судебных экспертов Республики Казахстан (а в Российской Федерации – создать такую единую Палату судебных экспертов Российской Федерации) правом разработки профессиональных стандартов, собственных принципов этики негосударственных (частных) судебных экспертов, определению методологии и направлений научной деятельности и проведению сертификации судебных экспертов.

6. Следует предусмотреть перераспределение полномочий уполномоченного органа (Центра судебных экспертиз Министерства юстиции Республики Казахстан) в части утверждения профессиональных и деонтологических стандартов судебно-экспертной деятельности, а также вопросов профессиональной подготовки и повышения квалификации судебных экспертов и научно-методического обеспечения судебно-экспертной деятельности посредством их частичного делегирования Палате судебных экспертов Республики Казахстан.

7. Предстоит внести изменения в закон «О судебно-экспертной деятельности» по разработке и утверждению Положения о порядке использования электронно-сетевых технологий и многофункциональных информационно-справочных баз данных в области судебной экспертизы; Положения о рецензировании заключений судебных экспертов Республики Казахстан; Правил организации информационно-аналитической работы в сфере судебной экспертизы и т.д.

8. Необходимо законодательно ввести процедуру стандартизации судебно-экспертной деятельности посредством образования специального коллегиального органа (технического комитета, как это сделано в Российской Федерации – Технический Комитет №134 Росстандарта РФ) в качестве основы формирования единого научно-методического подхода производства судебных

экспертиз в Республике Казахстан и повышения объективности, результативности и обоснованности выводов проводимых экспертных исследований.

9. Судебно-экспертным организациям Российской Федерации и Республики Казахстан необходимо выйти на такой уровень международного сотрудничества, который позволит в результате объединения правовых и научно-методических ресурсов увеличить потенциал судебно-экспертной деятельности наших стран [3, с. 20], в том числе, позволит совершенствовать законодательное обеспечение судебно-экспертной деятельности в интересах судопроизводства.

Данная работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках выполнения научного проекта-гранта РФФИ-мк № 18-29-14076.

Список литературы:

1. Вардanian А. В., Вардanian Г. А. Теоретико-методологические проблемы криминалистической тактики в контексте современной модели уголовного процесса // Юристъ-Правоведъ. 2015. № 6. С. 5-10.
2. Аминев Ф.Г. О некоторых проблемах судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации // Правовое государство: теория и практика. Уфа, 2015. № 4 (42). С. 126-131.
3. Аминев Ф.Г., Сейтенов К.К. О некоторых вопросах организационного обеспечения судебно-экспертной деятельности в Республике Казахстан и Российской Федерации // Перспективы партнерства государств-членов ШОС в сфере судебной экспертизы: материалы Международной научно-практической конференции (20-21 июня 2018 года, г. Алматы). С. 17-21.

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ НАЗНАЧЕНИЯ МОЛЕКУЛЯРНО-ГЕНЕТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПРИ РОЗЫСКЕ БЕЗВЕСТНО ПРОПАВШИХ ГРАЖДАН

Смирнов Дмитрий Викторович,
старший преподаватель кафедры криминалистики и уголовного
процесса юридического факультета ГОУ ВО «Коломенский
государственный социально-гуманитарный университет»,
г. Коломна, Россия

Одним из важных направлений, в котором результаты молекулярно-генетическая экспертиза имеет решающее значение является розыск и идентификация лиц по тем или иным причинам пропавшим из мест постоянного проживания и информация о нахождении которых отсутствует то или иное длительное время. Конечно, происшествия или события такого порядка в за-

висимости от ситуации не могут не являться предметом уголовно-процессуальных отношений. Тем не менее события безвестной пропажи лиц в свою очередь достаточно тесно связаны и с гражданско-правовыми отношениями.

Безвестное исчезновение лица означает его фактическое отсутствие по месту регистрации, проживания и кроме того никто из близких или доверенных лиц не обладает информацией о месте его нахождения. В этих случаях, если нет сведений о месте его пребывания в течении года, гражданин может быть признан безвестно отсутствующим по решению суда в соответствии со ст. 42 ГК РФ. Основными Гражданско-правовыми последствиями данного судебного решения являются назначение доверительного управляющего имуществом отсутствующего лица, с заключением соответствующего договора (ст. 1012-1026 ГК РФ), в обязанности которого входят содержание граждан, которых обязан содержать безвестно отсутствующий гражданин, погашать задолженности по имеющимся договорным обязательствам (ст. 43 ГК РФ), уплачивать необходимые налоги и сборы (ст. 51 НК РФ) и др. Очевидно, что данные положения ГК направлены с одной стороны на обеспечение сохранности имущества безвестно отсутствующего лица, с другой – на обеспечение прав лиц, по отношению к которым безвестно отсутствующий имеет обязательства различного имущественного характера. Задача сохранения имущества безвестно отсутствующего лица налагает определенные ограничения на возможные действия доверительного управляющего по распоряжению им. В любом случае исключаются либо имеют ограничения сделки, направленные на отчуждение имущества, сокращение его объема и т.п. Вступление в наследственное владение имуществом безвестно отсутствующего лица также не возможно до момента объявления его в качестве умершего (ст. 45 ГК РФ), которое не может произойти ранее пятилетнего срока с момента отсутствия сведений о месте нахождения безвестно отсутствующего лица. Таким образом, хотя с одной стороны законодательно в достаточной степени урегулированы правовые отношения, в случае безвестного отсутствия гражданина, но в то же время при его отсутствии в течении длительного срока сохраняется режим достаточно ограниченного использования и распоряжения имуществом, что для его близких родственников, которые чаще всего и назначаются судом доверительными управляющими, становится во многих случаях не адекватным жизненным ситуациям.

Но безвестное отсутствие гражданина имеет не только гражданско-правовые последствия. Причина исчезновения человека может иметь криминальный характер, иметь причиной какое-либо преступление насильственного характера. В этой связи в обязанности правоохранительных органов входит совершение необходимых действий, направленных на поиск безвестно исчезнувших лиц. Действия сотрудников уполномоченных органов регламентируются соответствующей инструкцией, утвержденной совместным приказом. Приказ МВД России, Генеральной прокуратуры РФ и СК России от 16 января 2015 г. № 38/14/5, утверждающей Инструкцию «О порядке рассмотрения заяв-

лений, сообщений о преступлениях и иной информации о происшествиях, связанных с безвестным исчезновением лиц». В соответствии с данной инструкцией регистрируется факт исчезновения, организовывается выезд и работа следственно-оперативной группы по осмотру места проживания исчезнувшего лица, поиска следов возможного криминального характера исчезновения и т.д. При отсутствии признаков совершенного в отношении пропавшего лица преступления, дальнейшие розыскные действия осуществляют сотрудники соответствующих оперативных подразделений полиции. При этом заводится розыскное дело и формируется соответствующий оперативный учет, в который вносится информация о разыскиваемом лице, его приметах, одежде, антропометрические данные и др., по которым возможно опознание лица в случае его обнаружения. Кроме того, оперативные подразделения полиции, которые в обязанности которых входит розыск безвестно пропавших лиц, также занимаются и вопросами установления личностей обнаруженных неопознанных трупов [4]. При этом сотрудниками формируется и ведется оперативный учет неопознанных трупов, в который заносятся данные антропометрии трупов, особые приметы, дактилоскопические признаки, данные по предметам одежды, имеющиеся на трупе, личные вещи и др. Сопоставление данных указанных оперативных учетов во многих случаях способствует обнаружению исчезнувших лиц, в случае их гибели по причине криминального либо не криминального характера. При формировании базы данных оперативных учетов неопознанных трупов обязательной информационной составляющей являются данные ДНК-профиля неопознанного трупа. Установление генетического профиля неопознанных трупов входит в компетенцию молекулярно-генетических лабораторий бюро СМЭ Минздрава РФ, а также экспертных подразделения Министерства внутренних дел РФ, имеющих соответствующее оборудование [5]. При этом обязательным требованием является установление генетического профиля не менее чем по 22 локусам, для последующего занесения полученной генетической информации в Федеральную базу данных геномной информации, сформированную в соответствии с указанным Федеральным Законом РФ [6, 8]. В эту же федеральную базу геномной информации в рамках добровольной генетической регистрации могут быть помещены данные ДНК родственников безвестно пропавших лиц. В этом случае проверка по Федеральной базе генетической информации может выявить совпадения генетических данных лиц, имеющих прямое генетическое родство типа родитель-ребенок. Совершенно очевидно, что обнаруженное совпадение данных ДНК обнаруженного неопознанного трупа и данных ДНК лиц – родственников, разыскивающих безвестно пропавшего, не исключает дальнейшей детальной проверки, в том числе и с проведением дополнительной молекулярно-генетической экспертизы, с целью исключения возможной ошибки идентификации умершего лица. Однако, тем не менее, такие ошибки встречаются в практике работы правоохранительных органов и которые влекут за собой в том числе и определенные гражданско-правовые последствия [7].

Чаще всего данные ошибки идентификации связаны с совокупностью нескольких одновременно действующих факторов. Во-первых, формальное отношение к делу сотрудников правоохранительных органов, занимающихся розыском безвестно пропавших лиц, а в некоторых случаях и их стремление поднять имеющиеся показатели работы в данном направлении деятельности. Во-вторых, наличие у родственников пропавшего лица цели избежать достаточно длительного периода неопределенности гражданско-правового статуса имущества с невозможность его отчуждения, а также процедур судебного разбирательства с необходимостью в них участия, что неизбежно влечет временные и материальные затраты. В-третьих, отсутствие данных генетической экспертизы по причине ее не проведения в результате отсутствия заинтересованности сторон в ее результатах, либо в случаях когда между моментом начала розыска безвестно пропавшего лица и моментом обнаружения неопознанного трупа, который может являться пропавшим, составляет достаточно непродолжительный период времени, в течении которого не могло быть назначено молекулярно-генетическое исследование биологического материала трупа с целью постановки на учет данных его ДНК. Наличие совокупности данных факторов, либо их отдельное наличие может приводить к ситуации, при которой опознание неопознанного трупа проводится родственниками безвестно пропавшего лица в морге с составлением соответствующего протокола и других процессуальных документов без какой-либо дополнительной проверки. Формально, действующее законодательство и инструкции, регламентирующие деятельность сотрудников правоохранительных органов это допускают и, таким образом проведенные процедуры не являются каким-либо нарушением [4]. Необходимо учитывать также, что во многих случаях неопознанные трупы к моменту обнаружения часто находятся в той или иной степени гнилостного изменения, у них в соответствии с обстоятельствами смерти могут быть обезображено лицо, отсутствовать детали одежды, знакомые родственникам, части тела с особыми приметами и т.д. Все эти факторы объективно, не зависимо от сознания участников опознания, затрудняют этот процесс, делают его в значительной степени субъективным. Опять же, возвращаясь к целям, которые могут преследовать родственники в плане достижений каких-либо гражданско-правовых последствий формального установления разыскиваемого лица в виде обнаруженного неопознанного трупа, можно указать также и такой момент, что если в случае обнаружения пропавшего живым, не зависимо от его состояния (травма, заболевание, потеря памяти, расстройство психической деятельности и т.д. и т.п.) вряд ли возможно предположить ситуацию ошибочного опознания, т.к. в любом случае родственникам придется заботиться и ухаживать за данным лицом. Совсем иное дело «ошибочное опознание» умершего лица. Данный факт во многих случаях связан для родственников с выгодоприобретением в виде получения наследства, устранением препятствия для совершения сделок и др. То, что такие случаи имеют место, известны из анализа практики правоохранительных органов (в частности в работе молекулярно-генетической лаборатории ЭКЦ УМВД России по Рязанской области

данные случаи отмечались), а также из сообщений средства массовой информации [7].

Таким образом, процесс опознания лица должен в значительной мере стать более объективным во избежании не благоприятных гражданско-правовых коллизий и неопределенностей. В этой связи представляется актуальной необходимостью внесение изменений в действующие инструкции оперативных сотрудников МВД с дополнением их требованием обязательного проведения молекулярно-генетической экспертизы (исследования) с целью подтверждения идентификации неопознанного трупа и установления его родства.

Список литературы :

1. Приказ МВД России, Генеральной прокуратуры Российской Федерации и СК России от 16 января 2015 г. № 38/14/5 «Об утверждении Инструкции о порядке рассмотрения заявлений, сообщений о преступлениях и иной информации о происшествиях, связанных с безвестным исчезновением лиц».
2. Приказ МВД РФ от 19 июня 2012 г. № 608 «О некоторых вопросах организации оперативно-розыскной деятельности в системе МВД России»
3. Приказ Минздравсоцразвития России от 12.05.2010 г. № 346н.
4. «Инструкция об организации и тактике установления личности граждан по неопознанным трупам, больных и детей, которые по состоянию здоровья и возрасту не могут сообщить о себе сведения"», утвержденная Приказом МВД № 117 от 01.03.2018 г.
5. Федеральный закон от 3 декабря 2008 г № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации»
6. Приказ МВД № 882 от 23.11.2017 г. «Вопросы эксплуатации программного обеспечения для реализации сервиса объединенной поисковой федеральной системы генетической идентификации «Ксенон-2»
7. Российская газета 22.07.2014 г. «Докажи что не мертвец» Режим доступа: <https://rg.ru/2014/07/22/mertvec.html>
8. Перепечина И. О., Гришечкин С. А. Вероятностные расчеты в ДНК-дактилоскопии: Методические рекомендации. –М.: ЭКЦ МВД России, 1996.
9. Смирнов Д.В. Естественно-научные основы и исторические аспекты развития ДНК-анализа в практике правоохранительных органов. Современные технологии в науке и образовании СНО-2018 Международный научно-технический форум Сб.трудов т.10, 131-134

КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД К ПОЛУЧЕНИЮ ИНФОРМАЦИИ О ЧЕЛОВЕКЕ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Соколова Ольга Александровна

Профессор кафедры
экспертно-криминалистической деятельности
учебно-научного комплекса судебной экспертизы
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя
доктор юридических наук, доцент
г. Москва, Россия

В настоящее время на передний план борьбы с преступностью выдвигаются задачи совершенствования имеющихся и разработка новых, более эффективных методов и средств выявления преступлений, установления лиц, их совершающих. Это связано, прежде всего, с произошедшими в нашей стране в 90-е гг. XX века переломными социально-экономическими преобразованиями, предопределившими негативные количественные и качественные изменения преступности как социального явления. Несмотря на предпринимаемые законодательные и организационные меры, направленные на усиление борьбы с преступностью, проблемными остаются вопросы защиты прав и свобод граждан, обеспечение безопасности государства в целом. Нарастающие угрозы отмечаются в форме организованной преступной деятельности в сфере экономики, незаконного оборота наркотических средств, огнестрельного оружия и взрывчатых веществ, а также террористической деятельности, коррупции, экстремизма и киберпреступности.

В связи с этим важнейшее, а в ряде случаев определяющее значение в решении этих задач имеют современные достижения науки и техники, трансформируемые в следственную и экспертную практику через криминалистику и судебную экспертизу. В их числе средства гласного и негласного контроля за поведением человека в конкретных ситуациях, изучения его личности, жизнедеятельности и связей с окружающей обстановкой, в том числе при совершении преступлений.

При этом, как правило, возникает задача диагностирования его свойств и признаков, отобразившихся в различных следах. Прежде всего, это относится к следующим категориям граждан, участникам уголовного судопроизводства: свидетелям, подозреваемым, обвиняемым; а также известных лиц, скрывающихся от правоохранительных органов, лиц, скрывающих свои данные умышленно или по состоянию здоровья, без вести пропавших, неустановленных трупов, это, во-первых.

Во-вторых, результатами диагностирования свойств и признаков перечисленных категорий граждан при раскрытии и расследовании преступлений, используемых в своей профессиональной деятельности, помимо субъектов уголовно-процессуальных отношений: следователей, дознавателей, проку-

ров, судей, пользуются участники гражданского, арбитражного и административного судопроизводства.

В-третьих, они могут являться субъектами гражданской аутентификации личности. С учетом ограниченного объема данной статьи и рамками ее проблематики, обозначенные сферы гражданского, арбитражного и административного судопроизводства, а также гражданской аутентификации личности нами не рассматриваются, хотя также заслуживают отдельного изучения.

Отметим, что получение комплексной, криминалистически значимой информации о человеке по его следам и отображениям возможно на основе глубоких теоретических изысканий и с учетом изучения опыта работы правоохранительных органов в этом направлении. В процессе раскрытия и расследования преступлений именно многообразие свойств и признаков человека как объекта криминалистического исследования изучается и диагностируется посредством применения специальных знаний из области антропологии, медицины, физиологии, психологии, психиатрии, психолингвистики и других отраслей науки, комплекслируемых в виде криминалистических методов, средств, рекомендаций и судебно-экспертных методик исследования свойств и признаков человека в целях создания модели или «комплексного» портрета изучаемого человека.

Результаты этого интегрирования, как нам представляется, в настоящее время, позволяют выделить не только в частной теории криминалистической диагностики человека новое направление, изучающее следы и отображения человека, но и предложить в рамках этого направления концепцию интегративного учения о человеке, как объекте криминалистического исследования, определив его предмет, систему, задачи и его место в ряду других криминалистических теорий и учений [1, с. 158-161].

В научном плане, применительно к проблемам криминалистической диагностики, как этапу сбора информации для проведения дальнейших идентификационных исследований, данное направление является менее разработанным. Несмотря на значительный вклад в его развитие ученых-криминалистов, теория криминалистической диагностики находится в стадии развития, особенно по отдельным ее направлениям. Данное обстоятельство отражается на уровне разработанности частных теорий криминалистической экспертной диагностики, о чем свидетельствуют отдельные научные работы, освящающие лишь некоторые направления криминалистической диагностики при проведении судебных экспертиз.

Наиболее существенными из них остаются именно проблемы комплексного использования всей информации диагностического характера о свойствах и признаках изучаемого человека. Помимо этого, не в полной мере используются достижения психологической, биологической, медицинской и других отраслей знания с точки зрения решаемых задач в криминалистике. Не определены возможности комплексного использования методов диагностирования свойств и признаков человека, недостаточно изученными остаются возможности комплексных экспертных исследований с позиции современного

состояния научно-технической базы и применяемых инновационных технологий.

Изучение следственной, судебной и экспертной практики свидетельствует о недостаточном внимании к проблеме диагностирования свойств и признаков человека по его следам и отображениям, поскольку в настоящее время не в полной мере отражают интеграцию специальных знаний для комплексного их исследования, что является сдерживающим фактором для дальнейшего развития актуальных направлений в этой области.

Сложившееся положение дел отрицательно сказывается на практической деятельности правоохранительных органов, осуществляющих сбор информации о свойствах и признаках человека по его следам и отображениям в процессе раскрытия и расследования преступлений. Данное обстоятельство не позволяет в полной мере реализовать основные положения, изложенные в «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года». Так, в соответствии с п.38 Указа Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 главными направлениями государственной политики в сфере обеспечения государственной и общественной безопасности являются: «усиление роли государства в качестве гаранта безопасности личности, прежде всего детей и подростков, совершенствование нормативного правового регулирования предупреждения и борьбы с преступностью, коррупцией, терроризмом и экстремизмом...». В части, касающейся совершенствования нормативного правового регулирования предупреждения и борьбы с преступностью, коррупцией, терроризмом и экстремизмом, разработка проблемы комплексирования позволяет решать новые, ранее не решаемые задачи для деятельности правоохранительных органов, осуществляющих сбор информации о свойствах и признаках человека по его следам и отображениям в процессе раскрытия и расследования преступлений.

Пути выхода из создавшейся ситуации, по нашему мнению, видятся в систематизации и восполнении имеющихся теоретических положений и формировании самостоятельной частной теории – криминалистической диагностики человека по его следам и отображениям, ее глубоком и всестороннем обосновании, разработки и поэтапной реализации, соответствующей уровню современных научно-технических достижений. В частности, в теории необходимо предусмотреть интегративный подход к изучению человека как объекта криминалистического исследования и на его основе сформировать «комплексный» портрет.

Наряду с разработкой научных основ, требуется и совершенствование практической деятельности органов, назначающих экспертизы и их производящих.

Результаты анализа следственной и экспертной практики показывают, что возможности комплексного подхода при моделировании внешнего облика человека в раскрытии и расследовании преступлений используются далеко не в полной мере. Данное обстоятельство, на наш взгляд, обусловлено дефицитом знаний о возможностях комплексного подхода к диагностированию свойств и

признаков человека у следственных и оперативных работников, а также о необходимости комплексных судебных экспертиз при диагностировании отмеченных объектов.

Следует добавить и проблемы взаимодействия между ведомствами и органами расследования при назначении этих экспертиз и оценки их результатов. Несмотря на давно сложившуюся практику проведения судебных экспертиз, тем не менее, в различных ведомствах используется разная терминология при описании объектов, свойств и признаков и различные методические подходы. Это не способствует единообразию производства судебных экспертиз, выработки форм выводов экспертов, что осложняет оценку результатов органами, назначающими экспертизы.

Особую сложность вызывает назначение комплексных экспертиз по диагностике человека по его следам и отображениям, так как следственные работники недостаточно ориентируются в особенностях понятия комплексных исследований и возможности интеграции знаний при их проведении.

В совокупности вышеизложенное препятствует системному анализу использования комплексированных научных знаний и разработке, как методологических основ диагностических исследований, так и алгоритма решения частных диагностических задач в различных родах криминалистических экспертиз, объектом исследования которых являются разнообразные свойства и признаки человека, отобразившиеся в его следах, а также использование диагностирования свойств человека при производстве отдельных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий.

Дифференцированный характер собираемой информации о многообразии свойств и признаков человека как объекта криминалистического исследования, требует проведения комплексного анализа, посредством которого возможно сформировать его обобщенный «комплексный» портрет, позволяющий, в конечном итоге, моделировать его внешний облик.

С учетом вышеизложенного и результатами структурно-содержательного анализа диагностики свойств и признаков человека как объекта криминалистического исследования, связанного с уголовным судопроизводством, структура комплексного портрета может быть представлена в следующем виде:

- криминалистически значимую информацию, в частности, общий «криминалистический портрет», систему которого можно представить в виде «словесного портрета», «фоторобота» или композиционного портрета, «трассологического портрета»;

- результаты изучения навыков и привычек человека, проявившихся в разнообразных (материальных и идеальных) следах на месте преступления, сформировавшиеся в процессе жизнедеятельности человека и выражающиеся в различных его движениях и проявлениях (походка, телодвижения, почерк, звуковые следы, речь);

- индивидуальные особенности поведения человека (преступника) на месте преступления, основанные на физиологических процессах, их мотивация и другие, представленные психологическим и психиатрическим портретами;

- естественнонаучную информацию, представленную разнообразными сведениями о личности, получаемой с использованием достижений таких отраслей наук как физика, химия, биология, медицина;

- информацию, полученную при проведении оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий, в результате проверок по криминалистическим и другим видам учетов, в порядке консультаций специалистов.

Таким образом, представляется, что именно комплексный подход предопределяет потребность разработки новых методов исследования, открывающих большие возможности для отражения объективной действительности посредством комплексирования научных знаний, обеспечивающих достоверность и объективизацию результатов исследования, становясь методом теоретического познания. Решение указанных проблем, составляет перспективную научно-практическую задачу и свидетельствует об актуальности данной темы не только в уголовном судопроизводстве, но и в сфере гражданского, арбитражного и административного судопроизводства, а также гражданской аутентификации личности.

Список литературы

1. Соколова, О. А. Развитие учения о человеке в рамках теории криминалистической диагностики // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. № 1, 2019. – С.158-161. International Journal CRIMINAL PROCEDURE PROBLEMS OF THEORY FND PRACTICE. № 1, 2019. p. 158-161.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ГЕНОМНАЯ РЕГИСТРАЦИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ЭТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Степаненко Диана Аркадьевна

доктор юридических наук, профессор,

профессор кафедры криминалистики,

судебных экспертиз и юридической психологии

Института государства и права

Байкальского государственного университета

Митрофанова Алёна Андреевна

кандидат юридических наук,

старший преподаватель кафедры

уголовно-процессуального права и криминалистики

Кузаков Дмитрий Вадимович
магистрант 2 курса
Восточно-Сибирского филиала
Российского государственного университета правосудия
г. Иркутск, Россия

Одним из наиболее эффективных и надежных методов идентификации личности является метод ДНК-анализа. Геноскопическая (генотипоскопическая, молекулярно-генетическая) идентификация обладает свойственной только ей спецификой, не характерной для классической криминалистической идентификации, поскольку она базируется не на выявлении сходства внешних характеристик сравниваемых объектов (идентифицируемого и идентифицирующего), а на познании уникальной генетической составляющей внутренней структуры организма человека [1, с. 8].

Практически невозможно в процессе совершения преступления не оставить на месте происшествия следы биологического происхождения, даже самые незначительные из которых хранят информацию о ДНК человека. Так, одного выпавшего волоса или капли пота вполне достаточно для генотипоскопии. Бесспорным также является и то, что ДНК-регистрация — серьезный инструмент предупреждения преступности, однако в настоящий момент КПД данного инструмента остается достаточно низким.

Процедура геномной регистрации в России на сегодняшний день имеет ряд проблем как технического, так и организационного характера (в числе которых отсутствие необходимого финансирования, а также налаженной связи между базами данных экспертных учреждений различных уровней и регионов, о чем говорят сами сотрудники таких учреждений в процессе дискуссий на круглых столах и конференциях), но в данной статье мы бы хотели уделить особое внимание этической стороне рассматриваемого вопроса.

Согласно ст. 6 Федерального закона «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации»¹ в России проводятся обязательная и добровольная геномная регистрация. Обязательной геномной регистрации подлежат лица, осужденные и отбывающие наказание в виде лишения свободы за совершение тяжких или особо тяжких преступлений, а также всех категорий преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности; неустановленные лица, биологический материал которых изъят в ходе производства следственных действий; неопознанные трупы.

Добровольная государственная геномная регистрация осуществляется на платной основе. Согласно ч. 3 ст. 8 вышеуказанного Федерального закона порядок и размер платы за проведение добровольной геномной регистрации

¹ О государственной геномной регистрации в Российской Федерации : федер. закон от 03.12.2008 № 242-ФЗ // СЗ РФ. – 2008. – № 49. – Ст. 5740.

устанавливаются Правительством РФ. Однако нам не удалось обнаружить какого-либо ведомственного нормативного правового акта, регулирующего данные вопросы, а стоимость проведения такой регистрации указывается в отдельных источниках самой различной: 4 680 руб. [2], 9 360 руб. [3] и иная в зависимости от региона.

Как показали результаты проведенного нами опроса населения¹, большинство респондентов (70 %) в целом положительно относятся к обязательной геномной регистрации указанных выше категорий лиц и неопознанных трупов. Стоит отметить, что 57 % опрошенных граждан готовы добровольно сдать свой генетический материал для хранения в Федеральной базе данных геномной информации (далее — ФБДГИ), но при этом на платной основе пройти процедуру геномной регистрации согласились бы только 12 % респондентов (рис. 1, 2).

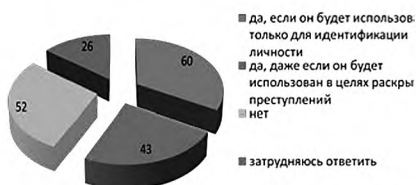

Рис. 1. Результаты опроса. Согласились бы Вы добровольно сдать свой генетический материал для хранения в ФБДГИ, человек

Рис. 2. Результаты опроса. Согласились бы Вы сдать свой генетический материал для хранения в ФБДГИ на платной основе, человек

Особенно остро вопрос стоимости проведения добровольной геномной регистрации стоит для лиц, разыскивающих своих без вести пропавших родственников. Как представляется, геномная регистрация на бесплатной основе для данной категории лиц могла бы значительно способствовать идентификации неопознанных трупов (для справки в 2018 г. было возбуждено 17 894 уголовных дела по установлению личности граждан по неопознанным трупам, находившихся на учете, за первое полугодие 2019 г. таких уголовных дел было возбуждено уже 13 910) [4].

Однако для того, чтобы возможности метода ДНК-анализа могли быть использованы не только для целей идентификации преступников и неопознанных трупов в процессе раскрытия и расследования преступлений, но и для

¹ С целью выяснения мнения населения России относительно отдельных аспектов геномной регистрации нами был проведен анонимный опрос по специально разработанной анкете, в котором принял участие 181 человек. Анкета распространялась как в печатном виде, так и посредством электронной почты и социальных сетей с использованием электронного сервиса <https://www.surveymonkey.com/ru/>

предупреждения преступности в целом, в Российской Федерации представляется необходимым построить модель, основанную на всеобщей геномной регистрации населения.

Реализация данной модели связана с решением многочисленных вопросов, которые лежат отнюдь не только в правовой и финансовой плоскостях, безусловно, они имеют важную этическую составляющую.

Во-первых, процедура всеобщей геномной регистрации предполагает необходимость введения так называемых генетических паспортов. Идеи о введении всеобщей генетической паспортизации высказывались как учеными-криминалистами, так и генетиками [см., напр.: 5, 6, 7, 8]. Следует отметить, что указом Президента РФ от 11.03.2019 № 97¹ в числе основных задач государственной политики в области химической и биологической безопасности определено осуществление генетической паспортизации населения с учетом правовых основ защиты данных о персональном геноме человека и формирование генетического профиля населения.

Однако в вопросе определения возраста постановки на учет и выдачи таких паспортов ученые расходятся во мнениях. Так, предлагалось проводить эту процедуру при выдаче или замене паспорта гражданина Российской Федерации, при достижении лицом 16-летнего возраста и пр. Не вступая в дискуссию, констатируем, что в решении этого вопроса мы солидарны с учеными, по мнению которых процедура всеобщей геномной регистрации должна осуществляться сразу после рождения человека [см.: 5, 9]. Так, А.С. Лукомская отмечает, что поскольку практически у каждого новорожденного производится забор крови для проверки на наличие врожденных заболеваний, целесообразно направлять данные образцы для дальнейшего анализа и хранения в ФБДГИ [9, стр. 93]. При этом речь не идет о том, что каждый новорожденный рассматривается как потенциальный преступник, поскольку геномная регистрация осуществляется не только для целей идентификации преступников при раскрытии и расследовании преступлений (ч. 2 ст. 14 ФЗ «О государственной геномной регистрации в РФ»).

Во-вторых, из указанной выше проблемы вытекает еще одна, не менее важная, а именно соблюдение требований биоэтики при заборе и использовании поставленного на учет генетического материала. Биоэтика в настоящее время — это не только область междисциплинарных исследований, направленных на осмысление, обсуждение и разрешение моральных проблем, порожденных новейшими достижениями биомедицинской науки и практикой здравоохранения, но и формирующийся специфический социальный институт, призванный регулировать конфликты и напряжения, возникающие во взаимоотношениях между сферой выработки и применения новых биомедицинских

¹ Об Основах государственной политики Российской Федерации в области обеспечения химической и биологической безопасности на период до 2025 года и дальнейшую перспективу : указ Президента РФ от 11.03.2019 № 97 // СЗ РФ. 18.03.2019. № 11. Ст. 1106.

знаний и технологий, с одной стороны, и индивидом и обществом — с другой [10].

Касательно вопросов этичности всеобщего (а соответственно, принудительного) забора биологического материала, содержащего генетическую информацию, среди населения страны существует определенная напряженность [см. напр.: 11, 12], вызванная, прежде всего недоверием со стороны общества к государственным механизмам защиты этих данных от неправомерного использования и распространения, что подтверждается проведенным нами исследованием. Так, среди обстоятельств, препятствующих введению всеобщей геномной регистрации в Российской Федерации (рис. 3), респонденты, прежде всего, указали на недоверие общества к правовым механизмам защиты персональных данных (35 %) и высокую вероятность нарушения прав человека на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну (32 %).

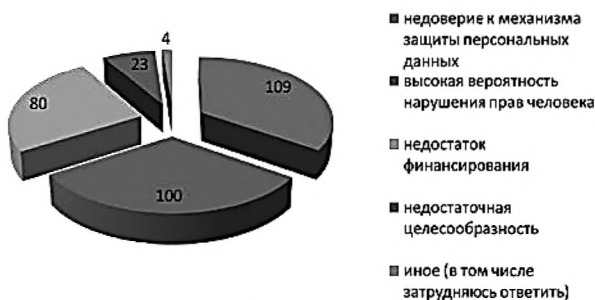

Рис. 3 Результаты опроса. Какие обстоятельства, на Ваш взгляд, препятствуют введению всеобщей геномной регистрации в РФ (возможно несколько вариантов ответов), человек

Дезоксирибонуклеиновая кислота содержит в себе наследственную информацию, которая программирует процесс развития и функционирования организма. Вполне обоснованными являются опасения относительно возможности неправомерного её использования, хранения и распространения, поскольку такие действия могут нанести вред носителю данной информации, повлечь нарушение его конституционных прав, а потому данную процедуру необходимо должным образом регламентировать с учетом требований международных актов.

Основным международным актом, регулирующим вопросы геномных исследований, является Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека¹, устанавливающая в качестве основных принципы добровольности и конфиденциальности геномных исследований (ст. 5, 7), но допускающая воз-

¹ Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека от 11.11.1997 г. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/human_genome.shtml (дата обращения 12.11.2018).

возможность ограничений, касающихся данных принципов, в соответствии с законом и по крайне серьезным причинам.

В ст. 3 ФЗ «О государственной геномной регистрации в РФ» указано, что регистрация проводится в соответствии с такими принципами как законность, гуманизм, конфиденциальность, сочетание обязательности и добровольности. Если же будет введена всеобщая геномная регистрация, данные принципы необходимо будет пересмотреть. Кроме того, закрепление принципов «на бумаге» не является гарантом их исполнения на деле. Как указывалось нами в ранних работах, «отсутствие специальных норм или прямых ссылок на инструкции, пошагово регулирующие действия лиц, осуществляющих получение, учёт, хранение, использование, передачу и уничтожение биологического материала, возникают сомнения, что поступающие в ФБДГИ данные действительно эффективно охраняются и не могут быть использованы посторонними лицами» [13, стр. 82]. В этой связи считаем необходимым введение инструкций, регламентирующих деятельность субъектов, осуществляющих геномную регистрацию, а также специальных требований по отбору персонала и требований к пропускному режиму.

Таким образом, можно констатировать, что всеобщая геномная регистрация населения России обеспечит не только высокий уровень раскрываемости преступлений, но и послужит эффективным превентивным инструментом. Однако введение новой модели геномной регистрации связано с высоким риском нарушения прав человека на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, а соответственно с определенной напряженностью в обществе, в связи с чем на законодательном уровне должны быть разработаны жесткие механизмы, обеспечивающие использование генетической информации исключительно для целей, предусмотренных ФЗ «О государственной геномной регистрации в РФ».

Список литературы :

1. Степаненко Д.А. Криминалистическая идентификация. Понятие. Принципы. Технологии : монография. – Иркутск : Иркутская областная типография № 1 им. В.М. Посохина, 2005. – 256 с.
2. Стенограммы обсуждения законопроекта № 14674-6 [Электронный ресурс]. – URL: <http://api.duma.gov.ru/api/transcript/14674-6> (дата обращения 16.11.2018).
3. Предъявите ваши гены [Электронный ресурс]. – URL: <https://rg.ru/2015/07/21/genom.html> (дата обращения 16.11.2018).
4. ЕМИСС государственная статистика [Электронный ресурс] . – URL: <https://fedstat.ru/> (дата обращения 14.09.2019).
5. Панова А.А., Соколов А.Ф. Всеобщая геномная регистрация: pro et contra – 2014. – №1 (3). – http://www.proexpertizu.ru/general_questions/616/.
6. Ханов Т.А. Геномная регистрация как универсальный идентификатор личности в системе мер предупреждения преступности: исследова-

ние и перспективы внедрения / Т.А. Ханов, М.Р. Сихимбаев, Б.К. Биржанов, К.К. Биржанов // Всероссийский криминологический журнал. – 2016. – Т. 10, № 3. – С. 544-553.

7. Холопова Е.Н. Обязательная геномная регистрация и проблемы ее внедрения в России / Е.Н. Холопова // Евразийский юридический журнал. – 2018. – № 12(127). – С. 263-269.

8. Романовская О. В. Правовое регулирование геномной регистрации в Российской Федерации / О. В. Романовская, Г. Б. Романовский // Рос. юстиция. – 2013. – № 8. – С. 43-46.

9. Лукомская А. С. К вопросу о государственной геномной регистрации / А. С. Лукомская // Вестник ОГУ. – 2012. – № 3. – С. 92-94.

10. Новая философская энциклопедия: В 4 т. / под ред. В. С. Стёпина. – М. : Мысль, 2001 [Электронный ресурс] // URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/8008/БИОЭТИКА.

11. Дайте ваши гены. И отпечатки [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.interfax.ru/russia/126626> (дата обращения 23.08.2019).

12. Мир стоит у последней черты. Переступим ли мы через нее зависит от наших богословов [Электронный ресурс]. – URL: http://www.logoslovo.ru/forum/all/topic_14667/ (дата обращения 14.09.2019).

13. Митрофанова А.А. К вопросу о перспективах геномной регистрации в Российской Федерации / А.А. Митрофанова, Д.В. Кузаков // Глаголь Правосудия. № 2(16) – 2018. – С. 79-84.

ЭТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ МОЛЕКУЛЯРНО-ГЕНЕТИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ В МЕДИЦИНЕ

Султанова Регина Илдаровна,
биолог ГБУЗ «Республиканский медико-генетический центр»,

Алия Фанильевна Ахметгалеева,
биолог ГБУЗ «Республиканский медико-генетический центр»,

**ФГБОУ ВО «Башкирский государственный медицинский
университет МЗ»**

Ахметова Вита Леоновна,
заведующая лабораторией молекулярно-генетической диагностики,

ГБУЗ «Республиканский медико-генетический центр»,

**Институт биохимии и генетики – обособленное
структурное подразделение Уфимского федерального
исследовательского центра Российской академии наук»;**

Миннихметов Илдар Рамилевич
директор ГБУЗ «Республиканский медико-генетический центр»;
Институт биохимии и генетики – обособленное
структурное подразделение Уфимского федерального
исследовательского центра Российской академии наук»; ФГБОУ ВО «Баш-
кирский государственный медицинский
университет МЗ»

Хусаннова Рита Игоревна,
заместитель директора по лабораторно-диагностической работе ГБУЗ
«Республиканский медико-генетический центр»;
Институт биохимии и генетики – обособленное структурное
подразделение Уфимского федерального исследовательского
центра Российской академии наук», ФГБОУ ВО «Башкирский государ-
ственный медицинский университет МЗ», г. Уфа, Россия

Исследование выполнено при финансовой поддержке грантом РФФИ
18-29-14083 МК.

Сфера генетической и молекулярной диагностики в настоящее время переживает быстрые и фундаментальные изменения и становится основной областью медицинских услуг и диагностической практики, имеющей отношение ко всем отраслям здравоохранения и лечения общих заболеваний.

Результаты генетических тестов могут позволить подтвердить или исключить предполагаемое генетическое заболевание, определить шанс передачи генетических заболеваний по наследству, даже на стадии эмбриона и является основным инструментом персонализированной медицины.

Современные лаборатории оснащены высокотехнологичным оборудованием, которые позволяют выполнять сложные генетические тесты такие как: NGS-секвенирование, FISH-гибридизация, микроматричный анализ и др., которые в качестве комплексных высокопроизводительных диагностических и прогностических молекулярно-генетических методов активно внедряются в практическую медицину.

Однако генетические данные имеют особый статус. Информация, полученная в результате генетического теста, позволяет предсказать будущее состояние здоровья и оценить риски возникновения патологических состояний, полученные данные, могут быть использованы третьими сторонами для дискриминации и ущемления прав человека, а также могут содержать неожиданные находки, оказывая воздействие на семью и потомков обследуемого. Отсутствие равной возможности использовать данные молекулярно-генетического анализа и методов лечения большинства из них может привести к возникновению социального неравенства и накоплению генетического груза по социальным классам. Современные технологические исследования в области ДНК-диагностики позволяют развивать данную отрасль быстрыми темпами, формируя большой спрос у обеспеченных слоев населения, что делает привлекательным эту нишу для открытия бизнеса [1, с 125].

Таким образом, применение генетического тестирования поднимает ряд этических, правовых и социальных вопросов, которые требуют законодательного урегулирования.

Целью нашего исследования является: анализ и обобщение теоретических знаний и практического опыта правового регулирования преимплантационной и пренатальной генетической диагностики, а также использования геномных технологий для ДНК-типирования наследственных заболеваний в Российской Федерации и за рубежом.

Пренатальная диагностика (ПД) наследственных болезней и врожденных пороков развития – одно из направлений деятельности медико-генетической службы. ПД включает различные методы обследования развивающегося плода: биохимический скрининг беременных женщин, ультразвуковое исследование плода, исследование хромосом плода в биологическом материале, полученном при инвазивных (амниоцентез, биопсия ворсин хориона, кордоцентез) или самых современных неинвазивных (исследование клеток, ДНК и РНК плода из крови матери) процедурах.

Уже на заре применения пренатальной диагностики, в 60-ые годы XX века, вместе с положительными моментами (предупреждение рождения больного ребенка) перед человечеством встало немало эτικο-моральных вопросов: среди них проблема принятия решения о прекращении или пролонгирования беременности при выявлении генетических патологий у плода, кто должен принимать это решение и кто вправе это делать [2, с.203]. На данный момент большинство исследователей данного вопроса все же сходятся на мнении, что решение полностью должно приниматься в семье, а не государством.

Развитие методов вспомогательных репродуктивных технологий, и вместе с тем появление метода преимплантационной генетической диагностики (ПГД) вызывает еще более масштабные этические и правовые споры, связанные с определением оснований для проведения данной диагностики, включением в программы обязательного медицинского страхования, правовым режимом полученных данных, которые могут иметь вероятностный характер и повлечь за собой неблагоприятные последствия в виде необоснованного отказа от стимулирования беременности или принятия решения о ее прерывании либо, напротив, быть использованы для целей евгенического отбора, создания донорских тканей и организмов и клонирования человека. [3, с 635-639; 4, с 102-108]. Одним из возможных немедицинских данных, за исключением случаев, сцепленных с полом заболеваний, является пол эмбриона. Встает вопрос определения статуса эмбриона. Становится понятной необходимость некоторого регулирования применения всех этих технологий и использования полученных данных на законодательном уровне. То, насколько глубоки вопросы, касающиеся эмбрионов, можно увидеть и в статье Свитнева К.Н. «Юридический статус эмбриона в международном праве (правоприменительная практика)» [5].

Исходя из обозначенных выше проблем, особое значение приобретает изучение опыта правового регулирования режима генетических исследований в странах мира и национальном законодательстве.

Существуют международные нормы, которые устанавливают запрет на генетические вмешательства в развитие эмбриона человека. Например, ст.13 Конвенции Совета Европы о правах человека и биомедицине [6], ст.1 Всеобщей декларации о геноме человека и правах человека [7], и ст. 16 Всеобщей декларации ЮНЕСКО о биоэтике и правах человека [8] согласно которым вмешательство в геном человека, может быть только в случае диагностики, терапии и профилактики и не несет угрозы будущему поколению.

Немецкий Закон "О защите человеческого эмбриона" принятый в декабре 1990 г. в мире наиболее четко и жестко регулирует права и обязанности в сфере вспомогательных репродуктивных технологий [9]. В Германии запрещена преимплантационная диагностика с целью исключить возможность селекции человека по определенным характеристикам, возможности евгенического отбора, клонирования и экспериментов с созданием химер, и гибридов, а также запрещается изменять генетический код зародыша человека. Основным пунктом является запрет на отбор эмбрионов по половому признаку, за исключением заболеваний, связанных с гендерными различиями или высоким риском наследования серьезных генетических заболеваний, при которых Междисциплинарный комитет по этике дает согласие на процедуру. Условия аккредитации медицинских учреждений в стране определяется на федеральном уровне, включая лицензии, отчетности в каждом конкретном случае и квалификации врачей. В 1989 году было создано Немецкое общество генетики человека, которое занимается разработкой стандартов и требований к генетическим исследованиям и оценкой качества и доступности оказываемых услуг и генетического консультирования. Однако, каждый обладает правом «не знать» о своем генетическом статусе или генетическом статусе эмбриона [4, с 102-108; 10, с. 60-67].

В 1990 году был принят британский Акт об оплодотворении и эмбриологии, согласно которому люди, рожденные с помощью вспомогательных репродуктивных технологий, имеют право на получение информации о своем генетическом происхождении, которая хранится в Информационном регистре отдела по оплодотворению человека и эмбриологии [11, с. 3274-3277]. Вопросами лицензирования и регулирования ПГД и ПНД в Великобритании занимается «Управление по фертильности человека и эмбриологии, которое в 2004 г. ввело ограничения на преимплантационное HLA-типирование. В каждом конкретном случае родителям необходимо получить разрешение на проведение процедуры и в случаях, когда это необходимо для лечения старшего больного ребенка [12, с.113].

Во Франции в 1994 принят закон «О донации и использовании элементов человеческого тела, вспомогательных репродуктивных технологиях и пренатальной диагностике», который был дополнен в 2004 г. законом «О биоэтике» [12, с.113]. Французское Агентство по Биомедицине занимается лицензи-

рованием, контролем за легальностью проводимых исследований. ПГД во Франции разрешена только в случае семейного анамнеза тяжелых наследственных заболеваний, а также при необходимости HLA-типирования.

В Нидерландах принят закон «О эмбрионах», согласно которому ПГД разрешена для диагностики тяжелых и неизлечимых генетических заболеваний, запрещен отбор по полу (кроме X-сцепленных заболеваний).

В Швейцарии, согласно «Закону о генетической диагностике человека», перед проведением любого генетического тестирования необходима консультация врача-генетика и подписание пациентом информированного согласия, получение биоматериала путем проведения биопсии blastomeres категорически запрещено [12, с.115].

В Израиле ПНД является стандартной медицинской процедурой и, согласно «Закону о здоровье», а ПГД является абсолютно легальной процедурой, более приемлемой, чем аборт, но, согласно «Закону о генетической информации», требует получения лицензии [12, с.115-116].

В Италии были приняты приказы от 18.12.2002 и 21.12.2002 запрещающие вывоз эмбрионов и гамет за границу и закон №40 от 19.02.2004 вносящий запрет на донорство гамет и эмбрионов, преимплантационную диагностику, криоконсервацию эмбрионов и суррогатное материнство, исключением стали бесплодные пары, официально состоявшие в браке. Это привело в "репродуктивному туризму" [13, с.7].

Доступность методик определения пола плода на ранних сроках (в том числе неинвазивная диагностика по фетальной ДНК) создает сильную диспропорцию в соотношении полов новорожденных и является серьезной проблемой требующего законодательного урегулирования.

В странах Восточной и Южной Азии, на Ближнем Востоке и в Северной Африке предпочтение отдается мальчикам в зависимости от региональных, экономических, семейных и религиозных устоев. По прогнозам ученых уже через 20 лет избыток представителей мужского пола к женскому может составить 10-20%. Во многих странах выбор пола допускается при медицинских обоснованиях (Канада, Израиль Франция, Япония, Австралия и др.) либо запрещен на законодательном уровне, кроме случаев сцепленного с полом наследования заболеваний (Австрия, Швейцария, Германия, Италия, Япония, Китай, Индия).

Американское общество репродуктивной медицины разрешает выбор пола для поддержания равновесия полов детей в семье и удовлетворения желания родителей. Федеральных законов, запрещающих выбор пола в США, нет, что делает эту страну привлекательной для медицинского туризма. [13, с. 7; 14, с. 8].

В Российской Федерации генетические исследования регулируются Федеральным законом от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», Федеральным законом от 5 июля 1996 г. № 86-ФЗ «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности». Отчасти к данному комплексу правовых актов можно отнести

Федеральный закон от 3 декабря 2008 г. № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации», но он касается лишь обязательной и добровольной геномной регистрации в целях установления личности. После генетического тестирования должно быть проведено генетическое консультирование. Биоэтика и международно-правовые документы исходят из того, что консультирование должно осуществляться на добровольной основе, информация должна предоставляться только лицу, обратившемуся за тестированием. Российское законодательство учитывает данные нормы. Статья 51 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» предусматривает как раз эти пункты: консультация по медицинским показаниям должна быть бесплатной и добровольной. Несмотря на существование данных нормативно-правовых актов, в РФ необходимо совершенствование национального правового режима по направлениям: 1) кому и на каких условиях проводить ПГД, расширенные ПД, современные НИПТ (не инвазивный пренатальный тест) генетические диагностики, чтобы не допустить неравенства в получении генетических данных. Существует необходимость внести поправки 1) по каким характеристикам можно производить манипуляции с эмбрионом, не ограничиваясь при этом только запретом на выбор пола, который в настоящий момент установлен российским законодательством [15, с. 9-14]. 2) что делать с генетической информацией, в том числе случайно обнаруженной в ходе первоначального исследования.

Общемировые тенденции принятия законодательных актов, регулирующих проведение ПГД и ПД, становятся очевидными. Недопустимо проведение ДНК-диагностики для выбора пола при отсутствии показаний для выявления генетических заболеваний.

Генетические технологии очень стремительно развиваются, и на данный момент являются одной из наиболее уязвимых в отношении правового регулирования сфер современной общественной жизни. Чтобы не допустить действий, противоречащих правам человека и общества, необходимо грамотно законодательно регламентировать эту сферу.

Список литературы:

1. Genomics and World Health. Report of a WHO scientific Group. Geneva: WHO, 2002. 125p.
2. Ижевская В.Л. Этические проблемы перинатальной диагностики// Журнал акушерства и женских болезней, Т LX (2), 2011.
3. AbdelkrimHmadcha, YolandaAguilera, MariaDoloresLozano-Arana, et al., Derivation of HVR1, HVR2 and HVR3 human embryonic stem cell lines from IVF embryos after preimplantation genetic diagnosis (PGD) for monogenic disorder // Stem Cell Research. V.16. Is.3. 2016. P. 635-639.
4. Комарова В.В., Алтынник НА., Бородина М.А., Суворова Е.И., Зенин С.С., Суворов Г.Н. Опыт правового регулирования процедуры преимплантационной генетической диагностики (ПГД) в Федеративной Республике Германия// Проблемы права № 2(71). 2019. с.102—108.

5. Свитнев К. Н. Юридический статус эмбриона в международном праве (правоприменительная практика) // Медицинское право. № 3. 2009.
6. <https://www.coe.int/ru/web/conventions/fulllist//conventions/rms/090000168007cf98>
7. <http://www.unesco.org/new/en/social-and-human-sciences/themes/bioethics/humangenome-and-human-rights/>
8. (http://portal.unesco.org/en/ev.php58%26URL_DO%3DDO_TOPIC%26URL_SECTION%3D201.html).
9. (http://portal.unesco.org/en/ev.php58%26URL_DO%3DDO_TOPIC%26URL_SECTION%3D201.html)
10. Bettina Bock von W Ifingen. Contested change: how Germany came to allow PGD // Reproductive Biomedicine & Society Online. V.3. 2016. P.60-67.
11. Blyth E., Hunt J. Sharing genetic origins information in donor assisted conception: views from licensed centres on HFEA donor information form (91) 4 // Human Reproduction 1998; №11, p.3274-3277.
12. Чоговадзе А.Г., Особенности законодательного регулирования преимплантационной и пренатальной генетической диагностики в различных странах. Клеточная трансплантология и тканевая инженерия. Том VII, № 2, 2012 с.112-118.
13. Bayefsky M.J. «Comparative preimplantation genetic diagnosis policy in Europe and the USA and its implications for reproductive tourism». // Reprod Biomed Soc Online. 2016. 3:41. P. 7. DOI: 10.1016/j.rbms.2017.01.001
14. Хаят С.Ш., Курило Л.Ф., Черных В.Б. Вспомогательные репродуктивные технологии и правовая проблема выбора пола плода // Андрология и генитальная хирургия. 2019. № 20 (2): 64 С.8.
15. Алтынник Н. А., Комарова В. В., Бородина М. А., Суворова Е. И, Зенин С. С., Суворов Г. Н. Международно-правовое регулирование преимплантационной генетической диагностики (пгд) и тенденции развития российского законодательства в сфере вспомогательных репродуктивных технологий // Геном. 2019. № 6 (151) С. 9-14.

ПРАВОВОЙ СТАТУС РУКОВОДИТЕЛЯ В СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Суровая Олеся Александровна
главный специалист
ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России
г. Москва, Россия

Роль судебной экспертизы в современной системе правоприменения постоянно возрастает в связи с происходящими социально-экономическими переменами в государстве и обществе [1, с. 7].

Судебная экспертиза является одним из важнейших элементов реализации защиты интересов государства, прав и свобод гражданина, юридического лица в Российской Федерации. Понятие «экспертиза» (эксперт от лат. *expertus* – знающий по опыту, опытный, испытанный, проверенный) используется в науке и практике для обозначения исследований, требующих использования профессиональных знаний [2, с.3].

Судебная экспертиза как самостоятельная наука на протяжении многих лет росла и развивалась, сталкивалась с трудностями и находила ответы для их решения, что способствовало ее дальнейшему совершенствованию. Хотя в настоящее время судебная экспертиза активно развивается еще остается достаточно нерешенных проблем как теоретического, так и практического плана. Одной из таких проблем является отсутствие четкого регулирования в вопросе правового статуса руководителя судебно-экспертной организации (далее – руководитель).

Анализ литературы показал, что детальному многостороннему изучению подверглась лишь фигура эксперта, делались выводы о самостоятельности эксперта, рассматривались его права и обязанности, указывалось на необходимость их расширения и большей конкретизации. При этом руководителю отводилась второстепенная роль при назначении, организации производства судебной экспертизы и направлении готовой судебной экспертизы органу или лицу, назначившему ее.

Уделяя повышенное внимание важной роли эксперта, ни в коем случае нельзя забывать, что руководитель как участник судебно-экспертной деятельности – лицо ответственное за действия и результаты всей профессиональной деятельности организации, повышения ее авторитета и международного статуса, а также эффективности, выражающейся в умении «создавать творческие экспертные коллективы сотрудников разного возраста и опыта работы» [3, с. 89].

Приступая к рассмотрению вопроса о правовом статусе руководителя, необходимо определить его понятие. Статья 273 Трудовой кодекс Российской Федерации определяет руководителя организации как физическое лицо, осуществляющее руководство организацией, в том числе выполняющее функции единоличного исполнительного органа, в соответствии с законами, нормативно-правовыми актами, а также учредительными документами организации и локальными нормативными актами. Следовательно, руководителем можно назвать лицо, осуществляющее управление судебно-экспертной организацией и несущее ответственность за всю организационную деятельность в соответствии с законодательством. Руководитель может осуществлять деятельность единолично либо через замещающего его лица, наделенного соответствующими полномочиями. Особенности правового статуса руководителя определяют его ролью и местом в организации труда.

Под правовым статусом руководителя принято понимать «установленное нормами права определенное положение его субъектов, совокупность

их прав и обязанностей»¹. Составной частью правового статуса является процессуальный статус руководителя - комплекс его прав, обязанностей, ответственности, закрепленных процессуальными кодексами. Помимо этого, в правовой статус руководителя включается комплекс правовых норм Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (далее - Федеральный закон № 73-ФЗ).

Эффективность федерального закона № 73-ФЗ доказана на протяжении уже более чем 15 лет, претерпевая незначительные изменения и дополнения. Он в значительной мере регулирует правовое положение руководителя, однако за это время существенно изменилось действующее процессуальное законодательство, касающееся судебно-экспертной деятельности, в сотни раз возросло число проводимых судебных экспертиз, появилось достаточно много новых видов (родов) экспертиз, зародился и окреп институт негосударственной судебной экспертизы.

Наиболее полное представление о правовом статусе руководителя позволяет провести анализ его прав и обязанностей, места и роли в кругу субъектов правоотношений, возникающих при производстве судебной экспертизы, действий, в которых реализуются эти правоотношения, позволяющие раскрыть те требования, которые предъявляются к руководителю как специалисту и личности, к его связям и отношению с другими субъектами деятельности [4, с. 174].

В настоящее время в круг обязанностей и прав руководителя входит: поручение производства экспертизы конкретному эксперту, уведомление об этом следователя, возвращение без исполнения постановления о назначении судебной экспертизы и материалов, если в данной экспертной организации нет эксперта конкретной специальности, либо специальных условий для производства исследований. В обязанности руководителя также входит: обеспечение контроля за соблюдением сроков производства судебных экспертиз, полнотой и качеством проведенных исследований, не нарушая принципа независимости эксперта; направление заключения эксперта, объектов исследования и материалов дела в орган или лицу, назначившими экспертизу; обеспечение условий, необходимых для сохранения конфиденциальности исследований и их результатов; неразглашение сведений, которые стали ему известны в связи с организацией и производством судебной экспертизы.

Рассмотрев вопросы понятия и правового положения руководителя судебно-экспертной организации можно сделать вывод о том, что совокупность прав и обязанностей, подробно изложенных в Федеральном закон № 73-ФЗ, свидетельствует о широкой самостоятельности данного субъекта [5, с. 67].

Но несмотря на обширный круг прав и обязанностей в Федеральном законе № 73-ФЗ нет отдельной статьи, регламентирующей руководителя, а о квалификационных характеристиках и должностных обязанностях имеется лишь отсылка к ведомственному законодательству и должностным инструкци-

¹URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/155413> (дата обращения 17.06.2019)

ям, что порождает определенные трудности в практической деятельности, так как каждое ведомство вкладывает в акты свои особенности, связанные со сферой их деятельности, естественно, не согласовывая положения, в том числе и о квалификации, своего нормативно-правового акта с аналогичными актами других ведомств.

Что же касается статуса, прав и обязанностей руководителя негосударственной экспертной организации, то на данный момент их деятельность никаким нормативно-правовым актом не определена. Экспертная деятельность такого типа организаций регулируется только несколькими статьями Федерального закона № 73-ФЗ и Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации¹. Понятие негосударственных экспертных организаций дано в Разъяснении Пленума Верховного суда Российской Федерации. Под ними понимаются некоммерческие организации, созданные в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации и Федеральным законом «О некоммерческих организациях», осуществляющие судебно-экспертную деятельность в соответствии с принятыми ими уставами².

Статья 41 Федеральным законом № 73-ФЗ содержит лишь отдельные предписания и исходя из буквального толкования закона напрашивается вывод о том, что руководитель негосударственной экспертной организации не имеет никаких прав и обязанностей.

Таким образом, подводя итог анализу правового статуса руководителя судебно-экспертной организации в российском законодательстве приходим к выводу о необходимости скорейшего совершенствования нормативно-правового регулирования в сфере судебной экспертизы, а также проблемам законодательного регулирования негосударственных судебно-экспертных организаций [6, с. 126-131].

В России реформирование сферы судебно-экспертной деятельности носит противоречивый характер. Множество публикаций ученых и практиков было посвящено теме неизбежного изменения законодательства. Например, об этом пишет Т.В. Аверьянова, А.Ф. Вольнский приводя пример реформирования всей системы судебно-экспертных учреждений в Республике Казахстан, в западноевропейских странах, осуществленного на основе единого стандарта [7, с. 23]. И в 2013 году был внесен в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации и рассмотрен в первом чтении законопроект № 306504-6 Федерального закона «О судебно-экспертной деятельности в Рос-

¹Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. // Собрание законодательства РФ. 2002. N 46. ст. 4532.

² Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации No 28 от 21 декабря 2010 года [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12081630/>

сийской Федерации» (далее – законопроект)¹. Законопроект разработан Минюстом России с участием различных ведомств и организаций.

Данный законопроект направлен на урегулирование деятельности некоммерческих судебно-экспертных организаций, которые на данный момент руководствуются законами о коммерческих (некоммерческих) организациях. На наш взгляд, в законопроекте были устранены противоречия и дисбаланс в полномочиях между государственными и негосударственными экспертными организациями, а также конкретизирован статус руководителя, устраняющий некоторые пробелы предыдущего законодательного акта, а именно:

- определено понятие руководителя, его профессиональные и квалификационные требования и ограничения (статья 14 законопроекта);
- закреплено правомочие по заключению договоров о проведении исследований, требующих использования специальных знаний, для юридических и физических лиц;
- кадровое обеспечение деятельности судебно-экспертных организаций (профессиональное обучение, дополнительное профессиональное образование работников) закреплено за государственными судебно-экспертными организациями и образовательными организациями высшего образования;
- отражено международное сотрудничество и привлечение иностранного гражданина для производства судебной экспертизы.

Полагаем, что законопроект полностью соответствует реалиям современной судебно-экспертной деятельности, а его принятие будет способствовать укреплению положения руководителя, качеству экспертных заключений, сократит сроки их проведения, не будет способствовать росту тарифов, положительно скажется на судопроизводстве и охране прав и законных интересов граждан. Однако для его эффективной работы необходима четко сформулированная концепция - научное обеспечение обоснованности проекта закона, выражающееся в системе идей о содержании, целях и средствах регулирования этим нормативно-правовым актом конкретного участка юридически значимой деятельности [8, с. 391].

Подводя итог всему выше изложенному отметим, что выявленные нами проблемы могут быть решены только путем внесения соответствующих изменений и дополнений в нормативно-правовые акты, регламентирующие организационную, в частности административно-управленческую деятельность руководителя. При этом, следует уделить особое внимание всем составляющим элементам правового статуса руководителя, усовершенствовав правовую регламентацию всех направлений его деятельности, поскольку эффективность судебно-экспертной деятельности во многом зависит от состояния ее организации.

¹ [Электронный ресурс]: URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/306504-6> (дата обращения: 16.05.2019).

Список литературы :

1. Смирнова С.А., Усов А.И. Судебная экспертиза как базовый механизм реализации принципа верховенства права в государствах – членах ШОС // Теория и практика судебной экспертизы. 2018. Том 13. № 2. С. 6–15. DOI: 10.30764/1819-2785-2018-13-2-6-15
2. Россинская Е.Р., Галишина Е.И. Настольная книга судьи: судебная экспертиза. – Москва: Проспект, 2010 – 464с.
3. Россинская Е.Р. Эффективность судебно-экспертной деятельности сквозь призму судебной экспертологии /Вестник Московского университета МВД России. 2017. Т № 2, с.89 URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/effektivnost-sudebno-ekspertnoy-deyatelnosti-skvoz-prizmu-sudebnoy-ekspertologii>
4. Основы судебной экспертизы Часть 1. Общая теория. Москва. 1997. Отв. ред. Корухов Ю.Г. С.430.
5. Толоконников В.К. Проблемные вопросы процессуального статуса судебного эксперта и руководителя экспертного учреждения / Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». 2011. № 2(10). С. 66-68 URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/problemnye-voprosy-protsessualnogo-statusa-sudebnogo-eksperta-i-rukovoditelya-ekspertnogo-uchrezhdeniya> (дата обращения 20.06.2019).
6. Аминев Ф.Г. О некоторых проблемах судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации // Правовое государство: теория и практика. Уфа, 2015. № 4 (42). С. 126-131. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-problemah-zakonodatelnogo-regulirovaniya-sudebno-ekspertnoy-deyatelnosti-v-rossiyskoy-federatsii>
7. Аверьянова Т.В., Волынский А.Ф. Нужна ли реформа экспертно-криминалистической службы России? // Аубакировские чтения: материалы международной научно-практической конференции, г. Алматы, 19 февраля 2015г. Алматы: Академия МВД РК. С. 20-27.
8. Аминев Ф.Г. О проблемах судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации и путях их решения// Пробелы в российском законодательстве Юридический журнал. № 3 2017. С. 390-393 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-problemah-sudebno-ekspertnoy-deyatelnosti-v-rossiyskoy-federatsii-i-putyah-ih-resheniya>.
9. Законопроект № 306504-6 Федерального закона «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» [Электронный ресурс]: URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/306504-6> (дата обращения: 16.05.2019).

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В КОНТЕКСТЕ РАЗДЕЛЕНИЯ НАУЧНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ 12.00.09 И 12.00.12

Тарасов Александр Алексеевич,
заведующий кафедрой уголовного права и процесса Института права
ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет»,
доктор юридических наук, профессор, г. Уфа, Россия

В 2012 году в результате разделения научной специальности 12.00.09 на две новые научные специальности – собственно 12.00.09 – уголовный процесс и 12.00.12 – криминалистика, судебно-экспертная деятельность, оперативно-розыскная деятельность – проблемы судебно-экспертной деятельности, в том числе и по уголовным делам, оказались относящимися не к специальности «уголовный процесс».

В отношении судебно-экспертной деятельности такое решение, в принципе, могло объясняться тем, что судебные экспертизы назначаются и проводятся не только по уголовным делам, но и в других сферах правосудия и даже вне этих сфер для разрешения потенциальных судебных споров без обращения в суд. Это верно, как верно и то, что собственно судебно-экспертная деятельность не регулируется уголовно-процессуальным законом, а специфичный для производства по уголовным делам порядок назначения судебных экспертиз и взаимодействия заинтересованных лиц при производстве самих экспертных исследований урегулирован уголовно-процессуальным законом ничуть не более чем любым другим процессуальным законом. Сказанное касается, например, и Налогового кодекса РФ, в котором содержатся, в числе прочего, и процессуальные нормы о назначении экспертных исследований в рамках налоговых проверок. То есть, строго говоря, оснований объединять теоретические проблемы судебной экспертизы с проблемами уголовного процесса ничуть не больше, чем объединять их с проблемами гражданского, арбитражного или административного процессов.

Не вдаваясь в эту, весьма щекотливую и при этом далёкую от собственных научных интересов автора тему, осмелимся утверждать, что раздельное изучение проблем судебно-экспертной и уголовно-процессуальной деятельности ощутимо обедняет исследовательский потенциал обоих этих научных направлений.

Значительная часть проблем судебно-экспертной деятельности, традиционно в российской науке изучавшихся в рамках теории уголовного судопроизводства и криминалистики (вопроса о ещё большей болезненности разделения последних двух научных специальностей здесь намеренно не касаемся), имеет сугубо процессуально-правовую основу. Так, например, вопрос о разграничении форм участия в производстве по уголовному делу эксперта и специалиста, а также о доказательственных результатах участия обоих, решается в российском уголовном процессе исключительно в процедурной плоско-

сти: в зависимости от того, назначена по делу судебная экспертиза, проведение которой поручено конкретному носителю специальных знаний, или не назначена. Встречавшиеся в литературе попытки провести содержательные разграничения между деятельностью эксперта и специалиста (по объему специальных знаний, по наличию либо отсутствию заключения, по проведению исследований, либо не проведению их, по использованию лабораторного и иного специального оборудования или отсутствию такой необходимости), в целом, не были продуктивными, ибо однозначного бесспорного ответа на вопрос о том, кто есть кто, они не давали. Экспертом и специалистом по закону может быть одно и то же лицо, и на практике это очень широко распространено. В действующей редакции ч.1 ст. 144 УПК РФ предусмотрено проведение исследования предметов, документов и трупов до возбуждения уголовного дела именно специалистом, а в подпункте 3 пункта 3 статьи 226.5 УПК заключение специалиста при наличии некоторых процессуальных условий приравнено к заключению эксперта. Европейский суд по правам человека в своих решениях, как правило, не разграничивает заключений экспертов и специалистов. В УПК ФРГ для обозначения любых носителей специальных знаний вместо латинских слов «эксперт» и «специалист» употреблено немецкое слово «Sachverständige» (Sache – «предмет, вещь» verstendig – буквально «понимающий»), то есть «сведущий в чём-то». В Уставе уголовного судопроизводства Российской Империи 1864 года употреблялся точный русский аналог такого же слова – «сведущие люди», которые не обязательно проводили собственно экспертные исследования, но мнение которых по профессиональным вопросам имело доказательственное значение либо как-то использовалось уполномоченными субъектами доказывания. Иными словами, как законодатель определил участие носителей специальных знаний в юридических процедурах, так и будет. Разница в формах участия сугубо юридическая. К разговору о разделении научных специальностей всё сказанное об эксперте и специалисте имеет такое отношение: огромный пласт проблем, связанных с участием в уголовном процессе специалиста формально выпал из научной специальности 12.00.12, поскольку его участие – это по российскому законодательству не судебно-экспертная деятельность. Этот же пласт проблем имеет теперь весьма условное отношение и к специальности «уголовный процесс» в силу довольно скудной нормативно-правовой регламентации участия специалиста в собственно уголовно-процессуальной деятельности. Между тем участие специалиста представляет наибольший интерес именно в контрасте с участием эксперта, в согласовании такого участия, в использовании специальных знаний обоих в целях наиболее объективного установления юридически значимых обстоятельств уголовного дела и в реализации состязательных начал правосудия.

В течение длительного времени (2000–2012 г.г.) автор в сотрудничестве со специалистами в области судебно-медицинской экспертизы занимался разработкой уголовно-процессуальных проблем судебно-экспертной деятельности. По ходу заметим, что в медицинских науках проблемы судебно-экспертной деятельности исследуются в рамках научной специальности

14.03.05 – судебная медицина, притом что есть, например, отдельная специальность 14.02.06 – медико-социальная экспертиза и медико-социальная реабилитация. Понятно, что профессионально заниматься проблемами судебно-медицинской экспертизы могут только судебные медики, хотя не все они являются судебно-медицинскими экспертами. Разделить судебно-медицинскую экспертизу и её научную основу – судебную медицину невозможно.

Результаты сотрудничества с судебными медиками отражены в двух монографиях и в нескольких десятках научных статей в разных изданиях, тематика которых имела отношение и к уголовному процессу, и к судебной медицине, и к судебно-экспертной деятельности. Так, коллективная монография «Юридический анализ профессиональных ошибок медицинских работников» (Самара, Типография «Сокол-Т», 2000.), написанная в соавторстве с заведующим кафедрой судебной медицины Самарского государственного медицинского университета профессором В.В.Сергеевым, преподавателем той же кафедры С.О.Захаровым и начальником Самарского областного бюро судебно-медицинской экспертизы доцентом А.П.Ардашкиным, касалась в какой-то части и уголовного процесса, но в значительно большей степени была посвящена судебно-медицинской экспертизе профессиональной медицинской деятельности, которая проводится по разным судебным делам, а иногда и вне таковых. Участие автора в этом совместном исследовании было обусловлено не только практическим адвокатским опытом в разного рода «врачебных делах», но и тем, что он профессионально занимался исследованием теоретических проблем судебно-экспертной деятельности в уголовном судопроизводстве, сопоставляя их с аналогичными проблемами в других процессуальных отраслях права. Монография «Оценка заключения судебно-медицинского эксперта по уголовным делам» (М.: Юрлитинформ, 2008.), написанная в соавторстве с В.В.Сергеевым и Е.Р.Ильиной, тоже стала результатом сотрудничества специалистов по проблемам уголовного процесса, судебной медицины и судебно-экспертной деятельности.

Во всех названных случаях у автора не было сомнений в том, что он работает в рамках научной специальности 12.00.09 – уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза, оперативно-розыскная деятельность. Понятно, что наличие или отсутствие таких сомнений не имеет прямого отношения к самой творческой научной деятельности, однако оно имеет определенное значение для решения многих официальных вопросов, которые так или иначе возникают в связи с участием в научной жизни. В числе таких вопросов назовём следующее: подходит ли данный автор в качестве официального оппонента на защите диссертации по данной научной специальности по имеющимся у него публикациям, соответствует ли он требованиям, предъявляемым к членам диссертационных советов по данной научной специальности, вправе ли он готовить и подписывать отзывы на авторефераты диссертаций и сами диссертации по данной научной специальности и т.п. Игнорировать эти, в целом формальные, обстоятельства в реальной жизни невозможно, и разделение научных специальностей 12.00.09 и 12.00.12 неизбежно влечет за собой кор-

ректировку собственных научных интересов активного исследователя, желающего и далее сохранять свою активность в виде участия в работе диссертационных советов, в защитах диссертаций и в рецензировании чужих научных трудов. Главная проблема состоит в том, что отделение уголовно-процессуального научного направления от судебно-экспертного выглядит искусственным, поскольку в реальной жизни соответствующие виды деятельности разделить невозможно.

Сказанное не означает, что после 2012 года комплексные процессуально-судебно-экспертные исследования вовсе прекратились. Автор позволил себе подготовить два издания монографии «Эксперт и специалист в уголовном процессе Российской Федерации» в 2014 (Уфа, Изд-во БашГУ) и в 2017 годах (Москва, Изд-во «Проспект», 2017), не считая разделение специальностей каким-либо препятствием для разработки процессуальных проблем судебно-экспертной деятельности по уголовным делам. Однако полагаем, что каждый диссертант, проводящий исследования такого рода, теперь становится вынужденным специально обосновывать принадлежность каждого конкретного вопроса в своей диссертации к той специальности, по которой она защищается. Без такого обоснования достоверность авторских выводов можно было бы поставить под сомнение, а саму диссертацию – считать подготовленной не по заявленной специальности.

Приведем пример. Кандидатская диссертация Немиры Сергея Васильевича, защищенная 17 февраля 2017 г. в диссертационном совете на базе Кубанского государственного университета по специальности 12.00.09 – уголовный процесс, называется «Достоверность заключения эксперта в уголовном процессе». Название темы диссертации ориентирует на то, что она выполнена по специальности 12.00.09. Положение №8, выносимое на защиту, процитируем полностью: «Представляется, что при оценке заключения эксперта с точки зрения достоверности применения экспертной методики необходимо ответить на следующие вопросы: – является ли экспертная методика апробированной временем и экспертной практикой; – правильно ли выбрана методика в соответствии с конкретной экспертной задачей; не было ли оснований для применения другой (других) экспертных методик в совокупности с примененной; – если использовано несколько экспертных методик, нет ли противоречий между ними; соответствует ли выполненное экспертом исследование данной методике» [1, с. 8]. Не вдаваясь в оценку оригинальности и научной ценности самого процитированного положения, зададимся другим вопросом: что из этого положения есть уголовный процесс? Уголовный процесс – это деятельность, осуществляемая в форме уголовно-процессуальных правоотношений, тогда как методики экспертных исследований формируются вне таковых, нормами уголовно-процессуального права не регулируются и могут не иметь никакого касательства к производству по уголовным делам. Экспертизы, как известно, проводятся и по требованию налоговых органов, и в гражданском и арбитражном судопроизводстве и по делам об административных правонарушениях и просто по обращениям разных физических и юридических лиц (например,

установление отцовства с помощью геномной экспертизы без судебного спора). К любому из названных случаев в равной степени применимо процитированное здесь положение, вынесенное на защиту в диссертации по специальности «уголовный процесс», причем даже без какой-либо редакторской правки. В том-то и проблема, что собственно экспертные методики сегодня относятся к предмету другой научной специальности, именуемой «судебно-экспертная деятельность» и являющейся частью специальности 12.00.12. При этом нет никаких сомнений в том, что при оценке заключения эксперта по уголовным делам вопрос о научной обоснованности примененных методик экспертного исследования и о правильности их применения будет главным в споре сторон, при допросах экспертов и специалистов в суде, при решении сугубо процессуальных вопросов о назначении дополнительных или повторных экспертиз, о выборе экспертного учреждения или эксперта для их производства, в формулировании вопросов перед экспертами, в представлении объектов экспертного исследования и т.д.

С учетом изложенного полагаем, что решение о разделении научных специальностей, в рамках которых разрабатываются проблемы судебно-экспертной деятельности и проблемы уголовного судопроизводства, имеет негативные последствия, которые должны быть устранены, либо хотя бы нейтрализованы организационными мерами.

Список литературы:

1. Немира С.В. Достоверность заключения эксперта в уголовном процессе. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. (12.00.09.- уголовный процесс). Краснодар, 2016. С.8.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В ПРОЦЕССЕ ДОКАЗЫВАНИЯ НАСТУПИВШИХ ПОСЛЕДСТВИЙ В ВИДЕ ЗАБОЛЕВАНИЯ ПСИХИЧЕСКИМ РАССТРОЙСТВОМ

Татьянина Лариса Геннадьевна,
заведующая кафедрой уголовного процесса и правоохранительной деятельности ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»,
доктор юридических наук, профессор, г. Ижевск, Россия

Преступление влечет за собой негативные последствия для потерпевшего, которые связаны, как минимум, с временным психологическим расстройством лица, обусловленным восприятием совершенного в отношении него противоправного деяния. Следует отметить, что в зависимости от характера и обстоятельств совершенного преступления возникает различная реакция потерпевшего на совершенное преступление. Несмотря на то, что часть 1 ст.

111 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за умышленное причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшее психическое расстройство, но на практике отсутствуют уголовные дела указанной категории. Отсутствие практики не говорит о том, что указанные преступления не совершаются, проблема связана со сложностью доказывания причинной связи между действиями и наступившими последствиями. В связи с чем возникает необходимость установить особенности доказывания причинения преступлением вреда в виде психического расстройства. В этой связи следует согласиться с мнением Е.Р. Россинской, отмечающей: «научное изучение вопроса о степени тяжести вреда здоровью в форме психического расстройства является не только перспективным, но и актуальным в аспекте реализации принципа дифференциации и справедливости наказания» [6, с. 142].

Одним из наиболее дискуссионных является вопрос об определении степени тяжести психического расстройства и возможности отнесения его к заболеваниям организма. Учитывая мнение И.Б. Бойко, который определяет заболевание (в отношении преступлений против здоровья) как «ненормальное состояние организма, характеризующееся появлением анатомических и/или функциональных расстройств вследствие деструктивного воздействия внутренних (ненасильственных) неблагоприятных факторов (например, инфаркт миокарда, гипертоническая болезнь, язва желудка и др.)» [1, с. 112], полагаем, что психическое расстройство является одним из заболеваний организма. При этом возникает вопрос об определении степени тяжести психического расстройства. По мнению М.Д. Шаргородского, «душевная болезнь, дающая основание для квалификации повреждения как тяжкого, может быть, как излечимой, так и неизлечимой. Однако эта душевная болезнь должна быть обязательно серьезной» [8, с. 329-330].

Позднее Ю.Л. Метелица отмечал, что «...из-за неопределенности понятия было налицо стремление юристов максимально сузить круг относящихся сюда психических расстройств, в качестве которых могли выступать лишь травматическое слабоумие (деменция) и травматическая эпилепсия» [5, с. 116].

Действующий УК РФ не проводит границу между психическими расстройствами по степени тяжести. Класс V «Психические заболевания и расстройства поведения» МКБ-10 являет собой перечень психических расстройств, в котором содержится более ста наименований. Психические расстройства, перечисленные в этом документе, существенно различаются по своему характеру, течению, продолжительности, исходу и глубине, то есть от наиболее тяжелых до самых незначительных, от хронических до кратковременных заболеваний [4]. В психиатрии психические расстройства классифицируются от хронических до повлекших кратковременное расстройство, то есть подразделяются на две группы: психотические и непсихотические расстройства, которые влияют на установление дееспособности, вменяемости, недееспособности, невменяемости [7, с. 34-46]. При этом с юридической точки зрения психотическому уровню соответствуют наиболее тяжкие психические расстройства, которые лишают человека способности к свободному волеизъ-

явлению [3, с. 145-148]. Полагаю, что тяжкий вред здоровью должен признаваться только при наличии психических расстройств имеющих психотический уровень, наличие психических расстройств непсихотического уровня должно квалифицироваться как причинение вреда средней тяжести.

Вопрос о наличии психического расстройства у потерпевшего может возникать в различных ситуациях:

- при причинении вреда здоровью в виде различных черепно-мозговых травм, полученных в криминальной ситуации;
- при психическом воздействии на лицо посредством гипноза, введения в состояние замещенного сознания;
- при нервном потрясении, вызванном совершением противоправных действий, как в отношении потерпевшего, так и в отношении близкого человека на глазах у потерпевшего.

Для выявления и установления психического расстройства необходимо использование специальных знаний. Следует согласиться с мнением Н.Н. Егорова, который выделяет следующие процессуальные формы применения специальных знаний: непосредственное применение знаний из различных областей науки, техники, искусства или ремесла следователем самостоятельно при производстве следственных действий; привлечение специалиста для участия в следственных действиях; заключения и показания эксперта; заключение и показание специалиста [2, с. 94-96].

Использование специальных знаний при расследовании преступлений о причинении тяжкого вреда здоровью, повлекшего психическое расстройство, осуществляется посредством назначения экспертиз, допроса экспертов, специалистов и получения их заключений. Первоначально представляется необходимо привлечения специалиста для проведения консультаций в целях решения вопроса о необходимости назначения судебно-психиатрической экспертизы, а также использования специалиста при проведении следственных действий. Следователь при расследовании преступлений рассматриваемой категории должен использовать все формы специальных знаний, что объясняется сложностью установления причинно-следственной связи между деянием и наступившим последствием.

Участие специалиста при расследовании преступлений рассматриваемой категории необходимо для определения круг обстоятельств, которые имеют существенное значение для расследования преступления. При расследовании рассматриваемых преступлений к таким обстоятельствам относятся: наличие предусмотренного уголовным законом вреда здоровью; наличие неправомерных действий лица, а также причинно-следственную связь между указанными обстоятельствами.

При расследовании преступлений о причинении тяжкого вреда здоровью, повлекшего психическое расстройство, необходимо использовать весь потенциал следственных и проверочных мероприятий для формирования целостной картины произошедшего преступного события. Информацию, полученную от специалиста следует зафиксировать.

Первоначально следует привлечь специалиста для определения психического состояния потерпевшего, его возможности участвовать при производстве следственных и иных процессуальных действий. С учетом заключения специалиста следует решить вопрос о проведении указанных действий, а также необходимости привлечения для участия в них специалиста.

При изучении уголовных дел о причинении тяжкого вреда здоровью в виде черепно-мозговых травм, ни в одном уголовном деле не исследовалась возможность наступления тяжкого вреда здоровью в виде психического расстройства, потерпевшим не назначались судебно-психиатрические экспертизы в целях установления наличия психического расстройства даже в случаях, когда потерпевший находился в коматозном состоянии, либо у него наступила частичная амнезия и т.п. Назначение судебно-психиатрической экспертизы потерпевшим имело место только для установления способности правильно воспринимать происходящее и давать показания, никаких вопросов, связанных с возникновением психических расстройств, в результате совершенного преступления не ставилось.

Следует обратить внимание и на то, что по делам о преступлениях против несовершеннолетних (малолетних) судебно-психиатрическая и комплексная психолого-психиатрические экспертизы назначаются в целях установления способности несовершеннолетнего (малолетнего) воспринимать правильно произошедшие события и давать правдивые показания, но вопрос о последствиях для психического состояния ребенка перенесшего преступное посягательство, совершенное против него, не ставится, что исключает возможность правильно установить последствия и квалифицировать с учетом этого совершенное деяние.

Полагая, что по рассматриваемой категории уголовных дел следует привлекать специалистов в области психиатрии, судебной медицины и психологии. При наличии черепно-мозговых травм следует назначать комплексную судебную медико-психиатрическую экспертизу в процессе которой устанавливать наличие причинно-следственной связи между причиненным вредом здоровью в виде черепно-мозговой травмы и наступившими последствиями в виде психического расстройства здоровья. Необходимо назначение судебно-психиатрической экспертизы по уголовным делам о преступлениях, совершенных в отношении несовершеннолетних в целях выявления возникновения возможных патологий в психическом развитии, либо психических расстройств. Участие специалиста в области психиатрии при проведении консультаций необходимо для получения необходимой информации по вопросам психиатрии, кроме того следует определить вопросы для постановки перед экспертами при назначении судебной экспертизы. Использование специальных знаний обеспечит качество доказательственной деятельности по установлению причинно-следственной связи между деянием и наступившими последствиями в виде психического расстройства.

Список литературы:

1. Бойко И.Б. Судебная медицина для юристов. Рязань: Юрист, 2002 150 с.
2. Егоров Н.Н. Криминалистические аспекты доказывания. Криминалистика XXI века: стратегия и тактика развития / Отв. ред. Е.П. Ищенко. М., 2016. С. 90-107.
3. Котов В.П., Мальцева М.М. Дискуссионные аспекты понятия «душевное заболевание» в современной психиатрии // Журнал невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 1989. № 5. С. 145 – 148.
4. Международная классификация болезней МКБ-10 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. Дата обращения: 29.08.2019г.
5. Метелица, Ю.Л. Судебно-психиатрическая экспертиза потерпевших. М.: Юридическая литература, 1990. 208 с.
6. Судебная экспертиза: типичные ошибки / Под ред. Е.Р. Россинской. М.: Проспект, 2012. 544 с.
7. Татьяна Л.Г. Психопатология и уголовный процесс. Ижевск: Де-тектив-информ. 2002. 262 с.
8. Шаргородский М.Д. Преступления против жизни и здоровья. М.: Юрил. Изд-во МЮ СССР. 1947. 511 с.

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ АВТОСТРАХОВАНИЯ

Усачев Сергей Игоревич,

Старший эксперт отделения №10 МЭКО № 1
ЭКЦ ГУ МВД России по Иркутской области, г. Иркутск, Россия

Проблема расследования мошенничества является достаточно актуальной, ведь при изучении статистических данных за последние годы отмечается стремительный рост этого вида преступлений и наличие публикаций по данному вопросу тому подтверждение [1, 2]. К одному из видов мошеннических действий относится мошенничество в сфере автострахования. Так, непрерывно возрастает количество дорожно-транспортных происшествий, совершенных «искусственно», в целях получения материальной выгоды. Причины роста мошеннических действий очевидны – это желание получить материальную выгоду быстрым способом. Профессионализм преступников постоянно растет, способы мошеннических действий стремительно развиваются, что усложняет процесс раскрытия и расследования данной категории уголовных дел. Кроме того, такие преступления характеризуются высокой степенью латентности, установление факта совершения преступления – сложный процесс, который

зачастую остается недоказанным. В этой связи вполне объяснимо повышение роли результатов использования специальных знаний в собирании, исследовании, оценке и реализации доказательств [3, с. 122].

Анализ статистических данных показал, что за 2018 год страховые компании направили в правоохранительные органы более 6 тысяч заявлений о возбуждении уголовного дела по факту мошенничества в сфере автострахования, однако лишь по 20 % от общего числа заявлений возбуждены уголовные дела.

Такое положение дел объясняется тем, что в настоящее время сотрудники правоохранительных органов не имеют достаточно опыта в раскрытии и расследовании подобных преступлений, зачастую доводы страховых служб по проведенным ими проверкам в большинстве случаев остаются необидительными для правоохранительных органов, кроме того, на сегодняшний день в подразделениях экспертно-криминалистических центров системы МВД России отсутствуют необходимые технические средства для проведения исследований и экспертиз, целью которых является получение устойчивой доказательственной базы по делам данной категории [4, с. 89-90, 5].

Отметим, что способов совершения преступлений в сфере автострахования существует достаточное количество, однако рассмотрим более подробно один из них – инсценировка дорожно-транспортных происшествий в целях получения денежной компенсации от страховой компании для самостоятельного проведения восстановительного ремонта транспортного средства.

Так, до марта 2017 года мошенникам достаточно легко было инсценировать ДТП, участниками которого являлись автотранспортные средства с заранее установленными поврежденными деталями и механизмами на них. Однако после вступления в силу Федерального Закона № 49-ФЗ от 28.03.2017 года «О внесении изменений в Федеральный закон «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств», ситуация изменилась. Согласно Закону, при наступлении страхового случая приоритет отдается направлению поврежденного транспортного средства на СТО, в целях производства восстановительного ремонта, за счет средств страховой компании. При этом определен перечень случаев, когда потерпевший может получить денежную компенсацию: при полной гибели транспортного средства; смерти потерпевшего, если потерпевший является инвалидом; в случаях причинения в результате ДТП тяжкого или средней тяжести вреда здоровью потерпевшего; если стоимость восстановительного ремонта поврежденного транспортного средства превышает 400 тысяч рублей, при наличии соглашения между потерпевшим и страховой компанией; при отсутствии у страховщика возможности организовать проведение восстановительного ремонта.

Так, участились случаи, когда преступники обращаются в страховые компании в целях получения денежных средств, взамен восстановительного ремонта в связи с тем, что ущерб от ДТП превышает сумму 400 000 рублей. Для этого мошенникам необходимо инсценировать ДТП с максимально дорогими к ремонту, либо замене объектами, к которым относятся детали обеспе-

чения безопасности транспортного средства (подушки и ремни безопасности, электронный блок управления подушками безопасности). Данные детали при срабатывании, согласно положению Банка России № 432-П от 19 сентября 2014 г. «О единой методике определения размера расходов на восстановительный ремонт в отношении поврежденного транспортного средства», подлежат обязательной замене, а не ремонту, и к ним не применяется учет износа в зависимости от года выпуска транспортного средства и пробега, как по другим деталям и элементам. Для срабатывания подушек безопасности мошенники искусственным путем замыкают контакты, либо устанавливают уже раскрытые подушки безопасности.

Определить причины срабатывания указанных деталей, а также примерный период времени, возможно при производстве экспертизы подушек безопасности. Однако, сотрудники экспертно-криминалистических подразделений МВД России в настоящее время не проводят подобных исследований, при этом для выдвижения версий и принятия организационных решений по предупреждению преступлений важна любая криминалистически значимая информация по уголовному делу [6, с. 327].

Обстановка совершения преступления вне всяких сомнений, является ключевым элементом криминалистической характеристики, заслуживающим особого внимания при расследовании любого преступления [7, с. 59].

При производстве автотехнической экспертизы устанавливаются обстоятельства ДТП, исследуется техническое состояние деталей и узлов транспортных средств, проводится транспортно-трасологическая диагностика, изучаются маркировочные обозначения транспортных средств [8, с. 18-19].

Для проведения экспертизы подушек безопасности специалистам необходимо уметь работать с электронным блоком управления SRS, который позволяет считывать информацию по данным деталям. Однако, в зависимости от марки автомобиля, завода – изготовителя и других факторов, работа с блоком может существенно различаться между собой. Кроме того, для исследования необходимо дорогостоящее оборудование, так называемый, автосканер, стоимость которого варьируется и может составлять от 60 000 до 250 000 рублей. В этой связи трудно не согласиться с высказыванием О. П. Грибунова, который отметил, что в настоящее время без современных технологий процесс раскрытия и расследования преступлений уже практически невозможен [9, с. 11; 10].

Таким образом, в целях всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств уголовного дела, целесообразным видим в рамках производства автотехнической экспертизы проводить исследование подушек безопасности, выводы которого могут послужить прочной доказательственной базой в процессе расследования мошеннических действий в сфере автострахования.

Список литературы:

1. Грибунов О.П. К вопросу о проблемах раскрытия и расследования корыстно-насильственных преступлений на первоначальном этапе расследо-

вания // В сборнике: Криминалистика: вчера, сегодня, завтра Сборник научных трудов. 2014. С. 31-35.

2. Варданян А.В., Грибунов О.П., Трубкина О.В. Особенности первоначального этапа расследования мошенничества в сфере страхования: монография. Иркутск, 2016.

3. Аминев Ф.Г. Об интеграции специальных знаний в судебной экспертизе // Современные проблемы отечественной криминалистики и перспективы ее развития: сб. всерос. науч.-практич. конф. (с межд. участием), Краснодар, 2018. С. 122–127.

4. Грибунов О.П. Судебные экспертизы, назначаемые при расследовании преступлений против собственности, совершаемых на транспорте // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2016. № 1 (76). С. 89-97.

5. Грибунов О.П., Нарыжный Е.В. Технический и процессуальный регламент использования цифровой фотосъемки при проведении осмотра места происшествия // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2015. № 3-2. С. 62-67.

6. Грибунов О.П., Варданян А.В. Прикладные задачи и профилактические операции криминалистического предупреждения преступлений против собственности на транспорте // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: сб. науч тр. Иркутск, 2016. С. 326–331.

7. Грибунов О.П. Обстановка совершения преступлений как ключевой элемент криминалистической характеристики преступлений, совершаемых на железнодорожном транспорте // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2013. № 5-2. С. 59-63.

8. Грибунов О.П., Агафонов А.С. Некоторые вопросы назначения и производства судебной автотехнической экспертизы при расследовании преступлений, связанных с изменением маркировочных обозначений транспортных средств // Судебная экспертиза. 2019. № 1 (57). С. 18-30.

9. Грибунов О.П. К вопросу о противодействии экстремизму на объектах транспорта // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2013. № 3 (66). С. 9–16.

10. Варданян А.В., Грибунов О.П. Судебные экспертизы, назначаемые при расследовании хищений на объектах транспорта // В сборнике: Теория и практика противодействия преступности в Азиатско-Тихоокеанском регионе (к 95-летию образования Дальневосточного юридического института МВД России) сборник материалов международной научно-практической конференции. 2016. С. 274-277.

ПРОБЛЕМЫ ДНК-РЕГИСТРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ В СВЕТЕ ОЦЕНКИ ГЕНЕТИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ

Халиков Аслям Наилевич,
профессор кафедры криминалистики Института права
ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет»
доктор юридических наук, профессор, г. Уфа, Россия

Как известно государство стремится все урегулировать, систематизировать с целью более оптимального управления обществом и отдельными гражданами. В этой связи на сегодня возникает идея полной ДНК-регистрации населения России для решения различных задач. Такими задачами являются раскрытие преступлений, установление личности неопознанных трупов, поиск преступников и т.д. В этой связи ДНК-регистрация и методы исследования дезоксирибонуклеиновой кислоты как и судебно-геномная экспертиза (ДНК-анализ) связаны между собой в целях отождествления личности человека при расследовании уголовных дел либо биологического родства на основе специальных познаний в области криминалистики, молекулярной биологии и генетики человека.

Не вдаваясь в технические или биологические детали геномной регистрации, принципиально ее задачи направлены на положительное решение многих проблем. И в этой связи на сегодня, согласно Федеральный закон от 3 декабря 2008 г. № 242-ФЗ "О государственной геномной регистрации в Российской Федерации" обязательной государственной геномной регистрации подлежат лица, осужденные и отбывающие наказание в виде лишения свободы за совершение тяжких или особо тяжких преступлений, а также всех категорий преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности, а также неустановленные лица, биологический материал которых изъят в ходе производства следственных действий. Кроме этого обязательной государственной геномной регистрации подлежат неопознанные трупы.

Вместе с тем, как мы видим, государство не дало санкции для поголовой геномной регистрации всего населения России, как, скажем для сравнения, сплошной дактилоскопической регистрации. На наш взгляд причин для этого несколько:

- общественное сознание не готово к тому, чтобы биологический материал каждого лица исследовался на предмет причастности к преступлению либо прогнозировался в качестве неопознанного трупа;

- вряд ли современные возможности материальной базы государственных органов, скорее всего медицинского, а не правоохранительного профиля, готовы для масштабной ДНК-регистрации всего населения России, а также и мигрантов, находящихся на ее территории;

- нет достаточных гарантий отсутствия злоупотребления со стороны отдельных должностных лиц по противоправному использованию ДНК-

материалов в процессе работы с ними, в том числе при расследовании уголовных дел;

- геномная регистрация не дает и не может дать гарантий, что резко поднимется раскрываемость, допустим сексуальных преступлений или иных преступлений против личности на основе производства соответствующих экспертиз.

Последний аргумент видится по практике работы правоохранительных органов, которые в последнее время активно начали использовать генетические экспертизы для идентификации следов на месте преступления с конкретными личностями. Однако недостатками названного вида экспертиз стали такие моменты, как присутствие генетического материала, но неясного происхождения от выделений человека; слабая выраженность генетического материала, даже содержания спермы на месте преступления; не ясные выводы экспертов о наличии генетического материала по половой принадлежности, но без идентификации личности и т.д.

В этой связи оценку результатов генетических экспертиз следует производить по тому же правилу, что и оценку иных экспертиз и в целом доказательств в уголовном процессе, то есть по совокупности всех полученных данных по уголовному делу, когда ни одному виду доказательств не должно отдаваться предпочтение.

В этой связи необходимо учитывать, что на сегодня большинство генетических экспертиз по уголовным делам производятся по наиболее шумевшим актуальным преступлениям, раскрытие которых влечет признание заслуг правоохранительных органов, карьерный рост, награды и иные служебные стимулы. Понятно, что в условиях иногда незаконных методов деятельности современных правоохранительных органов могут иметься соблазны создать искусственные доказательства по результатам генетических экспертиз, которые на уровне бытового и даже процессуального восприятия оцениваются как верные на 100%. Суды же у нас «проглатывают» любые обвинительные доказательства даже при отсутствии разумных сомнений. Это также опасная тенденция оценки генетических экспертиз в сфере отечественного правосудия, включая и работу следственных органов.

В то же время, как мы указали, есть мнения ученых, которые выступают за расширение ДНК-регистрации в России и, соответственно масштабные проведение идентификационных исследований при генетических экспертизах, особенно в сфере расследования уголовных дел. В частности представители экспертной службы МВД РФ И.А.Данилкин, И.Ю.Белевцов, И.П.Захаров достаточно аргументировано указывают на необходимость расширения ДНК-регистрации среди населения, приводя при этом положительные примеры других развитых стран по использованию геномной регистрации (Великобритании, Исландии, США) [1, с. 57-60]. А.С.Лукомская, а вместе с ней А.А. Панова и А.Ф.Соколов выступают за процедуру всеобщей геномной регистрации, которая должна осуществляться сразу после рождения человека непосредственно в учреждении здравоохранения (родильном доме), а производить процедуру

взятия крови может медицинская сестра или врач. Аргументировано это тем, что никто и ничто не сможет воспрепятствовать процедуре взятия образцов при рождении [2, 3].

В последнем случае нам видится коллизия с правами человека, который фактически находится еще в беспомощном состоянии, ввиду своего положения новорожденного.

Тем самым, на сегодня есть достаточные сомнения как на уровне прав человека, так и недостатков материальной базы для полной ДНК-регистрации населения России. В то же время тенденция к расширению геномной регистрации населения страны, на наш взгляд, имеет положительное значение. Например, думается, что все лица, судимые за совершение любых преступлений (а не только тяжкие и особо тяжкие), должны находиться в базах геномной регистрации. Сюда же можно отнести лиц, состоящих на учетах в психоневрологических и наркологических диспансерах, либо выполнить выборочную геномную регистрацию лиц с психическими отклонениями, имеющих агрессивное поведение. Также выборочно возможно регистрировать мигрантов, совершивших любые правонарушения. Несомненно, все эти проблемы должны решаться законодательным путем, когда цели геномной регистрации будут оптимально соотноситься с законностью и правами человека и гражданина в государстве.

Список литературы:

1. Данилкин И.А., Белевцов И.Ю., Захаров И.П. ДНК-технологии в судебно-экспертной деятельности: проблемы и перспективы развития // Вестник Академии экономической безопасности МВД РФ. 2015. № 2. С. 57-60.
2. Лукомская А. С. К вопросу о государственной геномной регистрации // Вестник ОГУ. 2012. № 3, с. 92–94.
3. Панова А.А., Соколов А.Ф. Всеобщая геномная регистрация: pro et contra // Энциклопедия судебной экспертизы. 2014. №1 (3).

ОСОБЕННОСТИ НАЗНАЧЕНИЯ И ПРОИЗВОДСТВА СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ, ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ СЕКСУАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА, СОВЕРШЕННЫХ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Халиуллина Айгуль Фаатовна,
доцент кафедры криминалистики Института права
ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет»,
кандидат юридических наук;

Одним из важнейших доказательств при расследовании насильственных действий сексуального характера, совершенных в отношении малолетних и несовершеннолетних, является заключение эксперта. Основания и порядок назначения указанного следственного действия по уголовным делам определяется уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации.

По мнению Ф.Г. Аминова, судебная экспертиза – это исследование, проводимое лицом, обладающим специальными знаниями, для решения вопросов, поставленных органом или лицом с соответствующими процессуальными полномочиями в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу, а также при проверке сообщения о преступлении.

При расследовании насильственных действий сексуального характера, совершенных в отношении малолетних и несовершеннолетних, следует четко определить виды экспертиз, назначаемых как в отношении потерпевших, так и в отношении подозреваемых. К тому же, следует обращать внимание на формулировку вопросов, задаваемых эксперту, от правильности которой будет зависеть полнота экспертного заключения.

По рассматриваемой категории преступлений на стадии возбуждения уголовного дела и его дальнейшего расследования, по результатам изученных нами уголовных дел, чаще всего проводятся следующие экспертизы: судебно-медицинские (60 %); комплексные психолого-психиатрические (80 %); комплексные сексолого-психолого-психиатрические (40 %); 4) генотипоскопические (20 %).

В отношении подозреваемого (обвиняемого) при расследовании насильственных действий сексуального характера, совершенных в отношении малолетних и несовершеннолетних, следует назначать комплексную судебную сексолого-психиатрическую экспертизу в обязательном порядке в соответствии со ст. 196 УПК РФ для решения вопроса о наличии или отсутствии у него расстройства сексуального предпочтения (педофилии). Вопросы, соответствующие данной задаче, могут быть сформулированы следующим образом:

1) имеются ли у подозреваемого (обвиняемого) признаки каких-либо аномалий сексуальности, которые оказали влияние на его поведение в такой-то ситуации?

2) если таковые имеются, то в какой степени их влияние на поведение было выражено, носят ли они болезненный, патологический характер и влияли ли на способность осознавать фактический характер и значение своих действий либо руководить ими во время совершения инкриминируемого ему деяния?

3) нуждается ли подэкспертный в применении к нему принудительных мер медицинского характера с учетом возможностей патологии сексуальной сферы и связанной с данными расстройствами его общественной опасности?

Когда речь идет о несовершеннолетнем подозреваемом (обвиняемом) можно дополнить указанный перечень вопросов еще одним: не выявлены ли у несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) нарушения полового и психосексуального созревания, оказавшие влияние на его поведение в момент деяния, а также на способность в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими?

Следующей экспертизой, назначаемой при расследовании насильственных действий сексуального характера, является судебно-генетическая экспертиза (генотипоскопическая экспертиза). В настоящее время исследование ДНК, выделенной из объектов биологического происхождения, является общепринятым и наиболее информативным в доказательственной практике расследования половых преступлений.

При расследовании рассматриваемых деяний целью производства генотипоскопической экспертизы является идентификация личности по следам биологического происхождения. Для этого у подозреваемого берутся мазки из прямой кишки или ротовой полости, которые затем сравниваются с биологическими следами, изъятymi у потерпевшего. Так, в Советском районе г. Уфы вблизи школы был обнаружен труп малолетней В. с признаками насильственной смерти. В ходе судебно-медицинского исследования трупа во рту потерпевшей под брекетами были найдены следы спермы, по которым была установлена личность ранее судимого за изнасилование преступника, чьи данные уже имелись в базе ДНК.

Для исследования волос, следов спермы, крови и иных выделений организма человека должна быть назначена судебно-биологическая экспертиза. В случае обнаружения под ногтями потерпевшего частиц кожного эпителия проводится цитологическое исследование для определения их происхождения и групповой принадлежности. Для исследования следов-наложений, в частности волокон одежды преступника на одежде потерпевшего, должна назначаться и проводиться криминалистическая экспертиза материалов, веществ и изделий. По обнаруженным на месте происшествия следам рук, ног, транспортных средств следует проводить трасологические экспертизы.

Таким образом, при выборе специального исследования по делам о насильственных действиях сексуального характера, совершенных в отношении малолетних и несовершеннолетних, не стоит ограничиваться лишь тем перечнем экспертиз, который был представлен нами по результатам изученных уголовных дел. Хотелось бы акцентировать внимание на том, что от своевременного и профессионального выбора экспертиз будет зависеть установление действительно виновного в совершении насильственных действий лица.

Список литературы:

1. Аминев Ф.Г. Судебно-экспертная деятельность в Российской Федерации: современные проблемы и пути их решения: дис. докт-ра юрид. наук. Уфа 2016. С.93.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОИЗВОДСТВА СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В СУДЕБНОМ РАССМОТРЕНИИ ДЕЛ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Хисматуллин Рашид Сагитович,
профессор кафедры уголовного права и процесса
Института права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный
университет», доктор юридических наук, профессор,
г. Уфа, Россия

Выступая в Казани 28 августа 2019 года на церемонии закрытия 45-го Мирового чемпионата по профессиональному мастерству WorldSkills, Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин подчеркнул: "Каждый человек независимо от возраста и здоровья должен иметь возможность реализовать все свои способности и выбирать путь обучения и развития, приобретать востребованные навыки ... Так мы вместе сможем ответить на вызовы наступающей технологической эпохи, обеспечить устойчивое развитие, сформировать условия для повышения благосостояния людей", - акцентировал Президент России Владимир Владимирович Путин [2, с. 2].

Полагаю, данные точные и справедливые слова Президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина в полной мере относятся к решению актуальных проблем производства судебной экспертизы в судебном процессе, совершенствования судебного рассмотрения дел в отношении несовершеннолетних, обуславливающих и способствующих реальному обеспечению защиты прав и свобод граждан, особенно – несовершеннолетних, определяющих законное, обоснованное и справедливое судебное рассмотрение уголовных дел в отношении несовершеннолетних.

В связи с изложенным полагаю необходимым остановиться на нескольких моментах.

Известно, что в соответствии с Конституцией Российской Федерации «Права и свободы человека и гражданина обеспечиваются правосудием. общепризнанные принципы и нормы Международного права являются составной частью правовой системы Российской Федерации», поэтому государство стремится обеспечить и обеспечивает доступность, законность и справедливость для граждан судебной защиты. Конституция России закрепила и провозгласила - «Каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод. При осу-

шествлении правосудия не допускается использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона» (ч. 1 ст. 18, ч. 4 ст. 15, ч. 1 ст. 46, ч. 2 ст. 50 Конституции РФ).

Важнейшей задачей в современный период развития общества является совершенствование судебного рассмотрения уголовных дел, в частности, дел о преступлениях несовершеннолетних. Рассматривая дела в отношении несовершеннолетних, одним из доказательств по данным делам является заключение, полученное в результате производства судебной экспертизы. При этом, назначение и производство судебной экспертизы по делам о преступлениях несовершеннолетних необходимо при строгом соблюдении закона и учитывая нравственно-этические и психологические свойства современных подростков, что наиболее реально и всесторонне осуществимо при специализации судей по рассмотрению дел несовершеннолетних.

Как известно, в соответствии со Всеобщей декларацией прав человека «Признание достоинства и равных и неотъемлемых прав граждан является основой свободы, справедливости и всеобщего мира. Государства обязались содействовать всеобщему уважению и соблюдению прав человека и основных свобод» [1].

При решении вопроса о назначении и производстве судебной экспертизы по делам в отношении несовершеннолетних, полагаю, суду необходимо решить следующие аспекты: 1) определить основания назначения судебной экспертизы и время ее проведения; 2) установить объекты исследования, осуществляемого экспертом; 3) уточнить предмет экспертизы, то есть круг факторов и вопросов, поставленных перед экспертом; 4) выбрать лицо, назначаемое экспертом, или экспертное учреждение, в котором должна быть проведена судебная экспертиза; 5) определить место проведения экспертизы.

Необходимо также суду решить и организационные вопросы, связанные с назначением и производством конкретной судебной экспертизы [3]. Определение о назначении судебной экспертизы должно быть вынесено судом в совещательной комнате, изложено в виде отдельного судебного документа и оглашено судом в судебном заседании.

Однако, анализ судебной практики по делам в отношении несовершеннолетних свидетельствует о том, что суды нередко не выносят определения о назначении и производстве судебной экспертизы. Вместо определения суда эксперту вручаются сопроводительное письмо либо составленный судом перечень вопросов эксперту. Иногда суды передают эксперту непосредственно вопросы, представленные сторонами, в основном – прокурором и защитником. Тем самым нарушаются права и законные интересы несовершеннолетнего подсудимого, лишают его возможности самому поставить вопросы перед экспертом.

В связи с этим, в целях совершенствования судебного рассмотрения дел, обеспечения надлежащей защиты прав и законных интересов несовершеннолетнего подсудимого и других участников судебного процесса по делам несовершеннолетних, полагаю необходимым внести изменения в Уголовно-

процессуальный кодекс Российской Федерации и дополнить ч. 3 ст. 283 УПК, изложив дополнение следующим образом: "3. Судебная экспертиза назначается определением или постановлением суда и производится в порядке, установленном главой 27 настоящего Кодекса".

В ст. 283 УПК РФ не указано о необходимости выслушать суду мнение эксперта по поставленным перед ним вопросам. Между тем, в судебной практике суды иногда выслушивают мнение эксперта о правильности, грамотности, корректности, этичности и т.д. поставленных перед экспертом вопросов.

До вынесения определения суда о назначении и производстве судебной экспертизы, полагаю, суду целесообразно уточнить у эксперта, понятны ли ему поставленные сторонами вопросы, можно ли отнести эти вопросы к его – эксперта – компетенции, грамотно ли, правильно, этично ли сформулированы сторонами вопросы и т.п.

Заключение эксперта не является обязательным и безусловным доказательством для суда, однако несогласие суда с заключением эксперта должно быть судом обосновано и мотивировано. Суды должны всегда помнить, что данное экспертом заключение по делу в отношении несовершеннолетнего является одним из источников доказательств, не имеющим преимуществ по сравнению с другими доказательствами по делу, не обладающим какой-то особой доказательственной силой. Недопустимость не критического отношения к заключению эксперта по делу, необходимость тщательной и всесторонней проверки и оценки судом данного заключения эксперта с учетом всех обстоятельств дела и особенностей личности несовершеннолетнего подсудимого в их совокупности будет способствовать и обуславливать специализацию судей по рассмотрению дел в отношении несовершеннолетних, что целесообразно предусмотреть в Уголовно-процессуальном законе.

Список литературы :

1. Всеобщая Декларация прав человека. Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года // Официальный сайт Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/ declhr (дата обращения: 25.08.2019).

2. Золотые кадры // Российская газета. 2019. 29 августа. С. 2.

3. Подр. см.: Хисматуллин Р.С., Минибаева Д.Ф. Актуальные вопросы производства судебной экспертизы при судебном рассмотрении дел о преступлениях в сфере экономической деятельности // Российская юстиция. 2009. № 11. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы "КонсультантПлюс". (дата обращения: 25.08.2019).

О НЕОБХОДИМОСТИ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В СФЕРЕ СУДЕБНОЙ ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ С ПРИМЕНЕНИЕМ ПОЛИГРАФА

Холодный Юрий Иванович,
профессор Московского государственного технического университета
имени Н.Э. Баумана, доктор юридических наук, профессор, г. Москва

Как известно, после долгих десятилетий обвинения в лженаучности, исследования с применением полиграфа (далее – ИПП) были легализованы в России в 1993 г. Под названием «опрос с использованием полиграфа» их начали активно применять в оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД), а к концу XX века – внедрять в практику отбора и контроля деятельности кадров.

В 1990-е годы ведущие российские ученые-криминалисты теоретически обосновали [1, 2] допустимость проведения ИПП в форме судебной психофизиологической экспертизы (далее – СПфЭ), и вскоре практика подтвердила их предвидение: Институт криминалистики в 2001 г. осуществил первое в России производство СПфЭ. А уже в 2005 г. выводы СПфЭ были приняты Верховным судом РФ, который согласился, что «закключение эксперта ... было получено в соответствии с требованиями закона и является научно обоснованным» (кассационное определение № 1-21/05 от 29.06.2005 г.).

Производство СПфЭ быстро «вошло в моду», и такие экспертизы стали осуществлять не только квалифицированные эксперты, но и специалисты в области ИПП (далее – полиграфологи), которые не имели специальной экспертной подготовки и даже не знали, что технология производства СПфЭ существенно отличается от технологии применения полиграфа в условиях ОРД.

Низкое качество выполнения ИПП в процессуальном порядке неизбежно повлекло за собой негативные последствия: суды различных инстанций стали исключать СПфЭ из материалов уголовных дел, признавая их (вопреки мнению ученых-криминалистов) недопустимыми. По нашему мнению, причин, обусловивших такое положение, две – отсутствие системных научно-прикладных психофизиологических исследований соответствующей направленности и, как следствие этого, отсутствие апробированной и признанной экспертным сообществом типовой методики СПфЭ [3, 4, 5].

Из-за ограниченности объема данной статьи, коротко остановимся только на первой из причин – взаимоотношениях психофизиологической науки и ИПП, – обусловивших трудности производства СПфЭ на современном этапе.

Краткий экскурс в историю психофизиологических исследований

Экспериментальные исследования в психофизиологии были начаты в XIX веке и на начальном этапе применяли несложные лабораторные приборы, с помощью которых можно было регистрировать вегетативные реакции орга-

низма человека, возникавшие в ответ на действие внешних (зрительных, слуховых и проч.) стимулов или внутренних (например, болевых) ощущений.

Технологии регистрации вегетативных реакций совершенствовались, и это привело в 1930-е годы к созданию специализированного прибора – полиграфа, который обеспечивал одновременную регистрацию быстротекущих (секунды) изменений в дыхании человека, его артериальном давлении и в электрическом сопротивлении (или электрической проводимости) кожи. Появление полиграфа завершило формирование метода совместной регистрации вегетативных реакций (далее – метод СРВР) и создало новые возможности в изучении психофизиологии человека.

Используя полиграф и метод СРВР, психофизиология не обнаружила специфичность вегетативных реакций – то есть не обнаружила наличия в этих реакциях специфических признаков, однозначно указывающих на природу психических процессов, приведших к их появлению (например, удивление, страх, боль, сокрытие информации, восприятие неприятного или неожиданного стимула, и проч.). Вместе с тем, исследования позволили установить, что возникновение реакций в одной или нескольких физиологических системах (в дыхании, сердечно-сосудистой или электро-кожной активности), регистрируемых полиграфом, является свидетельством субъективной для конкретного человека психической значимости тех стимулов (ощущений), которые эти реакции вызвали. Сама возможность выявления с помощью полиграфа субъективно значимых для человека стимулов определяется явлением, которое позднее было названо «фундаментальным механизмом психофизиологии» [6, с. 744].

Изучение «фундаментального механизма» с помощью метода СРВР и начавшееся в 1930-годы серийное производство полиграфов повлекло за собой формирование крупного направления прикладной психофизиологии: оно было ориентировано на выявление у человека скрываемой им информации о событиях прошлого, а за самим полиграфом вскоре прочно закрепилось неверное его наименование – «детектор лжи». На протяжении десятилетий технология применения полиграфа в целях обнаружения у человека скрываемой им информации постоянно совершенствовалась, получая всё большее распространение в общественной практике.

В настоящее время ИПП различного целевого назначения используют более 80 наиболее развитых стран мира. В итоге к началу XXI века сформировались два класса полиграфных устройств: медицинские полиграфы, которые широко применяются в реанимации и в отделениях интенсивной терапии для контроля состояния больных, и специализированные компьютерные полиграфы для решения задач ИПП.

Психофизиологические исследования в начале XXI века

Во второй половине XX века в сферу медико-биологических и психофизиологических научных и прикладных исследований начали активно внедряться новые технологии изучения психической активности человека – электроэнцефалография, позитронно-эмиссионная томография, магнитно-резонансная

томография (далее – МРТ) и др., которые постепенно вытеснили из практики психофизиологических исследований совместную регистрацию вегетативных реакций.

Учебники, подготовленные ведущими отечественными психофизиологами в начале XXI века, либо умалчивали о полиграфе и методе СРВР [7], либо говорили о нём мельком и, вопреки имевшейся объективной информации, умышленно занижали эффективность ИПП, утверждая, что «детектор лжи даёт ... до 71 % случаев обнаружения обмана» [8, с. 67].

К 2010-му году метод СРВР учебниками был окончательно забыт (будто нет мировой практики его использования в форме ИПП), и лишь бегло упоминалось, что «существует еще целый набор вегетативных показателей» [9, с. 41].

Исключение в России метода СРВР и полиграфа из арсенала экспериментальной психофизиологии объяснялось не только появлением более совершенных методов и средств проведения исследований, но и рядом «побочных» факторов, одним из которых было недостаточное знание сильных сторон и прикладных возможностей ИПП.

В частности, высказывалось мнение, что отказ от применения метода СРВР в экспериментальных исследованиях вовсе «не означает, что вегетативные показатели не обладают высокой чувствительностью». Однако при этом отмечалось, что «регистрация вегетативных реакций не относится к прямым методам измерения информационных процессов мозга... (И) существует несколько причин, по которым вегетативные реакции могут быть использованы только в качестве непрямого метода изучения информационных процессов: они слишком медленны и протекают с задержкой, ... (а также) неспецифичны в отношении стимулов и задач» [10, с. 13].

Полностью признавая правильность мнения о неспецифичности вегетативных реакций, нельзя согласиться с замечаниями об их «медлительности» и «задержках». Вегетативные реакции возникают с весьма малым латентным временем (от 0,5 до, редко, 5 сек. [11, с. 98]) после предъявления стимула. Такая малая задержка в скорости развития вегетативных реакций (независимо от их неспецифичности) не мешает успешно решать с помощью полиграфа и метода СРВР целый класс научных и прикладных задач: например, классифицировать предъявляемые человеку стимулы по их субъективной для него значимости в ходе самого исследования. Наглядный пример тому – мировая практика проведения ИПП различного целевого назначения.

ИПП и фундаментальные исследования в области диагностики у человека наличия скрываемой информации

Несмотря на распространенность ИПП и их столетнюю историю, вопрос о процессах, которые происходят в психике и организме человека и обеспечивают возможность диагностики у него скрываемой информации, остаётся открытым. Известно, что к настоящему моменту в мире предложено около двух десятков так наз. «теорий полиграфа» («polygraph theory») [12], которые предлагают объяснение процессов, позволяющих выявлять в ходе ИПП у человека

скрываемую им информацию. Вместе с тем, отсутствие признанного научного обоснования технологии применения полиграфа стало в настоящее время серьёзным сдерживающим фактором в успешном использовании этого эффективного метода в отечественной практике расследования преступлений, когда результаты СПфЭ могут быть приняты судом в качестве доказательств.

В конце XX века «теории полиграфа» условно были разделены «на два основных класса: а) теории, опирающиеся на мотивационные и эмоциональные факторы, как важнейшие детерминанты психофизиологической дифференциации... и б) теории, базирующиеся на когнитивных факторах» [13, с. 101].

Последующие годы показали, что исследователи чаще склонялись к построению и изучению «теорий» первого класса, и во многом это определялось сложившимися традициями: в США итоги проведенного ИПП до сих пор рассматривают в рамках парадигмы «DI/NDI» («DI» /deception indicated/ – ложь обнаружена; «NDI» /no deception indicated/ – ложь не обнаружена). Очевидно, что результат ИПП или СПфЭ, представленный в указанной формулировке, неприемлем с процессуальной точки зрения.

Современная криминалистика исходит из того, что любое преступное деяние неизбежно оставляет после себя следы – материального характера и идеальные следы (образы), т.е. отпечатки события, запечатленные в памяти человека, оказавшегося на месте преступления или как-то причастного к нему. Поэтому сама область применения полиграфа (расследование преступлений и профилактика правонарушений), приводит к мысли о том, что технология ИПП и «теория полиграфа» должны учитывать и изучать память человека.

Определенный оптимизм в возможности познания механизмов, лежащих в основе ИПП, и построения «теории полиграфа» появился в начале XXI века: он был обусловлен тем, что ряд исследователей применили метод функциональной МРТ (далее – фМРТ) для целей «детекции лжи», и результаты первых работ казались обнадеживающими [14].

Полагалось, что применение фМРТ-технологии позволит «увидеть» процесс реализации лжи человеком, найти маркёры, указывающие на наличие у него скрываемой им информации, устранить недостатки технологии ИПП и, в итоге, получить более точные (по сравнению с ИПП) результаты при диагностике у человека скрываемой им информации.

Однако, проводя фМРТ по тематике так наз. «детекции лжи», исследователи, как правило, отходили от основных положений технологии использования полиграфа: в тестах таких исследований стимулы предъявлялись человеку многие десятки раз с частотой, неприменимой в технологии ИПП, и строились в рамках парадигмы «DI/NDI» [15]. Очевидно, что разобраться в нейрокогнитивных механизмах, обеспечивающих реализацию ИПП, отходя при этом от требований технологии ИПП, едва ли возможно. Действительно, такой подход вскоре обнаружил свою ограниченность и вызвал существенные замечания ученых, юристов и полиграфологов.

В целом, оптимистичные ожидания быстрого получения с помощью технологии фМРТ ответов на накопившиеся вопросы в рамках парадигмы «DI/NDI» не оправдались.

В 2010-е годы некоторые исследователи, работавшие с фМРТ для изучения нейрофизиологических механизмов реализации ложных сообщений, стали использовать парадигму выявления скрываемой информации – «concealed information» (далее – парадигма «CI»).

Этот подход оказался более перспективным: он получил определенное экспериментальное подтверждение [16] и привел ведущих американских специалистов в области ИПП к поставке вопроса о целесообразности перехода от парадигмы «DI/NDI», т.е. обнаружения у человека его лжи, к парадигме «CI» – поиска в памяти человека следов скрываемых им событий прошлого [17, 18].

Учитывая актуальность проведения фундаментальных исследований нейрокогнитивных процессов человека при выявлении в его памяти информации о скрываемых им событиях прошлого, Научный Исследовательский Центр «Курчатовский институт» (далее – НИЦ КИ) обратил своё внимание на эту тематику и, обладая мощными интеллектуальными и экспериментальными возможностями, решил оказать содействие в решении важной научно-прикладной задачи.

В этих целях для проведения целенаправленных исследований в интересах криминалистической и судебно-экспертной практики НИЦ КИ начал цикл фундаментальных исследований, положив в их основу совместное использование МРТ и метода СРВР [19].

Для технического обеспечения комплексного подхода к изучению указанной проблематики в НИЦ КИ создан и успешно продемонстрировал в проводимых исследованиях свою эффективность МРТ-совместимый полиграф, т.е. компьютерный полиграф, работающий во время процедуры МРТ [20].

Список литературы:

1. Белкин Р.С. Курс криминалистики. Том третий. – М.: ЮристЪ. 1997;
2. Корухов Ю.Г. Криминалистическая диагностика при расследовании преступлений. Науч.-практ. пособие. – М.: НОРМА-ИНФРА-М, 1998.
3. Аверьянова Т.В., Майлис Н.П., Холодный Ю.И. Психофизиологическая экспертиза с применением полиграфа: хаос и его причины // Уголовный процесс. 2018. № 10. С. 70-79.
4. Аверьянова Т.В., Майлис Н.П., Холодный Ю.И. О межведомственной методики производства судебных психофизиологических экспертиз с применением полиграфа // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях: матер. VII Междунар. науч.-практ. конф. М.: РГ-Пресс, 2019.. С. 31-37.
5. Савицкий М.А., Николаев А.Ю., Холодный Ю.И. Проблемы методического обеспечения экспертизы с применением полиграфа (В печати).

6. Orne M.T., Theckrey R.I., Paskevitz D.A. On detection of deception. A model for the study physiological effects of psychological stimuli // Handbook of psychophysiology – N-Y.: Holt Inc., 1972.
7. Николаева Е.И. Психофизиология – Новосибирск.: Наука. 2001.
8. Марютина Т.М., Ермолаев О.Ю. Введение в психофизиологию. – М.: МПСИ, Изд. «Флинта». 2001. С. 67.
9. Александров Ю.И. Психофизиология: Учебник для вузов. – СПб.: Питер. 2014.
10. Данилова Н.Н. Психофизиология: Учебник для вузов. – М.: Аспект Пресс, 2012. С. 13
11. Krapohl D.J., Show P.K. Fundamentals of polygraph practice. – San Diego.: Academy Press, 2015. P. 98.
12. Холодный Ю.И. Некоторые аспекты практики и технологии криминалистических исследований с применением полиграфа // Расследование преступлений: проблемы и пути их решений. 2017. № 4(18). С. 185-192.
13. Ben-Shkakar G., Furedy J. Theories and applications in the detection of deception. A psychophysiological and international perspective. – N.Y.Inc.: Springer-Verlag, 1990.
14. Spence S.A., Farrow T.F., Herford A.E., Wilkinson I.D., Zheng Y., Woodruff P.W. Behavioural and functional anatomical correlates of deception in humans // Neuroreport. 2001. V. 12. P. 2849–2853; Ganis G., Kosslyn S.M., Stose S., Thompson W.L., Yurgelun-Todd D.A. Neural correlates of different types of deception: An fMRI investigation // Cerebral Cortex. 2003. V. 13. № 8. P. 830-836; и др.
15. Ofen N., Whitfield-Gabrieli S., Chai X.J., Schwarzlose R.F, Gabrieli G.D.E. Neural correlates of deception: lying about past events and personal beliefs // Social Cognitive and Affective Neuroscience, 2017, 116–127; и др.
16. Memory detection. Theory and application of the concealed information test. – Cambridge University Press, 2011; Rosenfeld P. Detecting concealed information and deception. Recent developments. – Elsevier Inc.: Academy Press, 2018.
17. Krapohl D. Paradigm shift: searching for trace evidence in human memory // The police chief. 2016. February. P. 52-55;
18. Palmatier, J., Rovner, L., Credibility assessment: Preliminary Process Theory, the polygraph process, and construct validity // Int. J. Psychophysiol. 2015, v. 95, № 1, P. 3-13; Palmatier, J. Why it's not lie detection but instead memory detection: what modern science says about credibility assessment /Report/ – American Polygraph Association, 52-nd annual conference (seminar and workshop), 2017.
19. Kovalchuk M.V., Kholodny Y.I. Functional magnetic resonance imaging augmented with polygraph: new capabilities // Advances in Intelligent Systems and Computing (eBook), 2019. P. 260-265. (<https://doi.org/10.1007/978-3-030-25719-4>)
20. Orlov V.A, Kholodny Y.I., Kartashov S.I., Malakhov D.G., Kovalchuk M.V., Ushakov V.L. Application of registration of human vegetative reactions in the process of functional magnetic resonance imaging // Advances in Intelligent Sys-

О СОВРЕМЕННЫХ ПОДХОДАХ К КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ОЦЕНКЕ ЗАКЛЮЧЕНИЙ ЭКСПЕРТА

Хомутов Сергей Викторович

аспирант кафедры криминалистики Института права
ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет»,
г. Уфа, Россия

Одним из элементов понятия правового государства, на строительство которого ориентируется Российская Федерация, являются положения о правах человека и его свободах, изложенные в статье 2 Конституции Российской Федерации, которые во всем мире объявлены высшей ценностью. В целях решения этой задачи государство совершенствует свою деятельность в социальной, политической, экономической, нравственной и других сферах.

И большое значение в деле соблюдения прав и свобод граждан страны придается борьбе с правонарушениями и предупреждению преступлений. Представляется, что одним из действенных направлений в этой борьбе является судебная экспертиза – наиболее объективный вид доказательства во всех видах судопроизводства. При этом, судебной экспертизой принято считать исследование, проводимое лицом, обладающим специальными знаниями, для решения вопросов, поставленных органом или лицом с соответствующими процессуальными полномочиями в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу, а также при проверке сообщения о преступлении [1, с. 145].

В связи с возрастанием роли судебной экспертизы в судопроизводстве все более актуальной становится необходимость совершенствования оценки ее результатов, отраженных в письменном документе – заключении эксперта. Отметим следующие положения:

1. Следует признать устоявшимися современные подходы к процессуальной оценке заключений эксперта лицами, обладающими соответствующими процессуальными полномочиями (следователем, судом и т.д.).

2. Ввиду того, что у более чем 50% сотрудников государственных судебно-экспертных организаций отсутствует юридическое образование [2, с. 31], и следовательно, криминалистические знания и навыки, ими допускаются значительные упущения методического и организационного характера. Безусловно, проведение экспертного исследования воспринимается судебными экспертами в качестве деятельности, подвергающей испытаниям его знания, умения и навыки в определенной узкой области науки, техники, искусства и

ремесла, по сути представляет собой научное исследование. Судебная экспертиза требует серьезного отношения к исследованию объектов с применением глубоких специальных научных знаний, умений и навыков. Велика ответственность судебного эксперта за результаты экспертного исследования. Однако ограниченные криминалистические знания не позволяют большинству экспертов производить объективную оценку проведенного ими судебно-экспертного исследования, возможны значимые для формирования выводов упущения. Для повышения качества проводимых судебных экспертиз следует обязать экспертов овладеть знаниями криминалистики, уголовного и гражданского процессов, судебной экспертологии и другими науками юридического профиля.

3. Еще одной проблемой, затрудняющей проведение полноценной криминалистической оценки заключения эксперта, является недостаточно высокий уровень компьютерной (цифровой) подготовки судебных экспертов. В то же время отмечается, что современное общество окружило себя информационными технологиями практически во всех сферах деятельности [3, с. 39]. Поэтому необходимо внедрение в систему профессиональной подготовки судебных экспертов курсов по овладению знаниями, навыками и умениями новейших компьютерных (сетевых, программных) средств и методов.

4. В связи с ростом числа негосударственных судебно-экспертных организаций, именующих себя экспертными, но не имеющих ни квалифицированных экспертов, ни современного оборудования, и к тому же не обладающих современными методиками проведения судебных экспертиз [4, с. 127], снижается качество проводимых ими судебных экспертиз. Нами видятся пути повышения качества производства судебных экспертиз негосударственными судебными экспертами и их оценки в активном внедрении инновационных достижений науки и техники в судебно-экспертную деятельность, в повышении требований к профессиональной квалификации судебных экспертов, повышении ответственности руководителя негосударственных судебно-экспертных организаций за качество судебных экспертиз и исследований, проводимых сотрудниками руководимой организации; законодательно закрепление введения такого вида судебно-экспертной деятельности, как рецензирование судебных экспертиз.

5. Кроме того, необходим Единый Реестр судебных экспертов Российской Федерации, который будет составляться по результатам квалификационных экзаменов и сертификации, и из которого будут исключаться те эксперты, которые совершают хронические экспертные ошибки, выявляемые при криминалистической оценке. При этом исключение из данного Реестра обязательно для тех экспертов, в отношении которых будет установлена заведомая ложность их заключений.

6. Для проведения объективной криминалистической оценки и анализа заключений эксперта, следует активизировать и стандартизировать не только термины и определения по родам и видам судебных экспертиз, но и методики судебно-экспертных исследований. Начало этому процессу по-

с созданием Технического комитета по стандартизации 134 «Судебная экспертиза» [5, с. 29] – теперь необходимо распространить его на все ме-тодические материалы. Только на основании принятия всем экспертным сообществом унифицированных экспертных методик возможно проведение единообразной криминалистической оценки заключений эксперта.

Вышеназванные современные подходы к криминалистической оценке заключений эксперта не являются исчерпывающими и достаточными мерами для повышения качества судебно-экспертных исследований. Но реализация хотя бы их возможностей позволят намного повысить качество проводимых судебных экспертиз и судебно-экспертной деятельности в целом.

Список литературы:

1. Аминев Ф.Г. О современном понятийном аппарате судебной экспертологии // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2017. № 4. С. 143-149.
2. Аминев Ф.Г. Современный уровень развития криминалистической техники требует совершенствования организации ее применения // Эксперт-криминалист. М.: Юрист, 2013. № 4. С. 30-33.
3. Колотушкин С.М. Комплексная автотехническая экспертиза по материалам видеозаписи дорожно-транспортного происшествия // // Актуальные проблемы судебно-экспертной деятельности в уголовном, гражданском, арбитражном процессе и делам об административных правонарушениях: материалы Международной научно-практической конференции, г.Уфа, 1 октября 2015 года. Уфа: РИЦ БашГУ, 2015. С. 39-44.
4. Аминев Ф.Г. О некоторых проблемах судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации // Правовое государство: теория и практика. Уфа, 2015. № 4 (42). С. 126-131.
5. Смирнова С.А., Омельянюк Г.Г., Усов А.И. Актуальные проблемы законодательного закрепления инноваций судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации // Теория и практика судебной экспертизы. № 1 (41) 2016. С. 26-35.

КАК ВЛИЯЮТ «ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ НЕЗАВИСИМОСТЬ» СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТОВ И ИХ ВЕДОМСТВЕННАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ НА ОБЪЕКТИВНОСТЬ ДАВАЕМЫХ ИМИ ЗАКЛЮЧЕНИЙ?

Хрусталеv Виталий Николаевич

профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса
и криминалистики Юридического института ФГАО
«Российский университет транспорта» (МИИТ),
доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

Проблема независимости судебных экспертов и объективности даваемых ими заключений в нашей стране десятки лет занимает умы не только ученых – процессуалистов, судебных экспертов, но и практиков, как «правоохранителей» (МВД РФ, СК РФ и др.), так и «правоприменителей» (Генеральная прокуратура, Минюст РФ, Верховный суд РФ и др.). В последнее время накал дискуссий вокруг этой проблемы вырос, но эффективных практических шагов к ее решению не предпринимается. В данной статье автор попытался с учетом уроков прошлого и анализа сложившейся ситуации предложить свое видение проблемы и путей ее решения.

В со-временной литературе предостаточно отрицательных комментариев относительно нахождения экспертных подразделений (судебно-экспертных организаций) в системе правоохранительных структур. По мнению авторов этих комментариев, должностная и служебная зависимость экспертов правоохранительных органов по своей логике вступает в противоречие с идеей принципов независимости и состязательности в уголовном процессе: вопреки требованиям о независимости эксперта государственные эксперты подчиняются как органам, назначающим экспертизу, так и другим участникам, заинтересованным в исходе дела, в частности, руководителям органов исполнительной власти, при которых созданы экспертные учреждения, что ставит под сомнение независимость экспертов, объективность даваемых ими заключений, а значит и не позволяет соблюсти беспристрастность и справедливость судебного разбирательства. На первый взгляд, данные утверждения справедливы, а их авторы радуют о деле. Но насколько такой подход оправдан, и как он, реализованный на практике, влияет на эффективность борьбы с преступностью?

В этой связи уместно вспомнить один из первых масштабных примеров реализации подобного подхода более чем пятидесятилетней давности. По инициативе Генеральной прокуратуры СССР и Юридической комиссии при Совете министров СССР (позже преобразованной в Министерство юстиции СССР) Указом Президиума ВС РСФСР от 31 августа 1966 г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» было принято дополнение к ст. 67 УПК РСФСР Отвод эксперта – п. «За», которым запрещалось назначать экспертизы лицу, ранее участвовавшему в деле в качестве специалиста. Инициаторы аргументировали необходимость этого ограничения именно нарушением принципа независимости эксперта, а значит и сомнениями в объективности даваемого им заключения. По их логике, сотрудник экспертного учреждения – в то время, как правило, Научно-технического отдела милиции – участвуя в осмотре места происшествия в качестве специалиста, находился в подчинении следователя – руководителя следственно-оперативной группы, а это предопределяло зависимость данного сотрудника от следователя и в дальнейшем - когда он будет привлечен по этому же делу уже в качестве эксперта. Такой эксперт, по их убеждению, уже утратил свою независимость, а значит не объективен, его заключение – источник недопустимых доказательств. Ни каких реальных примеров из практики, подтверждавших это умозрительное и более чем сомнительное предположение, представлено не было.

Это ограничение действовало вплоть до признания данного Указа Федеральным законом от 18 декабря 2001 г. №177-ФЗ утратившим силу с 1 июля 2002 г. Оно создавало серьезные трудности в использовании помощи криминалистов – и специалистов, и экспертов, вынуждало искать на практике искусственные обходные пути его преодоления. В отдаленных районах, где функционировали криминалистические группы или лаборатории (со штатом 1-2 сотрудника), следователям (дознателям) приходилось либо отказываться от помощи специалиста в ходе осмотра места происшествия, который впоследствии понадобится в качестве эксперта, либо не указывать в протоколе осмотра места происшествия его реальное участие, либо направлять материалы для производства даже достаточно простых экспертиз в соседние районы или в центральные экспертные учреждения. Тем самым правоохранительной деятельности был причинен очевидный и существенный вред!

Пикантности данной ситуации придавало то, что рассматриваемое ограничение не распространялось на врача - специалиста в области судебной медицины, в наружном осмотре трупа. Значит, по мнению инициаторов введения ограничения, участие судебного медика в осмотре места происшествия, в отличие от криминалиста, не приводило к утрате его независимости и объективности при последующем производстве им судебно-медицинской экспертизы. И это несмотря на то, что в период действия указанного ограничения ежегодно представлялись аналитические обзоры, в которых, наряду с другими, приводились данные по выявленным за год заведомо ложным заключениям экспертов – сотрудников различных ведомств. Общее количество таких заключений в то время (в отличие от настоящего) было очень небольшим (несколько десятков на всю страну), но среди экспертов, давших такие заключения, практически всегда лидировали судебно-медицинские эксперты Министерства здравоохранения и эксперты-автотехники Министерства юстиции (которые давали эти заключения по причине мздоимства). Эксперты же МВД выделялись подобным образом крайне редко, это было исключением из правила, и при этом, никакой связи их ведомственной принадлежности с данным ими заведомо ложным заключением не просматривалось.

В 2013 г. Государственной Думой России в первом чтении был принят Федеральный закон «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». Этот закон и по сей день остается проектом во многом потому, что при его обсуждении одним из камней преткновения был тот же принцип процессуальной независимости судебного эксперта, трактуемый различными ведомствами кардинально противоположно. Почти пятилетние дискуссии по содержанию данного законопроекта попросту оказались бесплодными, хотя острая необходимость принятия закона, определяющего единые требования к судебно-экспертной деятельности как государственных, так и негосударственных судебно-экспертных организаций, очевидна! С целью выхода из этого положения, Генеральная Прокуратура России в апреле 2017 г. внесла предложение в Совет Безопасности Российской Федерации рассмотреть вопрос о состоянии судебно-экспертной деятельности (СЭД) в нашей стране и определить

меры по доработке проекта упомянутого Федерального закона. При этом в перечне проблем, требующих своего законодательного решения, особое внимание уделялось принципу процессуальной независимости судебного эксперта и, прежде всего, нарушению этого принципа в системе МВД РФ.

В обсуждении данного вопроса на заседании Межведомственной комиссии общественной безопасности Совета Безопасности Российской Федерации, состоявшемся 30 марта 2018 г., «правоприменители» обосновывали необходимость упорядочения организации СЭД в нашей стране, особое внимание обращая на необходимость «уважения» принципа процессуальной независимости судебного эксперта в его международном толковании, отраженного в документах ООН и закрепленного в соответствующем стандарте стран Евросоюза, исключающего службу экспертов в системе правоохранительных органов. Подчеркивалось, что именно в этой связи ЭКЦ МВД России в 2010 году был вынужден выйти из системы судебно-экспертных учреждений стран Евросоюза. В ответ им «правоохранители» утверждали, и не без оснований, что их деятельность, связанная с раскрытием и расследованием преступлений, объективно может быть эффективной лишь при активном применении специальных знаний при собирании, исследовании и использовании розыскной и доказательственной информации во всех определенных законом формах, в том числе и в форме судебной экспертизы, а значит, без собственных экспертов им просто не обойтись. Указывалось также, что принадлежность экспертов к силовым ведомствам никак не предопределяет потерю ими независимости и объективности. Доказывалось, что именно эксперты негосударственных судебно-экспертных организаций, в отличие от государственных, чаще всего становятся заинтересованными в исходе дела и дают заведомо ложные заключения.

На этом заседании было принято вполне ожидаемое рациональное решение: не только сохранить в полном объеме экспертно-криминалистическую службу МВД РФ, но и, более того, разрешить производство экспертиз в МЧС РФ, СК РФ и в других правоохранительных министерствах и ведомствах страны. Члены Межведомственной комиссии Совета безопасности РФ, принимая данное исключительно важное решение, руководствовались не только соображениями здравого смысла и опасениями, разрушив в значительной степени действующую систему судебно-экспертных учреждений правоохранительных министерств и ведомств, причинить вред в целом практике борьбы с преступностью в нашей стране, но и пониманием того, что необходимость соблюдения в России принципа процессуальной независимости судебного эксперта в его международном толковании - проблема во многом надуманная.

Представляется, что именно с учетом возможной ангажированности экспертиз, проводимых коммерческими или общественными организациями, Президент Российской Федерации предложил сделать Следственный комитет субъектом судебно-экспертной деятельности, и 11 марта 2019 г. внес в Государственную Думу Российской Федерации законопроект № 663034-7 «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» и Федеральный закон «О

Следственным комитете Российской Федерации», наделяющий Следственный комитет Российской Федерации функцией организации и производства судебных экспертиз по ряду направлений.

16 июля 2019 года Государственной Думой Федеральный закон от 26 июля 2019 г. № 224-ФЗ "О внесении изменений в Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» и Федеральный закон "О Следственном комитете Российской Федерации" были приняты, 23 июля 2019 года они были одобрены Советом Федерации. Казалось бы, здравый смысл восторжествовал, и в Следственном комитете судебная экспертиза будет применяться беспрепятственно, но это не совсем так! Если согласно проекту Федерального закона Следственный комитет Российской Федерации относится к федеральным государственным органам, в которых могут создаваться государственные судебно-экспертные учреждения и экспертные подразделения (во множественном числе – прим. автора) в целях организации и производства судебной экспертизы. Ранее проект уточнял и виды судебных экспертиз, производство и организация которых должны были входить в полномочия СКР: молекулярно-генетическая, компьютерно-техническая, видеотехническая, информационно-аналитическая, строительно-техническая, фоноскопическая, лингвистическая, финансово-аналитическая, психофизиологическая (с использованием полиграфа), почерковедческая, дактилоскопическая, баллистическая, портретная, трасологическая, физико-химическая, пожарно-техническая, экологическая, медико-криминалистическая, экспертиза холодного оружия и технико-криминалистическая экспертиза документов. Однако ни в законопроекте, рекомендованном к принятию в третьем чтении, ни в принятом законе перечисление конкретных видов экспертиз отсутствует, а ст. 5 выглядит следующим образом:

«5) статью 45 дополнить частью 10 следующего содержания:

«10. До создания в системе Следственного комитета судебно-экспертного учреждения, но не позднее чем до 1 января 2022 года организацию и производство судебных экспертиз, назначенных в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации, в Следственном комитете могут осуществлять экспертные подразделения Следственного комитета (главное управление, управления и отделы по федеральным округам, управления и отделы по субъектам Российской Федерации), которые действуют на основе подчинения нижестоящих сотрудников и руководителей экспертных подразделений вышестоящим руководителям экспертных подразделений. Сотрудники и руководители экспертных подразделений Следственного комитета не могут быть наделены полномочиями следователей и руководителей следственных органов Следственного комитета».

Это значит, что до 1 января 2022 г. (своеобразный переходный период) судебные экспертизы могут производиться в реально существующих в настоящее время экспертных подразделениях Следственного комитета (главном управлении, управлениях и отделах по федеральным округам, управлениях и

отделах по субъектам Российской Федерации), после чего они смогут производиться только в одном судебно-экспертном учреждении Следственного комитета. По сути, переходный период Следственному комитету предоставлен для свертывания большей части своих функционирующих сейчас судебно-экспертных учреждений. Такое решение иначе, как «шаг вперед и два назад» назвать нельзя!

Давайте все же разберемся, насколько оправданы утверждения противников функционирования в силовых ведомствах собственных экспертных служб. Еще в 19 веке в России были сформулированы основные требования, предъявляемые к судебным экспертам: компетентность и незаинтересованность в исходе дела, позволяющие им формулировать свои выводы – ответы, на вопросы, поставленные перед ними следователем или судом, исключительно на основе своих специальных знаний и с учетом результатов проведенных ими исследований. 1 марта этого года мы отметили столетие со дня образования экспертно-криминалистической службы Министерства внутренних дел страны. Сотрудники этой службы 100 лет оказывают весьма действенную помощь в установлении истины в рамках судопроизводства, вовсе не оглядываясь на то, согласуются ли их выводы с версией стороны обвинения. Нам известно множество случаев, когда эксперты ЭКП ОВД в судебных заседаниях доводили до состава суда свои выводы, прямо противоречащие версии следователя, сформулированной в его обвинительном заключении, и это никогда не приводило к какому-либо их притеснению со стороны руководства. Эксперт – компетентный носитель специальных знаний, незаинтересованный в исходе дела. Если сотрудник государственного судебно-экспертного учреждения формулирует свои выводы, исходя не только из своих специальных знаний и результатов проведенных исследований, но и сообразуясь с какими-либо привнесенными соображениями, например, своей ведомственной принадлежностью, он априори не объективен и в принципе не может выступать в качестве эксперта по делу. Это всегда понимали и понимают руководители правоохранительных органов, ценящие своих экспертов за их способность содействовать установлению истины, за компетентность и объективность, независимость суждений, способность отстаивать свои выводы, в том числе и перед этим самым руководством.

На Западе исторически сложились совершенно иные специфические организационные условия использования специальных знаний, и попытки их бездумного перенесения на российскую почву способны дать эффект, прямо противоположный ожидаемому. Например, в развитых странах Запада, да и Востока, для судебного эксперта незапятнанная репутация – необходимое условие работы в качестве эксперта. У нас же на всем постсоветском пространстве в период бурного становления рыночных социально-экономических отношений широкое распространение получило такое позорное явление, как экспертная коррупция [1, с.353-358]. Если бы логика противников функционирования судебно-экспертных организаций в силовых ведомствах страны работала, число заведомо ложных заключений, даваемых их экспертами, было бы

во много крат больше числа заказных заключений «независимых экспертов». По нашему глубокому и вовсе не голословному убеждению, картина прямо противоположная! В первую очередь этим отличаются сотрудники именно так называемых «учреждений независимой экспертизы», значительная часть из которых регулярно дает заказные заключения. И их подмоченная репутация (а экспертная коррупция, в отличие от коррупции вообще, не латентна, продажные эксперты хорошо известны) вовсе не мешает им активно продолжать заниматься судебно-экспертной деятельностью, и даже является своеобразной рекламой, гарантирующей востребованность со стороны, как правило, представителей адвокатского сообщества. «Правоприменители», представители адвокатского сообщества, постоянно подчеркивающие потенциальную необъективность экспертов силовых ведомств, об экспертной коррупции, процветающей в негосударственных судебно-экспертных организациях, масштабы которой зашкаливают, не могут не знать, но предпочитают это умалчивать! Следовательно, на самом деле они озабочены вовсе не объективностью судебных экспертов, а совсем иным.

Так действительно ли ведомственная принадлежность судебных экспертов, в том числе экспертов силовых ведомств, практически не влияет на объективность даваемых ими заключений? Представляется, что существует один фактор, не позволяющий ответить на этот вопрос однозначно отрицательно: это корпоративная солидарность. Эксперты, производящие повторные судебные экспертизы по первичным экспертизам, выполненным их коллегами – сотрудниками судебно-экспертных организаций того же ведомства, из корпоративной солидарности в принципе могут проявить необъективность и дать по сути заведомо ложное заключение. Именно поэтому, как правило, повторная экспертиза поручается эксперту, работающему в судебно-экспертной организации другого ведомства. Этот механизм в большинстве случаев делает дачу заведомо ложного заключения из корпоративной солидарности бессмысленной, поэтому влияние этого фактора можно расценивать, как крайне незначительное. Но из этого правила есть весьма существенное исключение; в нашей стране сложилась монополия Министерства здравоохранения на судебно-медицинскую экспертизу. И первичные, и повторные судебно-медицинские экспертизы гарантированно проводятся экспертами только этого ведомства, поэтому влияние корпоративной солидарности среди экспертов Минздрава является существенным фактором риска дачи заведомо ложных заключений экспертов. Именно поэтому создание условий для высокопрофессионального производства судебно-медицинских экспертиз в Следственном комитете РФ можно только приветствовать! В спорных случаях появляется возможность провести повторную судебно-медицинскую экспертизу в другом ведомстве, и тем самым либо опровергнуть появившиеся сомнения, либо подтвердить их, появляется реальная возможность установления истины!

Все вышеизложенное убедительно доказывает: утверждение об изначальной зависимости, необъективности судебных экспертов силовых ведомств, а значит нецелесообразности функционирования в этих ведомствах

судебно-экспертных учреждений, голословно, ничем объективным не подтверждается, и поэтому не состоятельно. Все те, кто с настойчивостью, достойной лучшего применения, используют эту аргументацию, предлагая соответствующие ей радикальные предложения по реорганизации судебно-экспертной системы страны, преследуют различные цели, исходя из собственных (личных, корпоративных или ведомственных) интересов, далеких от интересов борьбы с преступностью. Однако при этом они не могут не понимать, что реализация их предложений будет ограничивать возможности правоохранительных органов в использовании современных достижений науки и техники, судебной экспертизы в раскрытии и расследовании преступлений, и тем самым делу борьбы с преступностью в стране может быть нанесен серьезный вред!

Однако следует признать, что судебно-экспертная система страны находится в глубоком кризисе: чрезвычайно остро стоит и продолжает обостряться проблема достоверности доказательств, получаемых экспертным путем, но причины ее нужно искать вовсе не в существовании экспертных служб силовых ведомств страны. Недостоверные доказательства содержатся в заведомо ложных и ошибочных заключениях судебных экспертов. Их объединяет то, что установленные экспертом обстоятельства расследуемого события, сформулированные в выводах, противоречат реальным, не объективны. Проблему заведомо ложных заключений следует рассматривать в едином контексте с проблемой ошибочных; провести между ними четкую границу в конкретных случаях не всегда просто, поскольку факт заведомой ложности заключения трудно доказуем. Однако, если хорошо подготовленный эксперт без видимых причин делает грубые ошибки, приводящие его к «ошибочным» выводам, добросовестное заблуждение такого эксперта можно поставить под сомнение и закономерно предположить заказной характер его заключений. Вот почему, повторяюсь, коррупционные проявления, в целом носящие ярко выраженный латентный характер, в случае экспертной коррупции латентными не являются, коррумпированные эксперты хорошо известны. Это предопределяет возможность эффективного противодействия данному крайне негативному явлению.

Как уже было отмечено, экспертная коррупция - основная причина дачи заведомо ложных заключений - получила широкое распространение не только в нашей стране, но и на всем постсоветском пространстве после развала СССР в период становления рыночных социально-экономических отношений. К большому сожалению, у нас стали не только свыкаться с этим явлением, относясь к нему как к неизбежному злу, но иногда даже пытаются привести аргументы в его оправдание.

Что же можно ему противопоставить? Уголовная ответственность нечистых на руку экспертов не останавливает, поскольку трудно доказуем злой умысел, заведомая ложность заключения. Поэтому, прежде всего, следует устранять условия, способствующие экспертной коррупции. К сожалению, наше уголовно-процессуальное законодательство создает предпосылки для ее процветания, в основном за счет сокращения дистанции между сторонами по

делу и судебными экспертами. Исследователи, занимающиеся проблемами процессуального регулирования судебной экспертизы, нередко пытаются перенести на российскую почву нормы, успешно применяемые на Западе. При этом они совершенно не учитывают того, что социальные условия реализации этих норм, во многом определяющие результат их использования, в России совершенно иные. Именно с оглядкой на западный опыт в ст. 198 УПК РФ «Права подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля при назначении и производстве судебной экспертизы» действующего уголовно-процессуального кодекса были включены нормы, согласно которым при назначении и производстве судебной экспертизы подозреваемый, обвиняемый, его защитник вправе, например, ходатайствовать о привлечении в качестве экспертов указанных ими лиц либо о производстве судебной экспертизы в конкретном экспертном учреждении. Продолжают звучать предложения расширить права участников процесса в части выбора эксперта и заявлении ему отвода. Для этого, например, в ст. 14 ФЗ о ГСЭД предлагают предусмотреть обязанность руководителя экспертного учреждения до начала исследования сообщить лицу (органу), назначившему судебную экспертизу, о персональном составе экспертов, которым предполагается поручить экспертизу, а также о степени их профессиональной подготовки. По мнению авторов с этой информацией должны быть ознакомлены и заинтересованные лица, чтобы у них была возможность реально влиять на выбор эксперта [2, с.102-104].

Все эти и им подобные предложения представляются не продуманными, оторванными от российской действительности. В судебно-экспертных системах развитых стран Запады созданы условия, при которых эксперты с подмоченной репутацией очень быстро и гласно исключаются из официальных реестров экспертов, после чего экспертная деятельность для них становится практически недоступной. И в наших социальных условиях указанные меры действительно облегчают стороне защиты выбор эксперта. Но нередко сторона рекомендует именно того эксперта, у которого удалось получить принципиальное согласие на дачу «нужного» заключения. Поэтому в нашей стране для устранения условий, способствующих экспертной коррупции, правильнее не сокращать дистанцию между экспертом и сторонами по делу, что на протяжении последних двух десятилетий делается целеустремленно и методично, а увеличивать ее [3, с 112-115].

И еще одно соображение, касающееся профилактики экспертной коррупции. Представляется необходимым предпринять усилия для того, чтобы судебно-экспертная система страны стала «самоочищающимся организмом». Необходимо, чтобы в судебно-экспертные организации на экспертные должности принимались люди, не только профессионально подготовленные, но и порядочные, для которых слова «нравственность, долг, честь и достоинство» - не пустой звук. Если же действующий эксперт проявляет противоположные качества, от него необходимо избавляться, делая для него дальнейшую экспертную деятельность невозможной. Вот этот положительный опыт наших западных коллег перенести в нашу страну можно и нужно.

Источниками недостоверных доказательств являются не только заведомо ложные, но и ошибочные заключения эксперта. Кратко рассмотрим причины их проявления. Обычно их подразделяют на субъективные (низкая квалификация эксперта, его профессиональные упущения, неординарные психологические состояния, логические дефекты умозаключений и пр. [4, с.17]) и объективные (отсутствие или несовершенство методики и ненадежность методов исследования; отсутствие в распоряжении эксперта полных данных об идентификационной значимости признаков; применение экспертом неисправных приборов и пр. [4, с.16]). По нашему глубокому убеждению, все вышеуказанные «объективные» причины экспертных ошибок на самом деле являются субъективными. Действительно объективными причинами дачи ошибочных заключений являются те сравнительно немногочисленные случаи, когда следователь, добросовестно заблуждаясь или по злему умыслу, в качестве исходных представляет эксперту недостоверные (в т.ч. сфальсифицированные) объекты или сведения, повлекшие необъективный вывод. Это позволяет утверждать, что ошибочные заключения, как правило, дают эксперты, уровень владения которых специальными знаниями оставляет желать лучшего, а значит считать их носителями этих знаний и привлекать в качестве экспертов нельзя изначально [5, с.3-8].

Проблема повышения качества производимых в нашей стране судебных экспертиз стоит весьма остро, и решить ее без хорошо отлаженной системы подготовки квалифицированных экспертов невозможно. Насколько успешна сложившаяся у нас система? Она осуществляется в двух основных формах: ученической (непосредственно в судебно-экспертных учреждениях по принципу наставничества) и академической (при получении будущими экспертами высшего образования). Ученическая система подготовки экспертов реализуется, начиная со времени создания первых судебно-экспертных учреждений. Но она не лишена некоторых весьма существенных недостатков: - в ее рамках подготовить значительное количество экспертов за ограниченный промежуток времени невозможно; - качество подготавливаемых в рамках этой системы экспертов в значительной степени зависит от профессионализма эксперта-наставника, реальный же уровень наставников в постсоветский период существенно снизился; - качество осуществляемой в рамках этой системы базовой экспертной подготовки, как правило, не выдерживает критики. И выходит, что обучаемые изучают методики экспертного исследования, не освоив методологию судебной экспертизы. Молодых сотрудников «натаскивают» по экспертным методикам; при этом они стараются усвоить, как нужно поступать в различных экспертных ситуациях, совершенно не понимая, почему нужно поступать именно так. Такой эксперт – не более чем ремесленник, а хороший эксперт всегда должен быть творцом. Именно творческий подход, который должен реализовываться в каждой реальной судебной экспертизе, и позволяет эксперту, отталкиваясь от типовой методики экспертного исследования, преобразовывать ее в конкретную с учетом специфики поступивших на исследование объектов и особенности решаемой задачи, и достигать наилучшего ре-

зультата – получения максимально возможного в данной экспертной ситуации объема уголовно-, гражданско-релевантной информации. Справедливости ради следует отметить, что и академическая система отнюдь не гарантирует формирование творческого подхода у своих выпускников.

Академическая форма подготовки судебных экспертов при должной организации позволяет в разумные сроки подготовить необходимое число судебных экспертов. Но с качеством подготовки здесь тоже не все однозначно.

Прежде чем анализировать слагаемые качества академической подготовки, следует определиться с самим понятием качественной экспертной подготовки; важно определить грань, разделяющую подготовку качественную, обеспечивающую должный уровень квалификации эксперта, и некачественную. Квалификация судебного эксперта может достигать заоблачных вершин, но важно не нарушать ее нижнее пороговое значение¹. Хочется подчеркнуть, что если и действующий эксперт (и государственный, и иной), независимо от стажа его практической экспертной работы, в процессе аттестации показывает несоответствие этому уровню², следует решать вопрос о лишении его права самостоятельного производства соответствующих экспертиз.

Качество судебных экспертов, подготавливаемых в рамках академической формы, определяется влиянием трех основных факторов [подробнее об этом см. 6, с.156-171]:

- качества отбора абитуриентов: будущий судебный эксперт должен обладать прочными естественнонаучными знаниями, аналитическим складом ума и склонностью к экспериментальной деятельности. Обеспечить такую совокупность может лишь та система, которая отбирает лиц, склонных к естественным, точным наукам. Сложившаяся у нас система, в отличие от всех без исключения развитых западных стран, предполагает иное: абитуриенты при поступлении сдают вступительные экзамены только по гуманитарным дисциплинам;

¹По нашему убеждению, минимально допустимый уровень готовности выпускников к практической экспертной деятельности должен предусматривать наличие у них прочных знаний криминалистики, теории судебной экспертизы, основ соответствующих специализации эксперта материнских наук и методических основ соответствующих родов и видов экспертиз, а также обязательное наличие реальных компетентностей производства этих экспертиз, позволяющих в несложных случаях (сравнительно простые экспертные задачи, высокоинформативные материальные следы, качественные образцы для сравнительного исследования) закономерно приходиться к достоверным объективным выводам.

²Автор неоднократно убеждался в том, что значительный опыт экспертной работы отнюдь не гарантирует наличие у эксперта необходимой компетентности.

- соотношения в ее структуре естественнонаучных, юридических и собственно экспертных знаний: юридические знания судебным экспертам нужны в ограниченном объеме для понимания сути правовых норм, которые они обязаны соблюдать, и осознания своего места в правоохранительной системе. Судебная экспертиза – один из видов использования специальных знаний в процессуальной форме. Для обеспечения этой формы будущие эксперты, несомненно, в определенном объеме должны получать правовые знания. Но в судебной экспертизе важна не столько правовая форма, сколько содержание, а оно, как правило, естественнонаучное, техническое. Поэтому для обеспечения качественной подготовки в структуре образования судебных экспертов форма (правовые знания) не должна превалировать над содержанием;

- качества преподавания экспертных дисциплин: по нашему глубокому убеждению, экспертные дисциплины будущим экспертам должны преподавать только реальные носители экспертных технологий – действующие эксперты.

Принципиальным является вопрос о том, как оценить наличие у потенциального, да и действующего эксперта специальных знаний, его компетентность – индивидуальную способность решать задачи, входящие в его компетенцию? В ст. 13. ФЗ «О ГСЭД в РФ» [7], в частности, сказано, что уровень профессиональной подготовки экспертов подлежит пересмотру экспертно-квалификационными комиссиями каждые пять лет. Наш опыт¹ позволяет утверждать, что принятый в России порядок аттестации экспертов в принципе не позволяет оценить их реальный профессиональный уровень. Во-первых, оценка осуществляется по экспертным заключениям, выбранным самим проверяемым экспертом, зачастую подгоняемым под действующие требования. И, во-вторых, такая проверка при отсутствии в распоряжении рецензентов самих объектов исследования чаще всего позволяет оценить качество не самого экспертного исследования, а оформления его результатов.

Указанный порядок аттестации экспертов не позволяет оценить их реальный профессиональный уровень. Для получения реальной картины необходимо объективизировать оценку компетентности экспертов. Для этого, во-первых, следует оценивать не те заключения, которые выбирает сам аттестуемый, а либо отобранные методом свободной выборки, либо, что лучше, просматривать все заключения, подготовленные им за определенный промежуток времени. Но более эффективным был бы перенос на российскую землю системы контроля надежности проводимых экспертных исследований развитых западных стран. [8, с.44-49; 9, с.10-11]. Создание в нашей стране подобной системы и распространение ее деятельности на всех практикующих судебных

¹Автор статьи 17 лет в СЮИ МВД РФ принимал участие в рецензировании заключений экспертов ЭКП ОВД России, направляемых в ЦЭКК МВД РФ, в том числе 5 лет возглавлял эту работу в качестве начальника факультета подготовки специалистов по специальности «Судебная экспертиза».

экспертов, как государственных, так и «независимых», позволит оценить реальный уровень производимых экспертиз.

Таким образом, можно констатировать, что для решения проблемы обеспечения достоверности доказательств, получаемых экспертным путем необходимо кардинально изменить порядок аттестации судебных экспертов, перейти к использованию объективных критериев их компетентности, качества производимых ими экспертиз, и на основе результатов этой оценки скорректировать систему подготовки экспертов.

Подводя итог изложенному, хочется констатировать следующее: для решения накопившихся многочисленных проблем судебно-экспертной деятельности в нашей стране необходимо, чтобы все вопросы, связанные с развитием судебной экспертизы, совершенствованием ее организационных и процессуальных основ, решались исключительно исходя из интересов дела, интересов борьбы с преступностью, без всякой оглядки на чьи-либо личные, корпоративные либо ведомственные интересы. Только в этом случае судебная экспертиза в России сможет достойно выполнять свое высокое предназначение – служить эффективным средством установления истины во имя торжества справедливости.

Список литературы :

1. Хрусталеv В.Н. Заинтересованность экспертов в деле - основная проблема судебной экспертизы на постсоветском пространстве / Материалы 1-й Международной научно-практической конференции «Дискуссионные вопросы теории и практики судебной экспертизы», 26-27 октября 2017 г. / Информационный бюллетень «Вопросы экспертной практики»: Специальный выпуск. ISSN: 2500-2570. С. 353-358.
2. Давидова Ш.В. Содержание допустимости доказательств при производстве экспертизы по уголовным делам : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Ш.В. Давидова. Волгоград, 2008. С. 102-104.
3. Хрусталеv В.Н. Некоторые проблемы процессуального регулирования судебной экспертизы / Криминалистические средства и методы в раскрытии и расследовании преступлений: Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции по криминалистике и судебной экспертизе. М.: ЭКЦ МВД России, 2009. С. 112-115.
4. Краснобаева А.Ю. Экспертные ошибки: причины, последствия, профилактика: автореф. дис. ... канд. юрид. Наук: 12.00.09 / А.Ю. Краснобаева. Волгоград, 1997. С. 16-17.
5. Хрусталеv В.Н. Действительно ли многочисленны причины экспертных ошибок? // Современные проблемы криминалистики и судебной экспертизы: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Саратов: ФГБОУ ВПО «Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского». Издательство «Саратовский источник», 2014. - С. 3-8.

6. Хрусталеv В.Н. Как обеспечить достоверность доказательств, получаемых экспертным путем? / Судебная экспертиза. Выпуск 3 (47) 2016: научно-практический журнал. Волгоград: ВА МВД России, 2016. С. 156-171.

7. Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».

8. Кертес И. Криминалистическая техника в развитых капиталистических странах. М.: ВНИИСЭ, 1989. С. 44-49.

9. Аринушкин Г.П., Воскерчан Г.П. X конференция международной ассоциации судебных наук. Некоторые аспекты судебной экспертизы в Великобритании // Судебная экспертиза за рубежом: Реферативная информация. Вып. 2. М.: ВНИИСЭ, 1985. С. 10-11.

ДНК-КРИМИНАЛИСТИКА – ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ

Чемерис Алексей Викторович

главный научный сотрудник Института биохимии и генетики –
обособленного структурного подразделения ФГБНУ «Уфимский
федеральный исследовательский центр Российской академии наук»,
доктор биологических наук, профессор;

Аминев Фарит Гизарович,

профессор кафедры криминалистики Института права ФГБОУ
ВО «Башкирский государственный университет»,
доктор юридических наук, доцент;

Гарафутдинов Равиль Ринатович

заведующий лабораторией Института биохимии и генетики
– обособленного структурного подразделения ФГБНУ «Уфимский
федеральный исследовательский центр Российской академии наук»,
кандидат биологических наук;

Хуснутдинова Эльза Камилевна

и.о. директора Института биохимии и генетики – обособленного
структурного подразделения ФГБНУ «Уфимский федеральный
исследовательский центр Российской академии наук»,
доктор биологических наук, профессор;

Анисимов Владимир Александрович,

доцент кафедры криминалистики Института права
ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет»,
кандидат юридических наук, доцент;

Сагитов Александр Муфазалович,

заместитель директора Некоммерческой организации
«Фонд развития промышленности Республики Башкортостан»;

Луценко Владимир Иванович,
доцент кафедры программирования и экономической информатики
факультета математики и информационных технологий
ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет»,
кандидат физико-математических наук, доцент

В мировой литературе можно встретить публикации с похожими названиями, в которых описываются старые подходы к ДНК-идентификации личности, рассматривается текущее состояние дел в этой области и прогнозируется будущее ДНК-криминалистики [1 - 4]. Эти обзорные статьи подготовлены в разные годы, но ни в одной из них не уделяется должного внимания вопросам цифровизации данных. Отчасти это можно объяснить тем, что стремление к наиболее оптимальной оцифровке результатов прежде было не столь актуальным, тогда как сейчас этот аспект становится фактически определяющим направление дальнейшего развития ДНК-криминалистики, поскольку именно наличие баз данных позволяет в полной мере использовать анализ ДНК для изобличения преступников, а размер базы данных и ее организация прямо влияют на эффективность их поиска.

ДНК-криминалистика берет начало с середины 1980-х гг. с работ англичанина Алека Джеффриса, обнаружившего принципиальную возможность использования полиморфизма ДНК для однозначной идентификации личности [5, 6]. В этих работах сравнивался полиморфизм минисателлитных последовательностей ДНК, называемых также VNTR-локусами (Variable Number of Tandem Repeats), явившими собой первое поколение маркерных характеристик ДНК человека, пригодных для ДНК-идентификации личности. При этом данный подход имел множество недостатков, среди которых была невозможность точного определения длины выявляемых с помощью гель-электрофореза в купе с блот-гибридизацией фрагментов ДНК из-за их очень крупных размеров (до нескольких тысяч пар нуклеотидов). Тем не менее, на основе таких аналоговых картин все же создавались локальные базы данных, позволяющие с определенной степенью достоверности проводить заочное сравнение хранимых сведений с ДНК предполагаемого преступника. По сути, в случае VNTR-локусов производится обычная оцифровка аналоговых данных. Но ныне это уже далекое прошлое ДНК-криминалистики.

При этом следует заметить, что способ ДНК-идентификации личности на основе минисателлитных последовательностей сыграл огромную роль в судебных разбирательствах, и на протяжении целого десятилетия довольно широко использовался, не давая исказить судьбу невинных и помогая свершиться правосудию в отношении виновных, убедив тем самым общество в правильности и необходимости использования ДНК для идентификации людей.

В начале 1990-х гг. внимание криминалистов-биологов оказалось обращено на другой тип более коротких tandemных повторов ДНК – STR-локусов (Short Tandem Repeat) [7, 8]. С учетом заметных технологических новшеств, а

также увеличения числа используемых STR-локусов для ДНК-идентификации личности данный подход можно считать, и как не очень далекое прошлое и одновременно настоящее современной ДНК-криминалистики.

Ввиду ряда преимуществ микросателлитные STR-локусы со второй половины 1990-х гг. нашли широкое применение, став, по сути, вторым поколением ДНК-маркеров для идентификации личности. Весьма серьезным преимуществом использования STR-локусов оказались их меньшие по размеру анализируемые фрагменты ДНК (не превышающие 450 пар нуклеотидов), позволяющие устанавливать их размеры с максимальной точностью - до нуклеотида. Однако при работе с сильно поврежденными образцами даже такая длина бывает излишней и для подобных случаев рекомендуется использовать так называемые miniSTR-локусы, характеризующиеся расположением мест отжига праймеров ближе к непосредственно микросателлитным повторам, что способствует дальнейшему уменьшению размеров ампликонов (до 100 – 200 пар нуклеотидов).

Несмотря на возможность точного определения размеров фрагментов ДНК, содержащих STR-локусы, им присущ целый ряд серьезных недостатков. Типичным именно для STR-локусов недостатком явились так называемые «статтерные» ампликоны с нехарактерными размерами (в действительности не присущими тому или иному анализируемому человеку), возникающие из-за ошибок ДНК-полимеразы при репликации в виде «проскальзывания» цепей ДНК, несущих множественные короткие повторы. Наличие таких фрагментов затрудняет выявление истинных размеров конкретных аллелей и особенно негативно влияет на анализ смешанных образцов ДНК жертвы и преступника, тем более, когда их соотношение сильно разнится. Тем не менее, однозначная оцифровка результатов выявления полиморфизма STR-локусов производиться все же может, благодаря чему появляется возможность создания соответствующих баз данных и поиска по ним совпадающих ДНК-профилей людей.

В последнее десятилетие бурно развивающееся секвенирование ДНК новых поколений проникло и в ДНК-криминалистику, что можно только приветствовать. Однако это обернулось для STR-локусов неожиданной проблемой, поскольку ранее их полиморфизм оценивался по числу повторяющихся коровых элементов, а тут стало ясно, что помимо этого имеется масса других отличий как внутри самих повторов, так и во фланкирующих участках, что отмечается во многих публикациях [9, 10]. В этой связи и так нефиксированный уровень полиморфизма для STR-локусов вовсе стал практически бесконечным, что для формирования и ведения баз данных абсолютно неприемлемо. Можно сказать, что цифровизация данных STR-полиморфизма имеет крайне низкий уровень.

Первая база данных по STR-локусам в рамках целого государства была создана в Англии и Уэльсе в 1995 г. В США подобная база данных появилась чуть позже – в 1998 г. В настоящее время криминалистические базы ДНК-данных имеются в более чем сотне государств. Наиболее крупные - в Китае

(40 млн. чел.), в США (17 млн.) и в Англии, где подобным анализом ДНК охвачено свыше 10% населения, что составляет около 6 млн. чел.

В разных странах действуют свои правила помещения сведений о ДНК людей в базы данных и продолжительности их хранения. Однако общее у них то, что везде базы данных ориентированы на избирательное хранение информации о STR-локусах только тех людей, что обвиняются или заподозрены в различных правонарушениях. Хотя необходимо отметить, что предложения создавать базы данных о ДНК всех людей (в виде определенных STR-локусов) в некоторых странах периодически звучат. В США такие базы данных называют или «универсальными» или «с охватом населения в целом». Так, еще в 2003 г. была опубликована большая статья, в которой рассматривались все «за» и «против» подобной базы данных, причем авторы склонялись к ее нужности [11]. Весной 2010 г. в New York Times (<https://reason.com/2010/03/17/fight-crime-with-a-universal-d/>) был опубликован материал, в котором обсуждались преимущества борьбы с преступностью с помощью универсальной базы данных ДНК. После некоторого перерыва в США вновь вернулись к этому вопросу [12]. В другой статье в журнале Science авторы задаются вопросом не пришла ли пора создания универсальных криминалистических баз данных, имея ввиду базы данных по STR-локусам всего населения США [13]. Недавно поднимались вопросы создания универсальных всеобъемлющих криминалистических баз ДНК-данных в Австралии [14], где основное внимание уделено балансу пользы и затраченных средств. В Англии еще в 2007 известный судья Лорд Sedley призвал к созданию базы данных ДНК всего населения - <http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk/6979138.stm>. Причем, проведенный в том же 2007 г. опрос населения показал, что две трети согласны с тем, что бы все взрослое население Англии, Уэльса и Северной Ирландии было включено в ДНК-базу данных - <http://news.bbc.co.uk/2/hi/programmes/panorama/7010687.stm>. Шотландия тогда высказала несколько иную точку зрения. Но дальше всех пошел Кувейт, который после серьезного теракта принял в 2015 г. закон о всеобщей ДНК-регистрации не только своего 3,3 миллионного населения, но и всех приезжающих в их страну граждан других государств. Причем за уклонение предусматривались очень серьезные наказания. Процесс должен был начаться в 2016 г., но в том числе и из-за таких суровых санкций к уклонистам в мире поднялась волна возмущения, которая заставила правительство Кувейта отменить данный закон, а так бы Кувейт мог стать первой страной, располагающей базой ДНК-данных всего населения, включая приезжих.

Помимо мини- и микросателлитных локусов для ДНК-идентификации личности используется еще немало других полиморфных участков генома человека, которые рассмотрены нами ранее [15] и здесь остановимся лишь еще на одном типе полиморфизма ДНК - однонуклеотидных заменах или так называемых снипах (SNP – Single-Nucleotide Polymorphism). Впервые снипы для целей ДНК-идентификации личности были применены еще в 1993 г. [16]. Спустя несколько лет была выполнена работа, в которой отчетливо продемонстри-

рован целый ряд преимуществ снипов перед STR-локусами для ДНК-криминалистики [17]. Однако из-за методологического уровня тех лет и тогдашней дороговизны детекции однонуклеотидного полиморфизма ДНК использование снипов для ДНК-идентификации личности уступило STR-локусам, хотя имело шансы стать главенствующим типом полиморфизма для этих целей. В настоящее же время методов выявления однонуклеотидных замен разработано множество и стоимость их обнаружения при массовых анализах заметно ниже таковой для STR-локусов. При этом для анализа снипов достаточно наличия фрагментов ДНК длиной всего около 40-50 пар нуклеотидов, что позволяет работать с сильно поврежденной ДНК. Снипы мутируют с заметно меньшей скоростью, что тоже весьма важно. Но главное даже в другом – снипы позволяют создавать конечные базы данных с фиксированными числом ячеек, что для STR-локусов, как уже говорилось выше принципиально невозможно. Таким образом, информация по одному человеку в базе данных на основе снипов может занимать не более одного килобайта компьютерной памяти. В отличие от STR-локусов, как выясняется с избыточным уровнем полиморфизма ДНК, для снипов в популяции с учетом их потенциальной тетрааллельности не может быть более 10 комбинаций полиморфных нуклеотидов и не более двух разных нуклеотидов у одного человека из четырех возможных азотистых оснований. Таким образом, можно считать, что полиморфизм снипов обеспечивает высочайший уровень цифровизации данных. Количество требующихся снипов для однозначной ДНК-идентификации личности должно соответствовать принципу разумной достаточности, но при этом их можно выбрать столько, что случайное совпадение может быть одно на многие дециллионы или даже на гугол (10^{100}). Все вместе это позволяет считать, что снипы могут стать новым поколением маркерных признаков для однозначной ДНК-идентификации личности и даже ДНК-регистрации всего населения, ведь одной из причин «против» являются слишком высокие затраты на ее проведение. По всей видимости, снипы должны стать третьим поколением маркерных признаков генома человека и за ними будущее ДНК-криминалистики.

Необходимо признать, что существует ряд препятствий к ДНК-регистрации всего населения. В первую очередь к ним относится нарушение прав граждан на неприкосновенность личной жизни и возникающий доступ к информации в виде их персональных данных, который может оказаться неограниченным. Однако, например, опасения, что сведения об имеющихся болезнях или только предрасположенность к таковым при помещении информации о ДНК конкретного человека в криминалистическую базу данных станут известными другим людям, благодаря использованию снипов, несущих так называемые синонимичные замены, не приводящие к изменению конкретного белка или фермента, лишены всяких оснований, поскольку они представляют собой абсолютно нейтральные мутации. А то, что рано или поздно ДНК-регистрация всего населения станет реальностью можно не сомневаться, поскольку криминалисты уже не откажутся от анализов ДНК при расследовании, а прогресс науки будет продолжаться и себестоимость выявления полимор-

физма снимов снизится еще больше. К тому же мир изменился настолько, что жить прежними реалиями нельзя и противиться очевидному долго не получится. (Чего только стоит создающий массу неудобств вход, например, в здание вокзала или аэропорта через турникет с просвечиванием багажа, о чем раньше даже и подумать было невозможно, но это делается сейчас не ради прихоти, а в целях безопасности и самого гражданина и всех находящихся там людей.) В доказательство наших слов можно привести одно высказывание, сделанное в недавно изданной в России книге «ДНК и ее человек. Краткая история ДНК-идентификации» [18, с. 247], где прямо говорится, что «...надо признать, что включение того или иного объема ДНК-данных в биометрию паспортов всего мира – скорее всего, лишь вопрос времени. Слишком уж удобен этот метод идентификации». Вот так. И это будущее ДНК-криминалистики для которого наиболее подходящим представляется использование снимов в качестве маркерных характеристик всех жителей Планеты.

Необходимо осознавать, что ДНК-регистрация всего населения несомненно повысит безопасность общества в целом и каждого человека в составе этого общества, что должно быть выше всяких предубеждений. Самой лучшей профилактикой правонарушений является неотвратимость наказания и с помощью всеобщей ДНК-базы данных поиск преступников будет значительно улучшен и некоторые поостерегутся что-либо совершать противозаконное, где могут остаться их биологические следы. Поэтому, по крайней мере, часть преступлений может быть не совершена. Еще одним опасением может явиться допущение, что преступники будут специально вводить следствие в заблуждение, оставляя некие биологические следы, принадлежащие другим людям. Однако такое возможно и в настоящее время, поскольку ДНК-идентификация преступников по оставленным ДНК-следам как-никак проводится. При этом будет появляться новый круг подозреваемых, которые могли каким-то образом раздобыть, например, каплю крови конкретного человека. С обнаруженными на местах преступлений волосами дело будет обстоять несколько сложнее, поскольку их доказательная сила в определенных ситуациях будет существенно ниже.

Остается еще заметить, что в действующем российском паспорте имеется пустая строка «личного кода», которая в силу ряда причин оказалась незаполненной. Однако это прямо свидетельствует о намерении нашего государства вести разнообразный учет своих граждан. При этом наличие данной строки ни у кого не вызвало сколько-нибудь заметного возмущения. Наличие в биометрических паспортах будущего скрытой (невидимой глазом) информации можно до некоторой степени сравнить с фотографией человека в обычном паспорте, которая также не дает полного представления о нем как личности (или биологической особи) но при этом пригодна для первичного опознания и идентификации ее владельца. К тому же информация об особенностях ДНК будет «видна» только электронным приборам. Опасения, что с помощью ДНК будут следить за каждым человеком можно считать несерьезными, поскольку гораздо проще использовать видеокамеры с распознаванием лиц, что уже де-

ляется для криминалистики [19] или смартфоны, дающие много разнообразной информации о человеке, включая его болезни, если проследить за его запросами в поисковиках.

Данная работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках выполнения научного проекта-гранта РФФИ-мк № 18-29-14076.

Список литературы:

1. Gill P. Role of short tandem repeat DNA in forensic casework in the UK - past, present, and future perspectives // *Biotechniques*. 2002. V.32(2). P.366-368, 370, 372. doi: 10.2144/02322rv01
2. Giardina E., Spinella A., Novelli G. Past, present and future of forensic DNA typing // *Nanomedicine (Lond)*. 2011. V.6(2). P.257-270. doi: 10.2217/nmm.10.160
3. Thompson R., Zoppis S., McCord B. An overview of DNA typing methods for human identification: past, present, and future // *Methods Mol. Biol*. 2012. V.830. P.3-16. doi: 10.1007/978-1-61779-461-2_1
4. Butler J.M. The future of forensic DNA analysis // *Philos. Trans. R. Soc. Lond. Ser. B Biol. Sci*. 2015. V.370(1674). pii: 20140252. doi: 10.1098/rstb.2014.0252
5. Jeffreys A.J., Wilson V., Thein S.L. Individual-specific 'fingerprints' of human DNA // *Nature*. 1985. V.316(6023). P.76-79. DOI: 10.1038/316076a0
6. Gill P., Jeffreys A.J., Werrett D.J. Forensic application of DNA 'fingerprints' // *Nature*. 1985. V.318(6046). P.577-579. DOI: 10.1038/318577a0
7. Edwards A., Civitello A., Hammond H.A., Caskey C.T. DNA typing and genetic mapping with trimeric and tetrameric tandem repeats. *Am. J. Hum. Genet*. 1991. V.49(4). P.746-756.
8. Edwards A., Hammond H.A., Jin L., Caskey C.T., Chakraborty R. Genetic variation at five trimeric and tetrameric tandem repeat loci in four human population groups. *Genomics*. 1992. V.12(2). P.241-253. DOI: 10.1016/0888-7543(92)90371-x
9. Parson W., Ballard D., Budowle B., Butler J.M., Gettings K.B., Gill P., Gusmão L., Hares D.R., Irwin J.A., King J.L., Knijff P., Morling N., Prinz M., Schneider P.M., Nestic C.V., Willuweit S., Phillips C. Massively parallel sequencing of forensic STRs: Considerations of the DNA commission of the International Society for Forensic Genetics (ISFG) on minimal nomenclature requirements. *Forensic Sci Int Genet*. 2016. V.22. P.54-63. doi: 10.1016/j.fsigen.2016.01.009
10. Phillips C, Gettings KB, King JL, Ballard D, Bodner M, Borsuk L, Parson W. "The devil's in the detail": Release of an expanded, enhanced and dynamically revised forensic STR Sequence Guide. *Forensic Sci Int Genet*. 2018. V.34. P.162-169. doi: 10.1016/j.fsigen.2018.02.017
11. Kaye D.H., Smith M.E. DNA identification databases: legality, legitimacy, and, and the case for population-wide coverage // *Wisconsin Law Review*. 2003. P.413-459.

12. Dedrickson K. Universal DNA databases: a way to improve privacy? // *Journal of Law and the Biosciences*/ 2017. V.4(3). P. 637–647/ doi: 10.1093/jlb/lxx041
13. Hazel J.W., Clayton E.W., Malin B.A., Slobogin C. Is it time for a universal genetic forensic database? // *Science*. 2018. V.362(6417). P.898-900. doi: 10.1126/science.aav5475
14. Smith M. Universal forensic DNA databases: Balancing the costs and benefits // *Alternative Law Journal*. 2018. V.43(2). P. 131-135. doi: 10.1177/1037969X18765222
15. Чемерис Д.А., Сагитов АМ., Аминев Ф.Г., Луценко В.И., Гарафутдинов Р.Р., Сахабутдинова А.Р., Василов Р.Г., Алексеев Я.И., Сломинский П.А., Хуснутдинова Э.К., Чемерис А.В. Эволюция подходов к ДНК-идентификации личности // *Биомика*. 2018. Т.10(1). С.85-140. DOI: 10.31301/2221-6197.bmcs.2018-16
16. Syvänen A.C., Sajantila A., Lukka M. Identification of individuals by analysis of biallelic DNA markers, using PCR and solid-phase mini sequencing. *Am. J. Hum. Genet.* 1993. V.52(1). P.46-59.
17. Delahunty C., Ankener W., Deng Q., Eng J., Nickerson D.A. Testing the feasibility of DNA typing for human identification by PCR and an oligonucleotide ligation assay // *Am. J. Hum. Genet.* 1996. V.58(6). P.1239-1246.
18. Клещенко Е. ДНК и ее человек. Краткая история ДНК-идентификации / Елена Клещенко. научн. ред. д-р биол. наук С. Боринская. М.: Альпина нон-фикшн, 2019. 314 с.
19. Fydanaki A., Geradts Z. Evaluating OpenFace: an open-source automatic facial comparison algorithm for forensics // *Forensic Sci. Res.* 2018. V.3(3). P.202-209. doi: 10.1080/20961790.2018.1523703

ПРИМЕНЕНИЕ СТАНДАРТОВ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ КАК РЕАЛИЗАЦИЯ ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО ПОДХОДА В КРИМИНАЛИСТИКЕ И СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ

Чеснокова Елена Владимировна

Заместитель заведующего отделом научно-методического обеспечения
производства экспертиз в системе судебно-экспертных
учреждений Министерства юстиции России ФБУ
«Российский федеральный центр судебной экспертизы
при Министерстве юстиции России», кандидат юридических наук
г. Москва, Россия

Роль стандартов в современном мире с каждым годом становится все более значимой. В настоящее время помимо традиционных областей, таких

как энергетика, строительство и машиностроение, в которых стандарты являются определяющим фактором функционирования, процессы стандартизации прочно вошли и в судебно-экспертную деятельность. В нашей стране на рельсы стандартизации активно переводят свою деятельность Российский федеральный центр судебной экспертизы при Минюсте России, первым обратившим свое внимание на преимущества стандартизованного подхода в судебно-экспертной деятельности [1, с. 339; 2, с. 57; 3, с. 46], и даже некоторые экспертные службы силовых ведомств.

Основатель Института Кайдзен (Kaizen Institute) Масааки Имаи (японцы являются признанными мировыми лидерами стандартизации) утверждает: «Там, где нет стандартов, не может быть совершенствования». Понимая под совершенствованием прогресс развития в какой-либо деятельности, напомним, что еще Р.С. Белкин с соавторами утверждал, что методология криминалистических исследований базируется на диалектическом подходе: «Диалектический метод позволяет вскрывать философскую сущность проблем, специфических для криминалистики, выяснить, какую роль играет практика как в научном криминалистическом исследовании, так и в деятельности следователя или судьи, основывающейся на рекомендациях и выводах криминалистической науки и т. п.». [4; с. 37]

Как известно, стандарты содержат необходимые требования к различным изделиям, способствуют единству производственных правил и процедур, соблюдение которых гарантирует качество товаров или услуг. Не преследуя цели дискутировать по вопросу корректности признания судебно-экспертной деятельности услугой, остановимся на статусе государственной судебно-экспертной деятельности как работы.

Совершенствование судебно-экспертной деятельности, прежде всего, расценивается как повышение ее качества. В диалектике появление нового качества происходит в процессе того, как противоречия приводят к разрушению старого качества. Сущность процесса развития понимается как идущего по спирали, как бы повторяющего пройденные уже ступени, но на более высоком уровне (базе). Практический переход от одной ступени к другой, более высокой возможен при выявлении, анализе ошибок и принятии решения, способствующего улучшению, то есть недопущению выявленных ошибок.

В качестве примера такого процесса можно привести события, произошедшие в 1993 году в немецком городе Хайльбронн и ставшие предтечей улучшений в деятельности по расследованию преступлений [6]. Тогда в результате серии убийств и краж, на каждом месте преступления находили ДНК неизвестного лица женского пола. Среди причин, по которым оно оставалось неуловимым для правосудия, было наличие непонятных противоречий. В их числе: географическое несоответствие мест преступления, отсутствие подобных образцов ДНК в базе, а также тот факт, что серийный убийца не был запечатлен ни на одной из камер наблюдения. Складывалось впечатление, что следствие имеет дело с призраком, отчего подозреваемый получил псевдоним «Призрак Хайльбронна». Расследование этого запутанного дела, растянувшееся

гося на восемь лет, и его итоги изменили подход криминалистов к работе с объектами, содержащими ДНК.

После пересмотра результатов исследования всех вещественных доказательств в 2009 году имевшие место подозрения криминалистов подтвердились, и следователи пришли к выводу, что преступника-фантома вообще не существовало. Изначально количество и разнообразие преступлений вызвали подозрение о возможности загрязнения ДНК, найденного на месте преступления. На самом деле генетический материал человека (неизвестного лица женского пола) по неосторожности был перенесен на оборудование для отбора проб, предназначенного для производства судебной экспертизы, что «сбивало со следа» криминалистов долгие годы.

Описанная ситуация в расследовании преступлений помогла выявить ряд важных проблем, связанных с риском загрязнения образцов ДНК чужеродным материалом. Во-первых, загрязнение с высокой степенью вероятности возможно ещё на стадии производства расходных материалов, которыми криминалисты пользуются при сборе и обработке объектов, содержащих ДНК. По мнению учёных именно они являются одним из потенциальных источников такого загрязнения. Во-вторых, причиной может послужить нарушение экспертами методики изъятия объектов, содержащих ДНК, на месте происшествия.

В результате, проанализировав всю информацию по данному делу, установлено с высокой степенью вероятности, что ватные палочки, использовавшиеся экспертами при осмотре на местах происшествий, были произведены на одной и той же фабрике. Генетическая идентификация объектов, отобранных у одной из работниц предприятия, позволила установить тождество с биологическими объектами, изъятymi на месте преступления. И даже несмотря на то, что палочки прошли надлежащие процедуры стерилизации (с целью уничтожения бактерий, грибов и вирусов), клетки человека в виде частиц кожи, пота, слюны или других выделений организма все равно попали на них.

Возникает вопрос: что нужно делать мировому сообществу криминалистов, дабы предотвратить повторения подобного в будущем? Именно с этой целью и был разработан стандарт ИСО 18385:2016 «Минимизация риска проникновения ДНК человека в продукты, подлежащие сбору, хранению и анализу биологического материала судебными экспертами. Требования». Он является первым в мире международным стандартом, направленным на осуществление контроля производства расходных материалов для исследований, где мировое сообщество криминалистов изложило требования к производству наборов и расходных материалов для экспертиз и установило критерии допуска или отказа. Опубликованный международный стандарт определяет условия, при которых эксперты уверены в том, что используемые ими продукты соответствуют назначению, и что были приняты надлежащие меры для значительного уменьшения загрязнения. Стандарт также будет способствовать повышению уровня доверия к результатам судебной экспертизы со стороны полиции и судов.

Таким образом, дело о «Призраке Хайльбронна» возымело серьёзные последствия для криминалистического сообщества. За все восемь лет напряжённой работы было потрачено 2 миллиона евро и проведено более 16 000 часов сверхурочных поисков «серийного убийцы», причастного к более чем 40 преступлениям в Германии, Австрии и Франции. К очевидной бессмысленной трате времени тысяч работников, следует также добавить и десятки жестоких преступлений, совершавшихся в то время фактически безнаказанно, из-за того, что всё внимание правоохранительных органов было сконцентрировано на несуществующем человеке.

Данный пример показателен и с точки зрения наличия достаточной аргументации скептикам и противникам стандартизации в судебно-экспертной деятельности. Нестандартизованная деятельность требует дополнительных финансовых, организационных и временных вложений. Постоянные вложения требуются и для деятельности судебно-экспертных учреждений, функционирующих по международным стандартам и внедривших и поддерживающих систему менеджмента качества. Ошибки случаются и при одном и другом способе организации деятельности. Однако, там, где внедрена стандартизация, легче выявить ошибки и с меньшими затратами они могут быть исключены. Более того, работающая система менеджмента способна предупредительными действиями выявить нарушения и не допустить их развития, а также предотвратить их появление в будущем в подобных условиях (обстоятельствах). Там же, где нет указанных механизмов, учреждение будет затрачивать ресурсы на ежедневную деятельность и на ликвидацию совершаемых ошибок, не имея эффективных процедур их предотвращения, тем самым увеличивая размеры затрат на свою деятельность.

Несмотря на вышеописанное происшествие, исследование ДНК по-прежнему считается одним из наиболее надежных методов в криминалистике, безусловно, при условии соблюдения всех необходимых процедур. Однако из этого инцидента можно сделать вывод, что даже самые лучшие методы и практики должны сопровождаться разработкой международных стандартов.

Так, обнаружив ошибки и поняв их опасность для правильного расследования преступлений, международное сообщество судебных экспертов продолжает работу над созданием стандартов в области судебно-экспертной деятельности. Объединившись под эгидой Международной организации по стандартизации – ИСО (ISO), в технический комитет (далее – ТК), заинтересованными представителями экспертного сообщества из разных стран мира уже разработаны два стандарта из целой серии, состоящей из пяти стандартов: «Судебная экспертиза»: ИСО 21043-1:2018 «Судебная экспертиза – Часть 1: Термины и определения» (Forensic sciences – Part 1: Terms and definitions) и ИСО 21043-2:2018 «Судебная экспертиза – Часть 2: Обнаружение, описание, сбор, транспортировка и хранение объектов судебно-экспертного анализа» (Forensic sciences – Part 2: Recognition, recording, collecting, transport and storage of items) [5, с. 45; 7]. В настоящий момент времени в разработке находятся еще три стандарта указанной серии: ИСО 21043-3 Судебная экспертиза –

Часть 3 «Анализ», ИСО 21043-4 Судебная экспертиза – Часть 4 «Интерпретация», ИСО 21043-5 Судебная экспертиза – Часть 5 «Отчетность».

Процедура разработки и принятия международных стандартов, заключающаяся в нескольких этапах прохождения, от возникновения темы (идеи) стандарта до его опубликования, довольно сложна и продолжительна по времени. И неудивительно, каждый термин подлежит всеобщему анализу и становится объектом голосования. Часто существующие противоречия не дают возможности принять однозначно какой-либо термин или положение. Тогда сессия должна быть отложена для пересмотра и осмысления всеми членами ТК (представителями государств) и назначены новые даты встреч. Организованные таким образом обсуждения могут повторяться до тех пор, пока все члены комитета не достигнут согласия. Однако, при всей сложности процедуры принятия международных стандартов, результаты такой напряженной работы способствуют улучшению качества судебно-экспертной деятельности.

Осуществление процесса развития как бы повторяющего пройденные уже ступени, но на более высоком уровне, относительно криминалистики и судебной экспертизы возможно теперь посредством пересмотра принятых стандартов, в том числе и тех, о которых велась речь в данной статье. Такой механизм улучшения принятых стандартов предусмотрен в деятельности Международного комитета по стандартизации, по типовой процедуре каждый из них подлежит пересмотру по прошествии не более пяти лет действия.

В этой статье дано описание и показана роль современного инструмента, коим является стандарт, созданного в результате современного развития общества, и при помощи которого возможно движение совершенствованию, а следовательно и повышению качества судебно-экспертной деятельности.

Список литературы:

1. Смирнова С.А. Вызовы времени и экспертные технологии правоприменения / Мультимодальное издание «Судебная экспертиза: перезагрузка». Часть 2. М.: ЭКОМ, 2012. 456 с.
2. Смирнова С.А., Омелянюк Г.Г., Усов А.И., Бебешко Г.И. Специфика применения основных терминов и определений Международного стандарта ГОСТ ИСО/МЭК 17025-2009 к деятельности судебно-экспертных лабораторий // Теория и практика судебной экспертизы. М., 2012. №2 (26). С. 57-67.
3. Омелянюк Г.Г. О регламентах по проведению профессионального тестирования в судебно-экспертных учреждениях и оценке пригодности (валидации) методик в судебно-экспертной деятельности // Теория и практика судебной экспертизы. М., 2011. №1 (21). С. 46-52.
4. Аверьянова Т. В., Белкин Р. С., Корухов Ю. Г., Россинская Е. Р. Криминалистика: учебник для вузов. Под ред. Р. С. Белкина. - М.: Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА-ИНФРА • М) - 990 с.
5. Чеснокова Е.В. Соотношение терминов и определений международного стандарта ИСО 21043-1-2018 и терминологии отечественной судебной

экспертологии. Теория и практика судебной экспертизы. 2019. Т. 14. № 1. С. 44–49.

6. Интернетресурс: ThemysteryofthephantomofHeilbronn [Электронный ресурс]. URL: <https://www.iso.org/news/2016/07/Ref2094.html> (дата обращения: 15.08.2019).

7. Интернет ресурс: Международный стандарт ИСО 21043-1:2018. ISO 21043-1:2018. FORENSIC SCIENCES - PART 1: TERMS AND DEFINITIONS [Электронный ресурс]. URL: <https://www.iso.org/iso/foreword.html> (дата обращения: 15.08.2019).

УЧАСТИЕ ПРОКУРОРА В НАЗНАЧЕНИИ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Шмарев Артём Иванович,
доцент кафедры уголовного процесса и правоохранительной
деятельности ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный
университет», кандидат юридических наук;
Шмарева Татьяна Александровна,
доцент кафедры гражданского права
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»,
кандидат юридических наук, г. Ижевск, Россия

Полномочия назначить проведение судебной экспертизы законодатель в статье 195 УПК Российской Федерации предоставил в случае необходимости следователю, который выносит для этого постановление.

В случаях, когда требуется поместить подозреваемого, обвиняемого, не находящегося под стражей, в медицинскую организацию, оказывающую медицинскую помощь в стационарных условиях, или в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, для производства соответственно судебно-медицинской или судебно-психиатрической экспертизы следователь ходатайствует перед судом (часть 1 статьи 195 УПК Российской Федерации и пункт 3 части 2 статьи 29 УПК Российской Федерации).

По смыслу, заложенному в УПК Российской Федерации, полномочиями назначать проведение судебной экспертизы также обладает дознаватель (упоминания об этом есть в статье 41, пункте 3 части 3 и пункте 1 части 4 статьи 57, частях 1 и 3 статьи 144, части 4 статьи 223 и части 3 статьи 226.5 УПК Российской Федерации), начальник подразделения дознания, начальник органа дознания и руководитель следственного органа на основании статей 40.1, 40.2 и 39 УПК Российской Федерации соответственно (далее для краткости в тексте будет упоминаться: следователь или дознаватель).

В статье 196 УПК Российской Федерации предусмотрены обязательные случаи проведения судебной экспертизы, когда необходимо установить:

- 1) причины смерти;
- 2) характер и степень вреда, причинённого здоровью;
- 3) психическое или физическое состояние подозреваемого, обвиняемого, когда возникает сомнение в его вменяемости или способности самостоятельно защищать свои права и законные интересы в уголовном судопроизводстве;

3.1) психическое состояние подозреваемого, обвиняемого в совершении в возрасте старше восемнадцати лет преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, не достигшего возраста четырнадцати лет, для решения вопроса о наличии или об отсутствии у него расстройства сексуального предпочтения (педофилии);

3.2) психическое или физическое состояние подозреваемого, обвиняемого, когда имеются основания полагать, что он является больным наркоманией;

4) психическое или физическое состояние потерпевшего, когда возникает сомнение в его способности правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, и давать показания;

5) возраст подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, когда это имеет значение для уголовного дела, а документы, подтверждающие его возраст, отсутствуют или вызывают сомнение.

В части 1 статьи 144 УПК Российской Федерации речь идёт о праве дознавателя, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа при проверке сообщения о преступлении назначать судебную экспертизу, принимать участие в её производстве и получать заключение эксперта в разумный срок.

Анализ приведённых положений закона показал, что прокурор на досудебной стадии уголовного судопроизводства лишён полномочий назначать проведение какой-либо судебной экспертизы или выполнять какие-либо процессуальные действия, связанные с ней.

На практике возникают случаи, когда дознаватель или следователь в силу различных причин не видят необходимости на данной стадии назначать судебную экспертизу, например для определения характера и вреда, причинённого преступлением.

Отсутствие заключения эксперта в таких случаях влияет на законность, обоснованность и мотивированность принимаемых дознавателем или следователями процессуальных решений о возбуждении уголовного дела или об отказе в его возбуждении.

Прокурор, действуя в соответствии с частью 1 статьи 37 УПК Российской Федерации, осуществляет надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия, в ходе которого, в частности:

- проверяет исполнение требований федерального закона при приёме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях;

- даёт дознавателю письменные указания о производстве процессуальных действий;

- истребует и проверяет законность и обоснованность решений следователя или руководителя следственного органа об отказе в возбуждении и принимает по ним решение в соответствии с УПК Российской Федерации.

При проверке постановления дознавателя об отказе в возбуждении уголовного дела или о возбуждении уголовного дела прокурор, изучив материалы процессуальной проверки и признав, что для принятия этого решения необходимо наличие заключения эксперта, содержащее имеющие значение для уголовного дела, отменяет незаконное и необоснованное постановление дознавателя, направляет соответствующее постановление начальнику органа дознания со своими обязательными для исполнения указаниями, в том числе о проведении той или иной судебной экспертизы.

Обращаем внимание на присутствие усмотрения прокурора при отмене постановления дознавателя о возбуждении уголовного дела, поскольку в части 4 статьи 146 УПК Российской Федерации определено, что, если прокурор признает постановление о возбуждении уголовного дела незаконным или необоснованным, то он вправе отменить это постановление.

В тоже время, как указано в части 6 статьи 148 УПК Российской Федерации, прокурор, признав постановление дознавателя об отказе в возбуждении уголовного дела незаконным или необоснованным, отменяет его.

Иными словами, в этом случае, законодатель не предоставил прокурору усмотрения – отменять или не отменять постановление, а predetermined – если постановление незаконно, то прокурор однозначно должен его отменить.

Подобную модель прокурор может применить и по постановлениям следователя об отказе в возбуждении уголовного дела или о его возбуждении.

Как отмечалось ранее, при отмене решений дознавателя прокурор в своём постановлении может дать указание провести судебную экспертизу, а по подобным решениям следователя прокурор в своём постановлении об отмене излагает конкретные обстоятельства, подлежащие дополнительной проверке, в том числе может указать на установление обстоятельств экспертным путём, имея в виду проведение судебной экспертизы.

На судебной стадии производства по уголовному делу, прокурор, участвующий в качестве государственного обвинителя и являясь стороной обвинения, на основании части 1 статьи 283 УПК Российской Федерации ходатайствует перед судом о назначении судебной экспертизы, в том числе, и о повторной или дополнительной судебной экспертизы, если наличествуют противоречия между заключениями экспертов, которые невозможно преодолеть в судебном разбирательстве путём допроса экспертов (часть 4 статьи 283 УПК Российской Федерации).

ГАРМОНИЗАЦИЯ И УНИФИКАЦИЯ НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ В ГОСУДАРСТВЕННЫХ И НЕГОСУДАРСТВЕННЫХ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

Эпштейн Вадим Аркадьевич,
директор по развитию ЧЭУ «ГОРОДСКОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ»;
Калуцких Надежда Викторовна,
директор ЧЭУ «ГОРОДСКОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ», г. Москва, Россия

Роль судебных экспертиз с каждым годом значительно возрастает не только в раскрытии, расследовании и предупреждении преступлений в уголовном процессе, но и в гражданском и административном судопроизводстве. Судебная экспертиза стала комплексным и многоаспектным институтом, деятельность которого осуществляется экспертами с высоким уровнем квалификации.

Согласно ст. 41 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» и процессуальным кодексам РФ, кроме государственных судебных экспертов, судебные экспертизы могут проводиться и иным «лицами, обладающими специальными знаниями в области науки, техники, искусства или ремесла, но не являющимися государственными судебными экспертами» [1]. Направления негосударственной экспертной деятельности действующим законодательством Российской Федерации не ограничены и охватывают различные сферы жизни общества.

Объем потребностей судов, правоохранительных органов и частных лиц в проведении научно-обоснованных, компетентных судебных экспертизах таков, что даже двукратное увеличение штатной численности СЭУ Минюста России не позволило бы удовлетворить все заявки. В данном случае рассматриваются только СЭУ Минюста России, так как только они занимаются производством экспертиз во всех процессах – уголовном, гражданском, арбитражном, административном, и не связаны с органами дознания и следствия. Кроме того, негосударственные экспертные организации изначально более мобильны и могут оперативно отвечать на потребности в изучении новых объектов.

В связи с этим, крайне актуальны проблемы организации дополнительного профессионального образования и повышения квалификации судебных экспертов, разработки нового научно-методического обеспечения. Стандартизация и унификация научно-методического обеспечения экспертной деятельности – это основа реформирования современного института судебной экспертизы в Российской Федерации и неотъемлемая часть судебной реформы.

В соответствии со ст. 11 Федерального закона № 73-ФЗ судебные экспертизы должны проводиться на основе единого научно-методического под-

хода к экспертной практике [1]. Несмотря на то, что в действующей редакции закона это требование распространяется только на государственных экспертов, по мнению автора, целесообразно распространить его и на деятельность негосударственных экспертов.

Единый научно-методический подход в экспертной практике – по мнению авторов, обязательное условие получения объективных и научно обоснованных результатов.

К вопросу о необходимости приведения методического обеспечения экспертной деятельности к единообразию неоднократно обращались как в теории судебной экспертизы, так и на организационно-функциональном уровне. Об унификации и стандартизации экспертных методик писали ведущие ученые в области судебной экспертизы, криминалистики и процессуальных наук С.А. Смирнова [2], Г.Г. Омелянюк, А.И. Усов, Е.Р. Россинская, и многие другие, подчеркивая значение единого научно-методического обеспечения как для судопроизводства в целом, так и для нормального функционирования системы судебно-экспертных учреждений в Российской Федерации.

Сложившаяся на сегодняшний день ситуация в плане научно-методического обеспечения системы государственных и негосударственных судебно-экспертных учреждений далека от идеальной.

В процессе судопроизводства зачастую возникает необходимость экспертного исследования объектов, которые не охвачены перечнями родов (видов) экспертиз, проводимых государственными экспертными учреждениями. При назначении экспертизы какого-либо нового вида в государственном экспертном учреждении, как правило, следует отказ в ее производстве по причине отсутствия соответствующей научно разработанной экспертной методики. Однако, по мнению авторов, такой отказ совершенно не означает, что подобные вопросы не могут быть решены в рамках производства судебной экспертизы в негосударственных экспертных учреждениях.

В качестве примера можно рассмотреть следующую ситуацию.

Приказом Минюста России от 27.12.2012 № 237 утвержден Перечень родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, где одним из видов обозначена «Экспертиза электробытовой техники», включающая в себя исследование радиоэлектронных, электротехнических, электромеханических устройств бытового назначения. Однако на практике авторов довольно распространена экспертиза промышленного оборудования или электрических сетей. Представляется целесообразным рассмотреть вопрос об изменении наименования вида «Экспертиза электробытовой техники» на «Экспертиза электротехники», а также «Исследование радиоэлектронных, электротехнических, электромеханических устройств и сетей бытового и промышленного назначения» с одновременным внесением соответствующих изменений в Перечень экспертных специальностей.

Необходимая методика может быть разработана в результате совместной работы СЭУ Минюста России и негосударственных экспертных учрежде-

ний путем объединения теоретических основ, разработанных в судебно-экспертных учреждениях Минюста России и практических наработок негосударственных судебно-экспертных учреждения.

С проблемой унификации методического обеспечения столкнулись эксперты, проводящие судебно-оценочную экспертизу [3]. Данный вид экспертизы стремительно развивается в негосударственном экспертном секторе. В государственных экспертных учреждениях ситуация обстоит сложнее: ни в одном из них не закреплён такой вид экспертизы как оценочная (стоимостная). При этом проявления задач оценочной экспертизы наблюдаются в таких экспертизах, проводимых в экспертных учреждениях Минюста России, как автотехническая, строительно-техническая и товароведческая экспертизы. При этом возникает значительное число споров, связанных с применением в данных случаях Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» и Федерального закона от 29.07.1998 № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации».

По мнению авторов, в силу того, что оценщик не обладает знаниями в технической области, а является, по сути, экономистом, он не может объективно оценить техническое состояние исследуемого объекта и, соответственно, определить фактическую стоимость объекта. Особенно остро это проявляется в случаях, когда оценщику поручается определить стоимость поврежденного имущества и восстановительного ремонта.

В связи с изложенным, авторы поддерживают предложение о формировании самостоятельного вида судебной экспертизы «Стоимостная экспертиза». При этом отдельные положения могут и должны быть включены в программы обучения экспертов автотехников, товароведов, строителей (по аналогии с включением в программу подготовки экспертов по специальности 13.4 основ трасологии).

Как показывает анализ судебной практики, государственные судебно-экспертные учреждения, негосударственные экспертные организации и частные эксперты очень по-разному методически обеспечены и реализуют в связи с этим свои функции в судопроизводстве. Необходимо отметить, что эта проблема возникает, в том числе из-за отсутствия доступа негосударственных учреждений и частных экспертов к существующим экспертным методикам.

Во многом эта проблема является следствием «противостояния» государственных и негосударственных экспертов, которое, по мнению авторов, зачастую культивируется искусственно.

В научном, судебно-экспертном и юридическом сообществе продолжают активно обсуждать новеллы, предложенные в Проекте федерального закона № 306504-6 «О судебно-экспертной деятельности».

Согласно действующему законодательству определение уровня компетенции того или иного лица, выступающего в роли негосударственного эксперта, остается прерогативой следователя (дознателя) или суда.

В настоящее время деятельность негосударственных экспертов практически не ограничена и не лицензируется, а в результате отношение к ним со стороны лиц, назначивших судебную экспертизу и нуждающихся в экспертном исследовании, весьма неоднозначно. Довольно часто заключения таких экспертов отклоняются судьями и следователями из-за несоблюдения процессуальных форм.

Однако в ряде негосударственных экспертных учреждений исследования проводятся сотрудниками, ранее являвшимися штатными экспертами государственных экспертных учреждений, чаще всего МВД России и Министерства Юстиции РФ [4]. При этом при поддержании высокого уровня проводимых исследований, сроки проведения экспертиз в негосударственных экспертных учреждениях часто оказываются более короткими, чем в государственных. В тоже время встречаются случаи, когда в проведение экспертиз поручается не подготовленным специалистам. В связи с этим, на наш взгляд, эксперт (специалист) должен иметь не только диплом о высшем образовании, но и пройти стажировку у более опытных специалистов (например, в тех же государственных экспертных учреждениях) и получить некий допуск на право самостоятельного проведения экспертизы.

В законопроекте в целях приведения к единому уровню квалификации и подготовки судебных экспертов вводится механизм сертификации компетентности экспертов.

Представляется, что должна быть создана единая система подготовки специалистов на основании апробированных методик, а самое главное созданы критерии и единый центр прохождения аттестации уже имеющихся специалистов. В настоящее время существует только система добровольной сертификации. Необходимо отметить, что в настоящий момент зарегистрирован целый ряд систем добровольной сертификации компетентности негосударственных экспертов. Наиболее авторитетными и массовыми из них являются системы Минюста России и Палаты судебных экспертов имени Ю.Г. Корухова. Правда стоимость прохождения в Минюсте значительно выше, что вызывает сокращение числа лиц, прошедших сертификацию в этой системе. Однако, на сегодняшний день, указанные системы, в первую очередь Минюста, связаны лишь с сертификацией экспертов, уже осуществляющих производство экспертиз. К сожалению, система начальной подготовки экспертов отсутствует. Первым опытом стало обучение негосударственных экспертов в ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России по специальности 13.4. «Исследование транспортных средств в целях определения стоимости восстановительного ремонта и оценки». По мнению, авторов крайне необходимо расширять эту практику и распространить ее на другие экспертные специальности.

По мнению авторов, для объективности рассмотрения вопроса сертификации негосударственных экспертов и методик следует привлечь ведущих экспертов и ученых, не являющихся сотрудниками государственных экспертных учреждений.

Крайне важно, по мнению авторов, организовать указанные процессы так, чтобы они служили повышению качества судебных экспертиз и, как следствие, повышению качества отправления правосудия и сокращению сроков судопроизводства, а не явились лишь основанием для получения средств от негосударственных судебно-экспертных организаций.

Как отмечено ранее, в практической судебно-экспертной деятельности встречаются проблемы корректности применения экспертами методических материалов. Именно некорректное их использование приводит к наиболее существенным, а порой и принципиальным ошибкам. Сложившаяся ситуация создала предпосылки для динамичного развития такой формы деятельности как «рецензирование» заключения эксперта, выполняемое в процессуальной форме заключения специалиста. Также необходимо отметить, что с одной стороны данная форма не предусмотрена законодательством, но с другой стороны востребована участниками процесса. Заключение специалиста в настоящее время является единственным способом обратить внимание суда, следователя, дознавателя на ошибки или противоречия в заключении эксперта. Система валидации и сертификации методических материалов позволит сократить количество и степень экспертных ошибок посредством объективизации процедуры экспертного исследования.

Кроме того, для нормализации ситуации в рассматриваемом аспекте представляется необходимым, помимо введения обязательной сертификации судебно-экспертных методов, закрепить нормативными актами обязательность единого методического обеспечения всех экспертов, создать единый перечень апробированных, сертифицированных, рекомендованных в экспертной практике методов и методик со свободным к ним доступом всех заинтересованных лиц.

Считаем целесообразным наладить работу по проведению совместных научно-практических конференций, школ-семинаров, рассмотреть вопрос участия негосударственных экспертных организаций при разработке и апробации новых методик экспертного производства.

Отдельного внимания заслуживает работа по разработке нормативно-правовой базы деятельности негосударственных экспертных организаций. Ряд новелл, включенных в вынесенный на рассмотрение Государственной Думой Российской Федерации во втором чтении проект закона «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», требует, как минимум, тщательной проработки механизмов их реализации (например, требования к руководителю негосударственной экспертной организации, проведение сертификации компетентности негосударственных экспертов). Считаем, что обсуждение данных вопросов не может проводиться без участия представителей негосударственного экспертного сообщества.

Наша совместная задача сформировать цивилизованный, высококвалифицированный рынок судебной экспертизы, где не должно быть место «шарлатанам от экспертизы». Ведь нельзя не признать, государство пытается регулировать данную сферу деятельности потому, что наше сообщество самостоя-

тельно оказалось не в состоянии навести элементарный порядок, сформировать в нашем сообществе нетерпимость к подобной деятельности.

Список литературы :

1. Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ (ред. от 08.03.2015) «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс»
2. Смирнова С.А. Вызовы времени и экспертные технологии правоприменения. Ч. 1, М., 2012 656 с.
3. Прорвич В.А. Судебно-оценочная экспертиза. Правовые, организационные и научно-методические основы: учеб. Пособие / В.А. Прорвич. 2-е изд., перераб. И доп. М: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. 400с.
4. Эпштейн В.А., Калущких Н.В. Вопросы взаимодействия государственных и негосударственных экспертных организаций / Научное издание «Будущее российского права: концепты и социальные практики. V Московский юридический форум: материалы конференции: ч. 3. Москва: РГ-Пресс, 2018. с. 421-425.
5. Жижина М.В. К вопросу о методическом обеспечении экспертной деятельности // Вестник арбитражной практики. 2018. № 3. С. 57 - 64.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СОСТАВЛЕНИЯ СУБЪЕКТИВНЫХ ПОРТРЕТОВ И ИХ ПРОВЕРКИ ПО ЭКСПЕРТНО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОМУ УЧЕТУ

Юматов Сергей Васильевич

старший эксперт Экспертно-криминалистического отдела Управления
МВД России, г. Нижний Новгород, Россия

Распространение систем видеонаблюдения в общественных местах и на частных территориях предопределяет возможность получения практически по каждому преступлению информации о внешнем облике лиц, причастных к его совершению. Вместе с тем нередки случаи, когда сведения о признаках внешности возможно получить только от очевидцев. В таких случаях для визуализации мысленного образа, оставшегося в памяти потерпевшего или свидетеля, прибегают к составлению субъективных портретов. В большинстве случаев изготавливают с помощью компьютерной программы Oblik 1.5 фотокомпозиционные субъективные портреты. После составления субъективный портрет проверяется по экспертно-криминалистическому учету в целях установления серийности преступлений и розыска лиц, причастных к их совершению. При этом следует отметить, что вопрос о сопоставлении субъективных портретов недостаточно полно рассматривается в литературе. Несмотря на большую

практическую значимость проверок субъективных портретов по экспертно-криминалистическому учету, авторы в своих работах, как правило, ограничиваются только методикой их изготовления. Такой подход затрудняет развитие средств автоматизации экспертно-криминалистического учета, так как для их создания и развития должны быть четко определены закономерности сравнения субъективных портретов.

Проведение проверки субъективного портрета по экспертно-криминалистическому учету предполагает определение идентификационного комплекса признаков, по которому должно происходить отождествление. В нашем случае формирование идентификационного поля невозможно без анализа закономерностей отображения в сознании человека внешнего облика другого лица. С этой целью обратимся к трудам в области медицины, физиологии, психологии. При определении основополагающих закономерностей визуального восприятия внешнего облика мы отталкивались от работ лауреата Нобелевской премии по физиологии и медицине Дэвида Хьюбеля «Глаз, мозг, зрение» [1], профессора нейропсихологии Г.Р. Лэнгтона «Разумный глаз» [2], В.Е. Демидова «Как мы видим то, что видим» [3]. В рамках настоящей статьи мы не будем подробно их рассматривать, остановимся лишь на отдельных, основополагающих для нашего исследования моментах.

Для определения признаков внешности, которые наиболее достоверно запечатлеваются в сознании человека, обратимся к результатам опытов, проведенных А.Л. Ярбусом (в своей работе Дэвид Хьюбель основывается на этих результатах). Испытуемым предлагалось рассмотреть картину и в это время регистрировалось положение их глаз и, следовательно, направление взгляда (см. рис).

Рис. Опыт А.Л. Ярбуса: по фиксированию направления взгляда испытуемых.

В результате было установлено, что «при зрительном осмотре глаза перескакивают с одной интересной точки на другую» [1, с. 88]. Эти так называемые «интересные точки» и есть признаки внешности, которые запечатлеваются в сознании. При рассмотрении лица человек главным образом акцентирует внимание на глазах, губах, носе [3, с. 78]. При этом лицо человека воспринимается нами не по отдельным элементам, а в целом. То есть отдельные элементы внешности (или большинство) могут «дорисовываться» в сознании автоматически, исходя из прошлого опыта. Зрительный аппарат человека формирует обобщенные образы объектов [3, с. 54], что в последующем влияет на формирование внешности в сознании.

На восприятие оказывают воздействие познавательные установки и личные интересы. В сознании каждого человека формируется свой образ рассматриваемого объекта, кроме того, «очень часто мы видим что-то именно таким не потому, что оно такое, а потому, что мы знаем, каким оно должно быть» [3, 179]. Поэтому при сравнении субъективных портретов необходимо выяснить личные качества очевидца (возраст, образование, профессиональные навыки, состояние зрения и т.д.), а также условия, при которых он наблюдал разыскиваемое лицо. Однако определить влияние указанных факторов на достоверность признаков внешности непросто.

Выявленные закономерности восприятия внешнего облика человека определяют отправные точки, по которым должна строиться работа по изготовлению субъективных портретов и их проверке по соответствующему экспертно-криминалистическому учету. При этом, как справедливо отмечает А.М. Зинин, при актуализации мысленного образа не следует стремиться к подробной детализации изображения [4, с. 37]. Субъективный портрет должен быть ориентирован на типовое сходство, а также на характерные особенности внешности, которые индивидуализируют лицо. Как уже было отмечено выше, основной акцент необходимо делать на таких элементах внешности как глаза, нос, рот (форма, размер, положение, взаиморасположение), особые приметы. Вместе с тем, кроме указанных признаков, следует максимально подробно проанализировать общефизические, антропологические и сопутствующие признаки внешности. Анализ информационных карт на субъективные портреты, заполняемых в экспертно-криминалистических подразделениях МВД, показывает, что сопутствующие признаки во многих случаях отражаются неполно. Так, например, можно встретить следующее описание: «бейсболка темная, куртка серая, джинсы», «серая куртка, черная юбка, колготки», «светлая футболка, солнцезащитные очки». Кроме того, сама информационная карта не предусматривает подробного описания одежды разыскиваемого лица, что негативно сказывается на качестве проводимых проверок. То есть необходимо дополнить информационные карты на субъективный портрет развернутым описанием сопутствующих признаков внешности.

Теперь мы вплотную подходим к вопросу об автоматизации учета субъективных портретов. В настоящее время она осуществляется с помощью АИПС «Портрет-Поиск». При этом используемые в системе алгоритмы поис-

ка- антропометрический (по антропометрическим точкам и измерениям), частотный (по степени похожести структуры изображений), контурный (по схожести контуров элементов внешности) [5] не подходят для сопоставления субъективных портретов, потому что они не являются объективным отображением внешности. Поэтому сравнение субъективных портретов проходит в ручном режиме после выборки по определенным признакам. При действующей системе проверки по региональным учетам являются очень трудоемким процессом. В этой связи актуален вопрос о возможности полной автоматизации проверок по учету субъективных портретов. Для его решения целесообразно создать программу для изготовления субъективных портретов с встроенной автоматизированной базой данных. Алгоритм поиска должен основываться на кодировке субъективных портретов в зависимости от выбранного элемента внешности, а также словесного выражения признаков (способ совершения преступления, одежда и т.д.). При проверке субъективного портрета по экспертно-криминалистическому учету программа будет выдавать рекомендательный список исходя из выбранных признаков. Для этого необходимо сгруппировать элементы внешности по типовому сходству. Информационные карты будут заполняться в самой программе.

Таким образом, рассмотренные нами основные закономерности визуального восприятия внешнего облика человека позволяют сформулировать идентификационное поле признаков для сравнения субъективных портретов. Это в свою очередь является необходимой предпосылкой создания средств автоматизации экспертно-криминалистического учета.

Список литературы

1. Хьюбель Д. Глаз, мозг, зрение: Пер. с англ. М.: Мир, 1990. 239 с.
2. Грегори Р.Л. Разумный глаз: Пер. с англ. Изд. 2-е. М.:Едиториал УРСС, 2003. 240с.
3. Демидов В.Е. Как мы видим то, что видим. М.; Знание, 1979. 208 с.
4. Зинин А.М. Габитоскопия и портретная экспертиза: Курс лекций. М.: Московская академия МВД России, 2002. 157 с.
5. Щеголева Н.Л.Туяка А. К вопросу совершенствования современных габитоскопических регистрационно-поисковых систем // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России, 2013. № 3 (59).С. 223–231.

Подписано в печать 08.10.19. Формат 60х90/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Times.
Усл. п. л. 20. Тираж 150. Заказ 193981.
Отпечатано в точном соответствии
с предоставленных файлов
в ООО «Издательство «Белая река»
450078, г. Уфа, ул. Кирова, 109.